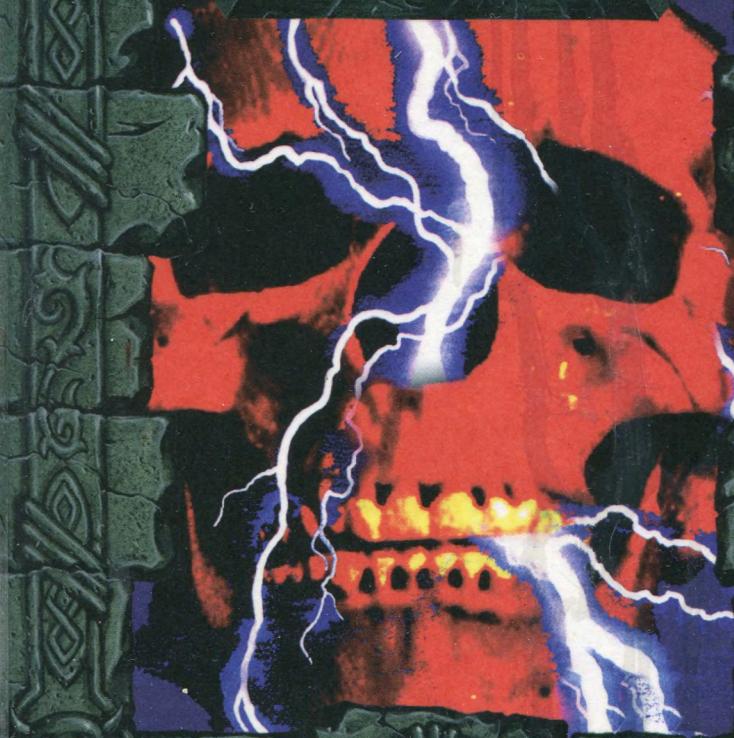
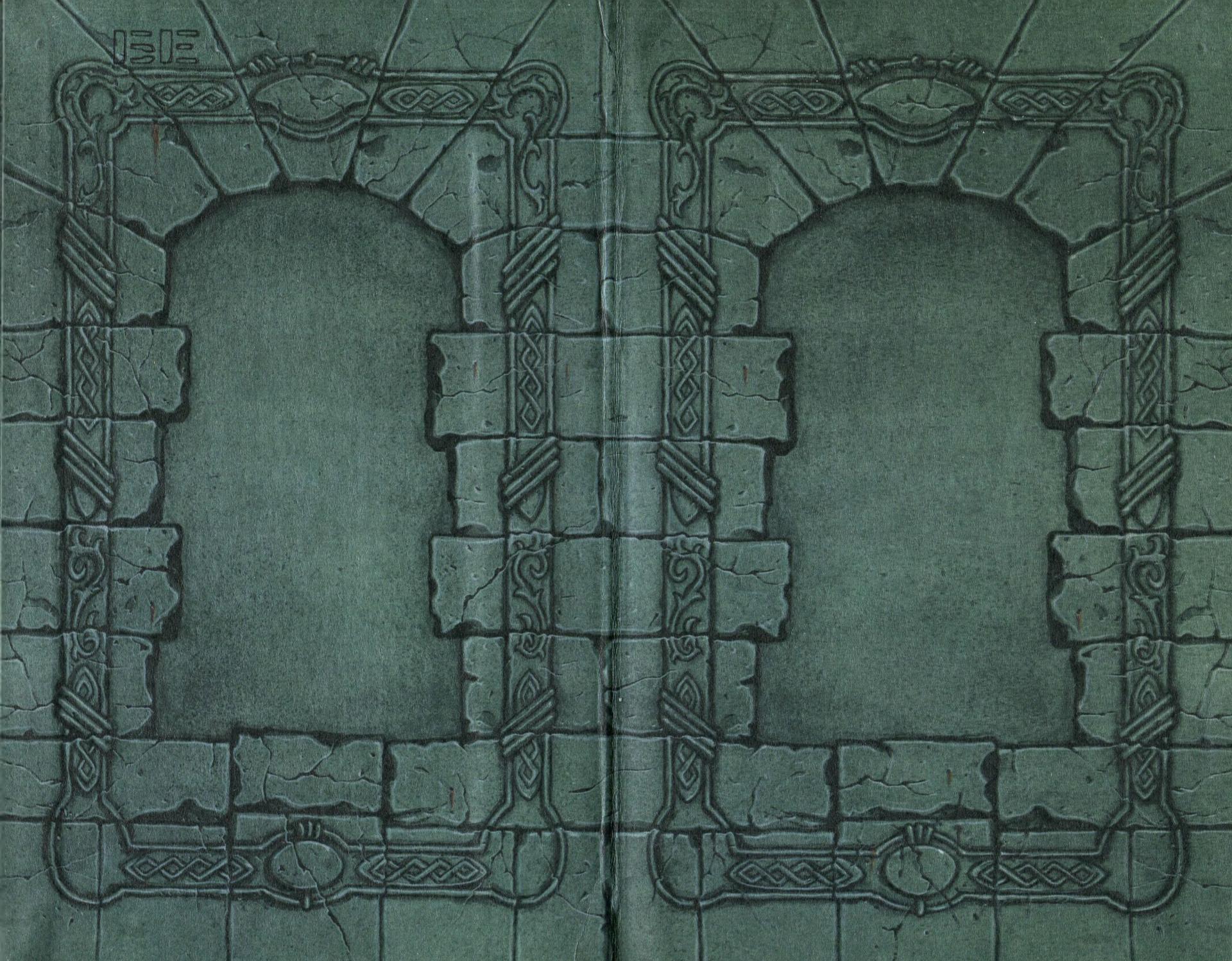

Джон Соул ■ Чёрная Молния

Джон
Соул
Чёрная Молния

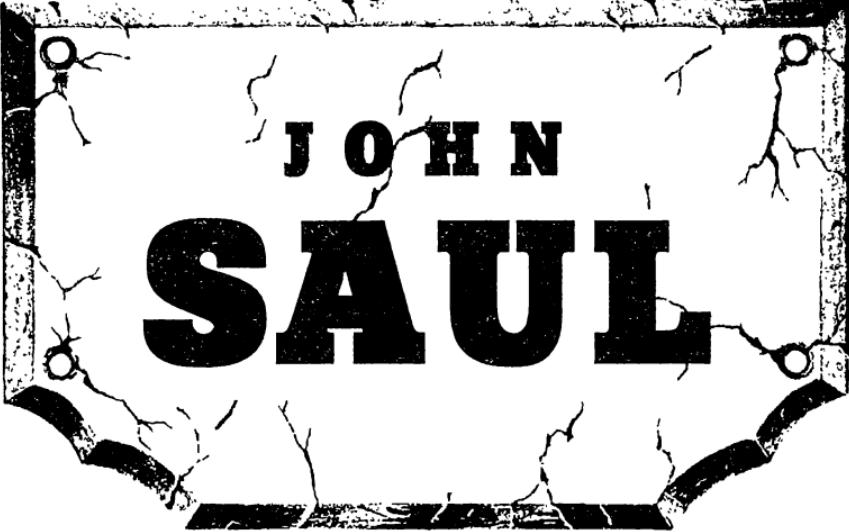

1513

Черная Молния

**JOHN
SAUL**

Black Lightning

FAWCETT COLUMBINE
NEW YORK

джон
СОУЛ

Черная молния

МОСКВА 1997

УДК 820(73)-31
ББК 84(7США)-44
С67

Серия основана в 1997 году

Дизайн серии *А. Мусина*
Художник *П. Ильин*
Перевод с английского *А. Кашина*

Издание осуществлено
при содействии литературного агентства
Andrew Nurnberg Associates Ltd.

Соул Джон

С67 Черная молния / Пер. с англ. — М.: Издательский Дом «Букмэн», 1997. — 384 с.

ISBN 5-7848-0064-7

Кровь стынет в жилах, сердце выскакивает от ужаса из груди... Пять лет подряд маньяк-убийца терроризирует Сиэтл, методически уничтожая одну жертву за другой.

На конец правосудие свершается, убийцу отправляют на электрический стул. Но вскоре город вновь потрясает бессмыслицное жестокое убийство...

ББК 84(7США)-44

ISBN 5-7848-0064-7

Copyright © 1995 by John Saul
© Издание на русском языке,
оформление, перевод,
Издательский Дом «Букмэн», 1997

Изключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат
Издательскому Дому «Букмэн». Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещено.

Пять лет назад

ЭКСПЕРИМЕНТ НОМЕР СОРOK СЕМЬ

Это было похоже на балет, в котором танцор хорошо знал каждое движение и выполнял его автоматически, не задумываясь о том, что будет делать в следующую минуту. Если бы его спросили, почему он остановил выбор именно на данной женщине, он не смог бы ответить. Дело было, конечно, не в ее возрасте. Он вовсе не стремился выбирать самых юных особ для своих опытов.

Пол также не имел для него абсолютно никакого значения. Среди его многочисленных объектов исследования насчитывалось примерно равное количество мужчин и женщин, но это было лишь статистической случайностью. Конечно, он прекрасно понимал, что его многочисленные и весьма опытные оппоненты все подсчитывают и самым внимательным образом изучают все нюансы его исследований, выдвигая самые невероятные интерпретации. На самом же деле он не имел никаких строгих критериев отбора участников эксперимента. В расчет не принимались ни расовые признаки, ни пол, ни возраст, ни даже сексуальные наклонности, да и сама процедура отбора его мало волновала. Одних он сам приглашал к участию в эксперименте, другие напрашивались по своей собственной инициативе, смело делая первый шаг.

Случилось так, что его нынешняя клиентка сама предложила себя в качестве объекта исследования, хотя он поначалу забраковал ее, поскольку она показалась ему подозрительно знакомой. Первое впечатление подсказало ему, что он уже где-то встречался с ней. Вообще говоря, знакомство с объектом было, пожалуй, единственным основанием для заключения о непригодности данного объекта. Он опасался того, что

может необъективно оценить результаты эксперимента, так как ранее сформировавшиеся по отношению к объекту чувства — неважно какие, положительные или отрицательные, — несомненно, могли воздействовать на его субъективное восприятие.

Впервые он увидел эту женщину пару недель назад, когда случайно забрел в небольшой магазин неподалеку от университета, чтобы выпить чашечку кофе. Она сидела одна за небольшим столиком у двери, развернув перед собой последний номер «Сиэтл Геральд». Он не обращал на нее внимания до тех пор, пока не взял себе чашку кофе и не уселся через несколько столиков от нее.

Сознавал ли он в тот момент, что она может стать участницей эксперимента? Вряд ли. Однако именно этот вопрос ему предстояло решить в течение ближайшего времени.

Она первая сделала шаг навстречу своей судьбе. Мило улыбнувшись, она подошла к его столику и спросила, можно ли подсесть к нему. Насколько он мог припомнить, она сказала что-то насчет законного места, принадлежащего каждому на этой планете, а он ответил ей весьма дружелюбной улыбкой, но все же отказал, сославшись на срочную работу. Она слегка обиделась и ушла прочь.

В течение следующих десяти минут он безуспешно пытался вспомнить, где он мог ее видеть и почему она показалась ему такой знакомой. Разгадка наступила совершенно неожиданно. Развернув перед собой свой номер «Сиэтл Геральд», местной газеты, он наткнулся на абзац в редакционной статье:

СКОЛЬКО ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ?

Полиция бездействует,
а Сиэтл тем временем погибает!

Прошла еще неделя, а группа особого назначения, созданная полицейским департаментом Сиэтла совместно с администрацией шерифа нашего округа и патрульной службы штата Вашингтон, ни на шаг не приблизилась к раскрытию целой серии жутких убийств, проис-

шедших на холмах водопада Каскадес за последние пять лет. Полиция уверена только в том, что все эти жертвы были убиты одним и тем же преступником, но к подобному выводу может прийти любой, кто хоть однажды видел эти изуродованные тела.

И все же, когда я разговаривала с некоторыми членами спецгруппы на этой недел...

Однако его внимание привлекла не сама статья, а фотография, которая ее сопровождала.

Энн Джессиферс.

Вот почему та женщина, с которой он разговаривал несколько минут назад, показалась ему знакомой — она была очень похожа на журналистку Энн Джессиферс. Несколько секунд он сидел неподвижно, уставившись на фотографию в газете.

Женщине, подходившей к нему, он дал бы чуть меньше сорока лет. Она была среднего роста, с такими же мягкими чертами лица, как у женщины на фотографии, да и волосы у нее были примерно такого же цвета, хотя Энн Джессиферс стриглась вроде бы чуть покороче.

Неужели он действительно только что разговаривал с Энн Джессиферс?

Он спокойно допил кофе, сложил газету и не спеша отправился по своим делам, но все последующие дни вел себя осторожно, стараясь выяснить, насколько обоснованы его подозрения. Встретив несколько дней спустя ту же женщину у входа в кафе, он уже точно знал, что перед ним не Энн Джессиферс.

Недолго думая, он двинулся следом за ней.

Она жила недалеко от университета в старом доме, выстроенным в испано-мавританском стиле. Жилье в этих домах ценилось очень высоко.

С того дня он прогуливался перед ее домом почти ежедневно. Несколько раз столкнувшись с нею на улице, он стал раскланиваться с ней, а потом и здороваться.

Так начался ритуальный танец — в течение нескольких недель они крутились друг возле друга, как бы присматриваясь к будущему партнеру. Это чем-то напоминало старомодное ухаживание, в наше время уже забытое. Постепенно он изу-

чили все ее привычки и строгий распорядок ее дня. Его нисколько не удивило то, что она — как, впрочем, и большинство нормальных людей — была обычно вполне предсказуема в своем поведении.

Сегодня, например, в воскресный день, насыщенный ласковым солнечным светом, она возьмет с собой коричневый пакет с едой и отправится в университет, чтобы во время обеденного перерыва расположиться на зеленой лужайке, съесть свой бутерброд и запить его чаем из термоса. А в университетской библиотеке она будет изо всех сил делать вид, что внимательно читает занудные книги, хотя на самом деле будет лишь решать для себя, кто из мужчин может оказаться ее очередной жертвой, причем она готова броситься на шею любому из них, кто удастся стрельнуть в нее случайным взглядом.

Сегодня именно он должен стать тем мужчинающей, который проявит к ней интерес.

Именно сегодня этот ритуальный танец должен найти свое логическое завершение.

Он оставил свою машину дома и отправился к университету на фургоне, который купил около четырех лет назад, когда только приступал к проведению опытов. На нем он часто совершал довольно длительные прогулки по окрестным горам, где иногда даже ловил рыбу в быстрых речушках. Добравшись до университета и припарковав фургон возле какого-то гаража, он захватил с собой обед в коричневом пакете, пару бутылок сверкавшей на солнце воды, поднялся по ступенькам на поросшую травой террасу и быстро отыскал глазами излюбленное местными студентками место.

Через полчаса она уже выпила половину его воды, а потом неожиданно нахмурилась и покачала головой.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался он с подчеркнуто озабоченным видом.

— Я... Я не знаю, — неуверенно протянула она. — Я вдруг почувствовала, что... — она помедлила, а потом решительно вскочила на ноги. — Я, пожалуй, пойду домой!

Мужчина медленно поднялся на ноги и стал торопливо собирать свои и ее вещи.

— Если хотите, я могу отвезти вас домой, — предложил он.

Женщина сперва попыталась отговорить его от этой затеи, но потом неожиданно для самой себя согласилась. Он видел, что она очень волнуется. У нее даже губы побелели, а лицо приобрело сероватый оттенок.

— Ну, если вам не трудно... — начала было она, но потом ее голос сорвался.

Она уцепилась за его руку, и они вместе направились к гаражу, где он оставил свой фургон. Как только они выехали на освещенную ярким солнцем улицу, она почувствовала себя плохо и вскоре потеряла сознание, распластавшись на металлическом полу фургона.

Он проехал два квартала, а потом свернул на Сорок пятую улицу, которая вела к федеральному шоссе № 5. Доехав до этого шоссе, он повернул на юг и помчался по направлению к Редмонду. Через некоторое время его фургон подъехал к подножию одной из гор и остановился.

Место было пустынным, мрачным и находилось вдали от оживленных дорог, однако он счел его самым удобным. Где-то неподалеку весело журчал ручей, поэтому мужчина вполне мог рассчитывать на удачную рыбалку после проведения эксперимента. Он вспомнил, что когда-то ужে останавливался на этом же месте и остался весьма доволен проделанной работой. Еще раз огляделвшись по сторонам, он окончательно убедился в том, что здесь им никто не помешает.

Теперь нужно было приготовить все необходимое для проведения эксперимента. Он начал с того, что разделся догола и аккуратно сложил свою одежду в ящик под сиденьем. Затем он натянул на руки хирургические перчатки из эластичной резины и достал из сумки белоснежную простыню, которую так же аккуратно расстелил на узенькой скамье в салоне фургона. Когда все было готово, он поднял лежавшее на полу неподвижное тело женщины и осторожно положил его на скамью. После этого он осмотрел внутренность фургона и, видимо, остался доволен осмотром. Он всегда уделял огромное внимание окружающей обстановке и всегда заботился о том, чтобы ничего не могло помешать проведению эксперимента.

Теперь уж действительно было все готово.

Раздев женщину догола, он долго смотрел на ее обнаженное тело и, казалось, удивлялся тому, что оно излучало теп-

ло, свидетельствовавшее о неугасшей жизни. Ее полная, хотя и не очень большая грудь высоко вздымалась, а дыхание было ровным и размеренным. Он приложил палец к ее шее и почувствовал ровное биение пульса.

Достав из-под сиденья свою дорожную сумку, он порылся в ней и вытащил оттуда полный набор хирургических инструментов, уже давно ставших для него привычными. Особую гордость у него вызывал тот из них, который был куплен по случаю совсем недавно. Он нажал на кнопку, и режущий диск инструмента начал быстро вращаться, издавая заунывный звук.

Мужчина наклонился над телом и приступил к работе.

Лезвие хирургической пилы новейшего образца легко вошло в ткань молодого тела и в считанные секунды вскрыло грудную полость. Отложив в сторону пилу, мужчина просунул обе руки в разрез и поднатужился, чтобы раздвинуть в стороны ребра. Затем он ловким движением перекрыл главную кровяную артерию специальным хирургическим зажимом, приобретенным им еще в самом начале его исследовательской деятельности.

Когда внутреннее кровотечение почти полностью остановилось, он снова просунул пальцы во вскрытую грудную полость. Вскоре он нашупал легкие. Они все еще напряженно работали, стараясь насытить кислородом бездыханное тело. Он улыбнулся и удовлетворенно кивнул. Его мастерство росло с каждым днем. Он так умело сделал разрез, что диафрагма осталась совершенно нетронутой. Его руки погрузились еще глубже в грудную полость, пока он наконец не почувствовал под своими пальцами трепетно бьющееся сердце. Он на мгновение замер, наслаждаясь равномерной и даже слегка монотонной работой этого главного источника жизни. Ему казалось, что в его руках сейчас находилось не просто человеческое сердце, а сама жизнь.

К сожалению, именно в этот момент дыхание женщины сделалось прерывистым и стало постепенно затихать. Но это был не конец эксперимента, а лишь его начало. Он крепко сжал руками сердце. Наступил самый волнующий момент эксперимента. Именно в этот момент время остановило свой безудержный ход, и он ощущал неземное блаженство бытия.

Когда через час он вылез из своего фургона, его руки были покрыты рыжими пятнами крови, а лицо слегка потемнело от усталости. В руках он держал окровавленный сверток, который лишь отдаленно напоминал по форме человеческое тело. Из свертка все время сочилась темно-красная жидкость, оставляя на его одежде омерзительные бурые пятна. Мужчина торопливо вошел в лесную чащу, пристально осмотрел все вокруг и небрежно положил сверток на сырую землю. В этом жесте уже не было той величавости и грациозности, которыми отмечались все его движения во время проведения эксперимента. Он выпрямился и с какой-то злостью посмотрел на то, что осталось от женщины, которую он почти не знал.

Все ее органы находились в ее теле, но, конечно, уже далеко не в том строгом порядке, который был предусмотрен самой природой. Он пребывал в дурном расположении духа и злился на прооперированную женщину. Эксперимент в который уже раз потерпел полную неудачу! Он так рассвирепел, что вырвал сердце этой бедняжки и швырнул его на пол. После этого он еще долго копался в ее бездыханием теле, тщетно пытаясь понять причину своего очередного провала.

Он снова посмотрел на останки женщины, подумав о том, что именно в этот самый момент она полностью открыта всему миру как в прямом, так и в переносном смысле. Решиительно тряхнув головой, он резко повернулся и пошел прочь, подальше от той, на которую всего лишь час назад возлагал столь большие надежды.

Выбравшись из лесной чащи, он подошел к небольшой речушке и радостно погрузился в ее прохладную воду, позволяя стремительному течению смыть все следы неудачного эксперимента. Вместе с кровью эта удивительно чистая горная вода унесла и остатки злости, накопившейся в его душе из-за очередной неудачи.

Слегка освежившись в горной реке, он спешно вернулся к своей передвижной лаборатории и быстро собрал куски ваты и пластика, спрятав их подальше от посторонних глаз. Вскоре салон его фургона по-прежнему сверкал чистотой и каким-то домашним уютом.

Покончив с уборкой, мужчина снова вернулся к речушке, еще раз искупался, вытерся насухо, оделся и сел за руль фур-

гона. Высказав на твердое покрытие шоссе, он остановился, вылез из машины, вернулся на то место, где только что стоял его фургон, сломал большую ветку с дерева и самым тщательным образом замел следы на земле. После этого он сунул ветку в тот же пластиковый мешок, в котором уже находились все остальные отходы его исследовательской деятельности. Набрав скорость, он посмотрел на часы и самодовольно ухмыльнулся. У него осталось еще много времени для того, чтобы остановиться у реки и немного порыбачить. А во время рыбалки можно будет спокойно обдумать следующий эксперимент.

Глава 1

Белый циферблат настенных часов резко выделялся на фоне зеленой стены. Десять часов утра. Через три часа наступит полдень. Великий полдень.

В слегка затуманенном сознании Энни Джейферс возникла картинка из старого фильма. Тогда тоже был великий полдень, когда решалась судьба человека. Она отчетливо вспомнила черно-белое изображение двух мужчин, стоявших друг перед другом на пыльной улице. Она, маленькая девочка, сидела в душном кинотеатре «Колизей» в Сиэтле и напряженно вглядывалась в до боли знакомое лицо Гэри Купера. На экране он выглядел даже более высоким, чем в действительности, и смотрел на своего противника сверху вниз...

Кто же был тогда его противником?

Она очень хорошо помнила тот эпизод, но образ противника напрочь вылетел из головы. Собственно говоря, удивляться этому не приходилось, так как с той поры прошло более тридцати лет. Тогда она была еще подростком и хорошо знала, что шериф непременно победит всех злодеев.

Да и сама проблема тогда выглядела совсем по-другому. Вопрос заключался не в том, заслуживает ли данный злодей смерти, а в том, кто именно приведет приговор в исполнение — сам он покончит с собой или Гэри Купер пристрелит его, как паршивого пса. Это была справедливость в своем самом чистом и безупречном виде. Все выглядело

ясным и понятным: хороший парень борется с жутким злодеем и в конечном итоге побеждает его. Даже узнать хорошего парня не составляло большого труда, так как он всегда был в белой шляпе.

А сегодня великий полдень обещал оказаться совершенно другим. Это уже было не кино, а реальная жизнь, и казни предстояло стать самой что ни на есть настоящей. Более того, власти штата Коннектикут объявили, что смертный приговор будет приведен в исполнение не в полночь, как это всегда делалось раньше, а в полдень. Вообще говоря, смертный приговор приводился в исполнение впервые за последние сорок лет, и власти, по-видимому, решили, что не стоит скрывать такой факт под покровом ночи. Да и Гэри Купера сегодня не ждали — будет лишь никому не известный человек, который простым поворотом рубильника пошлет ток к электрическому стулу. Так превратится жизнь человека, которого Энн Джейферс знала уже много лет.

Энн вздрогнула и тут же устыдилась собственной слабости. В ее сорок два года, после почти двадцатилетней работы в газете «Сиэтл Геральд», где она освещала самые невероятные события — от квартирных пожаров до эпидемии СПИДа, — казалось, уже ничто не могло заставить ее вздрогнуть. Она много раз видела смерть в самых разнообразных ее проявлениях. Даже ее родная мать умерла пять лет назад буквально у нее на руках. Мать долго страдала от рака и в свою последнюю минуту крепко пожала руку дочери, молча прощаясь с ней. В ту минуту Энн не содрогнулась от страха, так как уже давно была готова к подобному исходу. Откровенно говоря, Энн даже обрадовалась тому, что страдания ее матери закончились.

Мать была далеко не единственным человеком, последнюю минуту жизни которого довелось наблюдать Энн. Она провожала в последний путь своих близких друзей, заразившихся вирусом СПИДа, стояла у изголовья жертв бандитских разборок, неоднократно присутствовала при расследовании автомобильных катастроф и так далее, и тому подобное. А однажды она собственноручно вытащила из покореженной машины бездыханное тело десятилетнего мальчика и не отходила от него ни на шаг, дожидаясь приезда машины «скорой помощи» и проклиная неполово-

ротливость медицинских служб. Тогда ее тоже окружала толпа зевак, мешавших работать. Вот и сейчас они собрались на улице, дабы лично убедиться в том, что справедливость восторжествовала.

Торжество справедливости или торжество Энн Джейферс?

Не этот ли вопрос вызвал у нее дрожь?

Она вдруг ощутила острую потребность проанализировать нахлынувшие на нее чувства и тут же вышла из зала, где собралось около пятидесяти журналистов, допущенных в здание тюрьмы для освещения всех подробностей предстоящей казни Ричарда Крэйвена. Рядом с этим залом находился единственный туалет, которым пользовались как мужчины, так и женщины. Она заперла за собой дверь и пристально посмотрела на свое отражение в зеркале, прикрепленном болтами к стене над грязной раковиной.

К счастью, никаких признаков беспокойства она на своем лице не обнаружила. Ее темно-карие глаза по-прежнему оставались сдержанными, холодными, не выражавшими практически никаких эмоций, да и овал лица был искажен лишь кривизной самого зеркала. Энн Джейферс почувствовала легкое раздражение и быстро отвернулась от зеркала. Что она, собственно, ожидала там увидеть? Борьбу противоречивых чувств, отражающуюся на ее лбу? Чушь собачья! Вся беда в том, что она прекрасно знала, почему ее охватила дрожь за три часа до казни Ричарда Крэйвена. Впервые за всю свою сознательную жизнь она почувствовала себя ответственной за гибель человека. Разумеется, не полностью ответственной, но все же.

— Неправда! — громко воскликнула она и с ужасом услышала в пустом помещении многоголосое эхо: «Правда, правда!»

Она потерла пальцами виски. Нет-нет, не из-за нее оказался на электрическом стуле Ричард Крэйвен. Его казнят только за его чудовищные преступления, которым нет и не может быть оправдания. Он должен понести наказание за свои страшные грехи — настолько страшные, что за них его можно казнить не один раз, а десять. Ведь до сих пор никто не может в точности сказать, сколько же невинных людей погубил этот мерзавец, разъезжая по всей стра-

не в поисках так называемых «объектов» для своих гнусных «исследований». Правда, сам он до последней минуты отрицал свою причастность ко всем этим преступлениям, но улики оказались слишком убедительными. К тому же практически все психопаты уверены в том, что не сделали ничего плохого.

Энн Джейферс не сомневалась в своей правоте. Помимо тех трех человек, которых Крейвен убил здесь, в Коннектикуте, за что его, собственно говоря, и приговорили к смертной казни, было множество других жертв в других штатах. Его безумная деятельность протекала на огромном пространстве от его родного Сиэтла на севере до Сан-Франциско и Лос-Анджелеса на юге и до Атланты на востоке. Иногда Энн казалось, что в этой стране не осталось ни одного крупного города, над которым не появлялась бы зловещая тень Ричарда Крейвена. Даже сейчас список его преступлений нельзя было считать окончательно закрытым — с каждым днем появлялись все новые доказательства его бесчисленных злодействий и новые имена его жертв.

Но самое ужасное заключалось в том, что, несмотря на все его тяжкие преступления, все еще находились люди, пытавшиеся защищать его. Такие типы встречались даже среди ее коллег-журналистов. Одни говорят, что представленных доказательств недостаточно для вынесения столь сурового приговора, другие настаивают на том, чтобы сохранить Крейвенну жизнь и подвергнуть его тщательному психиатрическому обследованию, а третьи требуют отменить смертную казнь.

Энн Джейферс всегда оперативно реагировала на подобные выступления, не оставляя камня на камне от аргументации защитников убийцы. В конце концов ее мнение стало преобладающим, и это, несомненно, сказалось на поведении присяжных. Ричард Крейвен должен был умереть на электрическом стуле сегодня в полдень.

После его ареста прошло уже около двух лет. Все его апелляции и просьбы о помиловании были отклонены, а попытки добиться проведения еще одного судебного разбирательства были признаны необоснованными. Это успокоило другие штаты, которые тоже выдвинули аналогичные обвинения в адрес Крейвена. Но за это вре-

мя Ричард Крэйвен стал знаменитым человеком, а голоса в его защиту сделались еще более громкими и настойчивыми.

Даже здесь, в этом душном помещении, Энн отчетливо слышала громкие выкрики собравшихся на улице людей. Неужели они действительно надеются на то, что человек, убивший десятилетнюю девочку и расчленивший ее истерзанное хирургическим скальпелем тело, может быть помилован? Как вообще можно настаивать на невиновности этого изверга, если суду представлены самые что ни на есть неопровергимые доказательства его вины — доказательства, которые Энн Джейферс анализировала и со-поставляла в течение нескольких последних лет? Она изучила это дело до мельчайших подробностей и написала о нем массу статей. И Крэйвен еще смеет утверждать, что все эти улики сфальсифицированы, состряпаны недобросовестными следователями с единственной целью — обвинить его в преступлениях, которых он якобы не совершал.

Дело, конечно, не в том, что Крэйвен всячески пытается доказать, будто против него был составлен заговор правительства почти дюжины штатов с целью свалить на одного все нераскрытое преступления. Энн была неплохо знакома с параноидальным типом мышления и прекрасно понимала его логику. Беда заключалась в другом — Крэйвенну удалось убедить некоторых людей в том, что расследование велось неправильно, а следовательно, он не заслуживает смертной казни.

Нет, он виновен. В этом не может быть никаких сомнений. Энн Джейферс еще раз посмотрела на свое отражение в зеркале. Ричард Крэйвен был арестован, осужден и сегодня в полдень должен умереть. Судья, который вел это дело, и члены апелляционной комиссии оказались достаточно мудрыми людьми, решив вынести этот приговор и сохранив его в силе до сегодняшнего дня.

Она, Энн Джейферс, будет спокойно наблюдать за казнью и не содрогнется, когда ручка рубильника опустится вниз. Но почему же в таком случае слезятся глаза и так сильно болит голова? Она оторвала кусок туалетной бумаги и слегка промокнула глаза, опасаясь, что тушь может расползтись по всему лицу.

В это время за дверью послышались голоса, среди которых отчетливо выделялся хриплый бас помощника начальника тюрьмы:

— Миссис Джейферс? Вы здесь? Он хочет видеть вас.

Энн смяла туалетную бумагу, бросила ее в корзину,правила волосы, последний раз взглянула на себя в зеркало и решительно открыла дверь.

— Кто? Начальник тюрьмы? Зачем я ему понадобилась?

Помощник начальника слегка замялся, смущенно посмотрел на Энн, а потом сокрушенно покачал головой.

— Нет-нет, вас хочет видеть не мистер Растин, а Ричард Крэйвен. Он внес вас в список тех людей, с которыми хотел бы побеседовать сегодня утром.

Энн почувствовала ноющую боль в желудке. Почему он, черт возьми, решил поговорить с ней? Зачем? Что он может сказать кроме того, что уже сказал во время многочисленных интервью? Ведь она провела в его камере много часов, тщетно пытаясь выяснить мотивы его поведения. Может быть, нездолго до казни он решил признать свою вину и исповедаться перед ней? Как бы то ни было, она должна выслушать его, ведь это его последнее желание в конце концов.

— Ладно, — твердо сказала она помощнику начальника тюрьмы, который все это время плелся за ней по пятам. — Прямо сейчас?

Тот пожал плечами:

— Не знаю, мне велели привести вас в офис. Мистер Растин сказал, что вы можете подождать его там.

Энн Джейферс задумалась и посмотрела на своих коллег, которые уже приготовились терзать ее своими вопросами относительно Ричарда Крэйвена и предстоящей казни.

— Нет-нет, никаких вопросов, — решительно сказала она и направилась к двери. — Я только выслушаю его и не буду ни о чем его спрашивать. Обещаю вам: я расскажу обо всем, что там произойдет. Мне хочется, чтобы вся эта история побыстрее закончилась.

— Да ладно тебе, Энн, будь другом...

Но она уже вышла из зала и закрыла за собой дверь. Ее шаги гулко разносился по длинному коридору. Она шла медленно, стараясь как можно лучше подготовиться к своей последней встрече с Ричардом Крэйвеном.

Глава 2

А в это время в противоположном конце страны Гленн Джейферс, муж Энн, решил еще минут пять повалиться в постели, вместо того чтобы отправиться на свою обычную утреннюю пробежку. Погода в Сиэтле стояла отвратительная. Он всегда ненавидел этот мерзкий дождик, обещавший моросить весь день, а сегодня в особенности, так как Гленну предстояло провести на открытом воздухе несколько часов.

Он вспомнил вывеску, которая совсем недавно появилась на строительной площадке, где возводился уникальный небоскреб — его детище, главный предмет его профессиональной гордости: «Архитекторы Джейферс и Клейн». На вывеске не значилось никаких фамилий партнеров, никаких названий фирм — только две фамилии людей, разработавших оригинальный проект. Это будет весьма впечатляющее здание высотой в сорок пять этажей, которое займет господствующее положение среди всех других построек города. Но больше всего Гленну нравилась идея создания на крыше этого небоскреба небольшого летнего сада, откуда можно будет созерцать величественную панораму Сиэтла. Мощные лифты с прозрачными стенками в мгновение ока поднимут туда любого, кто захочет полюбоваться чудесным видом города и его окрестностей. Каркас дома был почти готов, а само здание местные жители уже стали называть «Зданием Джейферса», что доставляло Гленну особое удовольствие. Не каждому архитектору удается увековечить свое имя в названии того здания, которое он построил. Обычно название домудается по фамилии его первого арендатора.

Гленн лежал в постели, наслаждаясь приятным чувством собственного благополучия, и даже мерзкий дождик не мог испортить ему настроение. Они жили в старом доме, который купили почти двадцать лет назад, сразу же после свадьбы. Дом был намного больше, чем им требовалось, и к тому же находился в ужасном состоянии. Но Гленну все-таки удалось уговорить Энн, и они выложили за эту развалюху сорок тысяч долларов. После нескольких лет напряженного труда дом превратился в настоящий

дворец, за который сегодня могли дать более миллиона, тем более что он находился почти в самом центре города, неподалеку от парка Волонтеров.

Пока супруги усердно работали над ремонтом дома, у них как-то незаметно появились дети: старшая дочь Хэдер, родившаяся пятнадцать лет назад, а через пять лет после нее родился долгожданный наследник по имени Кевин. Гленн и Энн основательно влюбились в свой дом и теперь даже думать не могли о том, чтобы переехать в какое-нибудь другое место. Вскоре после рождения Кевина в доме появились и другие живые существа — сперва замечательная кошка Кумкват, а затем очаровательная собачонка Бутс и великолепный ярко-зеленый попугай по имени Гектор.

Когда на первом этаже послышался громкий звук телевизора, Гленн догадался, что Кевин уже проснулся и добрался до пульта дистанционного управления. Гленн неохотно слез с кровати, отшвырнул в сторону покрывало, быстро оделся и спустился вниз.

Дети сидели перед телевизором и напряженно слушали репортаж из Коннектикута, где сегодня должна была состояться казнь некоего Ричарда Крэйвена.

— Неужели вы еще не насмотрелись всей этой дряни? — недовольно проворчал Гленн, вспомнив, что вчера ему пришлось применить силу, чтобы вырубить телевизор и отправить детей спать.

— Может быть, маму покажут, — сказал Кевин, используя самый сильный аргумент, которого папа просто не мог оспорить. Во всяком случае, раньше он всегда выручал его.

— Может быть, и показали бы, если бы это был местный канал, — резонно заметил Гленн. — Но вряд ли наша мама настолько популярна, что ее будут показывать по Си-Эн-Эн. Послушайте, ребята, почему бы вам не вырубить этот идиотский ящик и не приготовить себе завтрак?

— Ничего идиотского, папа, в этом нет, — упрямо возразила Хэдер, бросив на отца укоризненный взгляд. — Здесь показывают митинг протеста против казни Крэйвена. Не понимаю, почему ты не пускаешь меня на такие мероприятия. Я не верю в целесообразность смертной казни и потому я должна быть среди участников митинга.

Гленн решил, что совершенно бесполезно сейчас спорить с дочерью, тем более что ни он, ни Энн не разделяли

ее взглядов на данный предмет. Иногда ему хотелось, чтобы она больше увлекалась музыкой или театром, чем этими бесполезными митингами, но сейчас уже ничего нельзя было поделать. Гленн вместе с Энн долго и настойчиво воспитывали в дочери чувство социальной ответственности и общественной активности. Но теперь ему оставалось лишь смириться с неизбежными издержками подобной педагогики. Откровенно говоря, он тоже не верил в эффективность смертной казни, за исключением, может быть, пары случаев. Так, например, он полностью поддержал казнь Теда Банди, так как был абсолютно уверен в том, что этот мерзавец продолжал бы убивать людей, если бы его отпустили на свободу.

Ричард Крэйвен тоже вполне заслужил смертную казнь. Этот подонок в течение многих лет терроризировал все население Сиэтла, наводя ужас даже на видавших виды журналистов и полицейских. Такие люди должны кончать жизнь на электрическом стуле, а не на больничной койке. К счастью, сегодня в полдень штат Коннектикут избавит страну от этого жуткого злодея, поступив с ним так, как в свое время Флорида поступила с Тедом Банди. Провожая жену в Коннектикут, Гленн догадался, что она будет работать над завершающим репортажем с места события. Однако Хэдер была еще слишком юной и неопытной, чтобы так легко отказаться от своих социальных идеалов.

— Ну ладно, — согласился Гленн и тяжело вздохнул. — Только сделайте мне одно одолжение: сварите кофе и выпейте по стакану апельсинового сока. Договорились? Я вернусь через полчаса.

Как только он вышел за дверь, дети тут же забыли о его просьбе и снова уставились в экран телевизора. Гленн тем временем медленно шел к парку, думая о том, что сегодня у него будет трудный день. Во-первых, надо как-то уговорить детей пойти в школу, а не сидеть весь день перед телевизором в надежде увидеть маму. Конечно, они увидят ее, если останутся дома до обеда. Еще вчера объявили, что после казни будет показано интервью с «напористой журналисткой Энн Джейферс из „Сиэтл Геральд“». А во-вторых, надо как можно быстрее закончить инспекторский осмотр строительства небоскреба, чтобы пораньше вернуться домой и самому послушать интервью с Энн.

Через полтора часа он уже был на строительной площадке. Предстоявший осмотр заставлял его мучительно волноваться. От хорошего настроения, которое было у него утром, не осталось и следа. Посмотрев на верхние этажи высоченного здания, Гленн почувствовал, что внутри у него что-то ёкнуло и образовалась омерзительная пустота. Его состояние не походило на обычное волнение. Это было что-то другое, какой-то животный страх перед чудовищем-небоскребом. Страх сковывал сознание Гленна и порождал невыносимую душевную боль, настолько острую, что весь его лоб покрылся густой испариной. А если это какая-то форма помешательства?

Нет, не может быть! Ведь еще утром он чувствовал себя превосходно. С этой мыслью Гленн решительно вошел на площадку первого этажа, где его уже ожидали другие участники инспекторской проверки. Они поднялись на пятый этаж на строительном лифте и внимательно осмотрели состояние работ.

— Не могли бы вы позаботиться о предупреждающих знаках и вывесках? — сделал Гленн замечание руководителю строительства, когда подошел к краю площадки и осторожно посмотрел вниз. От такой высоты у него закружилась голова и даже ноги слегка подкосились.

— Да, Гленн, мы непременно это сделаем, — сразу же согласился с ним Джим Доувер и пристально посмотрел на него. — С тобой все нормально, Гленн? Ты неважно выглядишь.

— Нет-нет, все нормально, — поспешил успокоить его Гленн, хотя сам вовсе так не думал. Только на двадцатом этаже он понял, что с ним происходит.

Акрофобия^{*}! Но почему? С чего она вдруг у него появилась? Раньше у него никогда не было никаких проблем с высотой! Он сотни раз взмывал на скоростном лифте с прозрачными стенками и даже испытывал некоторое удовольствие, когда земля уходила у него из-под ног. Но сегодня с ним творилось что-то неладное. Он с большим трудом входил в лифт после каждого осмотра и никак не мог избавиться от мерзкого страха, парализующего волю. Конечно, он всячески убеждал себя в том, что все пройдет,

* Акрофобия (греч. akros — самый высокий + греч. phobos — страх) — боязнь высоты.

что ничего страшного в этом нет. Он поднимется на самый верхний этаж, дабы распить там бутылку шампанского, которую загодя припас Алан Клайн ради такого случая.

— Посмотрите вниз! — воскликнул Джордж Симмонс. — Какой вид!

Гленн отвернулся в сторону и прикрыл лицо рукой. Ему даже думать не хотелось о том, что он может увидеть с высоты двадцать второго этажа.

— С тобой точно все в порядке? — озабоченно спросил Алан, когда лифт остановился и все вышли на площадку.

— А ты уверен, что все эти деревянные перила и ограждения достаточно надежны? — в свою очередь спросил Гленн, осторожно продвигаясь по площадке.

Доувер снисходительно ухмыльнулся. Это был один из наиболее опытных строителей в Сиэтле. Внешне он походил на огромного медведя.

— Они в прекрасном состоянии, — шутливо сказал Доувер и тут же добавил: — Пока на них не становишься.

Затем он посмотрел на Гленна.

— По-моему, ты болен, Гленн.

— Мне казалось, что это обыкновенная простуда, — заметил тот, — но сейчас я вижу, что это не так. Это другое.

Гленн выдавил из себя улыбку, которая больше походила на гримасу.

— Архитектор высотного здания, страдающий акрофобией, — это все равно что моряк, боящийся воды.

— Может быть, тебе стоит спуститься вниз? — предложил Доувер. — Мы с Аланом можем сами закончить осмотр.

— Нет, все будет нормально, — успокоил их Гленн и решительно направился к краю площадки. Не дойдя до него метров двух, он почувствовал, что его охватывает неописуемый ужас перед открывшимся пространством.

— Это еще ничего, — прокомментировал Доувер. — Вот с верхнего этажа и впрямь изумительный вид. Это будет самый лучший вид города и окрестностей. Конечно, это не «Коламбия Сентер», но все же обзор отсюда открывается прекрасный. Ну ладно, пошли, пора заканчивать это дело.

* «Коламбия Сентер» — два 110-этажных небоскреба Центра международной торговли в Нью-Йорке. Считаются самыми высокими небоскребами в мире.

Они направились к противоположной стороне площадки. Гленн поспешил за ними, но вдруг остановился, чувствуя, что ноги слабеют, а перед глазами вертятся темные круги. Он ухватился обеими руками за поручни лифта и сделал несколько глубоких вдохов. Это не помогло. Ощущение панического страха не покидало его ни на минуту. Этим недугом, казалось, были поражены все клетки его организма, все поры его души.

Через несколько минут его коллеги закончили осмотр этажа и вернулись к лифту. Алан Клайн обеспокоенно посмотрел на своего партнера.

— С тобой творится черт знает что, Гленн, — тихо произнес он, заметив животный страх в глазах друга. — Это же обыкновенное здание. Что тебя так испугало?

— Дело вовсе не в здании, Алан. Это моя проклятая фобия. Я ничего не могу с собой поделать. Мне становится легче только тогда, когда вы окружаете меня со всех сторон.

Они вошли в лифт и нажали кнопку верхнего этажа. Гленна снова охватил панический ужас. Лоб его покрылся крупными каплями пота. Он закрыл глаза, и вдруг ему показалось, будто его грудь сдавливают огромные металлические обручи. Они сжимались все сильнее и сильнее, не оставляя ему никакой возможности дышать. Сердце стало бешено колотиться в груди, словно пытаясь разорвать обручи вместе с грудной клеткой и вырваться наружу.

Глава 3

Здание, в котором Ричард Крэйвен провел последние два года, представляло собой бетонную коробку прямоугольной формы, внутри которой находился небольшой дворик для прогулок. Угрюмую монотонность облика этого серого здания нарушали лишь несколько рядов узких окон, которые допускали в камеры дневной свет, но вместе с тем не позволяли заключенным видеть что-либо, кроме потемневших от времени тюремных стен.

Что же касается самих камер, то они словно специально были задуманы для того, чтобы наводить на своих постояльцев смертельную тоску. Их внутреннее убожество не

уступало убожеству внешнего вида тюрьмы. Каждая камера — а их было двенадцать — походила на каменный мешок размером десять футов на десять и отделялась от соседних тонким металлическим листом, который позволял заключенным переговариваться друг с другом, но не давал никакой возможности видеть соседа. В каждой из камер находились металлическая койка, стул, стол, унитаз и раковина.

Камера Ричарда Крэйвена отличалась от всех остальных одним-единственным свойством — она была обитаемой. Остальные одиннадцать камер уже давно пустовали, так как власти Коннектикута не применяли смертную казнь около сорока лет. Собственно говоря, арест Крэйвена спас это здание от запланированного сноса по причине ненадобности. Когда начальник тюрьмы Вендел Растин узнал о том, что в его заведении скоро появится отпетый преступник, он лично проверил все камеры и даже провел в одной из них целую ночь, — он хотел убедиться в ее пригодности для содержания преступника.

Что же до жильца этой камеры, то он вел себя спокойно, никогда ничего не требовал и не жаловался на плохие условия содержания. Может быть, ему и случалось испытывать животный страх перед близящейся смертью, но он не выказывал этого страха. Он переносил все тяготы тюремной жизни так же стойко, как и сам судебный процесс. «Они могут казнить меня, — часто повторял он, — но не могут наказать, так как невозможно наказать невинного человека».

В день своей казни Ричард Крэйвен, как обычно, сидел в камере с совершенно невозмутимым выражением лица и держал на коленях томик стихов английских поэтов XIX века. Стороннему наблюдателю показалось бы, что этот день для него ничем не отличается от множества других тоскливых дней. Когда в дальнем конце коридора громко лязгнул засов металлической двери, Крэйвен оторвался от книги и посмотрел на дверь камеры. Его красивое лицо оставалось непроницаемым, чем-то похожим на окружавший его со всех сторон серый камень. Он терпеливо ждал появления посетителя.

Увидев на пороге Энн Джейферс, он отложил в сторону книгу, встал со стула и подошел к ней поближе. Энн

Джефферс бросила взгляд на его руки. Они были белыми, сильными, хотя и довольно изящными. Энн неожиданно представила себе, как эти тонкие пальцы разрывают человеческую плоть и пробираются к сердцу, и ей стало страшно.

Взяв себя в руки, она набралась смелости и посмотрела ему прямо в глаза. Крэйвену уже давно перевалило за сорок, но внешне он выглядел лет на тридцать, не больше. У него были мягкие чувственные губы, волевой подбородок, прямой нос и широко расставленные глаза, которыми могла бы гордиться любая кинозвезда. Когда-то этот красивый овал лица завершался густой копией черных волос, которые делали Крэйвена похожим на молодого Байрона, но сейчас узник был острижен наголо.

— Вам не кажется, что если бы я совершил все те преступления, в которых меня обвиняют, то к этому времени на моем лице уже успела бы проявиться печать порока? Вам не приходило в голову, что одно осознание всей тяжести приписываемых мне преступлений должно было бы изменить меня самым необратимым образом?

Даже голос его остался тем же самым — мягким и убедительным.

— А вы когда-нибудь слышали о Дориане Грее? — не возмущено парировала Энн.

Губы Крэйвена плотно сжались, но глаза остались совершенно спокойными; такими же, как и четыре года назад, когда его арестовали в Бриджпорте.

— Не могли бы вы быть чуточку милосерднее? — тихо спросил он. — Ведь именно вы убедили всех в том, что меня следует казнить.

Энн решительно покачала головой:

— Нет, я не была в числе присяжных и тем более в числе судей. Я даже не могу похвастаться тем, что являлась свидетельницей всех ваших преступлений.

Ричард Крэйвен улыбнулся той самой улыбкой, которая многих людей убедила в его невиновности.

— Почему же вы так уверены в том, что именно я совершил все эти преступления?

— Доказательства, — резко отчеканила Энн и посмотрела в дальний конец коридора, где находился охранник. Успеет ли он быстро открыть дверь и оказать ей помощь, если понадобится? Крэйвен вновь прочитал ее мысли.

— Надеюсь, вы не думаете, что я представляю для вас опасность?

Как это ему удается, черт возьми? Как он может быть таким спокойным и самоуверенным? Если бы не его бритая голова и не тюремная роба, то он по-прежнему походил бы на любимого студентами и коллегами профессора электроники в университете штата Вашингтон, где проработал много лет.

— Я думаю, что вы совершенно спокойно убили бы меня, если бы, конечно, имели такую возможность, — сказала она, с трудом сохраняя присутствие духа. — Если бы не эта толстая решетка, вы просто задушили бы меня и разорвали бы на части, как делали это со всеми вашими несчастными жертвами.

Она смотрела в его лишенные всяких эмоций глаза и чувствовала, что ее переполняет ненависть к этому человеку. Почему он не хочет признать свою вину?

— Крэйвен, скажите мне откровенно, скольких людей вы погубили? Я имею в виду — кроме тех троих, за которых вас осудили? Сколько их было в одном только Сиэтле? Пять? Семь?

Никакой реакции! Как же расколоть этого человека?.. Человека? Нет, это не человек! Это чудовище! Монстр! Хладнокровный бесчувственный монстр, который просто неспособен осознать всю тяжесть совершенных им преступлений, а уж о раскаянии и говорить не приходится.

— Ради Бога, Крэйвен, скажите, что весь этот кошмар уже позади!

Его взгляд стал еще более тяжелым и невыразительным.

— Как я могу сказать вам о том, чего не знаю?

— Хорошо, — тяжело вздохнула она и махнула рукой, — в таком случае скажите мне, зачем вы меня сюда позвали? Что вы можете мне сказать?

Он окинул ее ледяным взглядом, в котором уже не было ни тепла, ни мягкости. Ей показалось, что именно сейчас она увидела истинное лицо этого человека.

— Сегодняшняя казнь не положит конец этим убийствам, — сказал он, отчетливо выделяя каждое слово. — Интересно, как вы будете себя чувствовать, Энн, когда после моей казни последуют новые убийства?

Он неожиданно рассмеялся. Этот смех был настолько громким и неестественным, что она вздрогнула.

— Вы всегда стремились добиться от меня раскаяния и сожаления, не правда ли? Ну так вот, я сожалею. Вы довольны? Я сожалею о том, что не смогу наблюдать за вами в тот момент, когда вы узнаете о новой серии жестоких убийств.

Он упорно сверлил ее глазами.

— Энн, все начнется сначала. Тот, кто действительно убил всех этих людей, просто затаился на время, укрепляя вашу уверенность в моей виновности. Но как только вы убьете меня, он снова возьмется за свое. Что вы тогда будете делать, Энн?

Голос Крэйвена становился все громче и громче. Энн не выдержала и бросилась к выходу, но в ушах еще долго звенел издевательский голос, произносивший этот жуткий вопрос: «Что ты тогда будешь делать, Энн? Хватит ли тебе мужества покончить с собой так, как ты покончила со мной? Чем ты оправдаешь свою ошибку? Как жаль, что я не смогу увидеть тебя приговоренной к смерти!»

Она выскочила в коридор и обессиленно прислонилась к стене. Охранник захлопнул за ней дверь. Если бы она могла так же легко отгородиться от слов Крэйвена, как отгородилась дверью от него самого! Собравшись с силами, она медленно направилась в офис Вендела Растина, машинально взглянув на настенные часы. Половина двенадцатого. Еще полчаса — и все будет кончено.

В ее голове уже начали выстраиваться первые строчки репортажа о казни знаменитого преступника, но логическая стройность то и дело нарушалась теми последними словами, которыми он выстрелил в нее во время встречи. Они глубоко проникли в ее сознание, и все ее попытки избавиться от этого наваждения ни к чему не приводили. Ей вдруг захотелось, чтобы этот день как можно быстрее закончился, чтобы можно было убежать подальше от этой тюрьмы, от штата Коннектикут, от Ричарда Крэйвена. Сейчас ей требовалось только это — побыстрее вернуться домой, в свой родной Сиэтл, к мужу и детям.

Мысль о доме и муже немного успокоила ее, и она снова начала обдумывать свой репортаж о казни Ричарда Крэйвена, который она напишет, когда весь этот кошмар уже будет позади.

Глава 4

Лифт резко дернулся и остановился на самом верхнем этаже «Здания Джейферса». На какое-то мгновение Гленни показалось, что эта клетка вот-вот сорвется и полстит вниз, похоронив под собой всех пассажиров — под их ногами было как-никак сорок пять этажей и бетонный пол цокольной площадки.

Джим Доувер открыл дверцу лифта, и они все вышли наружу. Гленн сделал несколько шагов и почувствовал, что приступ акрофобии усиливается с каждым его шагом. Он еще раз попытался успокоить себя, подыскивая рациональные доводы против охватившего его панического страха. Он доказывал себе, что это здание является самым совершенным сооружением в городе, что все его части надежно скреплены, а лифт абсолютно безопасен. В конце концов, он сотни раз поднимался на верхние этажи вместе с Джорджем Симмонсом и ничего подобного не чувствовал. Более того, он лично настоял на том, чтобы безопасность здания была усиlena, в том числе и инженерными средствами. И вот — пожалуйста! Главный архитектор готов упасть в обморок от страха, испугавшись того, что построенное по его проекту здание может в одночасье рухнуть. Чушь какая-то...

Гленн почувствовал сильное головокружение и уцепился рукой за дверцу лифта.

— Тебе плохо, Гленн? — прозвучал откуда-то издалека глухой голос Алана Клейна. Гленн видел, что тот стоит в двух шагах от него, но голос Алана доносился словно из глубокой пещеры. Гленн поднял голову, увидел над собой покрытое облаками небо и ощущил некоторое облегчение. Небо заметно посветлело, что обещало улучшение погоды к концу дня. Гленн сделал глубокий вздох, взял себя в руки и решительно вышел из лифта, слабо улыбнувшись своему партнеру:

— Прекрасный вид отсюда, не правда ли?

— Для тех из нас, кто может спокойно наблюдать за ним, — резонно заметил Аллан Клейн.

Джим Доувер тем временем возился с бутылкой шампанского, тщетно пытаясь открыть ее.

— Ты присоединишься к нам, или будет лучше, если мы принесем тебе стакан к лифту?

Гленн осторожно двинулся вперед по платформе, неуверенно ступая по металлическим планкам. «Здесь предостаточно места для четырех человек», — убеждал он себя, стараясь казаться спокойным, но в ту же секунду ему стало дурно и он бросился назад к лифту. Джим Доувер огорченно посмотрел на него и передал ему стакан с шампанским. Гленн взял стакан, а затем набрался смелости и обвел взглядом панораму города. Она действительно была потрясающей. Слева от здания виднелись величественный силуэт горы Кэпитал и даже узкая полоска озера Вашингтон, а справа — промышленная часть города и бескрайние поля фермеров. Прямо перед Гленном возвышалась гора Бейкер, а сзади можно было без труда узнать знакомый силуэт горной вершины Рейниер. Потлощенный красотой окрестностей родного города, Гленн машинально отпустил погружни и сделал шаг вперед, торжественно подняв свой стакан с искрящимся вином.

— За самое величественное здание в истории Сиэтла!

Он залпом осушил свой пластиковый стакан, а затем швырнул его вниз и подошел к краю платформы, чтобы посмотреть, как долго тот будет лететь к земле.

Первым ощущением Гленна, когда он посмотрел вниз, было конвульсивное сжатие в области паха. Затем у него засосало под ложечкой, а в брюшной полости, как ему показалось, образовалась тошнотворная черная пустота. Но хуже всего было то, что какая-то неведомая и страшная сила влекла его к пропасти, а у него не находилось сил, чтобы противостоять ей. Испугавшись собственного беспомощности, он попятился и почувствовал, что его грудная клетка снова ската невыносимо тугими обручами, а все тело покрылось холодным и оттого еще более омерзительным потом.

— Гленн? — кто-то произнес его имя, но на этот раз говоривший находился несравненно дальше, чем прежде. — Боже мой, Гленн, что с тобой?

Гленн покачнулся, тщетно пытаясь дотянуться до погружней. Затем взмахнул другой рукой в поисках надежной опоры, но так и не нашел ее. Ноги перестали его слушаться, колени мелко задрожали, и он начал медленно оседать

на платформу. С его сердцем творилось что-то невероятное. Оно колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвет грудную клетку и вырвется наружу. Его удары гулко отдавались в ушах, напоминая по своей силе удары парового молота. Обручи еще сильнее сдавили грудь Гленна, а его рот жадно хватал воздух.

— Господи, у него же сердечный приступ, — донеслось до затуманенного сознания Гленна. Кто-то подхватил его под мышки и осторожно положил на платформу. — У тебя с собой портативный телефон, Джим?

Подсказка оказалась совершенно излишней — Даувер уже вовсю стучал пальцем по клавишам, набирая «911». Вызвав неотложку, Джим Даувер что-то громко рявкнул своим подчиненным, оставшимся внизу. Аллан Клайн и Джордж Симмонс в это время стояли рядом с Гленном и беспомощно взирали на своего товарища.

— Нам придется как-то затащить его в кабину лифта, — тоном приказа произнес Джим, пряча в карман телефон. — Джордж, мы с тобой осторожно поднимем его, а ты, Аллан, поддерживай его голову. Не очень высоко — только чтобы затащить его в лифт.

Когда они подхватили Гленна, тот раскрыл побелевшие губы и что-то невнятно пробормотал.

— Что он сказал? — встревоженно спросил Аллан и, не дождавшись ответа, наклонился над партнером. — Все нормально, Гленн. Все будет хорошо. Сейчас мы спустимся вниз, и все пройдет. Потерпи немного.

Лифт резко дернулся и начал опускаться вниз. Это вызвало у Гленна очередной приступ сердцебиения, и он громко застонал, прижимая руку к сердцу.

— Ради всего святого! — издал приглушенный крик Аллан. — Ну почему он ползет как старая телега!

Ему никто не ответил, и он снова наклонился над Гленном:

— Спокойно, дружище. Только не волнуйся, хорошо?

Джим и Джордж молча переглянулись. Гленн уже не дышал, а хрипел широко открытым ртом, в его лице не осталось ни единой кровинки.

— Кто-нибудь из вас владеет приемами экстренной реанимации? — прохрипел Джим. — Я боюсь, что он не дотянет до первого этажа.

— Да заткнись ты, ради Бога, — раздраженно прошипел Алан. — Никто здесь не умирает, понял?

В ответ Гленн дернулся всем телом и захрипел, как бы опровергая все надежды своего партнера. Алан стал мучительно вспоминать, чему их учили на курсах по оказанию экстренной помощи, которые он благополучно окончил в прошлом году. Глубоко вздохнув, он открыл рот Гленна, проверил, не западает ли язык в горло, а затем стал ритмично надавливать на его грудь. Убедившись в том, что это не дает никаких результатов, он закрыл двумя пальцами нос Гленна и начал делать искусственное дыхание изо рта в рот. Лифт тем временем медленно полз вниз. Им казалось, будто прошла уже вечность с тех пор, как они начали спускаться. На высоте примерно двадцати футов Гленн захрипел и снова начал дышать, хотя звук его дыхания походил на свистящий хрип.

— Ну давай же, черт возьми! Дыши! — тихо шептал Алан, массируя ему грудь. — Ради всего святого, дыши!

К их величайшей радости Гленн действительно стал дышать ровнее. Именно в этот момент лифт наконец-то остановился на первом этаже.

— «Скорая» еще не приехала, — сообщил им один из поджидавших их там людей Джима. Алан посмотрел на партнера и беспомощно пожал плечами. Не опоздает ли неотложка?

Глава 5

Толпы возбужденных демонстрантов начали собираться перед зданием тюрьмы еще за день до казни. Они установили на небольшой лужайке палатки и стали быстро заполнять все пространство своими машинами, тентами и фургонами. Всю ночь напролет в их лагере горели костры, а сами они без устали орали песни протеста и выкрикивали звучные лозунги, протестуя против казни, как они утверждали, невинного человека. Ходили также слухи, что какой-то адвокат собрал уникальный материал, который якобы поможет спасти Ричарда Крэйвена. Весьма популярной была версия о том, что губернатор штата может в

последний момент передумать и отменить казнь, руководствуясь принципами милосердия.

Однако к утру дня казни все слухи и сплетни насчет предстоящего чудесного спасения Крэйвена понемногу начали стихать, сменившись напряженным ожиданием.

Энн Джейферс молча наблюдала за толпой демонстрантов с верхнего этажа административного корпуса тюрьмы. Кое-где все еще дымились остатки вчерашних костров. Сколько их собралось у тюрьмы — тысяча? И кто им сказал, что их чувства относительно того, что должно здесь произойти, менее значимы, нежели ее собственные? Она вспомнила встремленное лицо своей дочери, когда несколько дней назад они спорили за обедом о сущности и целесообразности смертной казни. Хэдер тогда со свойственной ей горячностью и юным задором доказывала, что правительство не имеет никакого права казнить своих граждан.

— Смертная казнь — это то же самое убийство, — убеждала она мать. — Мы же так гордимся тем, что являемся христианской нацией, но почему-то забыли десятую заповедь. «Не убий» — гласит она, если ты еще помнишь Библию. Разве это не означает, что смертная казнь является делом неправедным?

И вот сейчас, вспомнив слова дочери, Энн пыталась понять, когда же она, Энн Джейферс, утратила способность смотреть на мир невинными глазами и видеть его таким, каков он есть на самом деле. А ведь еще несколько лет назад она целиком и полностью была согласна с Хэдер. Что-то произошло с ней за это время. Где-то на этом пути был момент, когда она решила, что в некоторых случаях смертная казнь является совершенно неизбежной и оправданной. Отчасти сама работа в газете привела ее к этому выводу — уж слишком много жестокостей сей пришлось повидать за последние годы.

Глядя на толпу, она обнаружила, что среди демонстрантов было немало людей ее возраста и даже намного старше. Впереди всех в инвалидной коляске гордо восседала престарелая бабуля в крестьянской юбке. В морщинистых руках она держала плакат со словами: «Смертная казнь — это убийство».

«Мне нужно непременно поговорить с ней, — подумала Энн. — Я должна поговорить с этой женщиной, прежде чем вернусь домой».

Ее мысли были прерваны громким звонком телефона. Вендел Растин снял трубку, что-то буркнул в нее и положил на рычаг.

— Пора, — сказал он, обращаясь к ней. Открыв дверь своего кабинета, он очень удивился тому, что Энн осталась стоять у окна. — С вами все в порядке?

Энн нахмурилась и попыталась вразумительно объяснить то, что происходило с ней.

— Я не знаю, — сказала она и пожала плечами. — Я... О Господи, я настолько запуталась, что не могу сказать о своих чувствах ничего определенного. Еще вчера мне все казалось совершенно ясным и понятным, а сейчас...

— Вам вовсе не обязательно присутствовать при этом, — резонно заметил начальник тюрьмы. — Можете подождать здесь, если хотите.

Какие-то доли секунды Энн испытывала сильнейшее искушение воспользоваться предложением Растина, но тут же отбросила соблазнительную мысль и решительно покачала головой:

— Нет, я просто не могу себе этого позволить. Что обо мне скажут люди? Ведь я всех убедила в том, что он заслуживает смерти, а теперь увильну от присутствия на его казни.

Вендел Растин понимающе кивнул:

— Я знаю, Энн, но должен вам сказать, что выступать за смертную казнь и наблюдать ее своими собственными глазами — совершенно разные вещи. Мне об этом сказали знающие люди.

Ее стали одолевать сомнения. Как было бы хорошо остаться в кабинете и подождать, пока все не закончится.

— Ничего, — решительно сказала она и твердой походкой вышла из кабинета. — Все будет нормально.

В ее душе еще боролись противоречивые чувства, но она убедила себя в том, что присутствие при казни — ее работа и ее нужно сделать добросовестно.

Рядом с комнатой, где находился электрический стул, располагалось небольшое помещение для зрителей. Когда Энн вошла на галерею, там уже было полно народу. По-

всюду мелькали знакомые лица адвокатов, полицейских офицеров и высокопоставленных чиновников. Марк Блэйкмур, командир группы особого назначения Сиэтла, уже сидел в первом ряду и приветливо помахал ей рукой, приглашая к себе. Она облегченно вздохнула, увидев земляка, и направилась к нему. Тяжело опустившись на свободное место, она с ужасом обнаружила, что оказалась как раз перед зловещим орудием казни.

Электрический стул поражал своей простотой и какой-то ужасающей обыденностью. Он был сделан из дерева, имел довольно широкое основание и множество кожаных ремешков, которыми прикрепляли к стулу преступников. Над спинкой стула висели два электроды, подсоединенные к толстому электрическому кабелю. Вся камера была залита ярким светом четырех мощных ламп, укрепленных на потолке. Энн тупо уставилась на электрический стул, чувствуя, что у нее пересохло во рту. В этот момент погасили свет в помещении для зрителей, а в камеру ввели Ричарда Крейвена. На какое-то мгновение он остановился в дверях и тоже посмотрел на электрический стул. Энн показалось, что на его побелевших губах промелькнула едва заметная улыбка. Затем он решительно подошел к стулу и сел. Он был босиком, в светлых брюках свободного покроя и такой же светлой рубашке с короткими рукавами. Его одежда выглядела настолько нелепо, что казалось, будто ее специально придумали, дабы унизить человека в последние минуты его жизни. Охранники стали лихорадочно пристегивать приговоренного ремнями к стулу — ноги к ножкам, руки к подлокотникам, а торс к спинке. Затем в камеру вошел священник и стал что-то говорить Крейвену. Тот спокойно выслушал его, не удостоив даже самым коротким ответом. После ухода священника охранники смочили электроды в соленой воде и прикрепили один из них к стриженоей голове Крейвена, а другой — к его правой ноге. Напоследок они еще раз проверили качество своей работы и вышли из камеры, плотно прикрыв за собой дверь.

В комнате для зрителей воцарилась гробовая тишина. Энн посмотрела на часы. Полдень наступит через тридцать секунд. Она стала озираться в поисках телефона и только потом сообразила, что подсознательно ждет неожи-

данного звонка, который прервет этот зловещий спектакль. В каком-то фильме она уже видела подобную сцену, но реальная жизнь, увы, оказалась гораздо проще. В комнате не было никакого телефона — во всяком случае, Энн его не видела. Может быть, Ричард Крэйвен тоже искал глазами телефон, один звонок которого мог сохранить ей жизнь?

Она собралась с силами и посмотрела на Крэйвена. Ее уже предупредили, что комната для зрителей отделена от камеры толстым стеклом, прозрачным лишь с одной стороны, но ей почему-то показалось, будто он видит ее и, более того, смотрит ей прямо в глаза. Ей также показалось, что в этот последний миг его жизни глаза Ричарда Крэйвена утратили свою обычную холодность и в них появились проблески человеческих чувств — точнее, одного необыкновенно сильного чувства. Этим чувством была ненависть. Энн почти физически ощущала, как ненависть огненным шаром вырвалась из груди Крэйвена и, словно жало змеи, впилась в ее тело, загадочным образом проникнув сквозь толстое стекло... Энн стоило невероятных усилий остаться на месте, а не сорваться вихрем куда глаза глядят. В этот момент Ричард Крэйвен резко дернулся и забился в конвульсиях, получив первый электрический удар напряжением в две тысячи вольт.

Энн вздрогнула и почувствовала приступ удушья, словно ее тоже подключили к невидимому электрическому кабелю. Всем своим существом она была с человеком, который былся в предсмертных судорогах за толстым стеклом. После второго удара током она издала приглушенный стон и закрыла глаза. Сидевший рядом с ней Марк Блэйкмур тихо считал секунды. Дойдя до конца второй минуты, он повернулся к ней:

— Вот и все, Энн, пойдем домой.

Она словно прикипела к своему месту, не находя в себе достаточно сил, чтобы покинуть зал. Тем временем в камеру вошел доктор и после беглого осмотра констатировал смерть Ричарда Крэйвена. Охранники отстегнули ремни и вынесли из камеры бездыханное тело. Зал уже давно опустел, а Энн все еще сидела в первом ряду, тупо уставившись на пустой электрический стул. Именно в этот момент она поняла: в ней что-то изменилось, хотя она и не знала пока,

что именно. Энн знала одно: ей никогда не забыть того, что произошло на ее глазах, ей никогда не избавиться от того мерзкого чувства, которое она испытала под предсмертным взглядом Ричарда Крэйвена.

В ее сознании неожиданно всплыл образ Гленна. Ей захотелось оказаться рядом с мужем, почувствовать приятное тепло его рук на своих плечах и его губ на своих губах. Он сильный человек и поможет ей справиться с этой бедой. Все будет нормально. Жизнь продолжается. Через несколько часов она снова окажется дома, рядом со своим мужем и детьми, а через несколько дней, пусть даже через несколько недель, она станет потихоньку забывать то ужасное зрелище, свидетелем которого ей только что пришлось стать. Но сумеет ли она забыть тот взрыв ненависти, в эпицентре которого она оказалась по своей собственной воле? Не будет ли мертвый Ричард Крэйвен преследовать ее до конца ее жизни?

Глава 6

Рев сирены смолк в тот самый момент, когда машина «скорой помощи» резко затормозила перед входом на строительную площадку. Из машины быстро выскочили два человека в белых халатах. Один из них побежал к лежавшему у входа Гленну Джейферсу, на ходу доставая кислородную подушку, а второй открыл заднюю дверцу машины и вытащил раздвижные носилки.

— Пропустите меня, — решительно потребовал первый врач, расталкивая толпу собравшихся зевак. — Что тут произошло?

Не дожидаясь ответа, он наклонился над лежавшим человеком и привычным движением пощупал его пульс, затем надел на его лицо маску и повернул краник на кислородной подушке.

— Кажется, у него сердечный приступ, — дрогнувшим голосом сказал Джим Доувер. — Мы были на верхнем этаже, когда вдруг Гленн как-то странно побледнел и стал оседать на пол. Сначала мы думали, что это обыкновенная боязнь высоты, но...

— Инфаркт миокарда? — прервал его второй врач, раскладывая носилки возле больного.

— Да, похоже на то, — ответил первый. — Кладем его на носилки и быстро в машину. Нельзя терять ни минуты.

Алан Клайн и Джим Доувер семенили рядом с носилками, с ужасом наблюдая, как на лице их товарища появляются синюшные пятна. Медики ловко задвинули носилки в салон машины и стали быстро подключать к Гленну жизнеподдерживающую аппаратуру.

— Вы можете поехать с нами, — сказал первый врач, не отрываясь от работы. — В машине достаточно места, и если он очнется...

Алан не дослушал его и быстро залез в салон машины. «Скорая помощь» рванула с места по узким улочкам, мощным воем сирены требуя освободить дорогу. Алан прижался к стенке салона и тупо смотрел на своего друга, сомневаясь в том, что Гленн дотянет до больницы.

Это было похоже на медленное пробуждение в темной комнате. Первое, с чем он столкнулся, прияя в себя, была невыносимая боль. Такой боли он еще никогда не испытывал. Она поглощала все его силы и вгрызалась в каждую клетку его тела, раздирая сознание на мельчайшие кусочки. Прочь! Надо поскорее убраться прочь от этой сумасшедшей боли. Где, где он находится? Его разум мучитель но сражался с этой проклятой темнотой, и она понемногу отступала.

Вскоре он начал слышать отдельные звуки. Правда, они были глухими и очень далекими, но через несколько мгновений Гленн восстановил способность различать их. В его затуманенное сознание врезался громкий звук сирены. Что это? Полицейская машина или «скорая помощь»? Мрачная пелена темноты постепенно отступала, и вскоре он обрел способность видеть, но при этом у него появилось чувство, будто он оказался в каком-то совершенно ином, непривычном измерении. Он находился где-то вверху, а внизу копошились люди в белых халатах. Они склонились над носилками и колдовали над каким-то человеком, лежавшим на носилках. Господи, это похоже на «скорую помощь»!

В его сознании зародился очередной вопрос, но ему показалось, что он уже знает на него ответ. Какой ужас! Он внимательно присмотрелся к лежавшему на носилках человеку и узнал в нем себя. Его рубашка была расстегнута на груди, а лицо побледнело, как сама смерть.

Смерть.

Это слово повисло в его сознании, поражая своей невыразимой тяжестью. Что же с ним случилось? Неужели он умер? Но если он уже умер, то почему же он все чувствует, видит и слышит? И тут его поразила внезапная догадка: его душа оставила его тело, но все еще находится неподалеку, как бы ожидая дальнейших событий. Во время последнего приступа ему удалось увернуться от безумной боли, спастись от агонии, которая парализовала все его тело.

— Господи Иисусе! — услышал он отчаянный крик Алана. — Что происходит? Ну сделайте же что-нибудь!

— Он умирает! — закричал кто-то душераздирающим голосом. — Мне нужна срочная помощь!

Гленн поднимался все выше, спокойно наблюдая за происходящим. Машина мгновенно остановилась, и второй врач выскочил из-за руля, чтобы помочь своему коллеге. Пока первый усиленно массировал его грудь, второй быстро открыл прикрепленный к стенке ящик и достал оттуда какой-то пластиковый предмет. Затем он открыл рот человеку на носилках и сунул в рот какую-то трубку.

— Давай введем ему немного лидокаина, — предложил первый. Второй быстро вынул шприц, набрал в него какой-то прозрачной жидкости и ввел жидкость в вену.

— Господи, у него ПОС! Скорее готовь аппарат!

— Что происходит, черт возьми? — снова потребовал ответа Алан. — Что означает «ПОС»?

— Преждевременная остановка сердца, — с какой-то злостью выпалил первый врач, а потом добавил умоляющим тоном: — Не надо! Вернись!

Слова вихрем кружились вокруг Гленна, но он уже почти ничего не понимал. Темнота стала постепенно сгущаться вокруг него, медленно превращаясь в своеобразный тоннель, в конце которого появился проблеск яркого света. Гленн начал

медленно продвигаться к этому свету, не обращая никакого внимания на голоса людей в машине «скорой помощи». На пути к этому свету перед ним вставали вполне отчетливые картинки из его жизни. Вот он еще совсем маленький, а вот здесь он уже постарше, в кругу семьи. Его мать берет его на руки и напевает ему какую-то песенку. А вот он уже в школе, в окружении людей, которых, как ему раньше казалось, он давно уже забыл. Так, шаг за шагом перед ним проплыvalа вся его жизнь, а свет в конце тоннеля становился все ярче, все ближе. Уже можно было без особого труда различить отдельные фигуры, мерцающие вдали. Через некоторое время Гленн отчетливо увидел своего деда, умершего много лет назад, а рядом с ним еще много других людей. Там был даже ребенок.

Ребенок. Да, конечно, это же его ребенок, которого они потеряли двенадцать лет назад, когда у Энн случились преждевременные роды. Они хотели назвать его Алексом. И вот сейчас этот ребенок ожидает отца, радостно протягивая к нему ручонки.

Гленн все быстрее и быстрее двигался к свету, позабыв даже о той боли, которую совсем недавно испытывал. Вдруг где-то позади раздался громкий голос, умолявший его не покидать своих друзей. Точнее, это был не один голос, а целый хор, причудливое смешение разнообразных голосов, среди которых наиболее громко звучали голоса Энн, Кевина и Хэдер.

Гленн растерянно остановился на полу пути и медленно обернулся. Позади была темнота — страшная и непроглядная, наполненная невыносимой болью. Впереди же сиял приветливый свет, на фоне которого все еще виднелись фигуры предков Гленна и его маленького ребенка. Они звали его к себе, приветливо помахивая руками.

Вновь послышались призывные голоса из темноты, но Гленн с великим сожалением почувствовал, что должен вернуться назад, в этот пугающий мрак, пренебрегая невыразимым очарованием света в конце тоннеля. Те, кто остался в лучах света, пребывают в блаженной вечности, и он непременно присоединится к ним, когда пробьет его час.

А позади его ждет масса неотложных дел, неоконченных проектов и незавершенных планов. Решительно отвернувшись от света, Гленн Джессефферс медленно направился назад в темноту.

— Поставь триста джоулей и вруби еще раз, — решительным тоном потребовал первый врач.

Второй повернул ручку прибора, и в следующее мгновение тело Гленна подпрыгнуло от мощного электрического разряда. Его сердце на мгновение остановилось, а потом начало медленно сокращаться.

— Вот так, хорошо, — удовлетворенно пробормотал первый врач, пристально глядя на экран монитора. Однако его радость оказалась преждевременной — через секунду сердце снова замерло в неподвижности.

— Ну-ка дай триста шестьдесят, — скомандовал первый врач, прижимая металлические пластинки к обнаженной груди Гленна. От этого удара тело Гленна содрогнулось еще сильнее. Все молча уставились на экран монитора. Алан пребывал в таком жутком напряжении, что ему казалось, будто он вот-вот рухнет на пол без сознания. Ровная линия на экране монитора слегка вспутилась и конвульсивно задергалась. Сердце Гленна снова забилось в рваном ритме, а из горла вырвался сдавленный хрип. Второй врач прыгнул на сиденье водителя и погнал машину к больнице, ни на секунду не сбавляя скорости. Тишину улиц разорвал громкий вой сирены.

Как только машина остановилась, ее дверцы мгновенно открылись и пара дюжих санитаров подхватила носилки. В ту же секунду носилки исчезли за дверями больницы. Алан выбрался из машины и поспешил за санитарами, но так и не успел проследить, куда же они повезли Гленна. Увидев дежурную медсестру, Алан растолкал стоявших в очереди людей и приблизился к ней. Толпа стала грозно шуметь, требуя вызвать полицейского, чтобы тот навел надлежащий порядок в очереди. Для Алана весь шум показался каким-то странным, словно его производили обитатели другой планеты.

— Этот человек, которого только что привезли с сердечным приступом, — сбивчиво начал он, обратившись к толстой блондинке, величественно восседавшей за перегородкой. — Где он сейчас?

— А вы что, не можете подождать, когда наступит ваша очередь? — грозно выпалила та, вперившись в него своими

мутными глазами. — Вы здесь не один! У меня тут много таких, и все с сердечными делами!

— Девушка, вы только скажите мне, куда его отвезли. Мне больше от вас ничего не нужно, — взмолился Алан.

Белокурая толстушка немного подумала, а потом спросила:

— Сердечный приступ, говорите?

Алан молча кивнул, и медсестра тут же протянула ему какой-то бланк.

— Если вы сможете быстро заполнить его, я постараюсь выяснить, где находится ваш... — она помолчала, ожидая, что Алан объяснит ей, кем ему приходится больной — родственником, другом или, может быть, даже любовником.

— Я его партнер, — быстро сказал Алан, но потом подумал, что партнеры бывают разные, и добавил: — Партнер по работе.

— Ну ладно, неважно, — сказала медсестра. — Мне нужны его имя, фамилия и номер страхового полиса. Все остальное я смогу узнать с помощью компьютера.

Она долго всматривалась в экран компьютера, а потом радостно воскликнула:

— Ну вот, наконец-то. Мистер Джейферс только что был помещен в отделение кардиологии.

В этот момент в холл больницы ворвался Джим Доувер и, увидев Алан, подбежал к нему:

— Где Гленн? С ним все в порядке?

Алан пожал плечами:

— Он в кардиологическом отделении. Узнай, где находится это отделение, а я тем временем позвоню в офис.

Оставив Джима с белокурой медсестрой, Алан быстро направился к телефону-автомату и набрал номер офиса. Услышав ответ, он торопливо рассказал Рите Альварес, секретарше Гленна, обо всем, что случилось за последний час.

Как раз в это время Рита Альварес сидела перед телевизором и смотрела репортаж из Коннектикута, в котором главным действующим лицом была Энн Джейферс, только что вернувшаяся с места казни.

— Выясни, как там у него дела, — сказала Рита, нервно теребя провод телефона. — Оставайся с Гленном и дер-

жи меня в курсе дела. Обо всем остальном я позабочусь сама.

Положив трубку, Рита тут же составила список лиц, которым следовало немедленно сообщить о случившемся. Естественно, первой в этом списке значилась жена Гленна.

Недолго думая, она набрала номер тюрьмы, где совсем недавно состоялась казнь, и попросила позвать к телефону Энн Джейферс.

— Это срочно, — настойчиво объясняла Рита оператору. — Она в вашем здании, и мне нужно немедленно...

— Всем нужно немедленно поговорить с Энн Джейферс, — упрямо талдычил оператор. — Все говорят, что это срочно. Если вы назовете свое имя, то я внесу вас в список...

— Я секретарь мистера Джейферса, — прервала его Рита. — У него сердечный приступ, и он может умереть в любую минуту.

Энн положила трубку и опустила на нее голову. Сердечный приступ? У Гленна? Но это же невозможно! Ему ведь нет еще и сорока пяти! Господи! Он каждый день бегает, внимательно следит за своим весом, соблюдает диету, много времени проводит на свежем воздухе, зимой катается на лыжах, а летом занимается греблей... У таких людей, как Гленн, не бывает сердечных приступов!

И тут же она вспомнила: лет десять назад их друг Дэнни Бренсон умер во время утренней пробежки, а уж он-то был самым настоящим спортсменом и никогда не жаловался на здоровье. Что же это за жизнь, черт возьми? Лотерея? Все делаешь правильно и вдруг падаешь замертво!

На смену безотчетному страху неожиданно пришло удивительное спокойствие. То, что случилось с Дэнни, не может случиться с Гленном. Он непременно поправится. Все будет хорошо.

Она убрала руку с телефона и обнаружила, что на нее пристально смотрит Марк Блэйкмур.

— Что стряслось, Энн? На тебе лица нет.

— Мой муж... У него был сердечный приступ. Мне нужно как можно скорее вернуться домой, но мой самолет

вылетает только завтра утром. Что делать, Марк? Мне нужно домой.

Марк полез во внутренний карман пиджака и достал оттуда конверт.

— Вот, возьми. Мой самолет отправляется через пару часов. Если на нем не найдется мест для нас обоих, то ты полетишь домой сегодня, а я завтра.

Энн настороженно посмотрела на него:

— А что я должна сделать взамен?

Она уже много лет знала Марка Блэйкмура. Он ничего не делал просто так и всегда требовал ответной услуги.

— Нет, дорогая, — сказал Блэйкмур, решительно покачав головой, — это не работа. Это сугубо личное дело. Ты мне ничего не должна, договорились?

— Ну что ж, тогда пошли, — сказала она, чувствуя, что любое проявление благодарности может оскорбить его.

Через пять минут они уже продирались на машине сквозь плотную толпу демонстрантов, направляясь в аэропорт. «По крайней мере, не нужно описывать казнь журналистам, — думала она, прислушиваясь к громким выкрикам толпы. — Еще одна статья для газеты, и все. Нужно взять отпуск и позаботиться о здоровье Гленна». Эта мысль понравилась ей. Энн не оставляла ее даже в самолете. В конце концов скоро наступит лето, и они смогут прекрасно отдохнуть всей семьей. Всей семьей? А будет ли полной к тому времени ее семья? А если Гленн, не дай Бог, не выдержит? Что она будет делать без него? Как она справится с детьми? Разве она сможет жить без Гленна?

Глава 7

Мертвая тишина воцарилась в десятом классе на занятиях по журналистике, когда Хэдер Джейферс и ее одноклассники уставились в телевизор, специально доставленный в класс для просмотра репортажей из Коннектикута. Всем хотелось узнать подробности казни Ричарда Крэйвена и высказать свое мнение на этот счет. Многие старшеклассники считали, что казнь будет непременно отменена,

и спорили только о том, когда это произойдет. Мод Бринк, которая организовала этот просмотр и собиралась устроить дискуссию по поводу смертной казни вообще и освящения ее средствами массовой информации в частности, предупредила ребят, что все их надежды на отмену смертной казни в данном случае лишены всяческих оснований, однако ее ученики продолжали настаивать на своем. Миссис Бринк с любопытством наблюдала за противоборством двух группировок. Первая, куда входили противники смертной казни, была убеждена в том, что казнь будет в последний момент отменена, а вторая, включавшая сторонников данного вида наказания, с таким же примерно упорством утверждала, что приговор суда обязательно приведут в исполнение. Естественно, что каждая группа ожидала от грядущих событий подтверждения своей правоты.

И все же когда казнь свершилась и появились первые сообщения о смерти Крэйвена, весь класс оцепенел от трагической реальности случившегося. Только тогда школьники поняли, что это не кино, не детективный роман, где смерть любого героя является лишь продуктом авторского замысла, а самая настоящая смертная казнь, и что человек, который еще несколько минут назад был живым, теперь уже таковым не является.

Пока дети пребывали в оцепенении, на экране телевизора стали появляться репортеры, бравшие интервью у всех людей, которые имели то или иное отношение к событию. Первой на экране появилась Эдна Крэйвен, мать казненного преступника, проживавшая в одном из южных районов Сиэтла. Когда камера показала крупным планом ее лицо и слегка дрожащие руки, Хэдер и ее одноклассников передернуло — так бесцеремонно оказались выставлены на всеобщее обозрение эмоции этой бедной женщины.

— Он всегда был хорошим мальчиком, — прошептала дрожащим голосом Эдна, нервно теребя край носового платка. — Он был намного умнее всех своих сверстников, всегда всем помогал и всем интересовался. Все любили моего Ричарда. Как они могли убить его? Зачем им это было нужно? Он никогда никого не обидел... Никогда! Разве это справедливо? Нет! Это ужасно!

Телекамера долго показывала убитую горем женщину и ее дрожащие руки, а потом камеру как-то неожиданно на вели на Рори — младшего брата Ричарда.

— Для тебя это стало, вероятно, такой же трагедией, как и для твоей матери? — обратилась к нему белокурая корреспондентка с притворно-огорченным выражением лица. — Скажи нам, пожалуйста, о чем ты думал в ту минуту, когда тюремные часы пробили полдень?

Рори Крэйвен, заметно нервничавший перед камерой, посмотрел на мать, а потом пожал плечами.

— Я... По-моему, я ни о чем не думал, — пролепетал он. — То есть... Я хочу сказать... Я знал о том, что натворил мой брат, и я...

— Ничего он не натворил! — взорвалась его мать и гневно блеснула глазами на сына. — Мой Ричард не сделал ничего плохого, и тебе это хорошо известно! Как ты смеешься так плохо отзываться о своем брате? Если бы ты был хоть наполовину таким, как он...

В этот момент невидимый режиссер решил, что взрыв негодования, вырвавшийся из уст матери, не представляет для зрителей никакого интереса, и на экране телевизора появилась другая женщина лет шестидесяти, у которой брала интервью еще одна очаровательная корреспондентка телевидения.

— Рядом со мной находится Арла Талмадж из Атланты. Миссис Талмадж, как вы себя чувствуете сегодня?

Арла Талмадж приложила платок к уголкам глаз, тяжело вздохнула и сокрушенно покачала головой.

— Мне кажется, что я уже вообще не способна что-либо чувствовать. С тех пор, как Ричард Крэйвен убил моего сына, я не могу избавиться от омерзительного ощущения внутренней пустоты. Он сказал хоть что нибудь перед тем, как его... ну, в общем, когда они сделали то, что должны были сделать?

— Нет, ничего, насколько нам известно, — ответила журналистка.

— Значит, мы так никогда и не узнаем, почему он так поступал? Я правильно вас поняла? Откровенно говоря, я так до конца и не осознала, что же сегодня произошло. Они казнили этого человека, но его смерть не может вернуть к жизни моего сына. Я всегда надеялась на то, что

наступит час, когда он... когда он попытается объяснить нам, почему он это делал. Но сейчас... — женщина глубоко вздохнула, вытерла платком глаза и снова покачала головой. — Я просто не знаю... Думаю, что мне не остается ничего другого, кроме как жить дальше и постараться пережить свою боль.

Передача продолжалась чуть более пятнадцати минут. На экране мелькали лица друзей и родственников казненного, а также друзей и родственников его жертв. Одни проклинали его, другие облегченно вздыхали, радуясь, что с этим уже покончено, но были и такие, кто сетовал на мягкотелость властей. Они считали, что этого изверга следовало подвергнуть жестоким пыткам перед тем, как отправить на электрический стул.

Вскоре передача была прервана и появилось сообщение, что сейчас выступит с официальным заявлением начальник тюрьмы. Телекамера показала слабо освещенную комнату с большим металлическим столом посередине. В комнату вошли несколько человек, среди которых школьники без труда узнали мать Хэдер. Лицо Энн Джейферс было бледным и напряженным.

— Это действительно она, Хэдер! — громко выкрикнул кто-то с заднего ряда. — Это же твоя мать! Господи!

Хэдер не обратила никакого внимания на выкрики одноклассников и напряженно уставилась в экран телевизора.

— Сегодня ровно в полдень Ричард Крэйвен был казнен, — сухо сообщил Вендел Растин. — Его доставили на место казни в одиннадцать пятьдесят пять, привязали к стулу и прикрепили электроды, на которые ровно в двенадцать был подан ток напряжением в две тысячи вольт. В две минуты первого доктор констатировал смерть.

Вендел Растин замолчал и посмотрел прямо в объектив камеры.

— Какие будут вопросы?

В комнате, откуда шла передача, начался галдеж, так как все корреспонденты заговорили почти одновременно. Начальник тюрьмы сам выбрал кого-то из толпы.

— Что от сказал перед смертью? Он признался в своих преступлениях? — спросил журналист.

Вендел Растин посмотрел на Энн Джейферс. Та покачала головой и открыла было рот, чтобы ответить на вопрос, но в этот момент в комнату вошел охранник в униформе и что-то шепнул ей на ухо. Ее лицо мгновенно изменила гримаса крайнего удивления, и она вихрем выскочила из комнаты.

В классе все повернулись к Хэдер, как будто она могла объяснить необычное поведение своей матери во время пресс-конференции. Мисс Бринк выключила телевизор, почувствовав неладное.

— Ну, что вы скажете? — обратилась она к классу. — Как вы считаете, освещение этого события беспристрастное? Можно ли подобный подход считать оправданным? Это ответственное освещение событий или очередная попытка создать сенсацию? С кого начнем?

Вверх взметнулись три руки, и миссис Бринк показала на Адама Стейнера, который сидел в последнем ряду и редко выступал на занятиях.

— Как вышло, что корреспонденты все время общались с родственниками казненного? Ведь миссис Крейвен ни в чем не виновата. Почему они не могут оставить ее в покое?

— А откуда тебе известно, что она ни в чем не виновата? — крикнул кто-то с другого конца класса. — Еще как виновата! Ведь это она воспитала такого подонка, как Ричард Крейвен!

— У него, должно быть, какие-то генетические проблемы, — добавил кто-то. — Никто не знает, почему некоторые люди совершают подобные преступления.

— А я слышал, что он был сатанистом, — раздался голос из среднего ряда.

Миссис Бринк подняла руку, чтобы утихомирить раз возмущавшихся школьников.

— Ребята, давайте сосредоточимся на работе корреспондентов, а не на мотивах действий Ричарда Крейвена. Договорились? У нас сейчас занятие по журналистике, а не по криминологии.

Последние слова миссис Бринк произнесла тихо, удивленно посмотрев на внезапно открывшуюся дверь. В класс вошла секретарша директора школы, едва заметно кивнула учительнице, как бы извиняясь за вторжение, и отыскала глазами Хэдер.

— Хэдер, выйди, пожалуйста, со мной на минутку. Миссис Гэррет хочет поговорить с тобой.

Мод Бринк хотела было возразить, что недопустимо вызывать учеников с занятий, но затем вспомнила не совсем обычное поведение матери Хэдер во время пресс-конференции и решила не вмешиваться в это дело. Понимаю, что-то стряслось.

Когда Хэдер вошла в кабинет директрисы, Оливия Гэррет молча показала ей на диван и сама села рядом с ней.

— Боюсь, что у меня для тебя плохие новости, — осторожно начала она. — Только что мне позвонила секретарша твоего отца.

— Рита? — выдохнула Хэдер. — Рита Альварес?

Директриса молча кивнула.

— У твоего отца был сердечный приступ. Сейчас он находится в больнице, и твоя мама хочет, чтобы ты немедленно отправилась туда. Миссис Альварес заберет твоего брата, а потом...

Но Хэдер уже не слышала, что говорила ей миссис Гэррет. Ее отец? Сердечный приступ? Боже мой! Невероятно! Как такое могло случиться? Если мама позвонила и попросила ее приехать, значит, это очень серьезно. Но ведь отец сегодня утром бегал в парке и пришел домой, даже не запыхавшись!

Пятнадцатилетняя Хэдер вдруг почувствовала себя совсем маленькой и беззащитной. Неужели ее отец умрет?

Глава 8

Они находились в воздухе уже два часа, и Марк Блэйк-мур подумал, что если неловкое молчание продлится еще какое-то время, то он выпьет чего-нибудь покрепче и попытается уснуть.

Вообще говоря, в последнее время он стал много пить. В особенности в последние десять месяцев, после того как Пэтси ушла от него. Они прожили вместе восемнадцать

лет, и вот теперь он снова остался один. Расстались они довольно мирно — Пэтси просто заявила, что больше не может так жить и что оставаться женой полицейского у нее нет сил. У Марка не нашлось ответа. Он мог бы, конечно, сказать, что больше ничего не умеет делать, да и не желает менять свою жизнь. Но она упрекнула его еще и в том, что он много пьет. Конечно, если быть честным до конца, то она, безусловно, права. Он действительно много пил, но сейчас пить не стоило. В самолете даже небольшой глоток спиртного может вызвать тяжелую головную боль. Лучше попытаться выяснить у Энн, что сказал перед смертью этот негодяй.

— Может, поболтаем немного? — спросил он, усаживаясь поудобнее в кресле.

Энн молча смотрела на плотную пелену облаков и поначалу даже внимания не обратила на слова детектива.

— О Гленне? — спросила она, сделав вид, будто не понимает истинных намерений Марка. Его недавний развод показал, что Блэйкмур с полным равнодушием относился к своей жене, и поэтому глупо было надеяться заинтересовать его рассказом о муже. — Или ты хочешь поговорить о Ричарде Крейвене?

— Мне все равно, — ответил тот и равнодушно пожал плечами. — Хотя должен сразу признаться, что плохо умею выражать симпатии и соболезнования. Как иногда говорила Пэтси... — он запнулся и слегка покраснел. — Черт с ней! Неважно, что она там говорила. А вот что сказал Крейвен? Знаешь, у меня масса зависших дел на службе, и если ты поможешь мне закрыть хотя бы одно из них, это было бы здорово.

Энн решительно покачала головой:

— Поверь мне, Марк, если бы он действительно сказал мне что-либо достойное внимания, я непременно все рассказала бы тебе — рассказала бы даже то, что не вошло в мой репортаж. Я же прекрасно понимаю, что ты отдал этому делу много сил в последние годы. Но увы, он все время пел мне старую песню: он ничего не знает, ничего не видел, ничего дурного не делал, не имеет никакого отношения к сфабрикованному против него делу и так далее, и тому подобное.

Глаза детектива потемнели и сузились.

— Ты, наверное, думаешь, что человек старается сойти в могилу с чистой совестью и все такое прочее? Да, но только не Крэйвен. Это самый хладнокровный сукин сын из всех, которых мне доводилось встречать.

Они снова замолчали и погрузились в свои мысли, хотя и чувствовали, что думают об одном и том же. Именно поэтому его очередной вопрос не застал ее врасплох.

— Как ты думаешь, Энн, существует хоть какая-то вероятность нашей ошибки?

— У кого ты спрашиваешь? — спросила она с язвительной усмешкой. — У Энн Джейферс — первоклассной журналистки или у Энн Джейферс — добродорядочной гражданки и частного лица?

— Давай начнем с добродорядочной гражданки и жительницы нашего города.

— С этой точки зрения он, безусловно, виновен, — без всяких колебаний заявила Энн. — Виновен, виновен и еще раз виновен, как и было сказано в приговоре. Причем виновен не только в тех убийствах, за которые его осудили, но и во всех остальных.

— Хорошо, — согласился Марк, — а сейчас давай послушаем мнение первоклассной журналистки. Что она думает по этому поводу?

Энн широко расставила пальцы обеих рук, имитируя печатание на невидимой клавиатуре.

— Покажи мне репортера, который не захотел бы сорвать покров тайны с этого дела и обнаружить под ним нити заговора, жертвой которого стал невинный человек. Я имею в виду, Марк, не какое-то абстрактное желание, а вполне конкретную Пулитцеровскую премию.

Детектив настороженно посмотрел на собеседницу, очевидно, соображая, говорит она всерьез или просто издевается над ним.

— Означает ли это, что ты и сама не прочь попробовать свои силы?

Энн открыла было рот, собираясь ответить ему, но потом осеклась: она и сама еще не знала, что станет делать. Еще три часа назад все было так просто и ясно. Если Крэйвен осужден ошибочно, она тут же раскручивает это дело, доказывает его невиновность и в конечном итоге

получает Пулитцеровскую премию, не говоря уж о сотнях заманчивых контрактов, о написании книги и даже о постановке фильма. Ее ждет новая работа с такой зарплатой, что ее нынешняя чековая книжка покажется ей карманными расходами. Но после звонка Риты все изменилось. Все ее приоритеты полетели вверх тормашками.

— Знаешь, Марк, сейчас я понятия не имею, чем буду заниматься в ближайшее время. Не исключено, что вообще брошу все это ко всем чертям. Все зависит от самочувствия Гленна. Может так случиться, что мне придется взять отпуск и поухаживать за ним.

На лице детектива появилась недоверчивая ухмылка.

— Ты возьмешь отпуск? Да когда речь заходит о серьезном деле, ты становишься такой же одержимой, как и я. Все летит к черту — свободное время, нормальное питание, здоровый сон и даже семейные дела.

Энн почему-то так разозлилась, что тут же запальчиво возразила:

— Вот из-за этого Пэтси и ушла от тебя. А моя семья, слава Богу, в полном порядке.

Марк растерянно заморгал, а Энн спохватилась:

— Извини, Марк, я сказала глупость.

Она задумалась, вспоминая все обстоятельства своей семейной жизни. Конечно, у нее не хватало времени на семью. Она даже ужин вечером не могла приготовить из-за своей работы. А в последнее время Хэдер и Кевин все чаще и чаще ужинали без родителей, так как их просто невозможно было дождаться. Если быть честной до конца, то Марк, конечно же, прав. Она забывала практически обо всем, когда писала очередную статью, а над последней темой работала без малого пять лет.

Внезапно ее поразила неожиданная мысль: случился бы у Гленна сердечный приступ, если бы ее не так захватило дело Крэйвена? Чушь какая-то. Гленн был совершенно здоров, она не имела к его инфаркту абсолютно никакого отношения.

Или имела? Энн стала лихорадочно припоминать детали их семейной жизни. Когда они последний раз отдыхали вместе? А когда последний раз совместно провели уик-энд? Она так и не смогла припомнить, когда же это было.

Они все время работали и за работой пропустили день его рождения и годовщину свадьбы. Если она забыла о таких важных вещах, то как же она могла помнить о здоровье мужа? Могла ли она предвидеть надвигавшийся сердечный приступ? Появлялись ли на его лице признаки усталости или стресса? Все эти вопросы давили ее своей тяжестью, порождая чувства вины и раскаяния.

— Эй, Джейферс, прекрати, — проронил Марк, будто прочитав ее мысли. — Ты не виновата в том, что случилось с Гленном. Ты обращалась с ним не так, как я с Пэтси. Боже мой, бывали случаи, когда она не видела меня по несколько дней.

— А где я была все эти дни? В Сиэтле? Нет! О, Марк, я никак не избавлюсь от мысли, что могла предвидеть случившееся, если бы уделяла Гленну побольше внимания. Я должна была осознать, что чересчур напряженная работа обязательно свалит его.

— Хорошенько дело, — произнес Марк шутливым тоном. — Котел обвиняет чайник в том, что тот черный! Ты же сама такая, Энн!

Оставшееся время Марк Блэйкмур старался уводить разговор подальше от Ричарда Крэйвена и болезни Гленна, обнаружив вскоре, что осталась лишь одна тема разговора — его развод. Он рассказал своей спутнице почти обо всем, что имело хоть какое-то отношение к его семейным проблемам, и с удивлением сделал два открытия: во-первых, на Пэтси лежит такая же вина за развод, как и на нем, а во-вторых, с Энн Джейферс можно говорить практически на любую тему. Никогда еще у него не получалось столь откровенного разговора с женщиной. Он не мог понять, что бы это значило, и настороженно посматривал на нее, когда они выходили из самолета в Сиэтле. Не менее удивительным оказалось и другое обстоятельство: ее брак, несомненно, являлся достаточно прочным. Если бы она была одинокой...

Марк Блэйкмур попытался избавиться от этих навязчивых мыслей, но они, похоже, глубоко засели в его сознании и беспокоили душу, как заноза. Что же теперь делать? Опять увлечься чужой женой?

Превосходная перспектива, черт возьми!

Такси подъехало к центральному входу больницы, и Энн стала рыться в бумажнике, чтобы расплатиться по счетчику и оставить таксисту чаевые.

— Спасибо, мадам, — сказал водитель с таким жутким акцентом, что она с трудом разобрала его слова. — Не знаю, какая у вас стряслась беда, но, надеюсь, все будет нормально.

Рассеянно кивнув, она вытащила из машины небольшой плоский чемодан и вошла в здание больницы.

— Вам нужно пройти в отделение реанимации, — объяснил ей человек в красном пиджаке. — Пройдите в конец вестибюля, первый лифт направо, поднимитесь на третий этаж и налево. Там увидите нужное вам отделение.

Оказавшись на третьем этаже, Энн окунулась в пространство, ограниченное со всех сторон красноватыми стенами цвета «флэш». Очевидно, оформители были уверены в том, что цвет сырого мяса и крови должен наилучшим образом отражать специфику этого отделения и чем-то напоминать цвет кожи представителей неизвестной доселе расы. Энн с грустью подумала о том, что ее муж всегда ненавидел этот цвет, а сейчас, наверное, и подавно — если, конечно, он еще способен обращать внимание на подобные пустяки. Повернув налево, она увидела двойную стеклянную дверь и в растерянности остановилась.

— Мама, это здесь, — услышала она рядом с собой тихий голос Хэдер. В тот же миг дети повисли у нее на шее.

— Как он там? — спросила Энн с тревогой в глазах. — Что вам сказали?

— С ним все будет в порядке, — успокоила ее дочь. — Они нацепили на него множество каких-то аппаратов и проводов, но доктор сказал, что это просто для контроля.

Почувствовав некоторое облегчение, она устало опустилась на стоявший у двери стул. В нескольких футах от стула стоял небольшой столик с красным телефоном. Мысль о том, что жизнь Гленна уже вне опасности, была настолько приятной, что ей захотелось пошутить. Она посмотрела на Кевина и улыбнулась.

— Ты, наверное, попросил президента, когда снял трубку этого телефона?

Тот густо покраснел и кивнул:

— Не мог отказать себе в этом удовольствии.

— Я чуть не убила его, — вспылила Хэдер и угрюмо посмотрела на брата. — Отец, может быть, умирает в двух шагах от него, а он тут со своими дурацкими шуточками!

— Ничего он не умирает, — огрызнулся Кевин. — И вообще, Хэдер, оставь меня в покое! Это совсем не...

Махнув рукой на детские споры, Энн сняла трубку красного телефона, представилась и получила разрешение пройти в палату Гленна.

— Ваш муж в триста восьмой, — сообщила ей сестра. — Он сейчас не спит, но не рассчитывайте, что он будет с вами долго говорить, да и вам не следует слишком утомлять его. Договорились? Ему сейчас нужны покой и сон.

Дверь в палату была открыта, но Энн на мгновение застыла у порога, стараясь подготовиться к тому, что может увидеть внутри. Затем она собралась с силами, тяжело вздохнула, изобразила на лице жизнерадостную улыбку и решительно переступила порог палаты. Приготовленные загодя подбадривающие слова застыли на ее губах. В человеке, который лежал на больничной койке, никто не смог бы узнать ее мужа.

Его лицо было землисто-серым, а все тело словно съежилось и было опутано, как и сказала Хэдер, множеством трубочек и проводов. К одной руке Гленна была прикреплена внутривенная игла, а грудь почти полностью покрывали электроды, поставлявшие на мониторы информацию о состоянии больного. Даже непосвященный человек мог легко определить состояние его пульса, ритмичность дыхания и температуру тела. Конечно, на мониторы поступала масса и других данных, в которых Энн не смогла сразу разобраться. Если его жизнь действительно вне опасности, то почему же они так подробно фиксируют все параметры его жизнедеятельности?

Энн подошла поближе. Глаза Гленна внезапно открылись, но ей показалось, что он смотрит сквозь нее. Только минуту спустя ему удалось сфокусировать зрение и произнести первые слова.

— Думаю, что мне придется вернуться к обычным домам, — медленно выдавил из себя Гленн. — Высотные здания мне противопоказаны.

Слезы облегчения скатились по ее щекам. Она подошла к кровати, наклонилась над мужем и поцеловала его в лоб.

— Что же ты делаешь, Гленн? Ты представляешь, как ты напугал меня?

— Тебя? — грустно усмехнулся он. — А что же тогда говорить обо мне? Сперва я оказался жертвой невиданной акрофобии, а потом вдруг свалился, как колода!

Энн изумленно вытаращила на него глаза:

— Акрофобия? С каких это пор у тебя появилась акрофобия?

— Полагаю, что с сегодняшнего утра. Первый приступ начался на пятом этаже, а потом чем выше я поднимался, тем хуже мне становилось.

Она укоризненно покачала головой.

— Почему же ты не остановился? Почему продолжал подниматься? Ну да ладно. Бог с ним, с этим зданием. Скажи лучше, как ты себя чувствуешь?

Гленн сделал попытку пожать плечами, а потом слабо улыбнулся, когда из этого ничего не вышло.

— Как будто меня переехал автобус, причем самый большой, один из тех, что появились совсем недавно... — он попытался найти нужное слово, но его затуманенное лекарствами сознание наотрез отказалось ему помочь. — Как же они называются?

— Сдвоенные.

Гленн молча кивнул и закрыл глаза. Энн открыла было рот, собираясь что-то сказать, но в это время на пороге появилась сестра и так выразительно посмотрела на нее, что она поняла — пора уходить.

— Спи, дорогой, — тихо шепнула она мужу и поцеловала его в губы. — Спи и поправляйся. Я приду к тебе через некоторое время.

Энн тихонько вышла из палаты и обратилась к сестре:

— Где я могу найти его лечащего врача?

Та посмотрела на часы и задумалась.

— Через полчаса у него должен начаться обход, но я сейчас позвоню ему и все выясню.

После краткого разговора с доктором сестра мило улыбнулась:

— Доктор Фарбер спустится сюда минут через пять. Подождите, пожалуйста, в комнате отдыха.

Увидев мать, Кевин и Хэдер перестали препираться и бросились к ней.

— Что сказал папа? Ты видела его?

— Он сказал, что если ты не будешь слушаться меня хотя бы сейчас, когда он в больнице, то он выпорет тебя, когда выпишется.

Кевин огорченно закатил глаза и повернулся к сестре.

— Он, должно быть, сейчас спит.

— Ну что ж, — вздохнула Энн, — ты не должен винить свою мать за то, что она пытается образумить тебя.

Вспомнив глаза Гленна в первую секунду их встречи, она расплакалась, ничуть не стесняясь своей слабости.

— Он сказал, что чувствует себя так, словно побывал под колесами огромного автобуса. Он также сказал... — Энн запнулась и плюхнулась на диван. — Сказал, что все будет хорошо и через несколько дней...

— Миссис Джейферс? — прервал ее чей-то голос. Энн резко повернулась к двери и увидела на пороге мужчину в белом халате и со стетоскопом на груди. У него были темные волосы, глубокие голубые глаза и вид абсолютно уверенного в себе человека, хотя ему никто не дал бы больше двадцати пяти лет.

— Мне тридцать семь, — без лишних предисловий сказал он и протянул ей руку. — И я действительно доктор, а не практикант. Я даже стетоскоп ношу с собой только для того, чтобы меня не принимали за санитара. Горди Фарбер, — представился он.

— Энн Джейферс, — машинально произнесла она. — А это мои...

— Да, я уже познакомился с ними, — прервал ее на полуслове Фарбер. — Почему бы нам не присесть? Я вкратце опишу вам состояние вашего мужа. Может быть, вы хотите побеседовать в моем кабинете?

Энн покачала головой, и в ту же минуту на нее обрушился нескончаемый поток медицинских терминов. Увидев, что его собеседница даже глаза закрыла под таким натиском, Фарбер посмотрел на Кевина и лукаво подмиг-

нул ему: — Хочешь популярно объяснить своей маме, что случилось с твоим отцом?

— Инфаркт миокарда, — мгновенно отреагировал тот. — Так обычно специалисты называют сердечный приступ.

— Совершенно верно, — громко заявил Фарбер, полез в карман и извлек оттуда пятидолларовую банкноту. — И поскольку ты очень смывшленый парень, забирай свою сестру и быстренько веди ее в кафе.

Когда дети скрылись в лифте, доктор снова повернулся к Энн:

— У вашего мужа такой сердечный приступ, который мы в медицинском институте называли «улыбкой трупа». К счастью, он оказался довольно крепким мужиком. Дело даже не в его возрасте. Просто он силен физически, находился в великолепной форме и попал в руки великолепных спецов «Скорой помощи», что, пожалуй, самое главное.

Только сейчас Энн со всей ясностью поняла, что ее муж был намного ближе к краю пропасти, чем она думала вначале.

— Он очень плох?

— Хуже не бывает, — откровенно признался Фарбер, усвоивший еще с институтской скамьи, что лучше сказать правду, чем водить за нос и без того убитых горем родственников больного. — Откровенно говоря, его с трудом вытащили с того света. Практически он умер на руках у врачей «Скорой помощи», но им все-таки удалось вернуть его обратно.

Энн чуть было не задохнулась от неожиданности.

— Умер? — эхом повторила она. — Вы хотите сказать?..

Вопрос повис в воздухе, чего никогда не бывало с ней раньше. Как журналистка она всегда находила в себе силы уверенно вести любую беседу.

— В чем это выражалось? — с тревогой спросила она, надеясь, что Фарбер скажет ей всю правду, ничего не утавивая.

— У него остановилось сердце и прекратилось дыхание, — без всяких колебаний ответил тот. — Мы, конечно, вернули его к жизни, но он был в мире ином уже обеими ногами.

Ее вновь охватил ужас, преследовавший ее весь этот день. Ведь Гленн так и не смог вспомнить слово «сдвоенный».

— Боже мой, — с трудом выдохнула она. — Он... Его мозг...

Она так и не смогла сформулировать свой вопрос.

— Нет, сейчас все нормально, — утешил ее Горди Фарбер. — Его состояние стабильно, и через пару дней мы сможем точно сказать, что его ждет. Если не будет никаких непредвиденных осложнений, то он очень быстро поправится:

— А если произойдет что-то... непредвиденное?

Горди Фарбер расправил пальцы и посмотрел на них.

— Если это произойдет, то мы сделаем все возможное, чтобы спасти его. Но в данный момент есть все основания надеяться на его выздоровление, и пусть вас не пугает его вид. Если бы вы видели его несколько часов назад... — Фарбер встал и протянул ей небольшую брошюру, которую перед тем вынул из кармана своего белого халата. — Знаете, что я вам скажу? Прочитайте, пожалуйста, вот это и подумайте над содержанием. А я тем временем проверю всех своих пациентов. После окончания обхода я вернусь к вам и постараюсь ответить на все ваши вопросы.

Энн бросила взгляд на обложку и увидела два слова: «Сердечный приступ». Выразив свое согласие кивком головы, она откинулась на спинку дивана и долго смотрела на брошюру отсутствующим взглядом. Сердечный приступ. Всего лишь два дня назад... Да что там два дня, еще сегодня утром Гленн был совершенно здоровым человеком, сильным и... живым.

А после обеда едва не умер.

Она вспомнила его безжизненное тело, многочисленные провода и мониторы... А что если он не поправится? Если возникнут, как выразился доктор Фарбер, непредвиденные осложнения?

Нет, конечно, это окажутся не какие-то «осложнения», а второй инфаркт, который неизбежно закончится смертью.

Что же она тогда будет делать? Сможет ли она справиться с такой бедой? На ее глаза навернулись слезы, но она невероятным усилием воли заставила себя успокоить-

ся. Только расхныкаться ей недоставало. Нужно во что бы то ни стало держать себя в руках.

Энн открыла первую страницу брошюры, но так и не смогла прочитать ни единой фразы. Да и зачем ей вся эта китайская грамота? Ей нужно думать о муже и о своем будущем. И тут она неожиданно вспомнила о человеке, который не смог избежать своей печальной участи.

Ричард Крэйвен.

Всего лишь несколько часов назад она собственными глазами видела его предсмертные судороги на электрическом стуле и вот теперь должна красочно описать их в своем последнем очерке о знаменитом преступнике. Энн решила сосредоточиться на репортаже, чтобы выбросить из головы дурные мысли относительно возможности утраты Гленна.

Это будет репортаж о смерти, но, слава Богу, пока еще не о смерти мужа.

Когда Горди Фарбер вернулся в приемный покой, Энн уже почти заканчивала свой рассказ о казни Крэйвена, записывая его на диктофон.

Увидев доктора, она оставила свое занятие и терпеливо выслушала поставленный им диагноз. Диагноз был неутешительным, но она решила во что бы то ни стало вытащить мужа из могилы.

Она не отпустит его ни за что на свете.

Глава 10

Экспериментатор лежал в почти полной темноте, если, конечно, не считать тусклых бликов, отбрасываемых уличными фонарями на стены его комнаты. Он лежал неподвижно, стараясь уснуть и убеждая себя в том, что непременно нужно отоспаться.

Но только не сейчас. В эту минуту ему хотелось еще раз послушать репортаж с места казни.

Его пальцы погладили поверхность пульта дистанционного управления, и он живо представил себе давно забытое ощущение человеческой кожи.

Кожи одного из своих подопытных.

Это было так давно.

Да, прошло уже очень много времени с тех пор, как он прервал свои опыты. Однако сейчас, кажется, снова наступил благоприятный момент.

Хотя бы на какое-то время.

Он мягко нажал указательным пальцем на кнопку пульта, и с экрана телевизора зазвучал бодрый голос ведущего:

«И в завершение передачи еще раз о главном. Ричард Крэйвен был казнен сегодня в полдень на электрическом стуле после того, как его просьба о пересмотре дела была окончательно отклонена. Согласно заявлению корреспондентки "Сиэтл Геральд" Эни Джейферс, которая была последним человеком, разговаривавшим с Крэйвеном перед казнью, он не выразил абсолютно никаких сожалений о содеянном, хотя ему были предъявлены неопровергимые доказательства его вины. Понадобилось около одиннадцати часов, чтобы зачитать приговор...»

Экспериментатор злорадно захихикал, сожалея о том, что никто не может разделить с ним его радость. Ничего, вскоре весь мир узнает о его остроумной шутке.

Сколько же времени прошло с тех пор, как он провел свой последний эксперимент?

Так много, что он даже забыл выражение глаз своих подопытных в те минуты, когда он убеждал их в том, что все будет нормально. Правда, он по-прежнему отчетливо помнил острый диск хирургической пилы, легко разрезающий грудную клетку, и необыкновенно приятное тепло, в которое погружались его руки, ощупывая легкие и трепетно бьющийся комок сердца...

Экспериментатор застонал, представив себе невыразимое удовольствие от ощущения человеческого тепла.

Сейчас он мог начать все сначала, доказав тем самым, что они казнили невинного человека. Он целых два года сгорал от нетерпения, ожидая того момента, когда сможет вновь приступить к своим экспериментам. Целых два года он подтверждал своей бездеятельностью мнимую истинность предъявленных тому человеку доказательств его вины.

Как только он возобновит свои эксперименты, все эти кретины сразу же поймут, что допустили непростительную

оплошность, казнив невиновного. Как бы ему хотелось оказаться маленькой букашкой и незаметно полюбоваться глупым выражением их лиц, когда они узнают о новых жертвах.

Разумеется, они без особого труда узнают его почерк. В этом нет абсолютно никаких сомнений, как, впрочем, и в том, что они попытаются отвернуться от ужасной истины. Они будут всячески доказывать несопоставимость прежних и новых происшествий, выискивать различия в технике проведения экспериментов, и все это только для того, чтобы сохранить незапятнанной свою репутацию и честь мундира.

Но самая ужасная участь постигнет Энн Джейферс. Ей придется не только признать свою ошибку в оценке Ричарда Крэйвена, но и взять на себя ответственность за его гибель. Ведь именно она преследовала его до самой последней минуты, горячо убеждая всех сомневающихся в его виновности, хотя ей так и не удалось добиться от него признания.

И вот сейчас Энн Джейферс станет его очередной мишенью. Разумеется, он немного поиграет с ней, предоставив ей возможность увериться в своей правоте, а потом осторожно посеет в ее душе горькие семена сомнений и доведет ее до отчаяния, когда она осознает всю трагичность происшедшего. Вот тогда-то она и станет предметом его исследований.

Его пальцы погладили шершавую поверхность пульта — и в то же мгновение экран телевизора погас, на нем осталось лишь небольшое постепенно угасавшее пятнышко.

Оно исчезло так же неумолимо, как умерли все его жертвы.

Но их смерть не была напрасной. Точнее сказать, это была не просто смерть, а всего лишь неудачные эксперименты, каждый из которых вносил свою лепту в расширение фундаментальных знаний о человеке. Он уже давно понял: знания о человеке являются гораздо более важными, чем суетная жизнь самого человека. Если великий Сократ считал, что душа человеческая непостижима в своей сущности, то Экспериментатор придерживался совершен-

но противоположного мнения. Для него жизнь являлась не какой-то философской абстракцией, а вполне конкретным предметом исследования и изучения. Пока все эти тупоголовые власти отчаянно преследовали бедняжку Крэйвена, он окончательно убедился в том, что жертвы оказались не напрасны — их смерть внесла значительный вклад в теорию жизни, хотя, конечно, это было так же болезненно, как и смерть Ричарда Крэйвена на электрическом стуле.

Сейчас, когда Крэйвена уже нет, пора приступить к новым исследованиям. Это, безусловно, расширит его знания о человеческой жизни и к тому же докажет всем тупоголовым сыщикам, что он намного умнее их всех вместе взятых.

Его внимание привлекло движение за окном — по тротуару шла какая-то женщина. Куда она идет? На работу? Или, может быть, возвращается домой после вечерней смены? Какая, в сущности, разница? Никакой. В данный момент важно лишь то, что она привлекла его внимание. Почему бы ему не начать с нее, раз уж пришло время для продолжения опытов?

Нет, пожалуй. У него еще будет возможность подобрать более подходящий экземпляр.

Экспериментатор злорадно улыбнулся, вспомнив обстоятельства своего последнего опыта. Тогда все сыщики, вся их огромная команда, долго ломали головы над поиском общих признаков, которые могли бы объединить все жертвы в единственно верной концепции следствия. Естественно, они не смогли ничего найти и снова бросятся к своим записям и протоколам, как только найдут остатки его очередного эксперимента.

Да, они долго будут искать то, чего никогда не найдут.

Мысль о том взрыве эмоций, который неизбежно станет следствием его нового эксперимента, была настолько приятной, что он ухмыльнулся и отошел от окна. День оказался настолько трудным и долгим, наполненным всевозможными волнениями, что пора уж и отдохнуть. Завтра ему предстоит тщательно обдумать новую серию опытов.

Экспериментатор еще раз согнул и разогнул пальцы в предвкушении очередных открытий...

На следующее утро, когда серая пелена нависла над Сиэтлом, тысячи жителей этого города склонились над своей обычной чашкой кофе и бросили взгляд на первую колонку местной газеты, где была помещена небольшая заметка:

ЭНН ДЖЕФФЕРС

ПОСЛЕДНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О РИЧАРДЕ КРЭЙВЕНЕ

Вчера в полдень завершился пятилетний период ужаса, охватившего многие штаты, города и поселки нашей страны. Ричард Крэйвен окончил свою жизнь на электрическом стуле. Он был обвинен в трех убийствах, хотя на самом деле совершил намного больше злодеяний, включая семь нераскрытых убийств в своем родном городе Сиэтле. По просьбе самого осужденного автор этих строк была приглашена для беседы с ним за несколько минут до казни. Во время разговора...

— Что она вытворяет, эта чертова баба?

Голос, прогремевший в кабинете Марка Блэйкмура в здании Управления общественной безопасности, был настолько знакомым, что Марк даже головы не поднял от газеты, тем более что он уже давно поджидал своего шефа и был готов к очередной вспышке начальственного гнева. Как только он пробежал глазами утренний номер «Геральд», то сразу понял, что скоро в его кабинет ворвется Джек Маккарти, скомкает газету в своем огромном кулакице и побагровеет так, словно ему только что нанесли смертельное оскорбление. Однако мало кто знал, что таково было нормальное состояние белокурого шефа отдела убийств.

Марк предусмотрительно отодвинул в сторону чашку, зная, что Джек сейчас хлопнет газетой по столу.

— «Семь нераскрытых дел»! Каково! — грохотал Маккарти. — Что за чушь собачья? Когда она все это написала? Ты же говорил мне, что ее муж находится в этой долбаной больнице!

— Да, верно, — спокойно ответил Марк и откинулся на спинку стула, как бы пытаясь отдалиться от праведного гнева своего шефа. — Как раз сегодня утром я отправил ей небольшой букет цветов в надежде, что это хоть как-то подбодрит ее.

Лицо Маккарти побагровело еще сильнее, и Марк испугался, как бы его начальник не лопнул от злости. Увидев, что на шее шефа вспутилась темная жила, Марк решил попытаться охладить его пыл.

— Знаешь, Джек, если Эккерли услышит, что ты назвал Энн Джейферс «чертовой бабой», то она еще до обеда предъявит тебе обвинение в сексизме и мужском шовинизме.

Это подействовало на шефа как холодный душ. Джек Маккарти резко обернулся и окинул кабинет Марка тревожным взглядом. Офицера Эккерли в кабинете не было.

— Боже мой, Блэйкмур, не надо так жестоко шутить. Мне осталось всего три года до пенсии и очень не хотелось бы, чтобы на меня навесили это дермо.

Джек плюхнулся на стул неподалеку от Марка и угрюмо уставился на газетную фотографию Энн Джейферс, сопровождавшую ее очерк.

— Ты знал, что она собирается написать эту чушь?

Блэйкмур пожал плечами:

— Она же должна была написать что-нибудь, верно? Надеюсь, ты не забыл, что она журналистка? Зачем тогда ее приглашать на саму процедуру казни?

— Понимаешь, она так написала, что можно подумать, будто она говорила с самим Крэйвеном, лежащим в могиле.

Голубые глаза Маккарти заметно потемнели.

— Он долго мучился, Марк? — спросил Маккарти, наклонившись вперед. — Черт бы тебя побрал, скажи мне, что он корчился в судорогах! Скажи, что этот сукин сын наделал в штаны, пока они поджаривали его! — Маккарти сильно стукнул кулаком по своей ладони. — Господи, как бы мне хотелось самому врубить эту штуку!

Марк Блэйкмур нервно заерзал на стуле и подумал, что не позавидуешь тому, кто навлек на себя подобный гнев его шефа. Он даже пожалел Энн Джейферс. Но, с другой стороны, в их отделе нельзя было найти ни единого человека, который осмелился бы выразить сочувствие Ричарду Крэйвену, — работники отдела слишком много знали о его жертвах. Да и самого Блэйкмура едва не стошило, когда он пришел в морг и увидел одну из жертв убийцы. Поначалу все шло нормально, но когда медики сказали Блэйкмурю, что жертва была жива во время вскрытия грудной клетки, он извинился и выбежал в туалет, где долго стоял над раковиной. Но сейчас Крэйвена уже казнили, и поэтому слова Маккарти встревожили Блэйкмура, тем более что вскоре посыпались жалобы на Энн Джейферс и от других членов их группы. Он вспомнил свою беседу с Энн, когда они летели назад в Сиэтл. Возможно ли хоть самое ничтожное сомнение в их правоте?

— Почему она до сих пор пинает дохлую лошадь? — спросил сидевший до этого молча Фрэнк Лавджой. — Ведь она занималась Крэйвеном около пяти лет. Неужели ей не надоело?

— Пусть пишет, что хочет, черт бы ее побрал, — прорвorchал Маккарти. — Нам пора заняться другими делами. Кстати, Фрэнк, что там по поводу того трупа, который вчера ночью был доставлен в Харборвью? Меня это касается каким-либо образом? Следует ли мне ждать звонка мэра?

Лавджой сокрушенно покачал головой:

— Очередная разборка. Мне иногда кажется, что мы должны выпустить всех этих подонков на волю, чтобы они перебили друг друга. Недоноски проклятые.

Маккарти одобрительно хмыкнул и снова посмотрел на Блэйкмура.

— Так, и чем же ты, интересно, будешь теперь заниматься — после Крэйвена?

Хотя было только восемь часов утра, Марк устало вздохнул и показал на кучу папок с нераскрытыми делами, покончившихся на его рабочем столе. А в дальнем углу кабинета громоздилось полдюжины коробок, доверху забитых бумагами. Несколько лет он фиксировал всю информацию, касавшуюся Ричарда Крэйвена и его предполагаемых

жертв, собирая ее по крупицам со всех концов страны. Вместе со своей партнершей Лоис Эккерли он тщательно изучил обстоятельства тех преступлений, которые прекратились с арестом Крэйвена, но так и не нашел никакой зацепки. Они много раз перерывали все коробки, перечитывали все бумаги, анализировали все известные им факты, но найти хоть какую-то связь с Ричардом Крэйвеном так и не смогли. Однако он чувствовал: нечто в этих коробках ускользнуло от их внимания. Чутье опытного сыщика подсказывало ему: в накопившейся куче бумаг должен найтись хотя бы один маленький факт, который поможет им связать воедино все эти дела. То же самое чутье говорило ему: в деле Крэйвена что-то не так, в нем есть некая тайна, которую еще никто не разгадал. Иногда, в самые тяжелые дни, когда отчаяние подступало к горлу и не давало возможности спокойно работать, Марку удавалось убедить себя в том, что он не может раскрыть эту тайну лишь из-за отсутствия самой тайны. Но почему же тогда выработанная годами работы интуиция упорно убеждала его в виновности Крэйвена? Ведь в течение последних двадцати лет Блэйкмур постоянно руководствовался профессиональным чутьем, и оно практически никогда не подводило его. Он снова вздохнул и удрученно посмотрел на папки с делами. Может быть, действительно, сбрать всю эту макулатуру и отнести в хранилище, чтобы она не мозолила ему глаза и не дразнила его каждый Божий день. Марк повернулся к Маккарти и кивнул в сторону коробок:

— В первую очередь мне нужно убрать отсюда весь этот мусор.

Голова Джека Маккарти несколько раз дернулась в знак одобрения. Он направился к двери, но неожиданно остановился и еще раз посмотрел на газету, которая в это утро так испортила ему настроение.

— Как ты думаешь, эта Джейферс еще долго будет паразитировать на деле Крэйвена? — поморщившись, спросил он.

Марк Блэйкмур вспомнил свой недавний разговор с Энн и пожал плечами, демонстрируя свое полное равнодушие к теме разговора. Какой смысл усугублять и без того мрачное настроение шефа?

— Откуда мне знать? — ответил он вопросом на вопрос. — Я же не могу читать ее мысли.

Проворчав что-то невразумительное, Маккарти вышел из кабинета Блэйкмура, чувствуя приближение нового обострения язвы. Снова придется сидеть на одном молоке и отказаться от любимых сэндвичей с острым копченым мясом. Ну и черт с ними! Никто еще не доказал, что именно в жратве заключаются все прелести жизни.

Пока шеф отдела по расследованию убийств ковылял к выходу из здания, в офисе появилась Лоис Эккерли, с трудом удерживая в равновесии две чашки кофе и водруженную на них коробку с пончиками.

— Что случилось с Маккарти? — поинтересовалась она, осторожно опуская коробку на стол Марка. — Он так посмотрел на меня, что я чуть было чашки не уронила.

В этот момент ее взгляд упал на торчавшую из-под коробки газету, и она все поняла.

— А, Энн Джейферс, — глаза Лоис вопросительно уставились на партнера. — Ты знал об этом?

— Отчасти, — Марк снял крышечку с чашки и откусил кусок покрытого шоколадом пончика.

— И?.. — решила надавить на него Лоис, увидев, что он не намерен продолжать разговор. — И что?

Эккерли плюхнулась на стул и впилась в партнера взглядом, недвусмысленно дававшим понять, что либо он расскажет ей все, что знает, либо она будет истязать его расспросами похлеще его бывшей жены. Безошибочно уловив эту угрозу в глазах сотрудницы, Марк закрыл дверь кабинета и вкратце пересказал Лоис все события предыдущего дня.

— И что же ты думаешь по этому поводу? — заинтересованно спросила она, когда он закончил свой рассказ. — С этим покончено или нет?

Блэйкмур немного подумал, а потом решил прислушаться к своему чутью. Взяв в руки газету, он разорвал ее на узкие полоски и швырнул в корзину.

— Да, с этим покончено, — твердо промолвил он. — Дело закрыто, насколько я могу судить.

Когда он поднес ко рту чашку с кофе, его взгляд невольно упал на корзину для бумаг. Оттуда на него упря-

мо смотрели запечатленные на фотографии глаза Энн Джейферс.

Глава 12

...Ричард Крэйвен по-прежнему настаивал на своей невиновности и отвергал все предъявленные ему обвинения. Даже в это последнее утро он отрицал свою вину, а я никак не могла понять, какие мотивы лежат в основе столь очевидной лжи. Ведь он прекрасно знал, что через несколько часов его жизнь оборвется на электрическом стуле.

Может быть, он надеялся на то, что казнь будет в последнюю минуту отменена?

Вряд ли, так как, несмотря на огромные толпы противников смертной казни, собравшихся у здания тюрьмы, губернатор Коннектикута и суды высшей инстанции со всей решительностью заявили, что не допустят пересмотра дела.

На что же в таком случае рассчитывал Ричард Крэйвен, продолжая лгать мне?

Возможно, он просто пытался превратить меня в свою последнюю жертву, оставив наедине с вопросами, которые все еще остаются без ответа...

— Как она посмела написать подобную мерзость? — Голос Эдны Крэйвен охрип от гнева, а газета запрыгала в дрожащей руке. Она швырнула газету на кухонный стол и сжала кулаки. Это уж слишком! Когда же они угомонятся? Еще и двадцати четырех часов не прошло с тех пор, как Ричард, се замечательный талантливый Ричард был жестоко убит, а эта дрянная Джейферс снова поливает его грязью, в который раз повторяя жуткие измышления, накопившиеся у нее за последние пять лет.

Горько. Ужасно горько. Эдна давно уже поняла, что Энн Джейферс когда-то была влюблена в Ричарда, а когда тот отверг ее наглые домогательства, безответная любовь тут же переросла в жгучую ненависть. Чем еще можно

объяснить тот непреложный факт, что Энн Джейферс все эти годы преследовала ее сына с упорством, достойным лучшего применения? Почему она даже сейчас поливает его грязью? За последние годы Эдна отправила немало писем в редакцию «Сиэтл Геральд», протестуя против необоснованной клеветы на Ричарда, но редакция ни разу не ответила ей. Правда, однажды ее письмо появилось в газете, но Энн Джейферс тут же обрушила на нее такие грязные инсинуации, от которых волосы дыбом встали. В одной из своих статей она выдвинула предположение, что все поступки Ричарда якобы вытекают из особого характера его отношений с матерью. Эдна чуть в обморок не упала, когда прочитала эту белиберду. От одной мысли о том, что имела в виду Джейферс, Эдну мороз продирал по коже. Так опорочить чистую любовь между матерью и сыном...

Даже сейчас от воспоминания о той гадкой статье у Эдны закипала кровь в жилах. Она невольно бросила взгляд на своего второго сына, который сидел напротив нее.

— Рори!

Это имя каждый раз напоминало ей о ее любимом киноактере Рори Кэлхауне, в честь которого она и назвала младшего сына. Кэлхаун был необыкновенно красивым и сильным мужчиной в отличие от ее Рори. К сожалению, ее младший сын во всем пошел в отца — слабого и безвольного человека, оставившего Эдну на произвол судьбы после рождения Рори. Она осталась безутешной матерью-одиночкой, и только Ричард постоянно заботился о ней, помогая ухаживать за малышом, поддерживая порядок в доме и при этом получая прекрасные оценки в школе.

Ричард был гениальным мальчиком.

А Рори...

Эдна посмотрела на сына, и ее губы сжались от раздражения и разочарования. Рори спокойно поедал кашу, словно ничего страшного не произошло и его брат не был убит вчера этими негодяями. Да, именно убит, и неважно, что они там говорят и пишут. Пусть называют свое злодейство как угодно, но она-то хорошо знает, что его просто-напросто линчевали. В самых потаенных уголках ее сознания

ния уже давно поселилась мысль, что Рори, родному брату Ричарда, на это совершенно наплевать, иначе он не посмел бы притащить сегодня утром в дом эту мерзкую газетенку.

— Ты слышишь меня? — повысила голос Эдна, еще сильнее поджав губы и гневно сверкнув глазами.

Рори Крэйвен поднял голову от спортивной страницы, продолжая пережевывать кашу. Эта старая сучка снова собирается пилить его до самого вечера. Никак она не может угомониться, черт бы ее побрал. Вот уже почти тридцать лет он пытается угодить ей, но все напрасно. А в последние два дня она вообще рехнулась на почве сострадания к своему любимому Ричарду. Рори специально взял на работе отгул, чтобы посидеть с матерью. Ей могли понадобиться его помощь и поддержка в такую минуту. Однако сейчас Рори уже понял, что напрасно пришел сюда. Вчера он весь день слушал ее бесконечные причитания по поводу смерти Ричарда — он был умным, он был талантливым, он был гениальным, он был просто замечательным сыном и так далее, и тому подобное. Рори старался не обращать внимания на весь этот бред, так как уже давно привык к нему и прекрасно понимал, что она хочет сказать. Вот и сейчас ее слова эхом отдавались в его сознании:

— Ричард был умным, *не то, что ты!*

— Ричард был замечательным, *в отличие от тебя!*

— Ричард был хорошим сыном, *чего не скажешь о тебе!*

Рори с малых лет понял, кого она любит больше всех и всего на свете. Даже когда Рори был совсем маленьkim, она постоянно твердила, что надо во всем брать пример с Ричарда, стараться походить на него, поскольку Ричард — образец человеческого совершенства. «*Почему ты не можешь получать такие же хорошие отметки, как Ричард? Почему ты не можешь вести себя так же хорошо, как Ричард?*»

Ричард начал говорить, когда ему не было еще и восьми месяцев!

Ричард начал ходить, когда ему было меньше года!

Ричард — гений!

Ричард, Ричард, Ричард!

Он слышал это почти каждый Божий день — даже тогда, когда Ричард поступил в колледж и вскоре переехал в

собственный дом. Рори тоже сделал все возможное, чтобы поскорее сбежать от слишком назойливой мамаши. Он снял небольшую квартиру на Капитолийском холме, где жил уже почти двенадцать лет. Но бегство из родного дома ничего, в сущности, не изменило. Мать по-прежнему недолюбливала младшего сына и использовала малейшую возможность, дабы показать ему это. Ее нелюбовь к Рори была настолько глубокой, что она выбросила из дома все его вещи, все, чем он когда-либо пользовался.

— Не правда ли, сейчас стало намного лучше? — ехидно спросила она Рори, когда тот пришел к ней после очень долгого перерыва. — Это мы с Ричардом сделали. Конечно, у него сейчас есть свой дом, но, мне кажется, у него должна быть и здесь своя комната. Надо же ему иметь возможность хоть где-нибудь уединиться, чтобы подумать.

В тот момент Рори вдруг захотелось ударить свою мать, наорать на нее. Разумеется, он не сделал этого, а сделал то, что делал всегда — согласился с ней, сухо заявив, что комната действительно стала намного лучше и что Ричарду она действительно нужна позарез.

Рори всегда старался не волновать мать, не злить ее по-напрасну, не требовал к себе никакого внимания с ее стороны и не делал ничего такого, что могло бы вызвать ее гнев и раздражение. При этом он тайно лелеял надежду, что когда-нибудь она полюбит его так же, как все эти годы любила Ричарда.

Годы проходили, а душевная боль все накапливалась и накапливалась, не прорываясь наружу. Рори стойко выносил все мелочные придирики, с надеждой ожидая того дня, когда и на его улице настанет праздник. Эта надежда укрепилась, когда в городе начались убийства и поползли слухи, будто в них повинен Ричард. Тогда ему показалось, что мать наконец-то оценит его или хотя бы заметит, но не тут-то было. Она еще сильнее привязалась к Ричарду, доказывая каждому встречному, что ее любимый сыночек просто не мог совершить все те мерзости, которые ему приписывают.

Ричард был хорошим мальчиком.

Ричард — предел совершенства.

Ричард, Ричард, Ричард!

И даже сейчас, когда Ричарда уже нет на свете, все начинается сначала! Ричард был умницей, а Рори — идиот! Нет, ровным счетом ничего не изменилось.

Но почему?

Почему она не может полюбить его?

Почему она не защищает его так, как защищает Ричарда?

Что он такого сделал? Какой ужасный проступок совершил?

Вместо того, чтобы спросить ее об этом, Рори оторвался от газеты и посмотрел на мать усталыми глазами.

— Что, мама? Я читал...

— Что читал? Спортивные новости? — заорала она так громко, что Рори даже вздрогнул от неожиданности. — Как ты можешь читать о спорте, когда с твоим братом случилось такое несчастье? Неужели тебе совершенно безразлично, что они сделали с ним? — она выхватила у него газету и ткнула в лицо фотографию Энн Джейферс. — Тебе безразлично, что эта женщина глумится над его памятью?

Рори забрал у матери газету, посмотрел на фотографию и медленно встал.

— Это не они с ним что-то сделали, мама. Он сам это сделал с собой. Он убил всех этих несчастных людей, а они просто доказали его вину и заставили заплатить за все преступления. Случилось то, что и должно было случиться.

Рори направился к двери.

Эдна мгновенно вкочила на ноги и дрожащими руками запахнула полы халата. Подбежав к Рори, она грубо схватила его за руку и властно повернула его к себе лицом.

— Не смей так говорить! — злобно прошипела она и угрожающе придинулась к сыну. — Никогда не говори о своем брате подобным тоном! Никогда!

У Рори пересохло во рту, а в животе начались рези. Так бывало почти всегда, когда его мать распалялась и начинала орать на него. Он покорно кивнул и хотел вырваться из ее цепких рук, но она не отпускала его.

— Скажи, что ты сожалеешь, — потребовала она. — Извинись!

Он извинился.

Мать отпустила его, и он тут же покинул ее дом, направившись прямо на завод корпорации «Бонг», где работал на сборочной линии. По пути он тщательно обдумывал сложившуюся ситуацию, пока наконец не пришел к окончательному выводу, что ему не стоит рассчитывать на любовь матери, так как он никогда не сможет стать Ричардом.

Но, может быть, ему все же удастся стать похожим на Ричарда?

Глава 13

Ричард Крэйвен мертв, но раны его родных и близких еще кровоточат, а в ушах этих несчастных людей все еще звучат вопросы.

Последний вызов Ричарда Крэйвена висит над всеми нами как тяжкое проклятие. Если Ричард Крэйвен сказал правду, в чем автор этих строк сомневается, то, следовательно, убийца все еще живет среди нас.

Я, Энн Джессифферс, намерена принять последний вызов Ричарда Крэйвена, но отнюдь не для того, чтобы реабилитировать его.

Я намерена бросить еще один взгляд на последствия так называемых «убийств Крэйвена» и тем самым ответить на вопросы, остающиеся до сих пор открытыми.

Главный вопрос: известно ли нам точное число жертв? Не ожидают ли нас новые ужасные находки среди окружающих наш город холмов и долин?

Может быть, именно эти новые жертвы дадут нам бесспорные доказательства причастности Ричарда Крэйвена ко всем предыдущим убийствам? Это успокоило бы наконец полицию и разрешило бы все наши сомнения. Стоит ли спрашивать, что намерена предпринять полиция, дабы окончательно закрыть эту позорную страницу в истории нашего города?

Думаю, что стоит. Думаю, что призрак Ричарда Крэйвена будет витать над нашим городом до тех пор, пока...

— Нужно обязательно поговорить с ней. Обязательно. — Шейла Херрар произнесла эти слова громко, так как не опасалась, что кто-нибудь сможет подслушать ее. Впрочем, даже если бы кто-нибудь и услышал ее слова, то все равно ничего не смог бы понять. В этой паршивой гостинице с убогой мебелью, куда она переселилась около двух месяцев назад, никто и знать не хотел о ее существовании. Большинство постояльцев гостиницы походило на Шейлу. Они думали только о хлебе насущном и каждое утро просыпались с единственной мыслью — как бы прожить еще один день и найти работу. Однако удача постепенно изменила им, перенося этот жуткий вопрос на следующий день. Большую часть времени Шейла проводила на площади Пионеров, где ей иногда предлагали что-нибудь выпить и перекусить.

Все это время она надеялась на то, что в конце концов найдется человек, который даст ей работу. Но как только она получала стаканчик вина от какого-нибудь доброго человека, она тут же приходила к выводу, что ее время ушло, что слишком поздно надеяться на хорошее место. Куда бы она ни пошла, все сразу замечали, что от нее пахнет алкоголем — постоянным спутником жизни почти всех индейцев.

«Мы не индейцы, мама, — часто говорил ей сын. — Мы — коренные американцы. Мы жили здесь задолго до того, как сюда пришли белые люди и покорили нас. Они истребили наш народ, отобрали наши земли и превратили нас в рабов!»

Вспомнив слова сына, отзовавшийся эхом в ее душе, Шейла залилась горькими слезами, но потом сосредоточилась на газете и вытерла глаза рукавом блузки. Через несколько минут она отложила газету и посмотрела в окно.

Интересно, что подумал бы о ней Дэнни, если бы увидел ее в эту минуту?

К сожалению, он уже никогда не увидит ее.

Поэтому какое кому дело, что она живет в такой задрипанной гостинице. А ведь когда-то они жили в небольшой, но вполне уютной квартирке на Йеслер Террас и постоян-

но надеялись когда-нибудь перебраться в более приличный район города. Сейчас Дэнни не знает, где она живет, так как его уже давно нет в живых.

И Шейла хорошо знала, кто убил его.

Ее восемнадцатилетнего сына убил Ричард Крэйвен, как, впрочем, и многих других. Шейле подсказывало это ее чутье, которое еще не было сожжено обильным употреблением алкоголя.

Собственно говоря, кому какое дело до ее пристрастий? Ведь Дэнни все равно нет рядом с ней!

Всем наплевать.

К ее горю все остались безучастными даже тогда, когда она попыталась вызвать полицию и потребовать хоть что-нибудь предпринять для розыска ее сына. Она не жалела сил, пытаясь расшевелить полицию: каждый Божий день приходила в полицейский участок, заполняла там всевозможные бумаги и разговаривала с чиновниками, но они оставались совершенно равнодушными к ее просьбам, и она прекрасно знала почему.

Потому что они были индейцами.

Именно индейцами, а не коренными американцами, как гордо называл когда-то Дэнни себя и свой народ.

Нет, Шейла прекрасно понимала, что она для всех индейца, хотя никто не называл ее так в лицо. К сыну ее относились примерно так же, как к ней. Все считали, что он пьет, гуляет и даже не прощается со своей матерью, когда уходит из дома. А когда она доказывала, что он хороший мальчик, что он ходит в школу и много работает, ей никто не верил. Конечно, если бы ее Дэнни был белым, если бы она была белой, дело обстояло бы иначе. Вот тогда они бы искали его. А так никого не волнует, куда делся какой-то индейский мальчик.

Когда Дэнни не вернулся домой в тот день, она потеряла интерес ко всему окружающему. Боль в душе стала невыносимой, и ей приходилось все чаще и чаще заглушать ее алкоголем. Дошло до того, что она потеряла работу и никак не могла найти новую. Она пила все больше и все чаще, окончательно смирившись с тем, что жизнь для нее утратила всякий смысл. В конце концов она оказалась в этой жуткой гостинице, где каждый наступивший день походил на предыдущий и не давал ей никаких надежд на

будущее. Она спала в своей крохотной комнатушке и каждый вечер убеждала себя в том, что завтра произойдет что-то новое и радостное. Однако наступал новый день — и все оставалось по-прежнему.

Но когда она прочитала в газете о человеке, который убил ее сына, ей показалось, что этот день станет переломным в ее жизни. Может быть, она соберется с мыслями, перестанет пить и даже найдет работу.

Но самое главное состояло в другом: возможно, ей удастся поговорить с этой Энн Джейферс и, возможно, она выслушает ее и хоть как-то успокоит ее душу. Если бы хоть кто-нибудь выслушал ее, то, может быть, ее боль хоть немного утихла бы.

Оставив на неубранной постели газету, Шейла спустилась вниз к телефону-автомату и порылась в кармане в поисках монеты.

К счастью, ту страницу, которая ей требовалась, никто еще не вырвал из справочника. Отыскав нужную строку, она опустила в автомат двадцатипятицентовую монету и набрала номер, дожидаясь ответа из редакции «Сиэтл Геральд».

— Если вы хотите оставить сообщение для Энн Джейферс, — прозвучал мелодичный голос, — нажмите кнопку «один».

Шейла Херрар нажала кнопку и сразу же начала говорить:

— Меня зовут Шейла Херрар. Ричард Крейвен убил моего сына. Если вас это интересует, приходите ко мне, и я расскажу вам все.

Пробормотав в трубку свой адрес и номер телефона-автомата, она вернулась в свою комнату. Интересно, что будет дальше? Неужели Энн Джейферс не заинтересуется ее информацией? Если нет, то она такая же, как и все остальные.

Глава 14

Он спрятался в темноте, надеясь, что его никто не найдет, но где-то вдали послышались шаги. Это были шаги взрослого человека, который неумолимо приближался к нему

Он затаил дыхание, опасаясь, что даже малейший вздох может выдать его местонахождение, и тогда отец найдет его. Конечно, глупо было надеяться отсидеться в укрытии, так как отец и без того знал, где скрывается его сын, и всегда находил его. Где бы сын ни прятался, зловещие шаги отца всякий раз неумолимо приближались к нему, рождая в душе невыразимый ужас.

Иногда мальчику казалось, будто он вот-вот умрет от страха, однако смерть щадила его. Вот и сейчас он сжался в маленький комочек и подумал, что не умрет никогда и весь этот ужас будет продолжаться вечно.

Он хорошо знал, что произойдет в следующую минуту, но не мог понять, почему это должно произойти, что плохого он сделал своему отцу и чем заслужил подобное наказание.

В конце концов он пришел к выводу, что отцу просто нравилось это делать.

Мальчик никак не мог вспомнить, когда это все началось, как, впрочем, не мог вспомнить и того времени, когда этого не происходило. Это наказание преследовало его всегда и висело над ним как первородное проклятие.

Шаги отца звучали все ближе и ближе, а мальчику в этот момент хотелось сжаться до такой степени, чтобы стать невидимым, полностью исчезнуть, — тогда отец никогда больше не найдет его. Раньше мальчик часто молился, но и молитвы не помогали ему.

Отец уже вплотную подошел к двери. Вот сейчас он распахнет ее, и яркий луч света разрежет темноту, обнаруживая забившегося в угол мальчика. Так и случилось.

Может быть, он выдал себя резким движением руки, закрывая глаза от яркого света?

В тот же миг огромная лапа повисла над маленьким комочком плоти, затаившим дыхание от животного страха. Мальчик не выдержал и начал тихонько всхлипывать, подрагивая всем своим тельцем. Он знал, что должен держать себя в руках.

Должен был, но не мог.

Волосатая рука схватила мальчика, приподняла его и понесла туда, где все было залито ярким светом и где стояла та проклятая койка, которую отец специально притащил в подвал. Вскоре мальчик был туго привязан к ней за руки и за ноги, а отец начал медленно раздеваться.

Самое ужасное началось тогда, когда отец спал прикреплять к его телу металлические зажимы. Вначале он прикрепил их к пальцам ног и рук, что было еще более или менее терпимо. А вот когда он начал цеплять зажимы к маленьким соскам его груди, мальчик не выдержал и застонал, понимая при этом, что его никто не услышит.

И все же самую ужасную боль он испытывал тогда, когда отец прикреплял зажим к его пенису. Вот и сейчас боль сделалась настолько невыносимой, что мальчик оглушительно закричал и забился, словно в агонии. Но и это было еще далеко не все. Через минуту его тело забилось в судорогах от первого электрического удара, за которым последовали остальные. Мальчик уже не мог кричать, а только сдавленно хрюпал и конвульсивно подергивался, умоляя Бога, чтобы тот избавил его наконец от этой чудовищной боли.

Душераздирающий крик сорвался с перекошенных губ Гленна Джейферса и разорвал тишину в палате № 308 реанимационного отделения. Энн Джейферс, которая лишь пять минут назад пришла перед работой навестить мужа, оцепенела от неожиданности и широко раскрытыми глазами наблюдала за конвульсивными подергиваниями тела Гленна. Не успела она опомниться, как все провода и датчики оказались сорваны, а на мониторах появилась угрожающе прямая линия. В следующее мгновение белая трубочка соскочила с внутривенной иглы и на белой простыне появились первые капли крови. Увидев кровь, Энн тут же пришла в себя и бросилась к двери на поиски медсестры. Но на пульте уже прозвучал сигнал тревоги, и к палате бежали люди в белых халатах. Энн вернулась к мужу, чувствуя себя совершенно беспомощной и разбитой. Она очень хотела помочь ему, но не знала, как это сделать и что с ним происходит.

— Он спал, — растерянно пробормотала она, когда Гленна окружила толпа медиков. — Все было нормально, и вдруг... — она замолчала, осознав, что ее никто не слушает.

Санитары навалились на Гленна, а сестра тем временем пыталась приладить трубку к внутривенной игле. Гленн отчаянно сопротивлялся, конвульсивно дергая руками и

ногами. Энн вдруг поняла, что он уже проснулся, и оторопело смотрела на мужа, не находя никаких объяснений его поведению. В его глазах она видела лишь одно — бесконечный ужас.

— Гленн! — неожиданно закричала она, не выдержав напряжения. — Ради Бога, Гленн, успокойся! Они хотят помочь тебе!

Услышав ее слова, Гленн на какое-то мгновение засыпал, а затем рухнул на подушку и стал судорожно хватать ртом воздух. Вскоре кризис миновал.

— Что с ним случилось? — встревоженно спросила Энн медсестру, когда та закончила восстанавливать все проводки и датчики. Приборы при этом показывали нормальное давление, вполне приемлемый пульс и практически ровное дыхание.

— Эй, — неожиданно прозвучал слабый голос Гленна. Для Энн это было лучшим утешением, чем успокаивающие слова медсестры. Она присела на край его кровати и взяла его руку.

— Дорогой, что с тобой? Что это было?

В течение нескольких секунд Гленн лежал молча, пытаясь вспомнить все подробности только что увиденного кошмарного сна. Еще никогда в жизни он не испытывал подобного ужаса.

— Это был просто сон, — тихо сказал он, крепко вцепившись в руку жены. — И к тому же не самый приятный.

— Сон? Господи, у тебя же никогда не было кошмаров...

— Но у него и сердечных приступов никогда не бывало, — вмешалась медсестра. — Да и такого количества лекарств он никогда не принимал, если судить по его медицинской карте.

Энн перевела взгляд на медсестру:

— Вы хотите сказать, что это было результатом чрезмерного употребления медикаментов?

— Думаю, что вам следует поговорить об этом с доктором, — уклонилась от ответа медсестра, явно жалея о своих словах.

— Да, пожалуй, — согласилась с ней Энн.

Гленн тоже пожалел, что рассказал им о том, что видел кошмарный сон. Его жена была упрямая — если она вцеп-

лялась во что-нибудь, то не отступала, не выяснив все до конца.

— Успокойся, дорогая, все нормально. Ведь это был всего лишь сон, о котором я уже почти забыл, — он посмотрел на часы. — Ты не опоздаешь на работу?

— Если у тебя была плохая реакция на медикаменты... — начала было Энн, но потом замолчала, видя, что Гленн приложил палец к губам.

— Ничего страшного, — солгал он. — Я даже не помню всех подробностей этого сна.

Он почувствовал, что его веки тяжелеют, и закрыл глаза.

— Ступай на работу и не волнуйся. Со мной все будет хорошо.

Энн пристально посмотрела на мужа, а потом перевела взгляд на медсестру.

— С ним действительно все нормально?

— Я дала ему успокоительное, — отрезала медсестра. — Я понимаю, миссис Джейферс, что вы слегка напуганы, но поверьте мне, все идет хорошо. Если хотите, я могу позвать доктора...

— Нет-нет, не стоит, — возразила Энн, опасаясь, что будет выглядеть слишком глупо. — Это просто... я полагаю... Я просто никогда не видела его в таком состоянии.

Она встала с кровати и наклонилась над мужем, чтобы поцеловать его на прощание. В этот момент ей показалось, будто он уже засыпает. Облегченно вздохнув, она направилась к двери, но голос Гленна неожиданно остановил ее:

— Энн!

Она резко повернулась и посмотрела в его едва приоткрытые глаза.

— Что, дорогой?

— Ты бегала сегодня утром?

Энн удивленно заморгала. Что за вопрос, черт возьми? Почему он спрашивает об этом?

— Разумеется, бегала, — сказала она и шутливо добавила: — Я же должна быть в форме, правда? Кто будет ухаживать за тобой, когда ты вернешься домой?

Гленн слабо улыбнулся, но его улыбка неожиданно превратилась в гримасу.

— Будь осторожна, хорошо?

— Осторожна? — эхом повторила она, не понимая, что он имеет в виду. — А чего мне нужно остерегаться?

Гленн замолчал. Она подождала несколько секунд, а потом снова повернулась к двери, решив, что он уже спит.

— Там много всяких подонков.

Энн с тревогой посмотрела на мужа, но тот лежал с закрытыми глазами и ровно дышал, словно во сне. После минутного замешательства Энн кивнула медсестре, тихонько вышла из палаты и спустилась на лифте вниз. Уже возле машины она повернулась назад и посмотрела на окно той палаты, в которой остался ее муж.

В ее сознании эхом звучали его последние слова:

«Там много всяких подонков».

Открыв дверцу машины, она бросила взгляд на угрюмое кирпичное здание, стоявшее напротив больницы. Какой-то человек смотрел на нее из окна, и на мгновение их глаза встретились. Это был мужчина — вероятно, лет шестидесяти или чуть меньше, в майке, небритый и взъерошенный. Однако все эти детали мгновенно потеряли значение, как только она увидела его глаза. Это были глаза поверженного человека — человека, потерпевшего сокрушительное поражение в борьбе с окружающим миром. Но Энн заметила в этих глазах не только крушение всех надежд, но и нечто большее.

В них была ярость.

В ту же секунду мужчина исчез в глубине комнаты, а Энн еще постояла какое-то время, пристально глядя на угрюмый кирпичный дом. Ее поразило, что замеченный ею человек выглядел примерно так же, как и дом, в котором он жил, — грязным, неухоженным и изрядно потрепанным. Печальная картина. Неужели весь этот дом наполнен такими же несчастными людьми, для которых жизнь превратилась в невыносимую рутину?

Весьма вероятно.

Энн снова повернулась к больнице и посмотрела на окно Гленна. Возможно, именно это он и имел в виду: проснулся утром, увидел в окно угрюмое здание, а может, и того самого типа, который только что промелькнул в окне, и решил предупредить ее.

Вздрогнув от утренней прохлады, Энн села в машину и быстро поехала прочь.

Глава 15

Дождь начался в тот момент, когда Энн свернула на автомобильную стоянку неподалеку от здания, которое Гленн всегда называл самым мерзким в Сиэтле. Она никогда не спорила с мужем по этому поводу, так как редакция ее газеты действительно находилась в весьма непривлекательном доме, выстроенном еще в 1955 году, то есть в самый мрачный период в истории архитектуры. Дом представлял собой пятиэтажную коробку из стекла и алюминия, нарочито лишенную каких-либо примечательных черт. Даже главный вход обозначался лишь едва заметным прямоугольником стеклянной двери. Авторы этого сооружения, как показалось Энн, были настолько уверены в убогости собственного произведения, что даже не потрудились украсить его унылую простоту каким-нибудь газончиком или лужайкой. Энн, как, впрочем, и большинство сотрудников «Геральд», давно уже перестала обращать внимание на эту коробку, а многие жители города даже не подозревали о том, что именно в ней находится редакция их любимой газеты. Конечно, когда здесь будет разбит парк, о котором так давно говорят в городе, здание «Геральд» будет снесено — к радости сотрудников газеты и жителей окрестных районов.

С трудом отыскав узкую щель между автомобилями, припарковавшись и заглушив мотор, Энн быстро заперла дверцу машины и, втянув голову в плечи, поспешила к зданию, огибая недавно образовавшиеся лужи. Приветливо махнув рукой охраннику в фойе, она стряхнула с себя капли воды и в очередной раз подумала, что их охраняют так, словно опасаются налета террористов. Ну почему они всем кажутся такими важными персонами?

Энн нажала кнопку лифта и была приятно удивлена тем, что дверь мгновенно открылась. На третьем этаже царил привычный беспорядок, и Энн с трудом протиснулась к своему столу, на что ушло не меньше пяти минут. Часть сослуживцев интересовалась ее статьей в последнем номере, а другая выражала сочувствие по поводу болезни мужа. Учиво ответив на все вопросы, Энн уселась наконец за

свой стол и бросила взгляд на экран компьютера. Компьютер со всей серьезностью сообщил ей, что она должна откликнуться на двадцать три внутренних запроса и сорок два внешних. А посреди стола, на самом видном месте, лежала коротенькая записка от ее редактора: «Зайди ко мне. Вив».

Энн задержалась на своем месте ровно столько, сколько потребовалось на то, чтобы засунуть сумку в стол, снять промокший жакет и повесить его на вешалку. После этого она преодолела узкий проход между столами и вошла в кабинет редактора, точнее, редакторши. Та разговаривала по телефону и одновременно прикладывалась к чашке с кофе. Энн принялась машинально просматривать бумаги на столе Вивиан Эндрюс, не ощущая при этом никакой неловкости.

— Я знаю, что вы делаете, и считаю это недостойным, если не сказать незаконным, — завершила телефонный разговор Вивиан и положила трубку. — Ты собираешься все прочитать или, может быть, все-таки присядешь?

Энн недовольно посмотрела на стул, а потом на свою начальницу.

— Я прочла твою записку. Что случилось?

Вивиан Эндрюс погрузила руки в кучу бумаг на своем столе и через секунду извлекла оттуда утренний номер их газеты, раскрытый как раз на статье Энн. Постучав по газетному листу ярко накрашенным ногтем, Вивиан подняла голову.

— Как видишь, я отправила твою статью в печать в том виде, в каком ты продиктовала мне ее вчера вечером. А теперь, когда ты уже вернулась с места казни и обо всем рассказала нашим читателям, как долго ты намерена дразнить гусей? Могу ли я надеяться, что ты займешься наконец чем-нибудь более интересным и по-настоящему новым? — Вивиан откинулась на спинку стула и посмотрела на Энн вопрошающим взглядом. — Кстати, под словами «по-настоящему новым» я имею в виду нечто такое, что произошло за последние, скажем, шесть месяцев.

По интонации начальницы Энн поняла, что та начинает терять терпение.

— Сколько у меня есть времени? — угрюмо спросила Энн.

Вивиан Эндрюс сложила пальцы и в раздумье опустила на них подбородок.

— Не очень много, — сказала она наконец. — Грядет сокращение бюджета, и мы можем оказаться в весьма затруднительном положении.

Она снова задумалась и неожиданно вспомнила фразу из последней статьи Энн.

— Ты действительно думаешь, будто мы что-то упустили? Неужели, по-твоему, еще не все раскрыто?

Энн плюхнулась на стул и заерзала, почувствовав под собой острую пружину.

— Приговор приведен в исполнение, и никаких судебных процессов больше не предвидится, — напомнила она редакторше. — А Марк Блэйкмур сказал мне, что они закрывают все дела. Стало быть, у них теперь не имеется никаких оснований препятствовать мне в проведении моего собственного расследования.

Вивиан Эндрюс самым тщательным образом взвесила все «за» и «против». Конечно, если Энн отыщет что-нибудь новенькое в этом старом деле, то это явно перевесит потерю нескольких дней, которые она потратит на это. Несколько сенсационных номеров газеты окупят все затраты.

— Ладно, — согласилась Вивиан. — Но только несколько дней. Как только выяснится, что там нет ничего стоящего, сразу же бросай это дело. Договорились?

— Да договорились.

Энн уже направилась к двери, когда ее остановил заботливый голос Вивиан:

— Энн, как там Гленн?

— Все нормально — в общем и целом.

— Я слышала, что он чуть было не умер.

Энн хотела сказать что-нибудь бодренькос, но у нее это не получилось.

— Да, но им, слава Богу, все-таки удалось вытащить его. Думаю, что теперь все будет хорошо. Просто нужно какое-то время на поправку.

Вивиан сочувственно кивнула.

— Если тебе нужен отпуск... — начала было она, но Энн тут же покачала головой:

— Нет, не думаю. Во всяком случае, не сейчас. Но я запомню твои слова, и когда Гленна выпишут, мне, видимо, придется посидеть с ним несколько дней. Не будешь возражать?

— Не буду, — быстро согласилась та. — И держи меня, пожалуйста, в курсе дела. И насчет твоей работы, и насчет Гленна.

— Спасибо, Вив. Непременно.

Вернувшись к своему рабочему столу, Энн быстро разбралась с запросами и перешла к телефонным звонкам. Автоответчик записал всякую дребедень, касавшуюся отдельных статей, темных мест, нерешенных вопросов и так далее. И только в самом конце пленки она обнаружила несколько записей, относившихся к ее последней статье. Последняя запись показалась ей наиболее интересной.

Она услышала сиплый женский голос, в котором явственно звучали тревожные нотки. «Я должна поговорить с вами. Он убил моего сына! Я давно знаю, что именно он это сделал, но меня никто не выслушал! Нас никто никогда не слушает, потому что мы индейцы!» После этого женщина назвала свое имя и адрес, но адрес Энн так и не смогла разобрать, хотя и прокручивала пленку несколько раз.

Остаток дня она провела в полицейском участке, разгребая документы, сложенные в большие коробки. Марк и Лоис тем временем притащили в кабинет еще несколько коробок, а через некоторое время Марк угостил ее сандвичами, что несказанно удивило Энн.

— Ты ищешь что-нибудь конкретное? — спросил Марк, когда Энн жадно откусила кусок сандвича.

Она покачала головой, давая ему понять, что не может говорить с полным ртом.

— Я сама не знаю, — откровенно призналась она, прожевав первый кусок. Затем она вспомнила записанный на пленке женский голос и нахмурилась. — Марк, ты случайно не помнишь каких-нибудь заявлений об исчезновении парня-индейца? — и Энн пересказала ему содержание магнитофонной записи.

Марк удивленно уставился на нее.

— И это все? Просто — «Он убил моего сына, и никто не хочет меня слушать», и больше ничего.

— Да, это все.

Из груди Марка Блэйкмура вырвался вздох облегчения. Господи, да были сотни, тысячи звонков за все эти годы, когда он расследовал убийства, совершенные Крэйвеном. Как он может вспомнить какой-то один звонок? Но если это каким-то образом поможет Энн...

— Я тебе вот что скажу, — неожиданно предложил он. — Сегодня вечером у меня есть немного свободного времени. Если я просмотрю все регистрационные журналы, то, возможно, и вспомню что-нибудь подобное.

— Нет-нет, не стоит тратить время... — начала было Энн, но Марк остановил ее движением руки:

— Если я этого не сделаю, то ты сама будешь рыться во всех этих завалах и в конечном итоге потеряешь еще больше времени. В конце концов я хоть пива попью вволю на ночь глядя, — шутливо добавил он, не давая ей возможности возразить.

В его голосе слышались такие нотки, что Энн решила не спорить с ним. Если он действительно хочет помочь ей, то почему она должна ему мешать?

— Я бы с удовольствием присоединилась к тебе, но мне нужно навестить Гленна...

— Все нормально, Энн, — заверил ее Марк. — Собственно говоря, я могу начать прямо сейчас. Зачем откладывать на вечер?

В течение следующего часа Марк рылся в коробках, пытаясь отыскать сообщение о телефонном звонке, а Энн просматривала папки с досье, вчитываясь в имена и краткие описания улик.

Когда Блэйкмур наконец вышел из здания полиции в половине второго дня, ему показалось, что тот сандвич, который он проглотил в подвале вместе с Энн, был самым вкусным блюдом из всех, которые ему доводилось пробовать.

Что же касается Энн, то она уже давно забыла вкус сандвича. Она была увлечена поиском новых данных по делу Крэйвена и даже не заметила того, что детектив слишком часто поглядывает на нее краешком глаза, как старшеклассник, впервые выбирающий себе партнершу для танцев на школьном балу.

Долгий весенний день постепенно сменился сумерками. Город за окном больничной палаты все глубже погружался в темноту, и Гленн почувствовал, что его охватывает беспокойство. Весь этот день он находился в каком-то жутком промежуточном состоянии между тревожным сном и не менее тревожным бодрствованием. Когда он наблюдал за людьми, сновавшими взад и вперед по тротуару, и за огнями, постепенно загоравшимися в доме через улицу, у него появилось ощущение, что время каким-то странным образом отклонилось от своего привычного ритма. Весь мир вокруг него замирал в ощущении приближающейся ночи, а он только сейчас окончательно проснулся. Он был уверен, что будет бодрствовать всю ночь напролет, если, конечно, не уговорит медсестру дать ему какое-нибудь снотворное.

Вечером его навестили жена и дети.

Все было прекрасно, но с того момента, как они ушли, Гленн не мог избавиться от странного ощущения: близкие показались ему какими-то чужими, словно порвалась невидимая ниточка, которая раньшеочно связывала его с семьей. Скорее всего это ощущение было связано с действием многочисленных медикаментов. Как только он перестанет принимать их, все станет на свои места. Но сегодня, когда дети прибежали к нему после школы, он поймал себя на мысли, что не может сосредоточиться на их болтовне — на том, что Кевин в очередной раз подрался с Джастином Рейнольдсом, а Хэдер купила себе новый компакт-диск. Как же называется эта группа? «Искалеченные цыплята»? Да, что-то вроде этого.

Пока он перебирал в уме безумные названия современных рок-групп и медленно ковырялся в еде, которую принесли дети, в палату вошла Энн. Гленн всеми силами старался сосредоточиться на разговоре с женой, но его мысли почему-то уносились в другую сторону и возвращались к жуткому утреннему кошмару.

Этот кошмар весь день стоял у него перед глазами, не оставляя его в покое ни на минуту. Как только он начинал

дремать, жуткие картины сразу же оживали, доставляя смущающую боль.

Час назад к нему зашел Горди Фарбер, и Гленн немедленно поделился с ним теми ощущениями, которые появлялись у него во время сна. Не мудрствуя лукаво, Фарбер мгновенно нашел нужное объяснение.

— Разумеется, я не психиатр, — сказал он, но у меня есть большой опыт общения с людьми, у которых были те же проблемы. Вы перенесли сердечный приступ и в силу этого ощущаете себя совершенно беспомощным. А что может быть более красноречивым символом беспомощности, чем образ маленького мальчика, укрывшегося в темном подвале от жестокого отца?

— Но мой отец никогда не угрожал мне! — возразил Гленн. — Он был очень добрым человеком и никогда не поднимал на меня руку! Он всегда говорил, что порка — это анахронизм, что она унижает и оскорбляет не только ребенка, но и родителей!

Брови Фарбера поползли вверх в гримасе невероятной зависти.

— Господи, если бы мой отец придерживался подобных взглядов, — мечтательно произнес он. — Отец лупил меня без всяких колебаний, хотя, по правде говоря, я больше боялся его крика, чем побоев.

Затем доктор стал серьезным и произнес:

— Понимаете, ваш отец не имеет к этому кошмару абсолютно никакого отношения. Мы же говорим не о реальности, а о ваших снах, в которых главную роль играют определенные символы, — взгляд Фарбера скользнул по многочисленным проводам и приборам. — Вы сказали, что во сне ваш отец прикреплял к вашему телу электроды и пускал ток. А вот сейчас посмотрите на эти приборы и провода. Не кажется ли вам, что все это могло найти свое отражение в вашем кошмарном сне? — Фарбер самодовольно ухмыльнулся, обрадовавшись удачному объяснению. — А я вполне мог преобразоваться в вашего отца. Ведь доктор всегда выполняет роль отца по отношению к своему больному, разве не так?

Гленн понимал, что в подобных рассуждениях, безусловно, есть здравый смысл. Да и сам кошмар можно было легко объяснить, так как нет ничего страшнее сердечного

приступа. Он до сих пор с ужасом вспоминал те тугие обручи, которые сдавливали его грудь, и ту ужасающую темноту, в которую он внезапно погрузился в машине «скорой помощи». Но несмотря на всю разумность объяснений, Гленна не оставляло чувство, что в случившемся с ним есть что-то необъяснимое и загадочное, нечто такое, что выходит далеко за пределы того, как выражается Горди Фарбер, «случая», который произошел с ним на верхнем этаже небоскреба.

Несчастный случай. Он часто вспоминал подробности происшедшего — ведь он не все время был в бессознательном состоянии и прекрасно помнил отдельные слова и фразы людей в машине. Он слышал и видел их! Даже сейчас он помнил их слова:

— Поставь триста джоулей и вруби еще раз.

— Вот так!

— Давай еще раз. Поставь триста шестьдесят!

«Джоули». Ведь это термин из области электротехники. Кто-то сказал: «Поставь триста шестьдесят и вруби еще раз».

Когда он почувствовал электрический удар, то это вызвало у него ощущение «момента истины». Это было похоже на волну, разбившуюся о гранитную скалу.

Он не был тогда в сознании.

Он был мертв. Он умер, а врачи предпринимали отчаянные попытки вернуть его к жизни.

Гленн почувствовал, что его тело покрылось холодным потом и вот-вот начнется новый приступ. Его рука машинально потянулась к кнопке вызова медсестры, но волна страха стала постепенно убывать и он устало опустил руку на одеяло.

Нет, он не умер тогда и вместе с тем был близок к смерти. Очень близок. Теперь он понимал, что был к ней намного ближе, чем ему казалось раньше.

Возможно, именно поэтому он чувствует себя сегодня несколько странно и отчужденно. Вероятно, именно этим следует объяснить его отстраненность от жены и детей.

Он откинулся на подушку и посмотрел в окно. Несомненно, он чувствует себя не так, как всегда. Да это и понятно. Как еще он может себя чувствовать после инфаркта, едва не отправившего его на тот свет...

Движение его мыслей неожиданно прервалось, когда он увидел на мокром от дождя тротуаре какого-то человека. На мгновение ему показалось, что он знает этого прохожего, но когда тот поднял голову и посмотрел на Гленна, словно почувствовав на себе его взгляд, Гленн сообразил, что обознался. Теперь он был абсолютно уверен в том, что никогда прежде не видел незнакомца, стоявшего на тротуаре.

В следующее мгновение незнакомец отвернулся от окна палаты и быстро исчез в темноте.

Глава 17

Весь день в голове этого человека кружились увлекательные фантазии и усиливалось желание во что бы то ни стало воплотить их в жизнь. Когда его возбуждение достигло крайнего напряжения, от которого он начал сходить с ума, человек решил немного прогуляться. Во-первых, можно было подышать свежим воздухом, а во-вторых, остаться наедине со своими мыслями.

Никто не сможет узнать его.

Никто не станет задавать ему никаких вопросов.

Но прогулка оказалась слишком короткой. Не успел он прошататься по тротуару и более тридцати секунд, как почувствовал, что кто-то наблюдает за ним.

Он обернулся и увидел, что из окна больницы на него смотрит какой-то человек.

Может, пойти в палату к этому парню и сорвать с него все провода? Просто войти в палату, послать его самого подальше, а потом выдернуть вилку из розетки и посмотреть, как он будет умирать? Разве это не будет воплощением самых заветных фантазий? Просто войти в палату, сказать парню пару ласковых слов, а затем выдернуть из розетки шнур и посмотреть, как он будет умирать.

Да, просто посмотреть, как он будет корчиться в предсмертных судорогах.

Мужчина почувствовал прохладную сырость вечера, и все его тело охватила дрожь, которая, впрочем, не имела никакого отношения к мерзкой погоде.

Он вздрогнул, потому что наконец-то решил действовать и тем самым претворить в жизнь мучившие его весь день видения.

Но только не с этим парнем, который лежал в больнице. Там слишком много света и слишком много посторонних людей, которые непременно схватят вошедшего и лишат возможности насладиться редкостным зрелищем.

Мужчина пошел дальше по тротуару, а потом резко свернул в темный переулок и вышел на Бродвей. Там было много света и много людей, но это его нисколько не волновало, так как он мгновенно затерялся в толпе. Многолюдная улица вполне устраивала его — в такой толпе невозможно запомнить человека. Он медленно шел по тротуару, не обращая никакого внимания на многочисленных подростков с зелеными волосами, в черной губной помаде и с проколотыми губами, бровями и ушами.

Он непременно узнает человека, которого ищет.

Навстречу ему неожиданно вынырнули из толпы двое мужчин, нежно державших друг друга за руки. Он окинул их сердитым взглядом, но все же отошел в сторону, уступая им дорогу. Они прошли мимо него и громко рассмеялись.

Они смеются над ним?

Он крепко сжал кулаки, но потом успокоился, увидев, что парочка пошла дальше, не оглядываясь на него.

Мужчина побрел по тротуару, пристально вглядываясь в лица прохожих. Перед супермаркетом «Кью-Эф-Си» он неожиданно увидел ее. Это была молодая женщина примерно тридцати лет с короткими белокурыми волосами и в юбке, которая казалась даже короче ее прически. Она шла в том же направлении, что и он, но только по другой стороне улицы и, казалось, была увлечена тем же, чем и он.

Она кого-то искала.

Мужчина пересек улицу, ускорил шаг и, догнав блондинку, пошел следом, аккуратно соблюдая дистанцию.

Она шла несколько минут по прямой, а потом неожиданно повернула и вошла в бар «Де Люкс». Мужчина остановился, немного подождал и, убедившись, что она расположилась за столиком в гордом одиночестве, вошел в бар.

С замиранием сердца он выбрал соседний столик и сел так, чтобы можно было видеть глаза блондинки. При од-

ной мысли о том, что он собирался с ней сделать, у него пробежал холодок по коже, а в животе что-то заныло от предвкушения невообразимого удовольствия. Возбуждение усилилось еще больше, когда он припомнил все подробности того, в чем совсем недавно обвинили Ричарда Крэйвена...

Прошло полтора часа. Женщина поднялась из-за столика и направилась к выходу, так и не дождавшись, когда он заговорит с ней.

Мужчина пристально следил за каждым ее шагом, живо представляя себе, что случится, когда они останутся наедине, когда он наконец познает ее.

Блондинка еще не вышла из бара, когда он бросил на стол несколько монет, с лихвой покрывающих стоимость единственной кружки пива, выпитой им за это время, и вышел на темную улицу. Сперва ему показалось, что женщина исчезла в темном переулке, но затем он обнаружил ее медленно идущей по направлению к театру «Харвард Иксит». Мужчина последовал за ней, соблюдая уже привычную дистанцию в несколько ярдов. Через два квартала она свернула на юг и вскоре вышла на улицу Бойлстон, где неожиданно остановилась перед невзрачным двухэтажным зданием, повернулась к преследователю и улыбнулась.

Она все знала.

Знала, что он идет следом и внимательно наблюдает за ней.

Не знала она только одного — что ему нужно и что он хочет с ней сделать.

Когда она заговорила с ним, его легкое возбуждение тут же превратилось в неудержимую страсть.

— Все нормально, парень, — беззаботно произнесла она. — Я тоже, кажется, одна сегодня.

Он ничего не ответил и только широко улыбнулся, когда она кивнула на серое здание:

— Хочешь зайти на минутку?

Войдя в квартиру, мужчина огляделся и подумал, что это жилище ничем не отличается от того, в котором жил и он сам. Когда-то белые стены потемнели от пыли, а штукатурка постепенно отваливалась и падала мелкими кусками на пол. На изрядно потертом паласе стояла убогая мебель, развалившаяся от времени. На кофейном столике

громоздилась куча газет, а в углу комнаты стоял огромный фикус, понуро опустив свои разлапистые листья.

— Почему ты так и не заговорил со мной в «Де Люкс»? — полюбопытствовала женщина, открыв холодильник. — Хочешь пива? — спросила она, доставая запотевшую бутылку. — Я за это денег не беру.

Поначалу он не понял, что она хочет этим сказать, но она тут же прояснила ситуацию:

— Как насчет пятидесяти долларов за два часа? Вообще-то я беру намного больше, но сегодня не очень удачный день, а ты, по-моему, славный парень.

Мужчина бросил быстрый взгляд на окна. Шторы были сдвинуты так плотно, что ни один луч света уличных фонарей не проникал в комнату.

Превосходно.

Он встал и медленно направился на кухню.

— Годится. Меня это вполне устраивает.

Он стоял у нее за спиной и наблюдал за тем, как она роется в ящике стола, чтобы чем-то открыть бутылку с пивом. Его взгляд мгновенно уловил тусклый блеск огромного ножа.

Это был широкий и тяжелый нож для разделки мяса, клинок которого завораживал своим блеском.

Его пальцы снова сжалась в кулак, а огненный шар переместился из области живота к груди. Именно в этот момент он принял окончательное решение.

— Но я не думаю, что мне понадобится целых два часа, — мягко сказал он.

Молниеносным движением он ухватил ее рукой за шею, не оставив ей никакой возможности не только для сопротивления, но даже для спасительного крика. Резко вывернув ее шею, он услышал, как хрустнули позвонки, а все тело женщины забилось в конвульсиях. Через секунду она затихла и сползла на пол.

Он молча уставился на бездыханное тело.

Неужели он убил ее?

Нет, в это невозможно поверить! Все случилось так быстро — он ничего не успел почувствовать! Он наклонился к ней и увидел, что ее губы слабо зашевелились, издавая чуть слышный звук. Ее глаза были широко открыты, и он понял, что она не умерла. Он просто сломал ей шею.

Он парализовал ее, но не убил.

Мужчина долго смотрел на женщину, предвкушая наслаждение от своих дальнейших действий. В его душе бушевал всепоглощающий огонь страсти и нетерпения.

Он протянул руку к ножу.

Почувствовав наконец, что он подошел к границе вечности, мужчина приступил к работе. А женщина, к счастью, уже ничего не чувствовала, так как умерла до того, как он начал кромсать ее тело.

Глава 18

Субботнее утро, наступившее два дня спустя, оказалось необычайно мрачным даже для этого времени года. Именно в такое время Энн Джейферс проверяла истинное состояние своего тела, которое ей удалось сохранить в хорошей форме со студенческих лет. Она присоединялась к толпе людей, бегущих трусцой по аллеям парка Волонтеров, хотя это было нелегко даже в самую прекрасную погоду. Утешало лишь то, что зима скоро закончится и наступит долгое и теплое лето. Впрочем, подобные ожидания часто оказывались весьма обманчивыми. Вчера вечером погода была удивительно теплой. Они даже свернули на Бродвей, возвращаясь домой из больницы, чтобы поесть мороженого и поглязеть на проходящий парад. А сегодня она лежала в постели и смотрела в окно, подавленная мрачной погодой. До лета еще далеко, и это угрюмое зимнее небо будет часто портить ей настроение. Свинцовые тучи как будто решили обрушить на город все свое мерзкое содержимое, чтобы окончательно смыть то хорошее настроение, которое охватило Энн вчера вечером.

Ну и черт с ним, решила она. Пусть будет так. Гленна, конечно, не выпишут из больницы на следующей неделе; она ровным счетом ничего не нашла в коробках с бумагами в полицейском участке; Вивиан Эндрюс будет настойчиво требовать от нее ощутимых результатов работы. Зато она прекрасно отоспалась в этой большой кровати и в этом большом доме, полномочных скрипов. Да, она должна хорошенько отдохнуть сегодня и постараться забыть

обо всех неприятностях. Энн перевернулась на другой бок и закрыла глаза, но вместо сна на нее навалилось ощущение собственной вины.

Она встала с кровати, накинула халат и спустилась вниз. Дети уже проснулись. Хэдер висела на телефоне, а Кевин уставился в телевизор. Энн пошла на кухню и налила себе чашку кофе. Кофейник уже кипел — одно из преимуществ, вытекающих из наличия в доме взрослой дочери. Как и все жители Сиэтла, Энн привыкла пить кофе, едва поднявшись с постели. С чашкой в руке она направилась в гостиную, поспев к утренним новостям. Весь экран телевизора был заполнен возбужденным лицом Дженелоу Мурхед, которую Энн и все остальные сотрудники «Геральд» считали дикторшой пустоголовой и со слашивым голосом. Впрочем, другие дикторы телевидения были ничем не лучше. Она взяла утреннюю газету, но голос Дженоу Мурхед все же привлек ее внимание: «Главной новостью сегодняшнего утра является убийство на Капитолийском холме, — сказала она, напустив на себя серьезный вид. — Тело тридцатидвухлетней женщины было обнаружено в ее квартире на...»

Не дожидаясь окончания фразы, Энн вскочила на ноги, подбежала к телефону, вырвала из рук дочери трубку и, сказав ее другу на другом конце провода «Пока», прервала разговор.

— Мама! — возмущенно воскликнула Хэдер. — Это же...

— Мне все равно, кто это был, — прервала ее мать. — Я ведь не зря поставила телефон в твою комнату. Мне нужно...

В этот момент телефон взорвался громким звонком.

— Да?

— С кем ты все это время болтала, черт возьми? — с нескрываемым раздражением поинтересовался Карл Вайтерс, субботний редактор ее газеты. — Если ты собираешься сидеть на телефоне все утро, то включи хотя бы сотовый телефон! Ясно?

— Извини, Карл, — растерянно пролепетала Энн, понимая, что тот не ждет от нее никаких объяснений. — Я минуту назад услышала новость из уст этой пустоголовой Мурхед. Что произошло, Карл?

— Я знаю об этом не больше, чем она, — коротко отрезал Карл. — Мы получили сообщение лишь полчаса назад, и с тех самых пор я все время пытался дозвониться до тебя.

— Какой адрес? — нетерпеливо спросила Энн. — И кто там уже находится?

Карл Вэйтерс назвал адрес дома, который находился в десяти кварталах от дома Энн.

— Фотограф уже отправился туда. Если ты не будешь долго возиться, то успеешь к его приезду. Именно поэтому я все время называл тебе. Дежурный офицер в полиции дал мне адрес и сказал, что уже послал за Блэйкмуром и Эккерли к ним домой.

Энн судорожно сжала телефонную трубку.

— Блэйкмур? — удивленно переспросила она. — Уж не хотят ли они сказать, что это убийство имеет какое-то отношение к спецгруппе по делу Крэйвена?

— Знаешь, они не посвятили меня в подробности случившегося, — раздраженно ответил Карл.

Энн постаралась не выдать охватившего ее волнения.

— Хорошо. Я немедленно отправляюсь туда.

Положив трубку, она быстро огляделась вокруг в поисках своей кожаной сумки, которую, как ей казалось, она накануне оставила на диване.

— Где мои вещи?

Кевин оторвался от телевизора и посмотрел на мать.

— Под кофейным столиком. Ты собираешься на место преступления?

— Угу.

— А я могу поехать с тобой?

Он задавал этот вопрос почти всегда, когда она отправлялась на место происшествия, но Энн всегда отвечала отказом. Правда, Кевин не оставлял попыток, надеясь на то, что когда-нибудь удача улыбнется ему. Ему так хотелось оказаться на месте преступления и, может быть, даже увидеть тело жертвы...

— Нет-нет, ты не поедешь со мной, — твердо сказала мать, торопливо укладывая в сумку магнитофон, блокнот и фотоаппарат. — И не будешь болтаться там без моего разрешения. Договорились?

Кевин безмолвно выразил свое согласие кивком головы.

— Ты пойдешь к отцу сегодня утром? — спросила его Энн.

— Не знаю, — замялся Кевин. — Мы с Джастином собирались немного поиграть в футбол в парке, но...

— Вот что я тебе скажу, — прервала сына Энн. — Я не знаю, как долго мне придется сегодня заниматься этим делом, но если ты навестишь отца и передашь ему от меня привет, то вечером мы посмотрим кино. Годится?

— И Джастин тоже? — решил поторговаться Кевин.

— Почему бы и нет? — согласилась Энн. Порывшись в сумке, она извлекла десятидолларовую банкноту и протянула ее сыну. — Позвони в больницу перед тем, как отправишься туда, и спроси, не нужно ли чсого-нибудь отцу.

Когда мать исчезла за дверью, Кевин с интересом посмотрел на купюру. Если окажется, что отцу ничего не нужно, значит, деньги он сможет оставить себе.

Однако его надежды не оправдались. Когда он пришел в больницу, от десяти долларов осталось совсем немного, так как отец попросил его купить кое-какие журналы.

— Так над чем там работает сейчас твоя мама? — спросил Гленн, когда сын вручил ему «Ньюсунк» и «Дайджест архитектуры». — Я думал, что она все еще роется в архиве полицейского участка.

Кевин плюхнулся на стул у изголовья кровати и с любопытством посмотрел на экран монитора.

— Какое-то убийство, — равнодушно заявил он. — Что-то связанное с тем парнем, которого казнили на прошлой неделе.

Гленн заметно помрачнел, не понимая, о чем говорит его сын. Каким образом это убийство может быть связано с человеком, которого уже нет в живых?

— Ты имеешь в виду Ричарда Крейвена?

Кевин пожал плечами:

— А кого же еще? Я слышал, как мама что-то говорила насчет спецгруппы по делу Крейвена. По-моему, речь шла именно о нем.

Когда отец надолго замолчал, Кевин осторожно потрогал рукой монитор.

— Папа, когда ты вернешься домой?

Гленн проигнорировал вопрос сына и нажал на кнопку пульта дистанционного управления, включая телевизор.

Перебрав несколько каналов, он остановился на том, где показывали угрюмое трехэтажное здание серого цвета. Тротуар перед жилым домом был обнесен желтой полицейской лентой, а на противоположной стороне улицы собралась большая толпа зевак. Бодрого вида репортер сообщал краткие новости о том, что произошло в доме.

— Жертвой убийцы оказалась Шанель Дэвис — одиночная безработная женщина, проживавшая в квартире на втором этаже. Мы уже сообщали раньше о том, что ее тело было изуродовано таким же образом, как все жертвы ныне покойного Ричарда Крэйвена, а также о том, что...

Гленн мгновенно выключил телевизор.

— Как это понимать, черт возьми?! — воскликнул он так громко, что Кевин даже подпрыгнул на стуле.

— Что ты имеешь в виду? — спросил парень. — Я просто хотел узнать...

— Да при чем тут ты! — раздраженно перебил его отец. — Я имею в виду это убийство! Что там творится?

Кевин растерянно огляделясь, словно подыскивая путь к бегству. Что случилось с его отцом? Почему он так развел новался? В этот момент Гленн посмотрел на сына жгучим, пронизывающим взглядом, которого Кевин никогда не замечал у отца.

— Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня, Кевин. Я хочу, чтобы ты принес мне из дома все те бумаги, которые хранятся в мамином столе. Ты знаешь, какие бумаги я имею в виду? Те самые, которые мама собирала по делу Ричарда Крэйвена.

Кевин нервно заерзal на стуле. Разумеется, он знал, где находятся бумаги, но он также знал и другое — ни в коем случае нельзя лазить в мамин стол.

— Я думал, тебе наплевать на всю эту макулатуру. Ты же сам когда-то говорил, что... — он замялся, стараясь вспомнить те слова, которые сказал отец маме накануне ее поездки в Коннектикут.

— Может быть, — прервал ход его мыслей отец, — я изменил свое мнение об этом деле.

Он как-то странно посмотрел на сына и захихикал с совершенно незнакомыми Кевину интонациями.

— Доктор Фарбер говорит, что мне придется бездельничать около двух месяцев и что мне непременно нуж-

но найти себе какое-нибудь хобби. Увлечение твоей мамы делом Крэйвена вполне может стать моим новым хобби.

Кевин благоразумно промолчал. Что же происходит, в конце концов? У отца никогда не было никакого хобби, он терпеть не мог подобных штучек. И вдруг Кевин вспомнил то самое слово, которое отец часто говорил матери, когда речь заходила о Ричарде Крэйвене.

Патология.

Да, именно так. Он всегда называл поступки Крэйвена патологией.

Почему же в таком случае отец вдруг заинтересовался этим Ричардом Крэйвеном? И тут Кевин вспомнил позавчерашний разговор с матерью, когда она вернулась домой после беседы с доктором Фарбером: «Нас ожидают нелегкие времена, дети. Вашему отцу придется изменить свой образ жизни. Он должен как можно меньше работать и как можно больше отдыхать. Нам будет очень нелегко приспособиться к этому. Что вы мне скажете? Вы сможете привыкнуть к новому порядку? Привыкнуть к переменам в нашем доме?»

Тогда Кевину показалось, будто речь идет о таком пустяке, что и говорить о нем не стоит. Но теперь он начал понимать, что дело далеко не пустячное. У него даже появилось ощущение, что отец перестал походить на себя прежнего. Порой он казался Кевину совершенно чужим человеком. Правда, мать предупредила, что отец станет немножко другим, но не до такой же степени, в конце концов! С подобным обстоятельством будет чрезвычайно трудно смириться.

— Ну так что? — нетерпеливо спросил Гленн, когда молчание сына затянулось. — Тебе нравится мое новое хобби или нет?

Кевин поднялся со стула и попятился к двери.

— Да, папа, — сказал он, стараясь не смотреть отцу в глаза. — Прекрасная идея. Разумеется, я притащу тебе все эти бумаги. До встречи.

Кевин вышел из больницы, напряженно размышляя над словами отца. А если забыть о его просьбе и вообще не показываться ему на глаза? Пару недель назад реакция отца на подобное поведение была бы совершенно ясной и

предсказуемой: отец просто наорал бы на него и через минуту забыл бы обо всем. Но сейчас Кевин не был уверен, что все произойдет именно так. После сердечного приступа отец стал совершенно другим. Нет, лучше сделать так, как приказано.

Глава 19

— Я хочу сказать, понимаете... Боже мой, она же не совершила никакого преступления! Конечно, это была ошибка с ее стороны, но кто из нас не совершает ошибок? Это же Капитолийский холм, в конце концов! Если ей хорошо платили, она была довольна... Вы понимаете, что я имею в виду?

Энн Джейферс стояла на тротуаре напротив того самого серого дома, где проживала и одновременно занималась своим бизнесом Шанель Дэвис. Энн уже около двадцати минут беседовала с молодым человеком, который настойчиво убеждал ее в верности своей сексуально-экономической теории свободного предпринимательства, но так и не могла выяснить, знал ли он погибшую лично и пользовался ли когда-либо ее услугами. И все же Энн позволила фотографу сделать несколько снимков молодого человека, надеясь, что они пригодятся для освещения этого события: Парень, как показалось Энн, являлся самой яркой фигурой во всей серой толпе, собравшейся на Бойлстон-стрит, чтобы поглязеть на происходящее. Именно в момент съемки Энн пришло в голову, что, может быть, ей с Гленном стоит подумать о переезде в более спокойный и более безопасный район города, куда-нибудь подальше от Бродвея — хотя бы до той поры, пока Хэдер и Кевин не станут достаточно взрослыми.

По толпе пробежал ропот. Энн мгновенно прервала интервью с молодым человеком и начала проталкиваться вперед, бесцеремонно расталкивая зевак. Из двери дома в это время выкатили медицинскую тележку с трупом Шанель Дэвис в черном мешке. Изобразив на лице абсолютную уверенность в правильности своих действий, Энн пересекла улицу и приблизилась к группе полицейских и

медиков. Наглая самоуверенность всегда помогала ей попадать на место преступления задолго до того, как туда допускали прессу. Однако на этот раз ей не повезло. Во-первых, она была довольно легкомысленно одета, а во-вторых, к ее несчастью, среди полицейских оказалась Лоис Эккерли, с которой Энн никак не могла найти общий язык.

Поравнявшись с тележкой, Энн остановилась как вкопанная, не в силах оторвать взгляд от черного мешка. Это зрелище всегда поражало ее анонимностью того тела, которое находилось в этом мешке. Мешок не только скрывал от посторонних обезображеный труп жертвы, но и привлекал к себе всеобщее внимание таинственностью своего содержимого. Конечно, Энн понимала, что пластиковые мешки весьма практичны, но все же старомодные одеяла, которыми раньше накрывали трупы, были, на ее взгляд, менее оскорбительны для невинных жертв.

— Вы не могли бы позволить мне взглянуть на нее? — как можно деликатнее спросила Энн у полицейского в штатском.

Лоис Эккерли решительно покачала головой:

— Когда труп ужс в мешке, открыть его имеет право только судебно-медицинский эксперт.

Энн резко повернулась и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж, но не тут-то было. На ее пути снова выросла Лоис Эккерли.

— А ее квартира все еще является местом преступления, — твердо заявила Лоис.

— Не стоит осуждать девушку за попытку, — с иронией заметила Энн и искривленно улыбнулась.

— Вам тоже не стоит осуждать девушку за то, что она не пускает вас, — таким же шутливым тоном ответила ей Эккерли. — Оставьте нас в покое, Джейферс. Вы же неплохо знаете правила.

Энн грустно посмотрела на ведшую вверх лестницу и отступила, прекрасно зная, что с полицейскими нет смысла спорить — тем более с такими, как Лоис Эккерли. Энн знала ее уже не один год, с того времени, как ее подключили к делу Крейвена, и Лоис еще никогда не отступала от правил.

— А как насчет нескольких вопросов?

Это был последний шанс получить хоть какую-то информацию о происшествии, однако Лоис снова покачала головой.

— Нет времени, — сказала она и пошла вверх по лестнице. Энн хотела обратиться с такой же просьбой к другому полицейскому, но в этот момент загудел мотор автомобиля, которому предстояло отвезти труп Шанель Дэвис в морг. Может быть, стоит поехать за машиной и попробовать получить доступ на вскрытие? Рядом с Энн загрохотал знакомый голос:

— Даже и не думай об этом. Журналистам запрещено присутствовать при судебно-медицинской экспертизе.

Энн густо покраснела и резко повернулась к лестнице, по которой спускался Марк Блэйкмур. Он ухмылялся, глядя на нее сверху вниз.

— Тебе позвонили из газеты или ты услышала об этом по своему сканеру?

— Из газеты, — призналась Энн. — Я уже давно не прослушиваю сканер. Ну так что же там случилось? Полагаю, это никак не связано с предыдущими убийствами.

— А как насчет чашечки кофе? — неожиданно предложил Марк. — Мы уже почти все здесь закончили, и Эккерли может посидеть, пока парни из лаборатории сделают все необходимое. Давай посмотрим, что тебе удастся выудить из меня.

— Ладно, — согласилась Энн и тут же добавила: — Но только по-голландски. Каждый платит сам за себя. Пресса должна быть неподкупной.

Блэйкмур болезненно поморщился:

— А копы не могут даже пончик съесть за чужой счет.

Спустя пять минут они уже входили в ресторан «Чарли» через заднюю дверь. Выбрав уютный столик в дальнем конце зала с окнами на Бродвей, они прошли туда, даже не посмотрев на трех посетителей, хлебавших спиртное в десять часов утра.

— Мне очень нравится это место, — сказала Энн и тяжело вздохнула, оглядев величественный викторианский интерьер ресторана. Подобные рестораны исчезли почти двадцать лет назад — остался только «Чарли», да и тот превратился из роскошного заведения в некую ностальгическую

кую забегаловку, напоминавшую людям старшего поколения об их славном прошлом.

— Двойной без пены? — спросил Блэйкмур, когда к нему подошла официантка. Увидев, что Энн молча кивнула, он поднял вверх два пальца. Пока им готовили кофе и все остальное, Энн полезла в сумку и достала оттуда репортерский магнитофон.

— Угу, — многозначительно хмыкнул Блэйкмур, — ты, конечно, можешь попытаться выудить у меня кое-что, но только на твоей пленке не должно быть моего голоса. Никаких интервью, пока мы не узнаем об этом деле чего-либо существенного. Договорились?

Энн нехотя положила магнитофон обратно в сумку.

— Ты же знаешь меня, Марк, я всегда беру только то, что мне дают. Итак, что же происходит? Прошел слух, будто вашу спецгруппу распустили преждевременно.

Марк Блэйкмур горестно закатил глаза:

— Не верь известиям, полученным из третьих рук.

— Хорошо, — кивнула Энн. — Но, с другой стороны, я была бы плохой журналисткой, если бы не поинтересовалась, почему появляются подобные слухи. Что случилось? Имитатор?

Детектив слегка призадумался, и Энн поняла, что в этот момент в его голове вновь встала картина преступления. Наконец он пожал плечами:

— Если это и имитатор, то, должен тебе признаться, самый худший из всех. К тому же имитаторы начинают подражать почти сразу же после сообщения о делах своего кумира, а этот появился только сейчас, то есть спустя два года после ареста Крэйвена. Да и до ареста у Крэйвена не было никаких имитаторов.

— А ты уверен в этом? — спросила Энн, пристально глядя на детектива.

— Да, уверен, — решительно ответил тот. — Ты же сама прекрасно знаешь, что у Крэйвена был свой почерк, своя манера действий... — Блэйкмур замолчал, увидев приближающуюся официантку. Положив в чашку две ложки сахара и размешав его, он отхлебнул глоток и продолжил: — Самое неприятное, что между этим делом и делом Крэйвена есть определенное сходство.

Репортерское чутье заставило Энн настороженно замереть.

— Например? — спросила она, стараясь не выдать своего волнения.

Блэйкмур заметно напрягся, сосредоточился и начал поочередно загибать пальцы на правой руке:

— Во-первых, нет никаких признаков борьбы. Помнишь, как погибали все жертвы Крэйвена? Создавалось впечатление, будто они добровольно шли на смерть. То же самое произошло и с Дэвис. Конечно, она была проституткой и думала, что подцепила щедрого клиента. Во-вторых, — Марк загнулся второй палец, — ее грудная клетка вскрыта и вырезаны все внутренние органы.

Энн до хруста сжала зубы и почувствовала легкое головокружение, как это бывало всегда, когда она узнавала о подобных преступлениях.

— В точности так делал Ричард Крэйвен.

— За исключением того, что этот парень — абсолютный дилетант, — продолжал Блэйкмур. — Кроме того, он сперва сломал ей шею.

— Ричард Крэйвен так никогда не поступал, — заметила Энн и нахмурилась. — Он никогда не убивал свои жертвы до начала... этих действий. Разве не так?

— Совершенно верно, — согласился с ней детектив. — Насколько нам известно, он этого никогда не делал. — Блэйкмур огляделся по сторонам, а потом наклонился к собеседнице: — Но дело в том, что этот подонок, похоже, вскрыл ее грудную клетку еще до того, как она умерла. Об этом свидетельствует большое количество крови, вытекшей из раны.

Энн уставилась на детектива немигающим взглядом:

— Ну так кто же он? Имитатор или нет?

Блэйкмур провел пальцем по кромке чашки, напряженено обдумывая ее вопрос. Конечно, он не имел права делиться информацией с репортером на ранней стадии расследования, но он был уверен: Энн Джейферс не напишет ничего такого, что пойдет ему во вред. К тому же он уже привык за последние годы советоваться с этой весьма неглупой женщиной. А самое главное — она нравилась ему.

— Я не знаю, — откровенно признался Блэйкмур. — Если бы преступник не вскрыл ее грудь и не разбросал

внутренние органы по всей кухне, я бы подумал, что это был человек, которого Дэвис хорошо знала и даже любила. Там не найдено абсолютно никаких следов борьбы, никаких следов насилиственного вторжения в квартиру. Похоже на то, что он просто убил ее и преспокойненько удалился.

— А кто это мог быть?

Блэйкмур снова покачал головой.

— Никаких признаков изнасилования или чего-нибудь в этом роде, — он тяжело вздохнул. — Вот это-то и беспокоит меня больше всего. Если не было борьбы и сексуальных домогательств, то что же там было, черт возьми?

Энн помолчала, обдумывая услышанное. Она полностью доверяла Блэйкмуру и решила поделиться с ним своими соображениями.

— В последнее время в прессе очень много писали о Ричарде Крэйвене, — осторожно начала она. — И я, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было. Думаю, что тем самым мы подтолкнули кого-то к опасной черте.

Блэйкмур впился в нее глазами.

— Такая же мысль пришла только что в голову и мне, — признался он. — У меня дурное предчувствие, Энн. Мне даже кажется, что сейчас, когда Крэйвена уже нет в живых, кто-то настойчиво пытается подражать ему, стараясь запутать нас.

— И если это действительно так?.. — спросила Энн, хотя и сама прекрасно знала ответ.

Губы детектива сжалась в тонкую линию.

— Значит, за этой жертвой неизбежно последуют другие.

Он грустно вздохнул, а потом сердито проворчал:

— Иногда я просто перестаю что-либо понимать, Энн. Только мы избавились от одного серийного убийцы, как тут же появляется другой.

— Может быть, до серийных убийств дело не дойдет, — попыталась утешить его Энн.

Блэйкмур задумчиво помешивал ложкой кофе.

— Может быть.

При этом они оба прекрасно знали, что обманывают себя.

Глава 20

Мальчик хорошо знал, что кошка где-то здесь, хотя и не видел ее. Она всегда пряталась от него в густых листьях рододендрона, посаженного его матерью вдоль изгороди. Мальчик не мог понять, почему она никогда не покидает их двор, и в конце концов пришел к выводу: там, за забором, существует нечто такое, что пугает кошку даже больше, чем он сам.

Посетила его и еще одна догадка, которая с каждым днем перерастала в прочную уверенность: кошке нравилась эта игра не меньше, чем ему.

Мальчик подполз поближе, присел на корточки и пригнулся. Ему казалось в этот момент, что он сам похож на кошку, которая охотится за птицей. Он сидел неподвижно, и только его глаза шарили в затененном пространстве среди ветвей рододендрона, пытаясь уловить малейшее движение животного.

И вот он заметил ее. Даже не ее, а лишь кончик ее хвоста, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы обнаружить ее укрытие.

Приняв позу крадущейся кошки, мальчик стал медленно продвигаться вперед, ощущая своими чувствительными ладонями каждую травинку. Его уверенность возрастала с каждой минутой, так как кошка оставалась на месте, явно не подозревая о грозившей опасности. В этот момент мальчик чувствовал себя ловким и сильным животным, преследующим намеченную жертву и уверенным в успехе.

Сейчас он уже хорошо видел, что кошка напряглась всем телом и сжалась в комок. Оба существа превратились в единое целое: ему стали доступны все ощущения животного, а кошка, в свою очередь, жила жизнью мальчика, не отказываясь от своей собственной.

Может быть, именно потому кошка никогда не пыталась сбежать со двора? Да и мальчик, наверное, оставался в этом доме по той же причине.

Мальчик подполз еще ближе и теперь мог видеть не только кончик хвоста кошки, но и ее растопыренные во все стороны усы. Кошка насторожилась и нервно задергала хвостом. На лице мальчика появился хищный оскал.

Еще несколько движений, и он заметил, что его жертва слегка попятилась.

— Хороший котенок, — прошептал мальчик так тихо, что, казалось, только кошка могла услышать его мягкие, вкрадчивые слова. Он полез в карман, вытащил оттуда пару черных кожаных перчаток и натянул их на руки. — Замечательная кошечка, — продолжал он успокаивать животное. — Хороший милый котенок.

Завороженная его гипнотическим шепотом, кошка заметно успокоилась. Правая рука мальчика осторожно просунулась под листья, двигаясь бесшумно, как змея. Кошка почувствовала опасность, слегка приподнялась, выгнула спину дугой, ее шерсть встала дыбом.

В это мгновение мальчик испытал высшее наслаждение охотника. Его как будто пронизало электрическим током. Мгновенно собравшись, он молниеносно выбросил вперед руку и поймал бедное животное в тот самый момент, когда оно готово было сиагнуть в сторону. Вытащив кошку из укрытия, мальчик поднял ее до уровня своих глаз.

Кошка тревожно посмотрела ему в глаза и зашипела. Затем она выпустила когти и попыталась ударить лапой своего противника по лицу. Мальчик перехватил ее и сжал так крепко, что животное прекратило всяческое сопротивление и сдалось на милость победителя.

Он тоже никогда не пытался сопротивляться сильному, надеясь только на милосердие противника.

Крепко удерживая кошку, мальчик направился к дому, который в этот день пустовал.

В доме не было никого, кроме него самого.

И кошки.

Открыв заднюю дверь, он на какое-то мгновение остановился. Он хорошо знал, что в доме никого нет, но даже пустой дом наводил на него ужас. Правда, сегодня этот ужас слегка приглушался мыслями о предстоящем действии.

Мальчик отбросил все сомнения и решительно направился в подвал. С каждым шагом его сердце стучало все громче, а у той ненавистной скамьи чуть было не выскочило из груди.

Почему оно так бешено колотилось? От страха или от предвкушения?

Он очень хорошо знал эту скамью. Она стала частью его жизни, частью его самого и всегда стояла здесь, на этом месте.

*Теперь она находилась в его полном распоряжении.
Поместив свою жертву в клетку, он приступил к работе.
Все, что ему требовалось, было под рукой. Отец всегда
любил порядок и бережно хранил свои вещи.*

Набор тряпок, эфир.

*Мальчик пребывал в хорошем настроении, так как знал,
что непременно проявит доброту к своей жертве. Разложив
на скамье тряпки, он откупорил бутылку с эфиром и обильно
набрызгал их. Затем вытащил из клетки отчаянно сопро-
тивлявшуюся кошку. Она вцепилась когтями в его руку, но он
не чувствовал боли.*

*Крепко держа животное одной рукой, другой он схватил
пропитанные эфиром тряпки и прижал их к мордочке кошки.
Какое-то время та еще дергалась, но вскоре затихла. Маль-
чик решил, что пора приступать к работе.*

*Он положил кошку на скамью, растянул ее лапы и привя-
зал их примерно так, как лилипуты привязывали Гулливера.
Но если кошка была Гулливером, то мальчик отнюдь не яв-
лялся лилипутом.*

*Когда все было готово, он стал аккуратно прикреплять к
телу кошки электроды, стараясь все делать так, как делал
его отец. Теперь оставалось лишь немного подождать, пока
кошка проснется.*

*Ждать пришлось недолго. Как только мальчик почувство-
вал, что животное очнулось и способно в полной мере ощу-
тить воздействие тока, его тоненький палец потянулся к
кнопке, с помощью которой подавался ток к электродам...*

Глава 21

Гленн забился в судорогах и широко открыл глаза.

Сердечный приступ! У него начался новый сердечный
приступ! Он протянул дрожащую руку к кнопке звонка и
сильно нажал на нее. В этот момент его сознание слегка
прояснилось и он понял, что ошибся. Это был не сердеч-
ный приступ, а очередной кошмарный сон.

Что же ему приснилось?

Всего лишь секунду назад все было так ясно и четко.
Кошка.

Да, это было связано с кошкой.

Кумкват?

Он попытался вспомнить, как выглядела приснившаяся ему кошка, но все детали сна уже успели развеяться как утренний туман. Секунду спустя резко распахнулась дверь и в палату вбежала встревоженная медсестра. Сегодня дежурила Эннет Брейди. Она понравилась Гленну с той самой минуты, когда он пришел в себя и вновь начал узнавать людей. Правда, сегодня утром на лице Эннет не было привычной очаровательной улыбки.

— Да? — спросила она с поразительной краткостью, весьма необычной для нее.

И тут Гленн понял, что Эннет уже работала вторую смену подряд и, вероятно, просто валилась с ног.

— Прошу прощения за ложный вызов, — сказал Гленн, виновато потупив глаза. — Мне снова приснился кошмарный сон, и когда я проснулся, мне показалось, что начался новый сердечный приступ.

Сестра быстро взглянула на экран стоявшего у изголовья кровати монитора.

— Нет, у вас все нормально, — сдержанно сказала она и собралась уходить.

— У вас сегодня долгое дежурство? — сочувственно спросил Гленн.

— Не дольше обычного, — сухо ответила Эннет, повернувшись к нему от двери.

Он нахмурился и посмотрел на часы. Половина восьмого?

Как может быть сейчас половина восьмого? Он даже не проснулся, когда...

Не дольше обычного?

Гленн медленно перевел взгляд на окно. Там уже вовсю горели уличные фонари и быстро исчезали последние проблески заката. Неужели он проспал весь день?

Почему же никто не разбудил его на ужин? Это ведь больница, черт возьми! Иногда его будили только для того, чтобы сунуть в рот таблетку снотворного! Он хотел было спросить об этом сестру, но вдруг понял, что совершенно не испытывает чувства голода. Последнее обстоятельство заставило его вконец растеряться. Возможно, он просто забыл весь этот день? Нет, такого не может

быть. Скорее всего они дали ему возможность хорошенько отоспаться.

— Я подумал, — неуверенно начал он, — что, пожалуй, мне стоит слегка перекусить...

Эннет Брейди изумленно вытаращила на него глаза.

— Вы хотите есть? После столь сытного ужина? — она недоумевающе покачала головой. — Ну хорошо, я попробую вам помочь. Но если мне удастся хоть что-нибудь отыскать в столь поздний час, то, я надеюсь, вы не будете слишком привередничать?

Когда сестра вышла из палаты, Гленн попытался привести в порядок свои сумбурные мысли. Очевидно, он все же ужинал и столь же очевидно то, что он выразил свое недовольство едой. Но почему же данный факт выпал из его памяти, как, впрочем, и весь этот день?

Он растерянно оглядел палату, словно желая отыскать ключ к разгадке тайны. Неожиданно его взгляд упал на толстую папку с бумагами, лежавшую на его столике. Раскрыв ее, он недоуменно просмотрел содержимое и наступил. Досье его жены на Ричарда Крэйвена! Почему эта папка лежит у него на столе?

Энн, должно быть, приходила к нему, когда он спал, и оставила здесь свои бумаги. Недолго думая, он набрал свой домашний номер, но в тот момент, когда Энн ответила, его поразила неожиданная мысль: ведь его должны через несколько дней выписать из больницы. Не оставят ли его здесь еще на какое-то время, если выяснится, что он потерял память?

Разумеется, оставят. Они не выпустят его отсюда до тех пор, пока не выяснят причину подобных явлений. Услышав в трубке голос жены, Гленн замялся, не зная, что сказать.

— Значит, ты все-таки решил позвонить и извиниться? — спросила она, нарушая неловкое молчание. — С кого же ты хочешь начать? С меня или с Кевина?

Гленн лихорадочно перебирал в памяти все события последнего времени, но так и не смог вспомнить последней встречи с женой. Правда, он припомнил, что утром разговаривал с Кевином по телефону и просил его принести некоторые журналы — те, которые сейчас лежали под папкой.

Ну, по крайней мере, он знает, что к нему приходил сын. Значит, и жена тоже могла навестить его.

— Знаешь, мне кажется, что у меня сегодня был далеко не лучший день, — откровенно признался он, все еще отказываясь верить в потерю памяти. — Я очень сожалею и готов принести свои извинения.

Через секунду он повторил те же слова Кевину, после чего трубку снова взяла Энн.

— Как долго ты намерен держать у себя мои бумаги? — полюбопытствовала она.

Он снова посмотрел на толстую папку. Значит, он попросил принести сюда все эти документы. Но с какой целью?

— Я не знаю, — совершенно искренне ответил Гленн, не понимая, зачем ему все это понадобилось. Ведь он всегда упрекал жену в том, что она занимается черт знает чем. — Я просто подумал: пролистаю-ка от нечего делать твои бумаги и, может быть, пойму, почему тебя так заинтересовало это дело.

Это была чистейшей воды импровизация.

— Не исключено, что меня ожидает бессонная ночь, вот и будет чем заняться.

Попрощавшись с женой, Гленн снова открыл папку, надеясь в душе, что документы помогут ему каким-то образом восстановить память. Перелистывая страницу за страницей, он вдруг поймал себя на довольно странном ощущении, будто все это ему уже давно знакомо. Невероятно! Ведь он никогда не читал статей Энн! Перевернув еще несколько страниц, он оцепенел от неожиданности. Перед ним была фотокопия статьи, написанной, несомненно, его женой, хотя там и не значилась фамилия автора.

РИЧАРД КРЭЙВЕН — ИСТЯЗАТЕЛЬ ЖИВОТНЫХ?

Бывшие соседи Ричарда Крэйвена сообщают, что подозреваемый убийца-маньяк начиная с двенадцатилетнего возраста регулярно истязал домашних животных.

Марта Демминг, 76 лет. Около двадцати лет прожила по соседству с Эдной Крэйвен в южном Сиэтле. Она сообщила, что собственными глаза-

ми видела, как Ричард часто охотился за любимой кошкой своей матери.

«Не берусь утверждать, что он истязал ее, — сообщила миссис Демминг в телефонном интервью, — но она (кошка) ужасно боялась его».

В этом же интервью миссис Демминг сообщила: чуть позже тело этой кошки было обнаружено неподалеку от дома, и оно, по словам другого соседа, неоднократно подвергалось ударам тока или чего-то подобного. Этот сосед, Уилбер Фэнкенбург, умер три года назад в возрасте 56 лет и, следовательно, не может подтвердить слова миссис Демминг.

Гленн Джейферс прочитал эту статью два раза подряд, восстанавливая в памяти до мельчайших подробностей свой последний кошмарный сон. Затем он положил папку на стол и устало опустил голову на подушку.

Происхождение его кошмара стало для него делом совершенно ясным. Похоже, что в течение дня он прочитал эту статью и она врезалась в его сознание.

Но почему же он не помнит всего этого?

Важность этого вопроса стала постепенно притупляться, и через несколько минут он погрузился в сон.

Глава 22

Пока Гленн Джейферс пребывал в состоянии глубокого и безмятежного сна, его жена ворочалась в постели от изнуряющей бессонницы. Неожиданный звонок Гленна заставил ее в тот самый момент, когда она уже окончательно успокоилась и пришла к выводу, что странное поведение мужа во время их последней встречи в больничной палате ровным счетом ничего не означает. К тому же и доктор Фарбер уже давно предупредил ее о возможных изменениях реакции мужа на привычные обстоятельства. У многих людей, сказал он ей тогда, после столь тяжелого сердечного приступа наблюдается полное перерождение личности. Один из его пациентов за одну ночь превратился из лично-

сти типа «А» в личность типа «Е». Многие люди начинают совершенно спокойно относиться к тем вещам, которыес раньше вызывали у них приступы необузданной ярости, нетерпеливые становятся хладнокровными, а общительные — замкнутыми. Именно необычную замкнутость и обнаружила Энн у своего мужа во время последнего посещения. Всегда приветливый и добродушный, он встретил ее настороженно и даже как-то враждебно. Вокруг него были разложены ее статьи из досье, и он даже не повернул к ней головы, когда она наклонилась, чтобы поцеловать его. Развеется, Энн поинтересовалась, почему он так увлекся делом Ричарда Крейвена, но Гленн отдался лишь краткой репликой — он, дескать, просто хотел понять, почему его жена занимается этим делом столько лет.

— Знаешь, что недавно пришло мне в голову? — неожиданно спросил он, оторвавшись от бумаг. — Это очень интересный парень. Ты всегда стремилась сделать из него какого-то монстра, но...

Энн опешила и вытаращила на мужа глаза, не веря своим ушам. Еще неделю назад он говорил ей, что единственным разумным оправданием ее поездки в Коннектикут является возможность «лично убедиться в смерти этого подонка». И вот сейчас этот подонок неожиданно превратился в «интересного парня»!

— Он действительно был монстром, — прервала его Энн. — Одному Богу известно, скольких людей загубил этот мерзавец. К тому же он не просто убил их, Гленн. Он расчленил их! Он вырывал у них сердца!

Гленн поднял голову и как-то странно посмотрел на жену — с какой-то невыразимой злостью в глазах. Она тут же оставила эту тему, решив, что неразумно расстраивать мужа в такое время. Все же до конца свидания ее не покидала мысль, что он не может смириться с ее оценкой Крейвена. В конце концов она была вынуждена прервать свой визит, так как Гленн все равно не обращал на нее никакого внимания.

Уже выходя из больницы, Энн решила поговорить с дежурной медсестрой. Та всячески убеждала ее, что многие пациенты вообще предпочитают не принимать гостей и что вся их энергия уходит исключительно на собственное выздоровление, не оставляя им никакой возможности

общаться с близкими. Естественно, Энн попыталась успокоиться на этом, но ощущение тревоги так и не оставило ее в тот вечер. Оно даже значительно усилилось, когда Энн узнала, как протекало свидание Кевина с отцом. А когда Гленн позвонил сегодня вечером, Энн окончательно убедилась в том, что с ним происходят странные вещи. Он не только пересчур формально извинился перед ней и сыном, чего никогда не бывало раньше, он еще и держался так, будто ничего страшного не произошло и он не понимает, почему она так расстроилась. Именно этот звонок мужа всколыхнул в душе Энн неприятные ощущения, которые уже стали постепенно забывать.

Отложив в сторону свои заметки, над которыми она работала несколько часов и которые подводили итог ее изысканиям в хранилище полицейского участка, она встала из-за стола, прекрасно понимая, что ничего путного сегодня вечером ей сделать уже не удастся. Кевин лежал на диване с книжкой в руках, а рядом громко бубнил включенный телевизор.

— Ты мог бы выключить его, если не смотришь, — похозяйски распорядилась Энн.

— Я смотрю, — ответил Кевин, даже не потрудившись поднять голову от книги.

Энн решила не тратить время на бесполезный спор с сыном, так как тот действительно обладал удивительной способностью одновременно читать книгу, смотреть телевизор, участвовать в разговоре и слушать музыку. Этот талант он унаследовал от своего отца, который тоже часто занимался несколькими делами сразу и при этом каждое из них делал великолепно. Что же касается ее, то ей всегда удавалось одновременно лишь восхищаться и возмущаться такой необычайной способностью. Она не могла понять, как можно делать домашнюю работу и при этом смотреть телевизор.

— Я еду в больницу к отцу, — объявила она.

Кевин наконец-то оторвался от книги, почувствовав в голосе матери легкую тревогу.

— Что-нибудь случилось?

Энн покачала головой:

— Мне просто захотелось прогуляться, вот я и решила совместить приятное с полезным.

— Хорошо.

— Скажи Хэдер, что вы не должны выходить на улицу. Кевин закатил глаза и тяжело вздохнул.

— Боже мой, мама, я же не ребенок. Ничего с нами не случится.

Энн решила не портить сыну настроение и, наклонившись над ним, поцеловала его в лоб.

— Вернусь через час. Надеюсь, все будет нормально. Договорились?

Ночной воздух был довольно прохладен, и она всю дорогу держала руки в карманах. Дойдя до Мерсер-стрит, где начинался опасный район, она повернула направо, поднявшись до Пятнадцатой улицы и повернула на Томас-стрит, откуда до больницы было рукой подать. В здание она вошла через черный ход и сразу направилась к лифту. Поднявшись на третий этаж, она сняла трубку красного телефона и назвала себя. Через секунду в коридоре появилась Эннет Брейди.

— Ваш муж уже спит, но я думаю, что вы вполне можете посидеть с ним несколько минут.

— Как он себя чувствует? — спросила Энн сестру, когда та вела ее по коридору в реанимационное отделение.

— Вообще-то ему сегодня намного лучше. Он уснул сразу же после ужина и проснется, я надеюсь, совершенно другим человеком. Откровенно говоря, я бы на вашем месте не стала сейчас будить его. Сейчас ему нужно как можно больше спать.

Сестра приоткрыла дверь палаты Гленна и позволила Энн заглянуть внутрь. Мягкий свет уличных фонарей за окном тускло отражался на спокойном лице спящего. Сейчас он уже больше походил на того человека, за которого Энн когда-то вышла замуж. Все ее тревожные чувства мгновенно растаяли как прошлогодний снег. Она с легким сердцем отошла от двери.

— Сегодня меня неожиданно стали одолевать глупые мысли, — откровенно призналась Энн сестре, когда они шли к выходу. — Конечно, мне следовало просто позвонить вам, но почему-то захотелось самой взглянуть на него. Знаете, это напомнило мне мое отношение к детям, когда они были еще совсем маленькими. Когда мне гово-

рили, что с ними все в порядке, то мне всегда хотелось лично убедиться в этом.

— Ничего страшного, — успокоила ее сестра. — Многие жены наших пациентов приходят к нам даже ночью. А вот мужья редко показываются здесь даже в обычное время. Гетеросексуальные мужчины в Америке всегда страдали неразвитым семейным инстинктом.

Энн направилась к выходу, помахав на прощание рукой медсестре. Та пожелала ей благополучно добраться домой.

— Знаете, — крикнула она вдогонку, — та женщина, которую недавно убили, жила совсем неподалеку от больницы.

«Да-да, несчастная проститутка, которая напоролась на того клиента», — подумала Энн, спускаясь на лифте вниз. Ей стало жаль ту женщину, ведь она всего-навсего пыталась заработать себе на жизнь. Пусть способ заработка и не был вполне достойным, но все же она не заслужила подобной участи. Вспомнив предостережение медсестры, Энн вышла из больницы через главный подъезд и пошла по Шестнадцатой улице, слабо освещенной редкими уличными фонарями. Приблизившись к очередному фонарю, она вдруг почувствовала, что за ней кто-то наблюдает. Энн замедлила шаг и пристально осмотрела улицу.

Вокруг ни единой души.

Немного успокоившись, она пошла дальше, но чувство тревоги по-прежнему не покидало ее. На углу Томас-стрит ее нервы стали сдавать, и Энн повернула налево, незаметно для себя ускоряя шаг. Вскоре гнетущее ощущение чужого взгляда, вперившегося в ее затылок, стало постепенно ослабевать, а к концу улицы она уже была абсолютно уверена в том, что стала жертвой собственных глупых фантазий.

Экспериментатор отошел от окна лишь тогда, когда Энн Джейферс скрылась за поворотом. Он ни минуты не сомневался в том, что она почувствовала на себе его взгляд, ощутила его незримое присутствие. Он злорадно наблюдал, как она постоянно озиралась, осматривая пустынную улицу, и ускоряла шаг, выдавая свой страх. Он хорошо понимал ее ощущения, так как видел все это сот-

ни раз, подыскивая себе очередной объект для исследования.

Скоро наступит время новой серии экспериментов, нового этапа работы. У него даже пальцы сжались в кулаки от предвкушения того сладостного чувства, которое возникало каждый раз, когда его руки погружались в средоточие человеческой жизни и обхватывали трепетно пульсирующее сердце. В этом заключалось высшее блаженство эксперимента, ведь в его руках находился не только источник жизни, но и сама жизнь в самом ее обнаженном виде.

Он уже окончательно решил, что на этом этапе участницей одного из экспериментов станет Энн Джейферс. Сперва, конечно, он просто поиграет с ней, как, впрочем, играл и все эти годы, а потом... Потом наступит ее время. Не исключено даже, что он разбудит ее на завершающем этапе эксперимента, дабы она могла разделить с ним это неземное блаженство. А он будет держать в руках ее трепыхающееся сердце и ощущать иссякающий поток жизненной энергии.

У него имелись богатые возможности для проведения данного эксперимента, так как колоссальный опыт, накопленный им за все эти годы, предоставлял ему широкий выбор средств и методов для успешной работы. Конечно, у него был вынужденный перерыв, но он скоро закончится.

Ждать осталось совсем недолго. Скоро все начнется сначала. Не за горами то время, когда в его руках окажется трепетная плоть Энн Джейферс. Скоро... скоро...

Глава 23

— Итак, еще раз о наших правилах поведения, — Горди Фарбер наклонился вперед и ткнул карандашом в сторону Гленна, словно перед ним сидел бестолковый мальчишка, а не сорокатрехлетний архитектор. — Сегодня вы отправитесь домой, но это вовсе не означает, что вы возвращаетесь к прежнему образу жизни. Вам это ясно?

Гленн уставился в потолок и начал механически перечислять все те инструкции, которыми снабдил его Фарбер:

— Не появляться в офисе, побольше отдыхать, принимать здоровую пищу и больше двигаться.

Затем он ухмыльнулся и спросил:

— Нужно ли мне каждый день принимать джеритол?

— Это не повредит, — проворчал Фарбер и повернулся к Энн, которая специально взяла отгул, чтобы забрать мужа и отвезти его домой.

— Я рассчитываю на вас. Постарайтесь сделать так, чтобы он не обманывал нас. Если ваш муж будет вести себя нормально, то ничего страшного с ним в ближайшее время не случится.

Фарбер снова посмотрел на Гленна взглядом строгого школьного учителя.

— А если он будет по-прежнему целыми днями сидеть за рабочим столом, питаться гамбургерами и картофельными чипсами и выпивать по двадцать пять чашек кофе в день, то я вам гарантирую, что через некоторое время он снова окажется здесь. И хорошо, если его так же быстро доставят сюда, как и в первый раз.

— А как насчет лестниц? — поинтересовалась Энн. — Он сможет подниматься и спускаться по лестнице все это время?

— Если в вашем доме нет лестницы, то я бы посоветовал вам купить в спортивном магазине специальный тренажер, — ответил Фарбер. — Конечно, ему не стоит сразу же бежать на стадион, но лестницы ему не повредят. Вообще-то я бы порекомендовал ему проходить пешком милю каждый день.

Гленн шутливо застонал, но Фарбер не обратил на это никакого внимания и продолжил свою лекцию на тему здорового образа жизни:

— Что же касается секса, — сказал он, переходя к вопросу, которым больше всего интересовались его пациенты, — то, с моей точки зрения, это один из наиболее эффективных и к тому же наиболее доступных комплексов физических упражнений. Поэтому можете предаваться ему постоянно и без оглядки. Есть еще вопросы?

Гленн слегка замялся и нервно заерзal на стуле. Стоит ли упоминать о том провале памяти, который он испытал в прошлую субботу? Сам вопрос уже достаточно ясно сформулировался в его сознании, но в последнюю минуту

он передумал. В конце концов это был всего лишь единичный случай, к тому же легко находящий объяснение в чрезмерном употреблении медикаментов. Ему сейчас нужно как можно быстрее вырваться из больницы и вернуться домой.

— Какие могут быть еще вопросы! — хмыкнул он, вставая со стула. — Это все?

Фарбер обошел вокруг стола, провожая чету Джейферсов до двери.

— Внимательно следите за своим самочувствием, — еще раз напомнил он. — Если вам что-либо покажется необычным или настораживающим, немедленно дайте мне знать. И пожалуйста, не относите на счет болезни сердца любую боль в груди или руке. Лучше всего сразу приезжайте ко мне. И, наконец, последнее: не считайте себя инвалидом и не позволяйте другим относиться к себе как к инвалиду. Вы нормальны и в целом здоровый человек. Поезжайте домой и живите спокойно.

Несколько минут спустя Энн остановилась на обочине перед своим домом, где, к счастью, нашлось свободное место. Гленн резво выскочил из машины, открыл заднюю дверцу и начал вытаскивать оттуда огромную сумку и коробку с бумагами. Энн тут же вступила с ним в борьбу из-за того, кто должен отнести все эти вещи домой. Гленн поначалу сопротивлялся, а потом уступил жене.

— Знаешь что? — предложил он наконец. — Ты возьмешь эту сумку, а я понесу коробку с бумагами. Идет?

— Идет, — согласилась она.

Переступив порог своего дома, Гленн поставил коробку на стол и облегченно вздохнул. Слава Богу, кончились эти больничные койки, ненавистные мониторы, провода и медсестры, которые каждый Божий день пичкали его снотворными таблетками. Вниз по лестнице кубарем скатился белый с черными пятнами Бутс и с разбегу уткнулся носом в ноги хозяина, громко возвещая о своей неуемной радости. В тот же миг на втором этаже послышались громкие крики Гектора, который тоже соскучился по хозяину и рвался из клетки на свободу. Одна только кошка осталась совершенно равнодушной к возвращению Гленна и даже не потрудилась подойти к нему. Потрепав собаку по голове, Гленн повернулся к жене и удовлетворенно ухмыльнулся.

— Может, мне нужно было остаться в больнице? Ведь Фарбер предупредил, что мне нужно побольше отдыхать!

— Ты хочешь, чтобы я отвезла тебя обратно? — шутливо заметила Энн.

Вместо ответа Гленн подхватил сумку и стал медленно подниматься по лестнице на второй этаж, где находилась их спальня. Пройдя половину пути, он остановился и, воспользовавшись тем, что попугай неожиданно замолчал, пристально посмотрел на жену.

— Как часто нам удастся остаться дома наедине в это время дня? — игриво спросил он и значительно подмигнул Энн: Та обесценно нахмурилась, прекрасно понимая, что кроется за этим вопросом.

— По-твоему, это будет уместно при данных обстоятельствах?

— Разумеется. Ведь Горди вполне откровенно заявил, что секс — самый эффективный комплекс физических упражнений. Разве не так?

— Он сказал — «один из самых эффективных», — поправила Гленна жена, но начала тем не менее подниматься вслед за ним.

Когда они вошли в спальню, Гленн бросил сумку на пол и нетерпеливо обнял жену, крепко прижав ее к себе. От нее исходил хорошо знакомый запах ее духов и ее тела. Это еще больше подстегнуло его возбуждение. В следующую минуту они уже оказались в постели. Его пальцы лихорадочно расстегивали многочисленные пуговицы на ее спине. Энн извивалась всем телом, всячески помогая ему снять с нее платье. Гленн прикоснулся к ее обнаженному телу и неожиданно почувствовал странное покалывание в пальцах. Ее кожа буквально вибрировала под его рукой, порождая, как ему показалось, электрические разряды.

Теперь уже она принялась раздевать его, и он снова испытал то же ощущение — словно электрическая энергия неумолимо переходила к нему от ее нежных мягких пальцев. Ничего подобного он никогда еще не испытывал. Это было совершенно незнакомое ему прежде чувство радости от прилива свежих сил.

Гленн осторожно снял с Энн бюстгальтер и громко засоткал, когда его руки коснулись ее набухшей груди. Все ее тело продолжало вибривать под его руками, а когда она

слегка прикоснулась к его восставшей плоти, ему понадобилось немало усилий, чтобы не допустить преждевременного извержения накопившейся энергии.

Неужели прошло настолько много времени, что он совершенно забыл сексуальные ощущения? Почему все кажется таким новым и неизведанным?

Неужели и в этом виноваты проклятые медикаменты?

Неожиданно для себя Гленн вспомнил случай, который произошел много лет назад. Тогда перед тем, как заняться любовью, они выкурили «джойнт» — сигарету с марихуаной. В ту ночь его охватило странное чувство. Ему казалось, будто перед ним находится совершенно незнакомая женщина, чужая и пугающе загадочная. Это ощущение настолько испугало его, что с тех самых пор он перестал употреблять наркотики, предпочитая им умиротворяющую радость знакомого тела и привычных сексуальных реакций. Ему нравилось чувство безопасности и узнаваемости, когда он прикасался к телу жены.

А сегодня это чувство почему-то не приходило. От Энн исходила какая-то необъяснимая электрическая энергия, которую Гленн воспринимал не только пальцами, но и всем телом. Все его естество подчинялось этой странной вибрации, а душа наполнялась необыкновенным возбуждением.

Гленн еще крепче прижал жену к себе, наслаждаясь легким покалыванием, пробегавшим по его коже при каждом прикосновении к ее горячему телу. Всеми фибрами души он реагировал на проявления ее страсти, и каждый его нерв трепетно откликался на исходившую от нее энергию.

Ему даже казалось иногда, будто при каждом прикосновении в него переливается ее жизненная сила и он радостно впитывает ее своими пальцами, ладонями, каждой клеточкой своего тела.

Он начал энергично двигаться, не прекращая ласкать рукой ее возбужденное тело. Его плоть входила в нее все глубже и глубже, как будто стараясь проникнуть в недра души Энн и полностью познать ее. Он ощущал трепетное биение ее существа, нежный пульс ее сердца и всеми силами рвался туда, где должен был находиться главный источник ее жизни, ее пульсирующей энергии. Их тела слились

в единое целое и подчинились закону единого животворящего ритма, неумолимо увлекавшего их к высшему блаженству бытия. Гленн чувствовал пальцы Энн, глубоко вонзавшиеся в его спину, ее ноги, крепко обхватившие его бедра. Она безудержно рвалась навстречу его плоти, как будто желая поглотить его полностью и насладиться ощущением абсолютного слияния их жизней в одно неразрывное целое.

Гленн на мгновение замер, почувствовав сладостное напряжение в паху, а потом смирился с неизбежным извержением сексуальной энергии и сделал последнее движение, стараясь войти в Энн как можно глубже. Его тело пронизал мощный электрический разряд, и вибрация ее кожи стала постепенно затихать. Он всеми силами старался продлить это необыкновенно приятное ощущение, но энергия неумолимо исчезала и он не мог ее удержать.

Выплеснув из себя последние силы, Гленн повалился на бок и вскоре погрузился в глубокий сон.

Энн какое-то время лежала тихо, пытаясь разобраться в испытанных ею ощущениях. Она не хотела будить мужа, но ее одолевали сомнения, которые трудно было выразить словами. Она никак не могла понять, что же произошло между ними минуту назад.

Гленн стал каким-то другим. Она прекрасно помнила, как он занимался любовью раньше. Это происходило как-то спокойнее, как-то по-домашнему. А сейчас она даже испугалась его напора и ярости. Это было похоже на безумие, на какое-то необъяснимое отчаяние. Он словно стремился ворваться в ее тело и овладеть чем-то таким, что она не могла ему отдать.

Наконец она сползла с кровати и направилась в ванную, где пристально осмотрела себя в зеркале. На ее теле отчетливо обозначились синяки, оставленные его крепкими пальцами.

Она даже вздрогнула, увидев их.

Приняв душ, Энн насухо вытерлась и оделась. Гленн лежал на кровати, широко раскинув ноги и руки, и мерно посапывал. Энн показалось, что он похудел, а румянец на его лице выглядит не совсем здоровым.

Ничего страшного. Все встанет на свои места. Через пару недель он наберет свои 180 фунтов, а несколько часов на солнце сделают его кожу по-прежнему смуглой.

Да, но как же насчет его внутреннего мира?

Что означает то безумное отчаянис, которое она почувствовала в нем во время полового акта?

Исчезнет ли оно вместе с его нездоровым румянцем?

Она наклонилась к мужу, нежно поцеловала его в лоб и накрыла его обнаженное тело одеялом, прежде чем выйти из спальни.

Остановившись у двери, она снова посмотрела на него.

Да, это был Гленн, ее муж, но он стал каким-то другим.

Похоже на то, что сердечный приступ повредил не только его тело, но и душу.

Энн отправилась на работу, размышая по пути о том, что по мере восстановления физических сил Гленна произойдет, несомненно, и восстановление его душевных сил. К следующему разу их интимные отношения неизбежно приобретут свои прежние, хорошо знакомые формы.

А что будет, если их взаимоотношения так и не вернутся в прежнюю колею?

На этот вопрос у нее не нашлось ответа.

Глава 24

На следующее утро Гленн Джейферс проснулся поздно и долго приходил в себя после длительного пребывания в больнице. На какое-то мгновение он испытал нечто подобное тому, что чувствовал вскоре после сердечного приступа, когда его накачали лекарствами. Но это состояние быстро прошло, и он был нескованно рад наконец-то проснуться в своем доме, в своей пижаме и в своей собственной постели. К тому же сегодня его разбудила не медсестра, а жена, которая нежно поцеловала его перед тем, как отправиться на работу.

Дома.

Он был дома — и совершиенно один.

Гленн лениво потянулся в кровати, с удовольствием прислушиваясь к знакомой тишине родного гнезда. Интересно, когда он в последний раз наслаждался такой тишиной?

Это было так давно, что невозможно вспомнить.

Дело, конечно, заключалось отнюдь не в том, что в больнице не хватало покоя. Просто там стояла какая-то неприятная тишина, наполненная тревогой и болью, а дома все ощущалось по-другому. Там Гленн всегда слышал, как в соседней палате кто-то кашляет или стонет, а дома даже бессвязная болтовня Гектора казалась ему ряиской мелодией. Да и шум улицы в дом Гленна почти не проникал — за исключением, пожалуй, едва слышного щебетания птиц, которое тоже было весьма приятно.

Настроившись на беззаботное времяпрепровождение, Гленн легко соскочил с кровати, накинул домашний халат, впрыгнул в мягкие домашние тапочки и спустился вниз, в кухню, откуда доносился ароматный запах утреннего кофе. На кухне он обнаружил короткую записку, оставленную для него женой:

«Тебе нельзя пить кофе, поэтому постарайся ограничиться одной чашкой».

Именно в этот момент Гленн впервые почувствовал, что он в доме не один. Это было довольно странное ощущение, которое обычно возникает у человека тогда, когда за ним кто-то пристально наблюдает. Гленн резко повернулся, но на кухне никого не было, даже Бутса. Через некоторое время ощущение тревоги и напряжения стало постепенно затухать, а вскоре и вовсе исчезло. Гленн достал чашку и наполнил ее до краев ароматной жидкостью, предъкушая давно забытое удовольствие от любимого напитка. Не успел он усесться за стол, как к нему подошла кошка, которая своим ласковым мурлыканьем как бы просила прощения за вчерашнее равнодушие к хозяину. Поглаживая ее одной рукой, другой Гленн развернул утренний номер «Геральд», и тут же его взгляд упал на статью, которой начиналась сводка новостей:

**ПОЛИЦИЯ СООБЩАЕТ:
НИКАКОГО ПРОГРЕССА В РАССЛЕДОВАНИИ
УБИЙСТВА НА КАПИТОЛИЙСКОМ ХОЛМЕ**

Прошла уже почти неделя с тех пор, как труп Шанель Дэвис был обнаружен в ее квартире на Капитолийском холме, а у полиции Сиэтла все еще нет подозреваемых в совершении этого преступления.

Хотя следователи признают, что обстоятельства данного убийства содержат некоторые признаки сходства с аналогичными злодеяниями Ричарда Крэйвена, однако они все же отвергают версию о появлении имитатора. Правда, они допускают возможность того, что казнь Крэйвена могла вдохновить кого-то на подобное преступление. По словам детектива Марка Блэйкмура...

Гленн отодвинул газету в сторону, не дав себе труда даже дочитать статью до конца. Он уже понял, кто был ее автором. Почему Энн никак не может оставить в покое этого Ричарда Крэйвена? Господи, ведь этот человек уже давно мертв! Он снова придвинул к себе газету, быстро пробежал глазами спортивный раздел, а потом остановился на событиях в мире бизнеса. В нижнем углу на второй странице он нашел небольшую заметку о продолжении строительства «Здания Джейфферса». В заметке сообщалось, что с болезнью главного архитектора работы не только не прекратились, но идут даже с опережением графика. Гленн еще раз перечитал заметку, пытаясь понять, есть ли в ней скрытый намек на благотворность его отсутствия, но потом решил, что он слишком чувствителен к подобным мелочам. Надо позвонить в офис и узнать там все подробности. Вряд ли это можно считать работой.

Оставив на кухне газету и пустую чашку, Гленн стал подниматься наверх и вдруг снова почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Он вернулся обратно и внимательно осмотрел все комнаты на первом этаже. Дом был абсолютно пуст. Тогда он поднялся наверх. Проходя мимо детской, он заглянул внутрь и поймал себя на мысли, что ведет себя как идиот.

В доме не было ни единой души.

Никого.

Гленн отправился в спальню, снял там с себя всю одежду и пошел в ванную, где долго стоял под теплой водой, стараясь смыть с себя даже малейший запах больницы. Вылез он из-под душа только тогда, когда запас теплой воды стал иссякать, а ждать, пока вода нагреется до нужной температуры, ему не хотелось. Затем он насухо вытер-

ся и внимательно посмотрел на свое отражение в слегка запотевшем зеркале.

За время болезни он потерял по меньшей мере фунтов десять, и это его никак не порадовало, так как лишнего веса у него практически не было. Он набирал свой вес в течение нескольких месяцев, постоянно занимаясь физическими упражнениями, интенсивным бегом, всячески придерживаясь здорового образа жизни. И вот сейчас все это ушло неизвестно куда — одни кости да кожа. Он столько лет потратил на наращивание мышечной массы, и все впустую.

Ну что ж, придется все начать сначала. Гленн подошел к раковине, тщательно почистил зубы, а потом снова посмотрел на себя в зеркало. Ему показалось, что он стал похож на бездомного бродягу — впалые щеки, мешки под глазами и глубокие морщины по всему лицу. Но особенно огорчало то, что в его густой щетине четко обозначились седые волоски.

По крайней мере, этот недостаток можно было исправить без промедления.

Он открыл аптечку и вынул оттуда электробритву, которую Хэдер и Кевин подарили ему на последний день рождения.

И тут случилось самое ужасное. Как только он включил электробритву, в нем с новой силой вспыхнуло то странное ощущение, которое он испытал на кухне, причем оно было настолько сильным, что казалось, будто посторонний человек находится не где-нибудь, а здесь, в ванной, рядом с ним! Гленн почувствовал, как напряглись все его ослабевшие мускулы. Он резко обернулся, приготовившись к встрече с незнакомцем. В какие-то доли секунды его пронизал шок, а в глазах потемнело — точь-в-точь как тогда, когда у него начался сердечный приступ. Он потерял сознание и выронил электробритву.

Экспериментатор долго смотрел на электробритву, которая упала в раковину, когда Гленн Джейффорс потерял сознание.

Он осторожно протянул руку и притронулся к прибору одним пальцем. Поколебавшись, он взял электробритву в

руки и внимательно осмотрел, как осматривал почти все предметы, которые попадались ему на глаза. Она показалась ему совершенно целой и невредимой — никаких трещин в корпусе, даже крышка не слетела от удара о фарфоровую раковину. Удовлетворенный беглым осмотром, Экспериментатор приложил электробритву к щеке и провел ею вперед-назад.

В ту же секунду он выронил прибор из рук, так как в его кожу словно вонзились миллионы электрических игл.

Через секунду он снова поднял электробритву и повертел ее перед глазами.

В ней есть какой-то брак. Должен быть, по крайней мере.

Опыт подсказывал ему, что изъян есть в любой вещи, если, конечно, внимательно присмотреться к ней. Причем это был не простой опыт, а тот самый, который он накапливал многие годы, регулярно проводя эксперименты. Но как он ни присматривался, обнаружить повреждение в приборе так и не смог.

Электробритва тихонько жужжала и вибрировала, отдаленно напоминая какое-то странное живое существо.

Его охватило страстное желание во что бы то ни стало разобраться в этом предмете. Неужели он действительно ощущал невидимый поток электроэнергии?

Экспериментатор еще раз прикоснулся головкой электробритвы к щеке и вновь ощутил кожей легкое покалывание.

Однако на сей раз ощущение было совершенно другим — другим и очень знакомым.

Он вновь провел бритвой по щеке и наконец-то понял, что это ему напоминало.

Это напоминало легкое прикосновение пальца, нежное поглаживание, приводящее в экстаз.

Поглаживание женской рукой.

Да, именно так. Это действительно походило на нежное поглаживание, имеющее ярко выраженный эротический характер и сопоставимое по силе воздействия лишь с мощным электрическим разрядом.

Но как могла такая энергия исходить от такого предмета? Ведь это не живое существо, в нем нет души, нет собственного источника живительной силы.

Это был всего лишь неодушевленный предмет.
И все же он покалывал... покалывал...
Следовало непременно разобраться в этом.
Он должен провести эксперимент наподобие тех, что проводил раньше.

Прижав электробритву обеими руками к груди, Экспериментатор понес ее в подвал. Его напряжение нарастало с каждым шагом. Он так долго томился от безделья, что предвкушение очередного эксперимента вызывало в нем необычайное возбуждение.

Спустившись в подвал, он включил прикрепленную над рабочим столом неоновую лампу и придинул к себе ящик с инструментами. Вынув из ящика миниатюрную отвертку фирмы «Филипс», он приступил к работе.

Как и всегда, он работал совершенно голым.

Через двадцать минут на столе лежала груда мелких деталей и оборванных проводков. Экспериментатор тупо смотрел на всю эту кучу, прекрасно понимая, что ему уже никогда не удастся вновь собрать ее в единый механизм.

Как и все его предыдущие эксперименты, этот тоже закончился полнейшим провалом. Экспериментатор задрожал от гнева и разочарования. Ему захотелось сию же минуту избавиться от останков прибора, дабы поскорее забыть об очередной неудаче.

Почему он не нашел того, что так долго искал? Где находится этот чертов источник энергии? Ведь она же была там! Он чувствовал ее, ощущал всем своим существом! Это же так просто — даже полный идиот мог бы разобрать такой нехитрый механизм, а потом снова собрать его! Ведь это же не живое существо, в конце концов, просто самый обыкновенный предмет домашнего обихода!

Экспериментатор быстро сгреб весь образовавшийся хлам и направился на первый этаж, чтобы выбросить его в мусорный бак. Он вышел через заднюю дверь, пересек двор и, приблизившись к мусорному баку, швырнул туда останки электробритвы.

На полпути обратно к дому он вдруг услышал приглушенный вскрик.

Резко остановившись, он огляделся по сторонам и в то же мгновение заметил движение у двери соседнего дома.

За ним кто-то наблюдал.

Это была женщина. Толстая и неряшливо одетая, она замерла на пороге, изумленно вытаращив глаза на голого мужчину. Экспериментатор холодно взглянул на нее. Их взгляды встретились, женщина густо покраснела и попятилась в дом, громко хлопнув дверью.

Экспериментатор еще немного постоял, а потом тоже медленно пошел в дом, мгновенно позабыв о неудачном опыте с электробритвой.

Теперь все его мысли были прикованы к этой женщине. В его сознании промелькнул проблеск надежды.

Не пора ли снова приступить к настоящему делу?

Надо хорошенько подумать об этом.

Подумать и провести все необходимые приготовления.

Глава 25

...полиция «удовлетворена» тем обстоятельством, что осуждение и казнь Ричарда Крэйвена положили конец целой серии убийств. Но детектив все же отметил: «Еще предстоит доказать причастность Крэйвена ко всем этим преступлениям». Кроме того, детектив Блэйкмур не решился отстаивать ту точку зрения, что Крэйвен действовал в одиночку.

Шейла Херрар уставилась на газетную статью помутневшими с похмелья глазами, с трудом вынося резкую боль в голове. Она сидела в этот ранний час на безлюдной площади, стараясь прийти в себя после вчерашней пьянки. Номер «Сиэтл Геральд» кто-то оставил на скамье, как, впрочем, и недопитую чашку с кофе, остатки которого она уже проглотила.

Осталось только одно тело, которое еще не обнаружили, — тело ее сына Дэнни. И теперь не только полиция виновата в этом, но и газета. Шейла весь день ждала, что ей позвонят из редакции, куда она направила свой запрос, но так и не дождалась ответа. Как же фамилия той журналистки? Шейла вспомнила, что сохранила вырезку из недавнего номера газеты, и стала лихорадочно рыться в сумке.

Вот она. Энн Джейферс. Да, это именно та самая женщина, которой Шейла оставила сообщение на автоответчике. Шейла так и не вспомнила, когда же это было, но хорошо помнила, что весь день ждала от нее звонка, но так и не дождалась.

А все потому, что она была индианкой.

Вконец спившейся индианкой.

Шейла гневно смыла газету в кулаке. Она в то утро чувствовала себя не очень хорошо, хотя и не так ужасно, как сейчас. Может быть, эта женщина звонила ей, но ее не было рядом с телефоном-автоматом? В проклятой гостинице никому нет дела до жильцов.

Ей вдруг захотелось чего-нибудь выпить. Медленно поднявшись со скамьи, Шейла почувствовала приступ тошноты. Ее вырвало прямо на чистую мостовую площади.

Никакого облегчения не наступило. Напротив, во рту остался мерзкий привкус блевотины. Она поплелась к питьевому крану и прополоскала рот, выплюнув воду на газон.

Какой от нее прок в таком состоянии? Если она хочет выяснить, что случилось с Дэнни, то ей следует непременно привести себя в полный порядок.

Шейла снова порылась в своей старой сумке, отыскала там несколько монет и принялась лихорадочно соображать, сколько вина можно купить на эти деньги. Но внезапно всплывший в ее замутненном сознании образ сына заставил ее забыть о вине. Она решительно направилась через площадь к Первой авеню, вошла в небольшое кафе, выпила там две чашки кофе и проглотила пончик. За это время у нее состоялся мысленный разговор с сыном.

— *Может быть, она не получила твоё сообщение?* — услышала она голос Дэнни. — *Или ты снова написалась до чертиков и не подождала у телефона?*

— Я ждала, — пробормотала Шейла и замолчала, так как люди за соседним столиком с удивлением посмотрели в ее сторону.

— *Скорее всего ты подождала несколько минут, а потом побежала на улицу, чтобы где-нибудь надраться,* — стоял на своем голос.

Шейла не стала спорить с ним, так как хорошо знала, что он прав. Она даже допускала, что оставила Энн Джейферс неправильный номер.

Нужно еще раз позвонить ей. Шейла встала из-за столика и заковыляла в дальний конец зала, где, как она знала, находился телефон-автомат.

Пролистав несколько желтых страниц телефонного справочника, она вдруг поняла, что лучше всего позвонить Энн Джейферс домой. Вскоре перед ее глазами появилось знакомое имя: «Джейферс, Гленн и Энн».

Шейла опустила в автомат монету и набрала номер. Ответ послышался только после восьмого гудка, когда она уже была готова повесить трубку.

— Алло?

— Могу я поговорить с Энн Джейферс?

— Ее нет дома. Она сейчас на работе. Может, что-нибудь передать?

Шейла немного подумала, а потом решила рискнуть — ведь она говорила с живым человеком, который живет в доме Энн Джейферс.

— Я оставила ей сообщение в редакции, но она почему-то не позвонила мне, — объяснила Шейла, стараясь как можно отчетливее произносить каждое слово, хотя это было и нелегко. — Вы ее муж?

Шейла так волновалась, что не обратила внимания на небольшую заминку перед тем, как голос в трубке произнес:

— Да.

— Я по поводу своего сына, — продолжала Шейла. — Его звали Дэнни Херрар. Этот мерзавец Ричард Крейвен убил его, но полиция так и не нашла тело. Они сказали, что Дэнни — спившийся индеец, но это не так. Дэнни был очень хорошим мальчиком. Он много работал, исправно посещал школу и никогда не пил.

Шейла почувствовала, что ее глаза увлажнились, и смахнула рукавом набежавшие слезы. Сейчас ей следовало держать себя в руках.

— Я хочу только одного — чтобы они нашли моего мальчика. Я не успокоюсь, пока он не будет похоронен надлежащим образом.

На другом конце провода воцарилось молчание, а потом мужской голос спросил:

— И вы хотите, чтобы Энн помогла вам найти его?

Это было так неожиданно, что у Шейлы застрял комок в горле. Он не бросил трубку! Он готов выслушать ее!

— А как вы думаете, она может помочь мне в этом деле? — спросила Шейла дрожащим голосом.

— А почему бы вам не рассказать мне о том, что вы знаете? — неожиданно спросил мужчина. — Просто поделитесь со мной своими мыслями насчет исчезновения вашего сына, а заодно сообщите, как моя жена может связаться с вами.

Руки Шейлы задрожали еще сильнее, а на лбу появились капельки пота. Господи, с чего же начать? Да и что она может рассказать ему?

— Он ходил на рыбалку, — неуверенно начала она, — ходил вместе с этим Ричардом Крэйвеном. Я рассказала об этом полиции, но они не поверили мне, потому что я ин... — она запнулась, но потом преодолела смятение и решительно произнесла: — Полицейские никогда не верят коренным американцам. Они говорят, что мы все пьяницы и алкоголики, но это не так. Дэнни не был пьяницей, да и я тоже — во всяком случае, тогда. Но они все равно не поверили мне.

— Расскажите, пожалуйста, что вы знаете об этом деле и что думаете по этому поводу, — настойчиво попросил мужчина.

Тщательно подбирая слова, Шейла рассказала ему все, что наболело у нее на душе со времени исчезновения Дэнни, попутно изложив свои соображения относительно случившегося.

Человек на другом конце провода внимательно слушал ее.

Слушал и вспоминал...

Его сердце стучало так громко, что, казалось, весь мир слышит эти глухие удары, но на самом деле Экспериментатор наслаждался своим одиночеством, и никто не мог ни слышать, ни даже видеть его.

Он был один, он был абсолютно замкнут в своем внутреннем мире — подвижном мире, сделанном из металла и

стекла и охотно выполняющем все его приказы. Этот мир находился под его полным контролем, в отличие от мира внешнего, где все развивалось по другим законам.

Как хорошо быть одному!

Но скоро его одиночество прервется, так как именно в этот момент он увидел через ветровое стекло того, кого искал.

На расстоянии половины квартала от него стоял парень с удочкой в руках. Ему было лет семнадцать-восемнадцать, не больше.

Парень стоял и ждал его.

Экспериментатор плавно притормозил и остановился, стараясь не выдать своего волнения.

Парень приветливо улыбнулся, продемонстрировав два ряда ровных белоснежных зубов, отчетливо выделявшихся на фоне бронзовой кожи.

Экспериментатор ответил ему такой же лучезарной улыбкой и жестом велел ему побыстрее садиться в фургон.

— Куда мы едем? — беззаботно поинтересовался парень.

— В горы, — кратко ответил Экспериментатор. — Я знаю одно чудесное место на реке Сноквалми.

Он окинул взглядом улицу и успокоился, увидев, что она безлюдна.

Никто не видел его дом на колесах.

Никто не видел его самого.

А если кто-нибудь заметил одиноко стоявшего на улице парня, то ничего страшного в этом нет.

Экспериментатор ехал осторожно, тщательно соблюдая правила уличного движения и не превышая разрешенной скорости. Парень, сидевший в салоне, тем временем беспрестанно болтал. Но, в отличие от многих других подопытных особей, он оказался весьма интересным собеседником, так как был коренным американцем.

— Вы знаете, что у нашего народа есть поверье, будто женщина появилась из рыбы?

Экспериментатор молча покачал головой.

— Да, из лосося, — уточнил парень. — Однажды мужчина поймал огромную рыбину и распорол ей брюхо, чтобы вытащить внутренности, но внутри оказалась женщина.

— Распорол брюхо? — неожиданно оживился Экспериментатор, ощущив учащенное сердцебиение.

— Да, брюхо лосося, — подтвердил парень. — Он поймал эту рыбину и распорол ей брюхо, чтобы вытащить внутренности, но там оказалась женщина. Это была первая женщина. Именно поэтому наш народ поклоняется лососю. Наша праматерь зародилась в брюхе этой рыбины.

— А тот мужчина, который поймал эту рыбину? — спросил Экспериментатор нарочито спокойным голосом. — Что случилось с ним?

Краснокожий парень равнодушно пожал плечами:

— Не знаю. В наших легендах говорится только о том, откуда появилась праматерь. Знаете, это немного похоже на легенду о том, что Бог создал Еву из ребра Адама.

— Да, но это ребро достал из груди Адама не человек, а Бог, — рассудительно заметил Экспериментатор.

Парень снова пожал плечами.

Человек за рулем испытывал неописуемое волнение.

Город уже остался позади, и фургон быстро мчался к подножию горы. Утренний туман окутывал машину, скрывая ее от посторонних глаз. Уютное пространство салона подчеркивало обособленность водителя и пассажира от внешнего мира. Парень, кажется, тоже почувствовал это.

— Удивительно! — тихо прошептал он. — Такое впечатление, будто в мире нет абсолютно никого, кроме нас.

— Может быть, и нет, — хладнокровно изрек Экспериментатор. — А может быть, никогда и не было никого, кроме нас двоих.

— Или кого-то из нас просто не существует? — ухмыляясь, спросил парень, ухватившись за ниточку этого философского постулата. — Но тогда кто же из нас двоих является плодом воображения другого?

Экспериментатор благоразумно промолчал, так как для себя уже давно ответил на этот сакральный вопрос.

Существует только он один.

А все остальные являются не более чем подопытными кроликами для его экспериментов.

Фургон остановился в небольшой роще неподалеку от его любимого места для рыбной ловли. Он хорошо знал эти места и поэтому без особого труда поставил машину

так, чтобы ее не было видно за густыми деревьями. Впрочем, здесь не бывало посторонних людей.

— Я приготовлю кофе, — предложил парню Экспериментатор. — Выпьем по чашке, а к тому времени туман немного поредеет, и мы начнем ловить рыбу.

Он набрал полный чайник воды и поставил его на плитку в фургоне.

Через двадцать минут, когда туман действительно стал понемногу редеть, а из-за горизонта показались первые лучи солнца, голова парня обессиленно свесилась на грудь, а сам он погрузился в глубокий наркотический сон.

Экспериментатор опустил шторы на окнах фургона, включил в салоне свет и вынул из ящика пластиковые простыни, которыми он аккуратно покрыл все пространство салона. Все это делалось медленно, методично. Каждое движение было скрупулезно рассчитано и многократно отработано. С особым усердием Экспериментатор застил пластиком диван, где проходили все его эксперименты.

После этого Экспериментатор начал медленно раздеваться, аккуратно укладывая предметы одежды в ящик под диваном.

Оставшись совершенно голым, он повернулся к парню, который крепко спал на пассажирском сиденье. Его он раздел так же уверенно, как раздевался сам, но одежду сложил не в ящик под диваном, а в большой пластиковый мешок, который всегда находился у него под рукой.

Когда все приготовления были завершены, Экспериментатор осторожно перенес парня на диван и приступил к работе. Как обычно, сперва он сделал небольшие надрезы, используя для этой цели новенький скальпель. Скальпель был такой острый, что входил в тело пациента легко, словно в подтаявшее масло. Появившуюся кровь Экспериментатор аккуратно убирал заранее приготовленным тампоном.

Только после этого он перешел к главному этапу эксперимента. Достав из ящика хирургическую электропилу, он подключил ее к генератору и подготовился к операции. Его сердце бешено колотилось в груди, а на лбу появилась испарина.

Острое лезвие пилы медленно приближалось к распластертому на диване телу.

Скоро... скоро...

Скоро он проникнет в тело этого юноши и откроет для себя тайну его существования.

Скоро он почувствует под своими тонкими пальцами источник жизненной энергии, прикоснется к трепещущему сердцу, почувствует пульсацию его животворящей энергии...

Скоро... скоро...

Но его мечтам не суждено было сбыться. Все закончилось очень быстро. Он стоял над истерзанным юным телом и дрожал от ярости и разочарования. Его и на сей раз постигла неудача.

Гневно сверкая глазами, Экспериментатор швырнул тело парня на землю и принялся забрасывать его камнями, благо их было множество вокруг их стоянки. Он трудился до тех пор, пока тело не исчезло под мощным сооружением, которое легко можно было принять за природное образование. Затем Экспериментатор отошел подальше в лес, облил бензином одежду своей жертвы и поджег ее, угрюмо наблюдая за тем, как огонь жадно пожирает то, что осталось от провалившегося опыта.

Через некоторое время Экспериментатор вернулся к реке и стремительно бросился в ледяную воду, по привычке смывая с себя кровь и разочарование результатами эксперимента. Холодная вода немного успокоила его тело, хотя горечь неудачи еще долго будоражила его душу.

Глава 26

Энн Джейферс протиснулась в дверь ресторочка «Ред Робин» в тот самый момент, когда дождь, собиравшийся с самого утра, хлынул стеной. Если дождь не прекратится через час, подумала Энн, а он явно не собирался прекращаться, то ей придется ловить такси, чтобы добраться до редакции. Правда, оставался шанс, что ее подвезет Марк Блейкмур. Энн лишилась этого шанса, когда в ресторан вбежал промокший до нитки детектив.

— Ты на машине? — наивно спросил он, окончательно лишив ее надежды благополучно добраться до работы. —

Если нет, то я просто утону в этом море, прежде чем доберусь до участка.

— Мы можем добраться туда на такси, если, конечно, тебе удастся поймать его, — с иронией заметила Энн, обрадовавшись, что он не упомянул о ее статье в «Геральд». Они прошли в глубину зала и попросили столик на двоих. Энн все еще надеялась, что ей удастся избежать неприятного разговора по поводу статьи в утренней газете. Ну кому приятно узнать, что его контора плохо выполняет свои обязанности?

Энн уже давно заметила, что Марк Блэйкмур оказывает ей гораздо большую помощь в деле Ричарда Крейвена, чем та, на которую она имела право рассчитывать. Эту помощь невозможно было переоценить, если учесть, что все ее статьи так или иначе содержали в себе критический заряд в адрес ведомства Блэйкмура. Ведь любое открытие Энн будет означать, что полицейские что-то упустили, проглядели.

Почему же Марк Блэйкмур помогает ей и зачем он пригласил ее сегодня на обед?

Похоже, он просто положил на нее глаз. Она хорошо знала, как это проверить. Если он не станет наскакивать на нее по поводу последней статьи в «Геральд», значит, он определенно решил приударить за ней.

Усевшись за столик, Энн призадумалась и неожиданно пришла к выводу, что мысль о возможном ухаживании нисколько не оскорбила ее. Напротив, это льстило ее самолюбию, а говорить Блэйкмуру о своем открытии она не собиралась и уж тем более не собиралась поощрять его действия. К тому же детектив был недурен собой, а ее радовало сознание того, что Гленн — не единственный мужчина, который обращает на нее внимание. Поэтому когда Марк Блэйкмур уселся рядом с ней, она вдруг почувствовала сильное волнение и густо покраснела.

— Не волнуйся, — успокоил ее Марк, по-своему истолковав ее реакцию. — Я не собираюсь терзать тебя из-за твоей последней статьи. Я ничего не сказал о ней Эккерли, а остальным наплевать на все, что ты пишешь, — даже Маккарти. Да и вообще, черт возьми, какое им дело до этого? Ты же делаешь свою работу, разве не так?

Энн подумала, что все ее подозрения подтверждаются и что теперь необходимо выработать определенный стиль поведения.

— Ну ладно, если ты не собираешься обсуждать со мной содержание моей статьи, то зачем же в таком случае ты пригласил меня на обед? Почему нельзя было поговорить по телефону?

Блэйкмур подождал, пока официантка примет заказ, а потом тихо произнес:

— Шейла Херрар.

Энн прикусила губу и задумалась. Это имя показалось ей знакомым, но она никак не могла вспомнить, где она его слышала. Внезапно ее осенило.

— Эта женщина звонила мне и оставила сообщение, но я не смогла разобрать номер ее телефона.

Блэйкмур подтвердил ее догадку кивком головы.

— Я долго рылся в бумагах и наконец-то нашел ее заявления. Правда, там не так уж много информации, но все же... Это индианка... э-э-э, прошу прощения, коренная американка, которая два года назад несколько раз звонила в полицейский участок и требовала, чтобы мы немедленно арестовали Ричарда Крейвена, так как он якобы убил ее сына.

— Чего вы, конечно же, не сделали, — сухо сказала Энн, но Блэйкмур сделал вид, что не заметил колкости.

— У нас не имелось абсолютно никаких оснований для ареста, — сдержанно ответил детектив. — Ни тела, ни малейших улик, вообще ничего.

— Но ее сын действительно исчез?

— Это смотря что понимать под словом «исчез», — огрызнулся Блэйкмур. — Если ты хочешь знать, находится ли он до сих пор в Сиэтле, то ответ будет однозначным — нет. А если и находится, то не подает абсолютно никаких признаков жизни. Дело в том, что этому парню было восемнадцать лет и он мог уехать куда угодно, естественно, не известив об этом полицию. Ты же прекрасно знаешь, что в нашей стране любой взрослый человек может свободно перемещаться и не обязан никого ставить в известность о своих перемещениях — даже собственных родителей.

— Значит, полиция ничего не предприняла в связи с исчезновением этого парня? — спросила Энн укоризненным тоном.

Блэйкмур поднял руки, как бы желая защититься от назойливых упреков собеседницы.

— А что мы могли сделать? Этот парень учился в школе при том самом университете, где преподавал Крэйвен. Ну и что из этого? Кстати, Крэйвен никогда не специализировался на студентах и учащихся. Наоборот, он старался держаться подальше от них и всегда останавливал свой выбор на незнакомых людях. Именно в этом заключался его метод преступной деятельности.

— Его метод заключался в том, чтобы избегать всяческих методов, — глубокомысленно заметила Энн со скептической усмешкой. — А это означает, что он запросто мог посягнуть на жизнь одного из своих учеников, не испытывая при этом никаких угрызений совести. Интересно, а что представляет собой его мать?

— Пьяница. — Блэйкмур грустно вздохнул. — Насколько я знаю, она всегда злоупотребляла алкоголем. Кто знает, может быть, именно поэтому сын и сбежал от нее?

Блэйкмур вкратце пересказал Энн все, что узнал о Шейле Херрар из рассказов владельцев дешевых забегаловок, а затем вынул из бокового кармана записную книжку, написал адрес Шейлы, вырвал листок и протянул ее Энн. При этом их пальцы соприкоснулись, и Марк Блэйкмур покраснел от смущения.

— Извини, что я так долго возился с этим делом, — пробормотал он, отводя глаза.

— Я уже почти забыла о нем, — призналась она и принялась рыться в сумке, давая ему возможность взять себя в руки. До конца обеда они пребывали в напряжении, стараясь больше не прикасаться друг к другу. Когда они наконец вышли из ресторана, дождь по-прежнему лил как из ведра, но их это не остановило. Они разбежались в разные стороны, даже не вспомнив о том, что можно поймать такси и добраться до работы вместе. Энн прошла полквартала, а потом стала озираться, пытаясь найти машину. Флирт флиртом, но их взаимоотношения должны впредь находиться под контролем и оставаться на уровне рабочего сотрудничества, не более того. Энн решила, что в следую-

ший раз она обратится за помощью не к Марку, а к Лоис Эккерли.

Хотя та, конечно, пошлет ее ко всем чертям.

Ну и черт с ней! В конце концов, она может самостоятельно справиться с этим делом. Не хватало еще завести себе любовника из числа местных полицейских!

И все же рядом с Марком ей было хорошо...

Глава 27

Первым, что почувствовал Гленн, когда пришел в себя, было ощущение холода. Не того пронизывающего холода, который иногда добирается до Сиэтла с арктическими циклонами, а того ледяного холода, который порождается кошмарными снами. Правда, Гленн находился не в постели, а ощущение холода возникло у него не ночью, а днем.

Когда его сознание стало понемногу проясняться, он с удивлением обнаружил, что лежит совершенно голый на холодном полу ванной комнаты. Поначалу он никак не мог понять, что же с ним произошло, но затем в его памяти стали постепенно всплывать отдельные подробности происшедшего, а вместе с ними поднималось и безотчетное чувство страха.

Гленн боялся пошевелиться, опасаясь возможных последствий. Неужели у него был еще один сердечный приступ? Он попытался вспомнить собственные ощущения на следующий день после первого приступа, но так и не смог этого сделать.

Немного успокоившись, он прислушался к своему дыханию и пощупал пульс. Никаких отклонений.

Вскоре смутно припомнил, что перед тем, как он потерял сознание, в ванной комнате присутствовал кто-то посторонний. Да, все было именно так. Он, Гленн, вылез из ванны, вытерся и хотел побриться, но вдруг почувствовал, что кто-то смотрит на него. Он повернулся — и...

Что же это было? Удар?

Гленн приподнялся и ощупал голову и шею. Все было нормально. Правда, шея немного онемела, но это скорее всего оттого, что он долго лежал на твердом полу.

Сколько же времени он здесь пролежал?

Медленно поднявшись на ноги, Гленн бросил взгляд на раковину и увидел там выпавшую из его рук электробритву. Он не стал поднимать ее и направился к шкафу, чтобы одеться. Проходя мимо стола с настольными часами, он машинально бросил взгляд на циферблат и ужаснулся.

Два часа? Господи, неужели он лишился сознания на целых пять часов? Не поверив своим глазам, Гленн подошел к другим часам, которые тоже показывали два часа пополудни.

Его снова охватил страх нового сердечного приступа. Наспех одевшись, Гленн порылся в карманах и отыскал там визитную карточку Гордона Фарбера, на которой был указан телефонный номер доктора. Руки Гленна так сильно дрожали, что он набрал нужный номер только с третьего раза.

— Это Гленн Джефферс, — сказал он, когда кто-то снял трубку. — Извините за беспокойство, но мне нужно срочно проконсультироваться с доктором Фарбером. Могу ли я приехать прямо сейчас?

— Не знаю, что с вами случилось, но сейчас вы, похоже, в полном порядке.

Гленн прибыл в больницу и больше часа сдавал анализы. Кардиограмма показывала, что сердце работает normally, и это немного успокоило его, хотя он по-прежнему терялся в догадках насчет того, почему он потерял сознание в ванной.

— Что же все-таки со мной случилось? — обеспокоенно спросил он доктора. — Я сам потерял сознание или меня кто-то ударил?

— А там были признаки присутствия постороннего человека? — спросил в свою очередь Фарбер.

Гленн слегка покраснел.

— Вообще-то я не посмотрел. Мне показалось, что лучше будет, если я сразу же приеду к вам.

— Насколько я могу судить, по голове вас никто не бил, — заверил его доктор. — В противном случае у вас был бы синяк, шишка или даже сотрясение мозга.

— Значит, я просто упал в обморок?

— Я этого не говорил. Знающий человек может запросить вырубить вас простым нажатием на нужный нерв, но ведь вы утверждаете, что никого не видели.

— В ванной было много пара. Я даже себя видел с большим трудом.

— Возможно, вы слышали, как открылась дверь?

Гленн решительно покачал головой:

— Она была все время открыта.

Фарбер недоуменно пожал плечами:

— Ну что ж, если хотите знать мое мнение, то вы просто потеряли сознание, что, по правде говоря, меня совершенно не удивляет. Ведь вы целых две недели не вставали с постели и до сих пор еще не полностью оправились после тяжелейшего сердечного приступа. К тому же вы приняли горячий душ, что вам противопоказано. Все вместе это могло привести к потере сознания на какое-то время.

— Да, но не на целых же пять часов!

Фарбер упрямо вскинул голову.

— Вы хотите, чтобы я снова положил вас в больницу? — раздраженно спросил он. — Если вы так обеспокоены своим самочувствием, я могу устроить вам дополнительное обследование.

— Но вы говорите, что со мной все в порядке, разве не так?

— Это моя личная точка зрения, которую можно не принимать во внимание, — сухо заметил доктор. — Мне кажется, что вы потеряли сознание прежде всего из-за слишком горячего душа, крепко уснули и проснулись на полу. Вы правильно сделали, что позвонили нам и приехали на консультацию. Я сейчас с уверенностью могу сказать, что ничего серьезного не случилось, но если вы волнуетесь по поводу своего здоровья, я могу снова положить вас в больницу на несколько дней и провести дополнительное обследование. Вот, собственно, и все.

Гленн вспомнил утомительный больничный режим, безвкусную еду и ежечасные визиты медсестер для замера температуры. Несколько часов на полу показались ему сущим пустяком по сравнению с этой смертельной тоской.

— Нет, не стоит. Забудем об этом. Если вы говорите, что со мной все в порядке, то для меня ваших слов вполне достаточно.

Однако когда Гленн уже собрался уходить, в его голове пронеслись совсем другие мысли.

— Сделайте одолжение, Горди... — доверительно начал он. — Но только между нами, хорошо? Ни в коем случае не говорите о случившемся моей жене. Ее это ужасно испугает. Договорились?

— Нет проблем, — охотно согласился Фарбер. — А сейчас ступайте домой и ни о чем не беспокойтесь. Займитесь чем-нибудь совершенно ненужным и бесполезным.

— Например? — спросил обескураженно Гленн, теряясь в догадках, что является бесполезным в глазах кардиолога.

Фарбер призадумался на минутку, а потом пояснил свою мысль:

— Ступайте в центр города, купите там какой-нибудь журнал, сядьте на скамью и понаблюдайте за прохожими. Увидимся через пару дней.

Покинув больницу, Гленн сел в машину и хотел было отправиться домой, но потом вспомнил слова доктора и повернулся на Бродвей — самую многолюдную и оживленную улицу, где находился городской рынок. Почему бы действительно не поглязеть на прохожих?

Долгие годы на нынешней территории рынка находился лишь огромный магазин Фреда Мейера, включавший гастроном, галантерейные товары и аптеку. Это было излюбленное место покупок для жителей среднего достатка, которые издавна селились на Капитолийском холме. Но со временем здесь стали селиться и люди из других общественных слоев. Вместе с ними появилось и множество торговых точек, где всегда можно было купить всякую всячину. Состоятельные жители стали постепенно покидать этот чересчур шумный район, удаляясь в более тихие и безопасные пригороды. Что же касается магазина Мейера, то он со временем превратился в шумный торговый центр с множеством маленьких магазинчиков, ресторанов и кафе. Интерьер здания был основательно переделан, что превратило его в солидное место, где можно было купить все необходимое, а заодно и хорошо отдохнуть. Кроме того, на первом этаже появились офисы многих преуспевающих бизнесменов, плативших за аренду немалые деньги. Короче говоря, рынок на Бродвее превратился в важ-

нейший пункт города, где всегда околачивались огромные толпы людей.

Гленн медленно переходил от одного магазинчика к другому, с любопытством наблюдая за прохожими, сновавшими взад и вперед. Он не ожидал, что ему здесь так понравится.

Вернувшись наконец домой, он включил телевизор и с удивлением обнаружил, что проболтался на рынке не менее двух часов.

Неужели он действительно пробыл там целых два часа?

Ему показалось, будто прошло не больше часа.

Включив телевизор, он медленно пошел наверх, чувствуя, что засыпает на ходу. Странно, ведь он сегодня спал на целых пять часов больше, чем ему положено.

А может быть, ему хотелось не спать, а забыться? Просто отвлечься от той странной истории, которая с ним приключилась?

Глава 28

Суета и неразбериха.

Этот день был до крайности суматошным и беспорядочным. Энн Джейферс всегда ненавидела подобные дни. Началось все с того, что она забыла спросить Марка Блэйкмуря о самом главном. Этот вопрос просто вылетел у нее из головы, когда она поняла, что детектив пригласил ее на обед вовсе не для деловой беседы. Энн в течение двадцати минут обдумывала, что ей теперь делать — позвонить Марку немедленно или немного выждать.

Окончательно расстроившись, она решила отложить все дела и попытаться отыскать Шейлу Херрар. По тому адресу, который дал ей Марк Блэйкмур, ей сообщили, что Шейла живет на четвертом этаже, но дома ее не оказалось.

Внизу ей подсказали, что скорее всего Шейла Херрар сидит в скверике на площади.

— Она всегда торчит там, — добавил швейцар тоскливым тоном. — Эта индианка просто умирает от безделья.

Энн ничего не ответила на столь нелестную информацию и тут же отправилась в скверик, высматривая женщи-

ну, с которой хотела поговорить. К счастью, она нашла ее очень быстро. Женщина была совершенно трезвой, хотя по ее виду нетрудно было догадаться, что она алкоголичка.

— Я прочитала сегодня утром вашу статью, — спокойно сказала Шейла Херрар, когда Энн назвала себя и подсела к ней на скамью. — Именно поэтому я позвонила вам домой.

— Домой? — рассеянно переспросила Энн, подумав, что все-таки ошиблась, когда сочла собеседницу совершенно трезвой.

Шейлу ее вопрос несколько озадачил.

— Разве ваш муж ничего не рассказал вам? Я думала, что вы пришли сюда только потому, что я позвонила вам домой.

Энн покачала головой и сказала, что так и не смогла разобрать на автоответчике ее телефон и вышла на нее совершенно случайно.

Услышав про полицию, Шейла нахмурилась и с подозрением посмотрела на собеседницу.

— У полиции нет никаких причин разыскивать меня, — недовольно проворчала она. — Я не сделала ничего плохого.

— Нет, они не ищут вас, — поспешила успокоить ее Энн. — Этот полицейский является моим другом, и он просто решил помочь мне.

— Потому что вы белая, — тихо пробурчала Шейла.

— Простите? — переспросила Энн.

Шейла окинула ее циничным взглядом.

— Он помог вам только потому, что вы белая женщина. Когда я просила их о помощи, они просто отвернулись от меня, отказавшись найти моего Дэнни.

Энн знала, что нет никакого смысла объяснять сейчас миссис Херрар, сколько сообщений получили полицейские по поводу предполагаемых убийств, совершенных якобы Ричардом Крэйвеном, сколько было звонков от анонимных доброжелателей, сколько матерей, подобно Шейле Херрар, звонили в полицию и сообщали об исчезновении своих детей, считая, что те стали жертвой маньяка-убийцы. А кроме них были еще убитые горем мужья, истеричные жены, многочисленные друзья и подруги, любовники и любовницы. Даже дети звонили и сообщали, что их родителей убил Ричард Крэйвен.

— Почему бы думаете, что вашего сына убил именно Ричард Крэйвен? — спросила Энн, пристально наблюдая за собеседницей. Она хотя бы предоставит этой несчастной женщине возможность выговориться. При этом не исключено, что Шейла Херрар знает какие-то неизвестные доселе факты.

Шейла повела Энн в свою комнату, где отыскала старый фотоальбом с пожелтевшими от времени фотографиями. Вначале промелькнули фотографии, на которых была изображена Шейла в далеком детстве, затем стали появляться снимки ее мужа, Мэнни Херрара, и только в конце альбома Энн увидела замусоленные от частых прикосновений фотографии симпатичного мальчика, всегда аккуратно одетого, чистенького, с гладко причесанными волосами, улыбающегося, со сверкающими глазами.

Даже на пожелтевших фотографиях было видно, что этот мальчик очень умен и не похож на тех сорванцов, которые легко могут сбежать от матери или пристраститься к наркотикам. Да и Шейла Херрар, судя по последним фотографиям, не была той матерью, от которой убегают дети. Конечно, жили они небогато, но тем не менее производили впечатление преданной матери и любящего сына. Это окончательно убедило Энн в том, что этот парень не мог так просто сбежать из дома.

— Что же случилось с ним в тот день, когда он исчез?

— Он собирался на рыбалку, — грустно произнесла Шейла. — Он отправился рыбачить вместе с Ричардом Крэйвеном.

Рыбалка.

Это было одно из самых страстных увлечений Ричарда Крэйвена. У него имелся большой фургон, нечто вроде семейного домика на колесах, и он часто уезжал в горы, где, по его словам, ловил рыбу и наслаждался полным одиночеством. Энн хорошо знала, что полицейские самым тщательным образом исследовали этот фургон, но так и не нашли там никаких улик. Правда, было обнаружено несколько волосков, но их принадлежность так и не удалось установить. Либо Ричард Крэйвен был везучим человеком, либо в совершенстве владел мастерством убийцы.

Или он и впрямь был невиновен.

— Полиция допрашивала Крэйвена по поводу исчезновения вашего сына?

Губы Шейлы сжались в тонкую линию.

— Не думаю. Они сказали мне, что Дэнни просто сбежал из дома.

— Расскажите мне о нем, — попросила Энн.

Почти весь вечер Шейла рассказывала ей о своем сыне, а Энн внимательно слушала, представляя себе смышленого мальчика, который стремился добиться успеха в жизни и исправить ту несправедливость, жертвой которой оказались коренные американцы. И вот однажды рано утром этот парень взял удочку и пошел на улицу, расположенную неподалеку от университета, чтобы подождать Ричарда Крэйвена и отправиться с ним на рыбалку.

С тех самых пор Шейла не видела его.

А сам Ричард Крэйвен, когда она позвонила ему, сообщил ей, что действительно договорился с Дэнни порыбачить, но когда приехал на условленное место, то там никого не было. Он подождал несколько минут, а потом решил, что мальчик просто-напросто проспал, и отправился на рыбалку один. Шейла Херрар, естественно, не поверила ему, а когда в газете появились первые статьи Энн Джефферс, она поняла: Крэйвен убил ее сына. Однако ее никто не хотел слушать, во всяком случае — до сегодняшнего дня.

— Не знаю, что и сказать вам, — тихо промолвила Энн, когда Шейла окончила свой рассказ. — Сколько времени прошло с момента исчезновения Дэнни? Четыре года? А вы случайно не помните, в чем он был тогда одет?

Шейла подумала и кивнула:

— Он был одет, как всегда, — потертые джинсы, ковбойка и кеды. Знаете, продавались тогда такие недорогие кеды для спортивных занятий?

Энн грустно улыбнулась.

— Двадцать долларов и десять центов, если, конечно, удавалось найти их на распродаже.

— Да-да, что-то вроде того. А еще у него были удочка и карманный нож.

— Нож? — эхом отозвалась Энн.

— Да, небольшой карманный нож с бирюзовой рукояткой, — пояснила Шейла. — Этот нож подарил ему отец

перед тем, как уйти от нас. Дэнни всегда носил его в кармане.

Энн молча смотрела на убогую комнату — единственное прибежище несчастной женщины.

— Мне бы очень хотелось утешить вас, сказав, что вы ошибаетесь насчет Дэнни, — Энн решила не кривить душой, так как Шейла уже давно была готова к самому худшему. — Но боюсь, что вы правы. Все люди, которые занимались делом Крэйвена, никак не могли понять, по какому признаку он выбирает свои жертвы. У него никогда не было какого-то определенного метода действий. Создавалось впечатление, будто все его жертвы выбирались наугад, по случайному стечению обстоятельств, не более того. Вот почему я считаю, что он вполне мог убить человека, которого хорошо знал, так как именно в этом проявляется отсутствие какого-либо общего принципа его преступной деятельности.

Энн протянула руку и ободряюще похлопала Шейлу по спине.

— Конечно, вас мой вывод нисколько не утешает.

Шейла грустно кивнула и вдруг неожиданно улыбнулась.

— Утешает только то, что вы выслушали меня. Знаете, это здорово помогает. Еще никто не слушал меня так внимательно, как вы. Всем было наплевать на мое горе. Сейчас мне стало намного лучше. Теперь о несчастной судьбе моего Дэнни узнают и другие люди.

Энн очень хотелось помочь бедной женщине, но она не знала, в чем может выразиться ее помощь. В грустных размышлениях на эту тему прошел остаток ее рабочего дня. Вспомнив незаконченный разговор с Марком Блэйкмуром, она позвонила ему и получила ответ на тот вопрос, который так и не осмелилась задать во время обеда.

— А какой может быть прогресс в деле Шанель Дэвис? — изумился он, словно не ожидал от нее столь наивного вопроса. — Она же проститутка, а ты прекрасно знаешь, как у нас относятся к подобным женщинам. Всем наплевать, что ее убили. А коль скоро это так, то я просто не могу продвинуться ни на шаг вперед. У меня нет времени, нет поддержки и, следовательно, нет абсолютно никакой заинте-

ресованности в расследовании данного дела. Я, конечно, не в восторге от подобной ситуации, но, к сожалению, ничего не могу изменить.

Энн тоже была не в восторге от такого безобразия, но она могла понять Марка. В городе сложился определенный общественный климат, и Марка не стоило в этом винить.

Вместе с тем жестокое убийство Шанель Дэвис не могло не волновать Энн, ведь налицо имелись все признаки преступного почерка Ричарда Крэйвена. Правда, на сей раз все было сделано как-то грубо в отличие от филигранного мастерства опытного преступника. Не следует ли ей написать еще одну душепитательную статью в своей газете? Если полиция не желает работать, то, может быть, статья заставит ее зашевелиться?

В голове Энн уже появились первые строки будущей статьи, как вдруг на ее столе зазвонил телефон. Подняв трубку, она крайне удивилась, услышав голос Джойс Коттрел.

Джойс была ее соседкой — женщиной довольно странной и, насколько могла судить Энн, не вполне здоровой психически.

— Я весь день пыталась дозвониться до тебя, Энн, — таинственным голосом сообщила она. — Конечно, я могла оставить сообщение на твоем автоответчике, но сейчас ты поймешь, почему я этого не сделала.

Энн внимательно слушала ее, не веря своим ушам. То, что говорила эта полоумная женщина, было совершенно невероятным и непостижимым.

— Я видела его лишь какие-то доли секунды, — продолжала тараторить Джойс. — Должна сказать откровенно — он совершенно не походил на Гленна! Но кто же еще мог находиться в твоем доме! Дело даже не в том, что он был абсолютно голым! — Джойс выдержала паузу, а потом продолжила: — Все дело в том, как он посмотрел на меня! Энн, дорогая, я просто не могу передать тебе, как он посмотрел на меня! Это был такой жуткий взгляд, что я... Я просто не знаю, Энн. Гленн мне всегда нравился. Он был таким обходительным, внимательным, вежливым, а тут... Его взгляд привел меня в ужас! — Джойс замолчала, настужно собираясь с мыслями, а потом перешла на шепот:

Энн, надеюсь, что это просто последствия перенесенного им сердечного приступа, правда? Другими словами, я хочу спросить — с ним все в порядке?

Энн постаралась убедить соседку в том, что ее муж перенес обычный сердечный приступ, который не имеет абсолютно никакого отношения к психическим заболеваниям, но на самом деле она испугалась даже больше, чем Джойс. Положив трубку, Энн серьезно задумалась над тем, что происходит с ее мужем.

Глава 29

Когда она вечером вернулась домой, ее жилище вдруг показалось ей совершенно чужим. Даже в гостиной она не могла избавиться от ощущения, будто в этом доме не все в порядке. Ее журналистское чутье подсказывало ей, что это смешно, что это какой-то бред, но более глубокое чувство говорило об обратном. Она попыталась убедить себя в том, что дом остался прежним, а изменилась только она сама. Это все началось вчера, когда они занимались любовью. Она еще тогда почувствовала, что Гленн стал каким-то другим, совершенно чужим для нее человеком. Об этом говорило каждое его прикосновение. Он все делал не так, как прежде.

Он был незнакомцем — волнующим, страстным, любвеобильным, но все же незнакомцем. Такое изменение ее очень взволновало, но в течение дня ей удалось убедить себя в том, что ей это просто показалось, что она просто отвыкла от мужа. Конечно, Гордон Фарбер разрешил им заниматься любовью без всяких ограничений, но ей больше не хотелось этого делать. Гленн поразил ее своей необузданной сексуальной энергией, в его страсти было что-то чужое, непонятное.

А уж о звонке Джойс Коттрел и говорить не приходится. Конечно, эта изнуренная одиночеством женщина, видимо, совсем выжила из ума, но все же...

А что, если она действительно что-то видела? Нет. Что она могла видеть? Ведь они с Гленном давно знали — соседка часто напивается до чертиков и безутешно страдает

от своего одиночества. В таком состоянии ей могла привидеться любая нелепица. Может быть, она хотела соблазнить Гленна, увидев, что он оказался дома совершенно один, но, получив отпор, решила отомстить этим звонком?

Все эти размышления не помешали Энн еще раз признать: в доме что-то переменилось.

— Эй! — громко позвала она из прихожей. — Есть кто-нибудь дома?

— Я здесь, мама, — донесся до нее приглушенный голос Хэдер из комнаты на втором этаже.

Бросив сумку на столик возле лестницы, Энн вихрем взлетела наверх, постучала в дверь и вошла в комнату дочери, не дожидаясь ее ответа.

Хэдер сидела за столом перед учебником математики и вертела в руках обгрызанный карандаш.

— Ты же обещала мне не грызть больше эту гадость, — проворчала Энн хорошо отработанным материнским тоном, стараясь как можно быстрее забыть о только что испытанном неприятном ощущении.

— Я пытаюсь это делать, мама, — буркнула Хэдер и тяжело вздохнула. — Знаешь, нелегко отвыкнуть от того, что делаешь машинально.

— Знаю, — согласилась Энн. — Но и ты должна знать, что эта привычка разрушает твои зубы.

Она подошла к окну и открыла его, чтобы немного проветрить комнату.

— Где отец? — как можно спокойнее спросила она, стараясь не вызвать у дочери никаких подозрений.

— Спит, я думаю. Когда я пришла домой, дверь в вашу спальню была закрыта, и я даже не решилась постучать.

Хэдер неожиданно вскинула голову и посмотрела на часы.

— Неужели уже шесть часов?

— Шесть, — подтвердила Энн и вздохнула. — Думаю, пора будить его. Я так понимаю, что об ужине никто не позаботился? А где Кевин?

— Он сказал, что идет к Джастину, и обещал быть дома в половине шестого.

Прочитав в глазах матери упрек, Хэдер поднялась со стула.

— Я сейчас позвоню Рейнольдсам и выясню, где он болтается. Кстати, почему бы нам не позвонить Дино и не заказать на вечер пиццу? В этом случае тебе не придется торчать на кухне.

Энн на минутку задумалась, не зная, как поступить. С одной стороны, это было, конечно, заманчивое предложение, но с другой... Она вспомнила о той диете, которую рекомендовал им Фарбер. Правда, он ничего не сказал насчет пиццы, но она сомневалась, что пицца будет полезна Гленну.

— Знаешь что? — решила она. — Давай я разбуджу папу, и мы решим, как нам поступить, хорошо? В любом случае никогда не поздно сбегать в «Сэйфвей» и купить что-нибудь съедобное. В конце концов можно пойти в ресторан и там прилично поужинать.

Хэдер пошла вниз, чтобы позвонить Рейнольдсам, а Энн тем временем приблизилась к двери своей спальни и остановилась в нерешительности.

Что ее так смущило? Ведь там ее муж, черт возьми!

Так и не преодолев глупой нерешительности, она открыла дверь и вошла в спальню. Там было темно, только смутные тени слегка шевелились на стенах. Она подошла к столику и включила свет. Гленн мгновенно открыл глаза, а потом вновь прикрыл их от яркого света. В эту минуту Энн снова показалось, будто она смотрит на совершенно незнакомого ей человека, но странное ощущение быстро прошло. Глаза Гленна прояснились, и он радостно улыбнулся ей той самой улыбкой, которая была знакома ей с давних пор.

— Эни, ты уже дома? Почему ты не хочешь обнять меня?

Она плюхнулась на кровать, нежно обняла мужа, поцеловала его и положила голову ему на грудь.

— Никогда не догадаешься, кто звонил мне сегодня на работу, — прошептала она, вспомнив о галлюцинациях их чудаковатой соседки. — Джойс Коттрел.

— Джойс? — эхом повторил Гленн. — Ты шутишь, наверное. Что ей нужно от тебя?

Энн начала пересказывать свой разговор с соседкой и неожиданно ощутила, что тело мужа сжалось в комок и застыло, как пружина. Ее вновь охватило дурное предчувствие, преследовавшее ее весь этот вечер.

— Дурдом, правда? — спросила она, закончив свой рассказ.

— Похоже, наши предположения оказались верными, — заметил Гленн, но в его голосе все-таки чувствовалась некоторая неуверенность. — Возможно, она действительно за это время допилась до ручки.

Энн привстала и посмотрела мужу в глаза, откровенно пытаясь обнаружить в них то странное выражение, которое она заметила минутой раньше.

— Значит, этого не было?

— А как это могло быть? — в свою очередь спросил Гленн и, слишком поспешно обняв жену, что она расценила как попытку уйти от ответа, направился в ванную.

В голове Гленна тем временем лихорадочно мелькали обрывки мыслей. Что же теперь делать? Как ответить ей на этот вопрос? Разумеется, Гленн не хотел врать жене, но и волновать ее он тоже не хотел. Если бы он и в самом деле бродил по двору совершенно голым, то, наверное, он помнил бы об этом?

В ту же секунду он вспомнил другое — что очнулся утром на полу ванной в чем мать родила. Он помылся, потом вылез из ванной, чтобы побриться, и...

Какая-то черная дыра. Как будто молния ударила в него и вышибла сознание.

Но почему он должен врать жене? Не проще ли рассказать все откровенно и объяснить свое состояние?

Ответ пришел так же неожиданно, как возник вопрос: потому что она тут же потребует от него лечь в больницу и подвергнуться дополнительному обследованию. А ведь ничего страшного, в сущности, не произошло.

Или все-таки произошло? Что, если он и в самом деле вышел во двор в чем мать родила и Джойс Коттрел увидела его? Но зачем же ему это потребовалось, черт возьми? Ведь помутнение сознания наступило у него в ванной, и именно там он очнулся.

Внезапно его взгляд упал на электробритву. Она по-прежнему лежала в раковине, куда он уронил ее утром. Только это была вовсе не его бритва. Свою бритву он купил пять лет назад, ее пластмассовый корпус покрывали царапины, а эта — совершенно новая, фирмы «Норелко».

Откуда она здесь появилась?

Неужели он действительно ходил в магазин и купил новую электробритву? Это, конечно, возможно, но неужели он ходил туда совершенно голым? Ведь так можно и в тюрьму загреметь! Нет, он, должно быть, оделся, затем пошел в магазин и купил новую бритву. Какая-то чушь! Ведь он очнулся голым!

Гленна охватил панический страх. Он просто сходит с ума! Может быть, снова позвонить Горди Фарберу? Нет, тот уже совершенно ясно сказал ему, что с ним все в порядке.

— Гленн?

На пороге ванной появилась Энн. Гленн посмотрел в зеркало и заметил, что она не на шутку встревожена. Недолго думая, он взял из раковины новую бритву и повернулся к ней.

— Готов поспорить, что Джойс уже давно выдумывала всякую чушь про меня, — сказал Гленн, решившись в последнюю минуту на импровизацию. — Полагаю, она видела, как я выбросил свою бритву, выпила еще стопочку джина и вообразила меня обнаженным. Ведь желание всегда порождает фантазии, разве не так?

— Свою бритву? — изумленно переспросила Энн. — О чем ты говоришь, черт возьми?

Гленн принял торопливо объяснять жене свои действия:

— Я уронил свою бритву в раковину. Она, естественно, разбилась. Тогда я решил выбросить ее в мусорный бак.

Он сделал паузу, а потом добавил:

— После этого я пошел в магазин и купил себе новую бритву.

— Абсолютно голый? — вытаращила на него глаза Энн. — Ты вышел во двор голым и выбросил бритву в мусорный бак? А потом пошел голым в магазин и купил себе новую?

— Нет, на мне был домашний халат, — неуверенно произнес Гленн. Что происходит, черт возьми? Почему он позволил втянуть себя в этот бредовый разговор? А что, если она сейчас выйдет из дома и посмотрит в мусорный бак? — Я имею в виду, что на мне был домашний халат, когда я выбрасывал бритву, а когда я поехал на центральный рынок, я был одет, как всегда.

Слава Богу, хоть в своих последних словах он не сомневался. Увидев, что Энн все еще подозрительно смотрит на него, он протянул ей новую бритву.

— Видишь, она совершенно новая.

Энн была полностью сбита с толку. Когда она сказала Гленну о звонке Джойс, у нее имелись лишь весьма смутные подозрения, но сейчас они стали гораздо более серьезными. За все годы их совместной жизни у Гленна было множество электрических бритв, но он никогда не выбрасывал их в мусорный бак. Он швырял их в комнатную корзину для бумаг и тут же забывал о них.

Ничего не сказав мужу, Энн спустилась вниз, вышла во двор через заднюю дверь и направилась к мусорному баку. Она подняла его крышку и увидела беспорядочно разбросанные внутри детали какого-то механизма. Все же она догадалась, что это были детали от электробритвы. Конечно, бритва могла упасть в раковину, но она никак не могла рассыпаться на столь мелкие части. Что же происходит, черт возьми?

Она вернулась в дом в тот самый момент, когда в гостиной послышался взволнованный голос сына.

— Эй, папа, — крикнул Кевин снизу, — откуда это? Это мне?

Энн быстро прошмыгнула мимо кухни и уставилась на Кевина, державшего в руках удочку.

— Где ты это взял? — строго спросила она.

Кевин загадочно ухмыльнулся.

— В подвале. Я решил просушить свою спортивную форму после стирки и неожиданно обнаружил эту удочку. Откуда она там появилась?

Пока Энн тупо смотрела на необычный для их дома предмет, сверху раздался громкий голос Гленна:

— Я купил ее.

Энн медленно повернулась к мужу с тем же изумленным выражением на лице. Голос Гленна показался ей каким-то странным.

— Ты купил удочку? Но ты же...

Гленн начал спускаться вниз, пытаясь скрыть от нее смущение. Собственно говоря, это было даже не смущение, а какой-то панический страх, вызванный полным отсутствием воспоминаний стносительно этой дурацкой

удочки. Ее появление оказалось для него такой же загадкой, как и история с электробритвой. Спустившись, он беззаботно обнял жену и прижал ее к себе.

— Неужели ты не помнишь? Ведь Горди Фарбер настоятельно убеждал меня в том, что мне нужно иметь какое-нибудь хобби. И вот сегодня я сделал окончательный выбор. Я буду ловить рыбу.

«Ловить рыбу с Ричардом Крэйвеном...»

И вот теперь Гленн тоже собирается ловить рыбу. Нет-нет, это не более чем простое совпадение, но воспоминание все-таки заставило ее вздрогнуть. Может быть, рыбалка — просто минутное увлечение, которое вскоре забудется? А если нет, что тогда? В этот момент Энн окончательно поняла, что ощущение тревоги, возникшее после того, как она вошла в дом сегодня вечером, к сожалению, небезосновательно.

В этом доме действительно происходит что-то *стренное*. И странным стал прежде всего ее муж.

Глава 30

Жизнь Джойс Коттрел шла совсем не так, как она планировала. Накануне своего пятидесятилетия она уже рассталась со всеми надеждами обзавестись мужем и собственной семьей. Ее немногочисленные родственники давно отошли в мир иной, телефон не звонил уже сто лет, а перекинуться парой слов она могла только с теми людьми, с которыми работала в больнице «Груп Хэлс» на Капитолийском холме. Родители Джойс оставили ей дом, в котором она выросла, но при этом совершенно не позаботились о ее финансовом благополучии. Что же касается профессиональной карьеры, то это никогда не входило в планы Джойс. Она мечтала только о муже и детях, но ее мечты не сбылись. Правда, она была короткое время замужем, но когда Джим Коттрел сбежал от нее на шестой месяц после свадьбы, она вернулась к родителям и с тех пор жила только в родном доме.

Она вернулась домой зализывать раны и собирать осколки своей разбитой вдребезги жизни.

В таком же состоянии, как и после неудачного замужества, она находилась и сейчас, почти тридцать лет спустя. Ее родители, так щедро поделившие с ней крышу над головой, в конце концов умерли, а немногочисленные друзья давно уже перестали навещать ее, устав от многочисленных жалоб на предательскую судьбу и беспрестанного ворчания по поводу одолевающих ее несправедливостей.

Годы неумолимо складывались в десятилетия, и несмотря на то, что ей удалось получить неплохую работу секретарши по приему больных в больнице «Груп Хэлс», она окончательно превратилась в отшельницу. Свой дом она покидала только тогда, когда шла на работу, а все остальное время безвылазно просиживала в добровольном заточении, не выходя даже во двор. Джойс Коттрел содержала свое жилище в почти идеальной чистоте, регулярно меняя выцветавшее покрытие стен и тщательно подбирая мебель для комнат.

За все эти годы она стала опытным специалистом по части смены обоев и перестановки мебели, но лучше всего ей удавался подбор нужной цветовой гаммы для комнат. К сожалению, почти никто не видел плодов ее труда, так как она отказывала в приеме даже самым близким соседям, ссылаясь на то, что интерьер дома еще не вполне готов. Надо сказать, что в этом была своя доля правды, так как по меньшей мере одна из десяти ее комнат всегда находилась на стадии текущего ремонта. Да и сама Джойс пребывала в перманентном состоянии перестройки, мечтая о том времени, когда переделка интерьера будет наконец-то завершена и она сможет устроить здесь грандиозную вечеринку, гостеприимно открыв двери своего дома для всех друзей и знакомых.

К сожалению, Джойс так и не научилась относиться к себе с тем же восторгом, с которым она относилась к своему дому. Она была слишком полной и делала все возможное, чтобы скрыть это огорчительное обстоятельство от окружающих. Кроме того, она была слишком белокурой для своего возраста, даже более светлой, чем много десятилетий назад. Что же касается косметики, то представления Джойс о ней не претерпели сколько-нибудь серьезных изменений с отроческого возраста. Джойс по-прежнему увлекалась чересчур яркой губной помадой и чрезмерно

сильно подводила глаза, а если к этому добавить ее пристрастие к ярким сочетаниям красного и оранжевого или голубого и зеленого в одежде, то нетрудно догадаться, что она производила впечатление весьма легкомысленной женщины.

Именно поэтому многие серьезные люди считали Джойс Коттрел слегка вульгарной толстушкой, а менее серьезные открыто говорили, что она выглядит как дешевая проститутка.

Именно это качество привлекло к себе внимание некоторого человека. А также то обстоятельство, что Джойс жила по соседству с Энн Джейферс.

Глава 31

...Источники в департаменте полиции отказались подтвердить или опровергнуть факт изучения ими версии о том, что Ричард Крейвен действовал не один и что его казнь может вызвать новую волну жестоких убийств, совершенных по отработанному образцу. Полицейские источники уклонились также от обсуждения слухов о том, что в связи с убийством мисс Дэвис может быть возобновлена деятельность так называемой спецгруппы по расследованию серийных убийств. В настоящее время полиция расценивает убийство на Капитолийском холме как совершенно самостоятельное событие, а не как отправную точку в новой серии чудовищных преступлений. Тем временем...

Прочитав утром статью Энн Джейферс, мужчина пришел в ярость. Почему ее поместили в нижней части второй страницы, когда она должна быть на самом видном месте — на первой полосе?! Ведь именно он совершил это убийство, оно практически ничем не отличается от тех, которые в свое время совершил Ричард Крейвен.

Неужели он сделал что-то не так?

Ведь он точно так же вскрыл ее грудь и вырвал оттуда сердце и легкие.

Но все убийства Крэйвена были вынесены на первые полосы газет, а его убийство засунули куда-то подальше от глаз читателей.

И он знал, почему такое произошло. Во всем виновата журналистка Энн Джейферс. Она не воспринимает его всерьез — не случайно все ее репортажи о смерти Шанель Дэвис оказались не там, где они должны быть. Он больше часа сокрушался по этому поводу, чувствуя, что с каждой минутой его праведный гнев становится все сильнее и сильнее.

Ближе к девяти часам в его голове наконец-то созрела идея.

Он должен во что бы то ни стало привлечь к себе внимание Энн Джейферс.

Более того, он даже знал, как можно добиться этой цели: нужно узнать, где она живет, и в следующий раз оставить ей небольшой сувенир.

Оставить что-нибудь на пороге ее дома...

Открыв телефонный справочник, мужчина внимательно пролистал его и наткнулся на фамилию журналистки. Поначалу он не поверил своим глазам — эта сучка жила совсем недалеко от него!

Мужчина быстро оделся и вышел из дома, направившись вдоль по улице. Вскоре он миновал многоэтажные дома и приблизился к фешенебельному району, где находился дом нужной ему журналистки.

Он медленно прошел мимо ее дома по другой стороне улицы, внимательно всматриваясь во внушительных размеров строение, удобно расположившееся на вершине холма чуть поодаль от тротуара. Входили в дом через вееранду, достаточно большую для того, чтобы можно было без особого труда подобраться к ней, не оставив никаких следов, и бросить туда какую-нибудь вещь.

Мужчина прошел еще один квартал, а потом вернулся назад по той же стороне улицы.

В этот момент его внимание привлекла какая-то женщина, появившаяся на крыльце дома, стоявшего рядом с домом Джейферсов. Женщина спустилась по ступенькам и подобрала с газона утренние газеты.

Мужчина напряженно уставился на ее белокурые волосы, цвет которых был особенно кричащим на фоне слиш-

ком яркой косметики и столь же яркого желто-зеленого платья.

Дешевка.

Такая же, как и Шанель Дэвис.

В его сознании мгновенно зародилась новая интересная идея.

Минуту спустя женщина исчезла за дверью своего дома, а мужчина внимательно осмотрел дом и возможные подступы к нему. При этом он несколько раз порывался уйти прочь, но какая-то неведомая сила снова притягивала его обратно.

Ближе к вечеру на пороге дома снова появилась эта женщина. Она вышла на тротуар и направилась в сторону центра. Мужчина осторожно последовал за ней, не выпуская ее из вида до тех пор, пока она не скрылась за дверью больницы «Груп Хэлс». Выдержав небольшую паузу, он решительно вошел в фойе и, увидев, что она усаживается за свой рабочий стол в приемном отделении, быстро взглянул на табличку с ее именем: «ДЖОЙС КОТТРЕЛ».

Он несколько раз повторил про себя это имя, а потом прошел по коридору и вышел на Шестнадцатую улицу из правого крыла больничного корпуса.

Вернувшись через несколько минут домой, мужчина тут же взял справочник, быстро отыскал в нем нужную фамилию и набрал номер. После двадцатого гудка он положил трубку и самодовольно ухмыльнулся. Весь оставшийся день он набирал ее номер телефона и безумно радовался тому, что никто не снимал трубку. Теперь он уже точно знал: женщина живет одна. В полдесятого вечера он снова вышел из квартиры и направился по уже знакомому адресу.

Дом был затемнен и на вид совершенно пуст. Однако когда он подошел поближе, оказалось, что в двух комнатах на первом этаже и в одной на втором мерцает тусклый свет. Мужчина прошелся несколько раз по тротуару взад и вперед, пока наконец не увидел, что ровно в десять свет в этих комнатах погас, а в других включился.

Он остановился перед домом и злорадно осклабился. Либо три человека одновременно выключили свет в одних комнатах и включили в других, либо, во что верилось гораздо легче, в доме работал таймер. Он решил не риско-

вать, а еще раз проверить наличие других жильцов. Зайдя в телефон-автомат возле парка Волонтеров и набрав номер, мужчина окончательно пришел к выводу, что Джойс Коттрел живет совершенно одна.

Вернувшись к пустому дому, он стал внимательно осматривать его, пытаясь отыскать возможность проникнуть внутрь.

Не прошло и минуты, как он нашел ее.

Джойс Коттрел никогда не убирала запасной ключ из-под коврика — к этому приучила ее мать еще много лет назад. Да и тысячи других женщин в небольших городах и поселках поступали так же. Не была исключением и мать проникшего на участок мужчины.

Мужчине понравился дом Джойс Коттрел. Он был намного больше, чем все те дома, которые ему случалось посещать раньше. Что же до его собственной квартиры, то она вполне могла поместиться в одной только гостиной. Квартира Шанель Дэвис выглядела так, как и должна выглядеть квартира проститутки — все вещи были старыми и дешевыми. А дом Джойс Коттрел оказался совершенно другим — в нем вся мебель была дорогой и ухоженной, все комнаты поражали чистотой и порядком.

Он медленно бродил по пустому дому, внимательно рассматривая всяческие безделушки, но при этом не притрагиваясь к ним. Когда же хозяйке дома пришло время возвращаться с работы, он проскользнул в спальню и спрятался в платяном шкафу. В нос ударили сильный запах лаванды, что напомнило ему о далеком детстве.

В платяном шкафу его матери пахло примерно так же.

Он глубоко вдохнул этот запах и неожиданно вспомнил, как маленьким мальчиком залез в шкаф матери, чтобы примерить туфли на высоком каблуке.

Она поймала его тогда.

Поймала и жестоко наказала, хотя он ничего плохого не сделал и даже не притронулся к ее вещам.

Она выгнала его из своей спальни и строго-настрого запретила впредь появляться там. Так же легко она изгнала его и из своей жизни.

Поведение матери всегда вызывало у него чувство горечи, а сейчас, когда на втором этаже послышались тяжелые шаги хозяйки дома, к горечи добавилось чувство безотчет-

ной злости. Он прильнул глазом к щелке и стал с волнением наблюдать за тем, как Джойс медленно снимала с себя одежду.

В одной руке он крепко сжимал рукоятку ножа, который попался ему под руку на кухне, а второй рукой машинально поглаживал возбужденную плоть между ногами.

К тому моменту, когда Джойс сняла с себя все, кроме нижнего белья, и подошла к дверце шкафа, мужчина был готов к действиям.

Если утром Джойс увидела во дворе совершенно голого мужчину, то сейчас она увидела мужчину в своем шкафу — правда, полностью одетого. Первый держал в руке сломанную электробритву, а в руке этого блеснул острый клинок ножа. Она успела заметить только блеск стали и переполненные ненавистью глаза незнакомого мужчины.

— Люби меня! — закричал он, глубоко вонзая нож в мягкую грудь Джойс Коттрел. — Просто люби меня!

Она умерла мгновенно, даже не осознав значения его слов. Ее полное тело рухнуло на пол спальни, как резиновый шар, из которого внезапно выпустили воздух.

Мужчина, охваченный волнующими фантазиями и видя перед собой лицо матери, приступил к работе. Он перевернул жертву на спину, распорол ее грудь и вырвал оттуда теплое сердце. Все это время он громко говорил ей те самые слова, которые никогда бы не осмелился сказать матери.

Когда напряжение между его ног достигло своей предельной точки, он быстро снянул с себя брюки, взобрался на бездыханное тело Джойс Коттрел и чуть не закричал от блаженства, которое наступило в результате первого за всю его жизнь сексуального расслабления.

Глава 32

Глаза Экспериментатора напряженно сверлили темноту.

Ночь была тихой, и все же что-то потревожило его сон. Даже в то время, когда большинство людей вообще не могло уснуть, он мог закрыть глаза и погрузиться в мир собственных ощущений и переживаний. Но сегодня ночью

какая-то внешняя сила разбудила его, потревожила его сладостное одиночество. С осторожностью призрака он обследовал первый этаж дома, но не услышал ничего, кроме мирного посапывания остальных членов семьи. Он поднялся наверх и остановился на секунду, чтобы осмыслить все показания своих чувств.

Нет, то, что потревожило его спокойствие, несомненно, находилось за пределами его дома. Экспериментатор снова спустился на первый этаж и посмотрел в окно, за которым тускло мерцали огоньки ночного города. Он сам не знал, что искал глазами, но непременно узнал бы это с первого взгляда. Однако за окном все было тихо, спокойно и неподвижно — ничего не говорило о присутствии посторонних.

И все же что-то разбудило его, потревожило его сон. Он знал, что не успокоится до тех пор, пока не обнаружит источник своего беспокойства.

Экспериментатор пошел на кухню, а оттуда тихонько проскользнул на заднюю веранду, откуда был выход на улицу. Ночной воздух обдал его обнаженное тело легкой прохладой, и это напомнило ему о других ночных, когда его тело наслаждалось прохладой после очередного эксперимента.

Это были самые приятные ночи в его жизни. После каждого эксперимента он выходил голым на свежий воздух, чтобы хоть как-то развеять разочарование после очередной неудачи — своеобразный ритуал очищения, который почти всегда заканчивался омовением в прохладной воде горной речушки.

А иногда он просто стоял под звездным небом и благодаря вечному мерцанию звезд чувствовал себя вновь родившимся во Вселенной младенцем. Это ощущение усиливало темные пятна крови, которая несколько мгновений назад пульсировала в груди его жертвы, сообщая той жизненную энергию. В такие ночи он жадно окунался в прохладу, словно пытаясь вдохнуть свежую струю жизни не только в себя, но и в безжизненное тело, лежавшее на диване в его фургоне. Конечно, он хорошо знал, что один только кислород еще не позволит ему прочувствовать великую суть жизни. Он хотел уловить ту почти невидимую простым глазом молнию, которая вырывалась из глубины

человеческого тела и бесследно исчезала в окружающем пространстве, вызывая у него естественное чувство разочарования, ибо тайна вновь ускользала от него. Именно в этот момент нежная, как ласки любовницы, прохлада превращалась в темный сгусток, скрывавший за собой невидимого врага.

Однако сегодня темнота ночи не была для него ни нежной любовницей, ни заклятым врагом. Сегодня она скрывала за своей пеленой некую загадку, разгадать которую он считал своим долгом.

Он неподвижно стоял на веранде и ждал.

Всеми фибрами своей души он ощущал своеобразие этой ночи и напряженно взглядался в темноту, пытаясь отыскать в ней ключ, который поможет ему разгадать тайну. Он должен узнать, что именно потревожило его безмятежный сон. Вдруг послышался какой-то легкий звук, заметно отличавшийся от жужжания насекомых, квакания лягушек и шума автомобилей.

Щелчок щеколды.

Скрип дверной петли.

Еще один щелчок.

Звук растягивающейся пружины и легкое потрескивание дерева.

Дверь соседнего дома!

Тьма стояла кромешная, но все же можно было догадаться, что кто-то выходит из соседнего дома.

Экспериментатор стоял неподвижно, проявляя выдержку истинного ученого. Нужно было лишь терпеливо ждать, укрывшись за темной пеленой ночи.

Скоро источник его беспокойства обнаружит себя.

Ждать пришлось недолго. Через полминуты послышались тяжелые шаги. Врожденная склонность к логическим умозаключениям помогла Экспериментатору сделать вывод, что так может двигаться только чужой человек, не знающий местности. Следовательно, именно этот чужак потревожил его сон, когда проник в соседний дом. Привычные звуки никогда не смогли бы разбудить его. Это подсказывал ему его немалый опыт исследователя. Но сделанное открытие не уменьшило, а, напротив, только разогло его интерес к происходящему. Экспериментатор затаил дыхание и слился с темнотой, ожидая того волнующего

шего момента, когда непрошеный гость полностью обнажит себя.

От темного силуэта дома отделилась столь же темная фигура с какой-то ношей на руках. Человек приблизился к тому месту, которое было тускло освещено фонарями, горевшими в соседнем парке.

Это был мужчина, переносивший какой-то бесформенный груз.

Тело.

Человеческое тело. Ничем не прикрытое, оно безвольно обвисло на руках мужчины. С тела на землю стекали капельки крови.

Когда мужчина подошел ближе к границе парка, где свет был ярче, Экспериментатор сжался от сильного напряжения.

Тело было совершенно голым, как все его пациенты во время эксперимента. Но поразило Экспериментатора совсем другое. Грудная клетка была вскрыта, хотя сделано это было крайне небрежно, без должного хирургического мастерства. Точнее сказать, грудь была не вскрыта, а просто-напросто разворочена. Даже издалека Экспериментатор без труда разглядел, что одна грудь женщины начисто отсечена.

Мужчина был одет, и даже слабое освещение позволяло видеть темные пятна крови на его брюках и рубашке.

Экспериментатор продолжал наблюдать за мужчиной, лихорадочно соединяя все фрагменты в единое логическое целое.

Тело обнажено.

Грудная клетка вскрыта.

Все это являлось грубым и убогим подобием того, что он проделывал со своими пациентами.

Сегодня в газете появилась статья о недавно убитой проститутке. Как же ее звали? Шанель или что-то в этом роде. Автором статьи была женщина, которая проживала в этом самом доме и в данный момент мирно спала в своей спальне.

В этой статье Энн Джейферс высказала предположение, что убийство явилось грубой имитацией опытов Экспериментатора. Однако полицейские отвергли это предположение. Если они ошиблись, если этот человек действи-

тельно хочет привлечь внимание к своей персоне, то нет ничего лучше, как убить соседку журналистки. Но почему же он оставляет после себя столько кровавых следов? В этом нет абсолютно никакого смысла, если, конечно, этот тип не стремится подсознательно к тому, чтобы его вычислили и задержали.

Мгновение спустя тусклый свет уличных фонарей полностью осветил лицо согнувшегося под тяжелой ношей человека — и Экспериментатор тотчас узнал его.

Теперь все звенья загадки выстроились в единую цепочку. Подавив в себе неожиданно вспыхнувшее чувство ярости, Экспериментатор тихо вернулся в дом.

Глава 33

Энн Джейферс ощущала во всем теле такую свинцовую тяжесть, словно не спала всю ночь напролет. Однако на самом деле она уснула в половине одиннадцатого. Энн посмотрела на умиротворенное лицо мужа и подумала, что сейчас он снова похож на прежнего Гленна, тихого и спокойного, с мягкой улыбкой в уголках губ. Но стоило мужу слегка пошевелиться, как улыбка исчезла с его лица, а у Энн опять появилось жуткое ощущение, будто перед ней совершенно чужой человек.

Почему ее терзают подобные мысли?

Раньше, до его инфаркта, утро было для них лучшим временем дня. Даже когда они не могли оставлять своих маленьких детей одних дома, они с Гленном бегали в парк по очереди и всегда находили утром несколько минут для того, чтобы насладиться взаимными ласками и отрешиться от остального мира. Поэтому когда Гленн попал в больницу, Энн недоставало именно этих утренних минут, к которым она уже привыкла за годы их супружеской жизни. И вот сейчас ее муж снова дома, но от былой радости не осталось и следа. За последние дни все изменилось.

А прошлой ночью ей даже не хотелось, чтобы он прикасался к ней.

Еще раз посмотрев на мерно посапывавшего мужа, Энн прониклась состраданием к нему и ощутила нечто вроде

чувства вины. После недолгих колебаний она наклонилась и поцеловала его в губы.

Гленн мгновенно обнял ее и притянул к себе, отвечая на поцелуй. На какую-то долю секунды ее пронизал необъяснимый страх, но она тут же успокоилась, подумав, что бояться просто нелепо. Это же Гленн, черт возьми, ее муж, с которым она прожила уже немало лет! И в то же время ей стоило немалых внутренних усилий не отодвинуться от него, не ускользнуть от его прикосновений. Неприятное чувство отчуждения исчезло только тогда, когда его рука скользнула под ее ночную рубашку, а его ласки стали до боли знакомыми и милыми. Она всей душой и всем телом откликнулась на его страстный призыв, и через минуту их тела слились в единое целое.

В то утро они занимались любовью так, как делали это в течение многих лет. Гленн исクリлся прежней, хорошо узнаваемой радостью, окружая жену атмосферой уважения, нежности и трогательной заботы. Это был тот самый Гленн, которого Энн всегда любила и который лишь несколько минут назад казался ей пугающе чужим. Когда взаимная страсть немного улеглась, Энн уютно расположилась на изгибе руки мужа и облегченно вздохнула.

— Как замечательно, что ты вернулся ко мне, — прошептала она.

Гленн еще крепче обнял ее:

— Что ты имеешь в виду? Это прозвучало так, словно я только сегодня утром пришел домой.

Энн ловко выкатилась из-под его руки, приподнялась на локте и пристально посмотрела ему в глаза.

— У меня действительно такое чувство, будто сегодня утром ты впервые вернулся ко мне после долгой разлуки.

Его глаза слегка затуманились, но на губах появилась добродушная улыбка.

— Значит, я вел себя вчера несколько странно? Я правильно тебя понял?

— Несколько? — эхом отозвалась Энн. — Да ты как будто с луны свалился! — выпалила она и тут же пожалела о своих словах, увидев, что улыбка на лице мужа превратилась в странную гримасу. — Ну хорошо, это, пожалуй, слишком сильно сказано, — решила она поправить полу-

жение, хотя и чувствовала, что уже поздно. — Но ты все же должен признать, что та штука, которую ты купил...

— Ничего я не должен! — огрызнулся Гленн, вставая с постели. — Я сделал это по совету врача. Все говорят, что рыбалка — прекрасное хобби, вот я и решил попробовать. Ясно?

— Ясно, — кивнула Энн, не испытывая никакого желания продолжать неприятный разговор. Больше всего ей хотелось вернуться на несколько минут назад, когда Гленн казался ей близким и родным человеком. Однако момент был упущен. Она снова оказалась во власти странного чувства, будто в доме что-то не так. Соскочив с кровати, она накинула на плечи халат и пошла одеваться, в то время как Гленн исчез за дверью ванной.

Несколько минут спустя Энн вошла в гостиную в спортивном костюме и стала натягивать на ноги кроссовки, чувствуя на себе пронзительный взгляд мужа.

— Горди сказал, что тебе лучше ходить, а не бегать, — напомнила она, как бы отвечая на непроизнесенный вопрос Гленна, и тут же поняла, что на самом деле просто не хочет бежать с ним. К своему ужасу Энн заметила, что он прочитал ее мысли по выражению глаз.

— Тебе не следует спешить с этим делом, понимаешь? — извиняющимся тоном добавила она и попыталась поцеловать его, но Гленн не ответил на ее поцелуй. В эту минуту она уже собиралась изменить свое решение, но потом представила себе, что получится в результате. Они будут бежать вместе, но при этом чувствовать себя совершенно чужими друг другу людьми. А ведь ей предстоит потом целый день провести на работе, где нужна спокойная сосредоточенность на своих профессиональных обязанностях. Нет, надо попробовать еще раз сегодня вечером.

— Не мог бы ты приготовить мне чашку кофе, когда я вернусь? — попросила она и побежала вниз, увидев, что Гленн молча кивнул.

У входной двери ее уже ждал Бутс с поводком в зубах. Он глядел так жалобно, что было просто невозможно не взять его с собой.

— Хорошо, хорошо, — успокоила она собаку и пристегнула поводок к ошейнику. — Но не думай, пожалуйста, что я буду нести тебя на руках, если ты начнешь отставать.

Они выбежали во двор, а потом свернули к парку Волонтеров. На углу Энн на мгновение остановилась и посмотрела на окно спальни, надеясь, что увидит там приветливо помахивающего ей рукой Гленна.

Но его там не было.

Она вскинула голову и помчалась к парку даже быстрее, чем обычно, как бы желая тем самым сбросить с себя груз переживаний.

Незадолго до рассвета прошел небольшой дождик. Мокрый асфальт улиц уныло блестел, а утренний воздух был насквозь пропитан липким туманом. Энн глубоко дышала, ничуть не сбавляя скорости бега, и через минуту уже оказалась в парке. Раньше она никогда не задумывалась о том, какой именно маршрут выбрать для утренней пробежки. Она просто бежала куда глаза глядят, благо дорожек для бега здесь имелось предостаточно. Но сегодня утром ей отчего-то пришло в голову, что было бы неплохо свернуть направо, добежать до резервуара, обогнуть его и вернуться назад мимо небольшого искусственного пруда. Как все-таки приятно пробежаться утром по безлюдному парку, когда воздух еще чист, а на душе спокойно и легко! Энн тайно лелеяла надежду на замедление старения организма в результате утреннего бега, но больше всего ее радовал наступавший после пробежки необыкновенный прилив сил, которого хватало на целый день.

Во время таких утренних пробежек они с Гленном часто рассуждали о том, что их страна стала бы намного лучше, если бы живущие в ней люди так же бережно относились к своему душевному здоровью, как они относятся к физическому. А как поступают сейчас их сограждане? Они быстро стареют, постоянно испытывая боли в коленях и суставах от противоестественного образа жизни. И только кофе — излюбленный напиток всех жителей Сиэтла — может хоть как-то поддерживать у них нормальное настроение.

Энн выбежала на дорожку, которая проходила вдоль северного береганского озера, и стала энергично преодолевать метр за метром, периодически здороваясь с другими любителями утреннего бега, которых встречала здесь каждое утро. Бутс пыхтел изо всех сил, стараясь не

отставать от хозяйки и регулярно облавивая тех, кто осмеливался слишком близко подойти к ней. В целом же Бутс вел себя нормально, но только до тех пор, пока Энн не достигла северо-западной оконечности озера. Вместо того чтобы повернуть налево вслед за хозяйкой, Бутс продолжал бежать вперед, пока размотавшийся на всю длину поводок не остановил его.

Энн тоже остановилась, когда поводок дернул ее за руку. Затем она повернулась к собаке и с укоризной посмотрела на нее.

Бутс упрямо рвался вперед, уткнувшись мордой в землю и обнюхивая какие-то следы. Вдруг он замер на мгновение, а затем разразился невыносимо громким лаем.

— Ко мне, Бутс! — скомандовала Энн.

Маленький песик удивленно посмотрел на хозяйку и с новым рвением бросился вперед, преодолевая сопротивление поводка. Какое-то время Бутс и Энн перетягивали друг друга, а потом Энн решила уступить, хотя и знала, что сводит на нет скромные успехи, которых достигли Гленн и Кевин в воспитании собаки.

— Ну ладно. Если тебе так понравилось это место, можешь присесть, где тебе вздумается.

Отпустив Бутса, Энн неохотно последовала за ним, на ходу доставая из кармана пластиковый пакет, в который Кевин обычно собирал собачьи какашки. К ее удивлению, Бутс не стал вертеться по лужайке и вынюхивать подходящее место. Вместо этого он продолжал неудержимо рваться в кусты, нервно повизгивая. Через минуту он полностью исчез из вида, а его лай внезапно смолк.

Энн медленно пересекла лужайку и подошла к кустам. Собаки нигде не было видно. Вскоре Энн услышала приглушенное рычание Бутса и, подойдя поближе, раздвинула рукой колючие ветки.

На нее смотрели мертвые пустые глаза Джойс Коттрел.

Энн почувствовала острый приступ тошноты, и только многолетний опыт позволил ей сдержаться, чтобы ее не вырвало на обезображеный труп ее бывшей соседки.

Затем Энн в голову пришла безумная мысль оказать несчастной немедленную помощь, но в ту же секунду она осознала, что Джойс Коттрел уже никто и ничем не сможет помочь.

И только после этого Энн приняла вполне здравое решение заорать что есть мочи и позвать кого-нибудь на помощь. Именно это она и сделала в следующую секунду.

Глава 34

— Где мама? — этот вопрос прозвучал в устах Кевина как гневное обвинение в адрес беспечного отца, который допустил, чтобы ее похитили или, не дай Бог, убили.

— Побежала в парк на обычную утреннюю разминку, — спокойно ответил Гленн, наливая сыну стакан апельсинового сока.

— Она уже давно должна быть дома, — заявил Кевин.

Гленн посмотрел на голубовато-зеленый циферблат настенных часов и понял, что Кевин, конечно же, прав. Их традиционная утренняя пробежка длилась от тридцати до сорока пяти минут, а Энн отсутствовала уже больше часа. Гленн, конечно, догадывался, что ее задержало, но не собирался обсуждать этот вопрос с сыном. Между родителями уже давно существовал уговор не посвящать детей в те проблемы, которые непосредственно детей не касаются. Даже если бы Гленн попытался объяснить сыну, что произошло утром между папой и мамой, то Кевин скорее всего просто не понял бы, о чём речь. Собственно говоря, Гленн и сам не до конца понимал, что случилось. Когда он проснулся, ему показалось, будто Энн злится на него за вчерашний вечер, но потом все наладилось и они с удовольствием занимались любовью. А после этого она неожиданно заявила, что он якобы «как с луны свалился». На ее слова он отреагировал, пожалуй, слишком нервно. Конечно, он и сам прекрасно понимал, что зачастую ведет себя не так, как раньше, но это объясняется только не-предвиденным следствием сердечного приступа — замутненным сознанием, в результате чего он утрачивал ощущение реальности. Все-таки нужно было терпеливо ей все объяснить, а не ссылаться на советы доктора насчет рыбалки. У Гленна даже были готовы слова для этого, но потом он почему-то передумал. Что-то остановило его в последний момент, словно чей-то голос прошептал: «Ты хо-

чешь снова оказаться в больнице? Хочешь, чтобы она считала тебя сумасшедшим?»

Разумеется, в итоге она не захотела совершать утреннюю пробежку вместе с ним и, по всей видимости, решила сделать пару лишних кругов вдоль озера. Будет лучше, если он приготовит завтрак к тому времени, когда она вернется домой. Она хотя бы будет знать, что ее муж не является беспомощным инвалидом, который намерен до конца жизни валяться в постели в домашнем халате.

— Думаю, что мама вернется к тому времени, когда ты разделаешься со своей кашей, — сказал Гленн Кевину в тот самый момент, когда на кухню вошла Хэдер. Она налила себе чашку кофе и принялась разгадывать кроссворд, который Гленн оставил несколько минут назад.

— Если ты не возражаешь, — шутливо сказал Гленн дочери, — я хотел бы сам разгадать его сегодня утром.

Хэдер равнодушно пожала плечами:

— Как хочешь, только ты написал тут лишь два слова, да и то одно из них неправильно. Но если ты не будешь вписывать их чернилами, то ничего страшного. Я потом займусь им.

— С мамой что-то случилось, — снова напомнил им Кевин.

Хэдер посмотрела на брата, а потом повернулась к отцу:

— Она заболела?

Гленн вздохнул и отнял у дочери кроссворд.

— Ничего с ней не случилось. Я думаю, что она просто решила сделать пару лишних кругов вдоль озера, вот и все.

— Они снова поругались, — перевела Хэдер слова отца младшему брату.

— Ничего мы не ругались, — строго возразил ей Гленн. — Ну почему вы никогда не верите нам?

— Потому что взрослые очень часто врут детям, — глубокомысленно заметил Кевин. — Мне Джастин Рейнольдс сказал об этом. Кстати, почему маме можно одной бегать в парке по утрам, а мне нельзя?

— Потому что она взрослая, — нарочито внушительным тоном сказал Гленн и весело посмотрел на сына. — А своему Джастину Рейнольдсу ты можешь передать, что взрослые могут еще и не то делать.

Кевин весело захихикал, но Хэдер неожиданно прервала его:

— Может быть, нам нужно пойти туда и поискать ее? Она никогда не задерживалась так долго. А вдруг с ней действительно что-нибудь случилось?

Гленн почувствовал, что в комнате сложилось примерное равновесие сил. Если Энн через пять секунд не вернется домой, то дети тут же соберутся идти в парк и тогда ему придется уступить им. Не лучше ли с самого начала предложить им компромисс, который устроит всех? Иначе они просто опоздают в школу.

— Знаете, что я предлагаю? Вы заканчиваете свой завтрак и готовитесь к школе, а я тем временем пойду в парк и посмотрю, где она там бегает. Правда, я боюсь, что ваша мама прибежит домой секунд через десять после того, как я отправлюсь ее искать, но я готов немного прогуляться на свежем воздухе.

С этими словами Гленн поспешил выйти из дома через заднюю дверь, опасаясь, что Кевин начнет приставать к нему, требуя взять его с собой.

Усевшись за руль старенькой машины, Гленн уже через пару минут оказался у въезда в парк. Оставив машину на обочине, Гленн пошел по аллеям, внимательно осматривая окрестности. Поначалу ему все казалось нормальным, и только неподалеку от зеленого домика он заметил полицейскую машину, а чуть поодаль — желтые ленты полицейского ограждения. Гленн подошел к полисмену, который нетерпеливым жестом приказал ему проходить мимо.

— Двигайся дальше, парень, — сказал полисмен. — Здесь нет ничего интересного.

— Я ищу свою жену, — твердо сказал Гленн, не обращая внимания на его слова. — Она пошла в парк час назад и до сих пор не вернулась домой.

Лицо полисмена слегка вытянулось от удивления, а потом он что-то быстро пробормотал в портативный телефон и снова посмотрел на Гленна. — Как зовут вашу жену?

— Энн Джефферс. Она журналистка...

— Она там, — отрывисто произнес полицейский, показав большим пальцем на вершину холма. — Я не могу пропустить вас здесь, но если вы обойдете кругом, то, думаю, вас никто там не остановит.

— А что случилось? — полюбопытствовал Гленн.

Полицейский как-то неопределенно покачал головой.

— Нашли тело. Собственно говоря, его нашла ваша жена.

— Подростки подрались? — попытался уточнить Гленн, вспомнив, что в этом парке уже бывали подобные случаи.

Коп снова покачал головой.

— Женщина.

В это мгновение в сознании Гленна промелькнул тусклый образ Джойс Коттрел, но он исчез так же быстро, как и появился. Когда рядом остановилась еще одна полицейская машина, Гленн решил не дразнить гусей и отправился тем маршрутом, который указал ему патрульный: он медленно обошел вокруг озера и приблизился к участку, огороженному желтой лентой. Там он увидел жену и Бутса, который мирно сидел у ее ног. Собака почувствовала запах хозяина и бросилась к его ногам, жалобно скуля. Энн грустно помахала ему рукой, как бы подзывая к себе. Гленн подошел к жене, ласково обнял ее и спросил:

— Что случилось?

Энн долго молчала, понуро опустив голову. Только сейчас Гленн обратил внимание на ее мертвенно бледность. Что ее так взволновало? Ведь за многие годы она видела огромное количество трупов, не говоря уж об остатках хирургических упражнений Крэйвена. Гленну всегда казалось, что журналистская работа сделает Энн совершенно нечувствительной к подобным зрелищам.

— Это Джойс, Гленн, — тихо прошептала Энн с ужасом в глазах.

Гленн почувствовал, что глубоко внутри у него образовался какой-то ледяной сгусток, медленно поднимающийся к горлу. Он вспомнил тот образ, который возник в его сознании, когда полицейский сообщил, что найден труп женщины. Но этого не может быть! Что могла делать в парке Джойс Коттрел? Она ведь выходила из дома только на дежурство в больницу!

— Боже мой, Гленн! Это ужасно! Она совершенно голая, а ее грудь вскрыта, как у Шанель Дэвис. Но они говорят, что ее смерть наступила не здесь. Значит, ее убили в собственном доме! — Энн задрожала и закрыла лицо руками.

ми. — Господи! Гленн, это же рядом с нами! Мы все спали, а ее...

Гленн еще крепче обнял жену, чтобы успокоить ее, а заодно и себя. Он начал смутно припоминать какие-то тени в ночном сумраке.

Да, он видел темную фигуру мужчины, который нес на руках безжизненное тело. Возле ворот свет упал на лицо мужчины. Гленн отчетливо увидел это лицо, словно на черно-белой фотографии, но так и не узнал его. Незнакомец нес на руках тело Джойс Коттрел.

Гленн долго напрягал память, но так и не смог вспомнить этого человека. Неужели у него возник еще один прошлый в памяти? Все возможно, ведь с ним уже случалось такое.

Гленн молча прислушивался к словам Энн, которая все еще рассказывала, как Бутс тянул ее за собой, почуяв в кустах мертвое тело.

Джойс Коттрел.

Женщина, у которой не было друзей. Ни друзей, ни врагов.

Почему ее убили?

Ни Гленн, ни Энн не могли ответить на этот вопрос, но каждый испытывал одно и то же ужасное чувство: каким-то непостижимым образом это убийство имело к ним обоим самое непосредственное отношение.

Глава 35

Мужчина не выходил на работу уже два дня, сославшись на плохое самочувствие. Вообще говоря, он собирался пойти на работу сегодня утром, так как очень серьезно относился к своим обязанностям, хотя его и не ценили на «Боинге». Впрочем, он ко всему относился весьма серьезно.

Но когда он вернулся ночью домой, то был так взбудоражен, что не смог сомкнуть глаз ни на минуту. Перед его глазами то и дело возникали картинки прошедшего вечера, не дававшие ему покоя.

Он вспоминал свое пребывание в великолепном доме Джойс Коттрел.

Свое томительное ожидание.

Вспоминал, как она раздевалась.

Вспоминал, как нанес ей удар ножом, а потом овладел безжизненным телом.

Последний эпизод — его продвижение по темному двору — был особенно волнующим. Он прекрасно знал, что никто не мог видеть его в кромешной тьме, и это доставляло ему самое большое удовольствие. Впервые в жизни он почувствовал себя значимой персоной, с которой, несомненно, будут считаться. Еще острее, чем в случае с Шанель Дэвис, он почувствовал упоительное наслаждение от полного подчинения себе чужой жизни и безраздельной власти над ней. Джойс Коттрел полностью принадлежала ему и только ему, являясь своеобразным трофеем и умирая на его руках, как добыча — в руках ловкого охотника.

Он даже не пытался спрятать ее тело — он отнес его в парк, чтобы там ее как можно скорее нашли любители утреннего бега.

Из парка он ушел через южный вход, прошел по Двенацатой улице, а затем свернул на Четырнадцатую. Все это время он старался держаться подальше от ярких уличных фонарей, переходя от одного затемненного места к другому и панически боясь быть узнанным, тем более что у него имелись все основания опасаться нежелательной встречи. Вся его одежда была покрыта темными пятнами крови, поблескивающими в свете фонарей. Приблизившись наконец к углу Шестнадцатой улицы, где находилась больница, он с трудом преодолел искушение войти в приемный покой и посмотреть, кто сегодня заменяет там Джойс Коттрел. Разумеется, он не вошел, так как появление в приемном отделении человека, забрызганного кровью, не могло остаться незамеченным. А утром, когда в парке найдут тело этой женщины, туда сразу приедут полицейские и им все станет ясно с первой же минуты.

Мужчина спокойно миновал вход в приемное отделение больницы и подошел к дому, в котором он жил. К счастью, в холле никого не было, и он тихонько поднялся на второй этаж, где находилась его квартира.

Утром тело Джойс Коттрел будет обнаружено, а на следующий день Энн Джефферс напишет статью, которую

непременно поместят на первой полосе «Геральд». Эта сучка должна написать хорошую статью о своей бывшей соседке и позаботиться о том, чтобы статью поместили на самом видном месте.

Он не спал всю ночь, то и дело припоминая волнующие подробности убийства и чувство экстаза, которое он испытал. Ближе к рассвету он окончательно понял, что не сможет пойти на работу. Он слишком устал и был чересчур взволнован для добросовестного выполнения своих обязанностей. Ровно в шесть часов он позвонил на завод и сообщил, что чувствует себя намного лучше, чем вчера, но все же не готов приступить к работе. Там ему спокойно ответили, что он может оставаться дома столько, сколько ему потребуется. Да и с чего бы им проявлять недовольство? Ведь он не из тех, кто регулярно берет больничный, чтобы подольше отдохнуть. Это лишь второй случай за все годы его работы на заводе, когда он отпросился по случаю болезни.

Положив трубку, он вышел на улицу и направился в небольшое кафе, чтобы выпить чашечку кофе и пролистать утренний выпуск «Геральд». Не исключено, что тело Джойс Коттрел будет обнаружено еще ночью какими-нибудь загулявшими подростками или влюбленной парочкой. Развернув на столе газету, он внимательно просмотрел ее от корки до корки, но так и не нашел того, что искал. Недовольно скривившись, он подумал, что даже если тело уже обнаружили, то материал об этом все равно никак не мог попасть в утренний номер.

Досадно.

Вернувшись домой, мужчина самым тщательным образом просмотрел колонку новостей и облегченно вздохнул. Если этой статьи нет на первой полосе, то пусть ее вообще нигде не будет.

Мужчина подошел к телевизору, но тут же передумал и решил его не включать. Соседи могут услышать шум работающего телевизора и полюбопытствовать, почему он слушает новости в такую рань.

Его волнение нарастало с каждой минутой, он стал нервно ходить по комнате взад и вперед, раздумывая, когда именно может появиться очередной выпуск «Геральд».

А вдруг ее тело до сих пор не обнаружено? Ведь если бы его нашли, то сразу сообщили бы в полицию, а полиция с включенными сиренами ринулась бы в парк. Однако он не слышал никаких полицейских сирен.

Когда его дешевые кварцевые часы — прошлогодний рождественский подарок матери — показали ровно восемь, он включил радио, настроив его на волну местной станции.

Сперва ему долго и нудно рассказывали о пресс-конференции, которую устроил президент США во второй половине дня, а потом зазвучала какая-то музыка.

Мужчина расхаживал взад-вперед по ковру, недоумевая по поводу отсутствия хороших новостей.

Может, ему самому позвонить в полицию?

Он уже протянул было руку к телефону, но в последний момент передумал. Если он действительно хочет позвонить, то лучше это сделать из телефона-автомата.

И к тому же выбрать автомат подальше от своего дома — где-нибудь на Бродвее или даже в центре.

Да, это мысль. Например, позвонить с Первой авеню. Там столько народу, что никому и в голову не придет следить за ним. Мужчина уже собрался выйти из квартиры и даже протянул руку к выключателю радиоприемника, когда услышал именно то, чего так долго ждал:

Несколько минут назад в нашу студию поступило сообщение из полиции. В парке Волонтеров на небольшой лужайке, расположенной неподалеку от водоема, найдено тело убитой женщины. По случайному стечению обстоятельств изуродованный труп был обнаружен Энн Джейферс — корреспонденткой «Сиэтл Геральд», которая приобрела общенациональную известность своими страшными репортажами о серии жестоких убийств, совершенных, по всей видимости, жителем Сиэтла Ричардом Крейвеном. Более подробная информация поступит к нам к концу этого часа. Другие сообщения...

Других сообщений мужчина уже не слушал. Все вышло даже лучше, чем он предполагал, — тело нашла сама Энн Джейферс! Скоро, очень скоро он станет знаменитым! Конечно, какое-то время он не увидит свою фамилию на первых полосах и приложит все усилия к тому, чтобы до него не добрались раньше времени.

По крайней мере, до того, как он убьет еще двоих.

Может, даже троих.

Мысли лихорадочно путались в его голове, а в ушах все еще звенели слова диктора.

Когда же он нанесёт следующий удар?

Через месяц?

Через неделю?

Он снова ощутил то незабываемое возбуждение, которое испытал, овладевая мертвой Джойс Коттрел, и даже задрожал от нетерпения. Возможно, ему не придется ждать даже неделю. Скорее всего это произойдет через несколько дней, и тогда он снова испытает неописуемое блаженство. Если, конечно, найдет к тому времени подходящую жертву.

Когда его возбуждение достигло пика, неожиданно зазвонил телефон. Дрожащей рукой он снял трубку.

— Это ты? — послышался грозный голос его матери. — Почему не на работе?

Мужчина закрыл глаза и почувствовал, что его восторг начинает постепенно угасать.

— Я взял отгул по случаю болезни, мама.

— Я это и без тебя знаю, — недовольно проворчала она.

Почему она никогда не называет его по имени? Почему она вспоминает его имя только тогда, когда поливает его грязью перед другими людьми?

— Мне сказали об этом в компании «Боинг», — продолжала мать. — Ты уже слышал утреннее сообщение? Эта репортерша нашла труп в парке Волонтеров.

Мужчина молча слушал, а его мать все тараторила и тараторила. Она говорила о теле той женщины, которую он собственноручно убил, говорила о чем угодно, но только не о нем!

Ну что ж, может быть, скоро он заставит ее замолчать навсегда.

Глава 36

Гленн вовсе не собирался тратить два утренних часа на разговоры с соседями, обсуждая смерть Джойс Коттрел, но так уж получилось. Когда к дому Джойс подкатила первая полицейская машина и блюстители порядка получили возможность оклеить недвижимое имущество жертвы яркой предупредительной лентой, зеваки только еще собирались. Через десять минут, когда подтянулись еще две бело-голубых патрульных машины и один скромный «форд», приметная окраска которого прямо свидетельствовала о принадлежности к полицейскому департаменту, на тротуаре топтался уже добрый десяток любопытных. Одна из соседок наконец не выдержала и постучала в дверь дома Джейферсов. Это была Мардж Херли, переехавшая с семьей в дом напротив четыре года назад и жившая наискосок от Джейферсов. С тех пор как Мардж въехала, она безуспешно пыталась объединить жильцов близлежащих домов и устроить грандиозную вечеринку, ошибочно полагая, что нравы обитателей Капитолийского холма ничуть не отличаются от привычек жителей уютного тупичка, расположенного в болотистом пригороде неподалеку от озера Вашингтон, откуда семейство Мардж благополучно сбежало.

Отказавшись удовлетвориться простейшим объяснением Гленна, что Энн обнаружила тело Джойс утром в парке Волонтеров, Мардж сначала вытеснила Гленна на порог его собственного дома, а затем увлекла за собой в гущу толпы, собравшейся на тротуаре. Там, среди соседей, Гленн был вынужден повторить слово в слово то, что он ранее сказал Мардж. Тем временем возбужденные соседи, не получавшие никакой информации от полицейских, находившихся в доме, обменивались разного рода догадками по поводу происшедшего. В течение нескольких лет Джойс Коттрел считалась наиболее эксцентричной дамой из всех, проживавших в округе, и это даже после смерти сослужило ей дурную службу. Ее характер и завершившаяся теперь жизнь разбирались фрагмент за фрагментом, пока кто-то не вылез с предположением, что она торговала наркотиками (украденными скорее всего из аптеки госпиталя) или снималась в порнографических фильмах. После-

днее хоть как-то объясняло тот факт, что она постоянно отваживала людей от своего жилища. Как только было покончено с моральным обликом Джойс, на повестку дня встал наиболее животрепещущий вопрос — кто же ее все-таки убил? Ближайших соседей, разумеется, тут же исключили. «Мы же тут всех знаем, не правда ли?» — обратилась к толпе Мардж, которая только что познакомилась с добрым десятком людей, которых раньше и в глаза не видела.

Устав под конец от сплетен и догадок самого чудовищного толка, Гленн удалился под тихий кров своего дома, но, как выяснилось, лишь для того, чтобы услышать через несколько минут мелодичный перезвон дверного звонка. Сначала он не обратил на звонок никакого внимания, предположив, что за дверью снова стоит Мардж, жаждущая еще разок услышать рассказ о том, как было обнаружено тело, однако звонок тренькал не переставая. Когда Гленн все же открыл дверь, он увидел мужчину с полицейским значком в руке.

Мужчина улыбнулся:

— Вот мы и встретились наконец.

Гленн посмотрел на него в упор. Улыбка исчезла, и мужчина слегка покраснел.

— Ведь вы Гленн Джейферс?

Гленн кивнул, но по-прежнему молчал.

— Я — детектив Блэйкмур. Марк Блэйкмур.

Наконец Гленн понял. Широко распахнув дверь, он жестом предложил детективу войти в прихожую.

— Приятель Энн, — сообщил Гленн во всеуслышание, обращаясь к толпе зевак, которая уже заметно уменьшилась. Те, словно по команде, переключили внимание с дома Джойс на дом Джейферсов.

— Насколько я понимаю, это не визит вежливости?

— А жаль, — вздохнул Марк Блэйкмур. — Боюсь, что мне придется задать вам несколько вопросов о событиях прошедшей ночи.

Гленн кивнул и провел детектива на кухню, где налил гостю и себе по чашке кофе.

— Мне его пить не разрешают, поэтому я надеюсь, что вы ничего не скажете Энн. Договорились?

Марк почувствовал, что снова краснеет, но Гленн, казалось, ничего не заметил.

— Договорились, — произнес детектив, принимая чашку. — Мне особенно важно выяснить, не слышали ли вы чего-нибудь подозрительного прошлой ночью.

Гленн заколебался. Вместо того чтобы прямо ответить на вопрос, он задал вопрос сам:

— В какое время?

Блэйкмур пожал плечами.

— Трудно назвать точное время, — ответил он. — Но мы знаем, что Джойс Коттрел ушла с работы в одиннадцать и направилась домой. Даже если она забежала куданибудь выпить кофе, в полночь она должна была оказаться дома. В полночь или получасом раньше. Таким образом, давайте вести отсчет с одиннадцати часов пятнадцати минут.

Гленн по-прежнему колебался. Он вспомнил, что образ Джойс Коттрел возник у него перед глазами, как только он узнал, что в парке нашли тело женщины. Он покачал головой.

— Я бы с удовольствием вам помог, но думаю, что это не в моих силах. Ее убили в доме?

— Наверху, в спальне, — сказал Блэйкмур. — Нет никаких признаков взлома, но это мало что значит. Многие прячут ключи от дома поблизости от входных дверей, и налетчикам отлично известно, где их искать. Теперь о друзьях. Друзья у нее были?

— Возможно, но я о них ничего не знаю, — ответил Гленн. — Если вы успели переговорить с людьми, собравшимися у дома, то могли уяснить себе, что Джойс считалась *странной* женщиной.

Если у Марка Блэйкмура и были собственные мысли насчет Джойс, то это никак не отразилось на его лице.

— Странной? — тихо переспросил он. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что она была... хм... *странный*, — не совсем уверенно произнес Гленн. Он уже успел пожалеть, что использовал это слово. — Она относилась к тому типу женщин, глядя на которых, невольно думаешь, что дом у них пребывает в запустении. Такие женщины, знаете ли, собирают всякую дрянь, вещи у них валяются в полном беспорядке, ну и все такое. По-моему, она никуда, кроме работы, не ходила и — уж совершенно точно — никого не

приглашала к себе. — Гленн беспомощно пожал плечами. — Я ничего не утверждаю, просто высказываю свои догадки... — начал он было снова, но голос его предательски задрожал.

— Ваши догадки не соответствуют истине, — сказал Блэйкмур, вспомнив удивительный порядок, царивший в жилище Джойс. Там было удивительно чисто, если не считать кровавых пятен... Блэйкмур обнаружил их не только в спальне, где Джойс убили и частично выпотрошили, но и по всему дому. Убийца даже не пытался скрыть следы крови, когда тащил труп из спальни вниз по лестнице, а потом через столовую и кухню к выходу. Он вынес тело на улицу через черный ход, и уже там, за пределами дома, дождь смывал все следы.

— Она была, можно сказать, весьма аккуратная чудачка.

— Вот и говори после этого, что мы с Энн разбираемся в людях.

— Многие люди не соответствуют нашему представлению о них, — раздумчиво протянул Блэйкмур. — Но вы до сих пор не сказали мне, слышали ли вы что-нибудь подозрительное прошлой ночью.

Гленн все еще колебался, но Блэйкмур на этот раз настаивал:

— Так вы слышали что-нибудь ночью?

Гленн собрался было снова покачать головой, но передумал. Отчего не сказать детективу правду?

— Я не уверен, — начал он, — и не знаю, стоит ли вам об этом рассказывать, но, с другой стороны, и в самом деле приключилась какая-то чертовщина, когда сегодня утром я отправился в парк на поиски Энн.

Со всей возможной точностью Гленн объяснил Блэйкмуру причину, по которой он отправился в парк, и даже рассказал об образе Джойс Коттрел, возникшем у него в мозгу в тот момент, когда он узнал, что в кустах нашли тело убитой женщины.

— Хотелось бы мне знать, отчего это вы о ней вдруг вспомнили? — с хорошо разыгранным равнодушием спросил Блэйкмур.

Гленну ничего не оставалось делать, кроме как рассказать детективу остальное.

— Дело в том, что Джойс видела меня вчера на заднем дворе и сказала об этом Энн. Она, то есть Джойс, утверждала при этом, будто я был абсолютно голым.

Блэйкмур вперил в собеседника испытующий взгляд.

— Вы находились во дворе у себя или у нее?

— Конечно, у себя, — поспешил заверить его Гленн. — Да и голым я не был.

Детектив равнодушно пожал плечами.

— А если и были, то что же? В конце концов, вы находились на своем участке, не так ли?

— Но я *не был* голым, — продолжал настаивать Гленн, хотя в тот самый момент, когда он произнес эти слова, его уверенность в их справедливости в значительной степени поколебалась.

Детектив позволил себе улыбнуться, вернее, изобразил слабое подобие улыбки одними уголками губ.

— Ну и рассердились вы, должно быть, на эту Джойс Коттрел, а?

Гленн собрался было ответить, но вовремя заметил, какое опасное направление принимает разговор. Он закрыл рот, и в тот же самый момент с лица детектива исчезла улыбка.

— Так вы рассердились на нее? Да или нет? — повторил Блэйкмур свой вопрос. — Если бы меня обвинили в чем-нибудь подобном, я бы с ума сошел от ярости.

— И сошли бы с ума до такой степени, что постарались бы ее убить? — поинтересовался Гленн. — Вы к этому клоните?

У Блэйкмура заходили скулы.

— Я лично ни к чему не клоню, — сказал он. — Я только задаю вопросы.

— А я на них отвечаю. Всего-навсего, — подхватил Гленн. — Так вот, я и в самом деле разозлился на Джойс. Но не до такой степени, чтобы ее убить.

— Но вы мгновенно о ней вспомнили сегодня утром, когда услышали о найденном трупе, — напомнил ему Блэйкмур. — Почему?

— Я и сам пытаюсь понять — почему? — сердито бросил Гленн. — И еще я пытаюсь понять другое — почему я *сижу* сложа руки и не пытаюсь позвонить своему адвокату. Если вы собираетесь обвинить меня в убийстве Джойс Коттрел...

Блэйкмур поднял ладони вверх, пытаясь тем самым остановить готовый сорваться с губ Гленна поток не слишком лестных слов.

— Эй! Поумерьте-ка свой пыл. Я вас ни в чем не обвиняю. Если же хотите позвонить адвокату — действуйте. На самом же деле я провожу опрос свидетелей, и ничего больше. Поймите, мне нужна информация, и я никого ни в чем не обвиняю.

Губы Гленна сами собой сложились в подобие улыбки.

— Тем не менее все, что я скажу, может быть использовано против меня в суде? — спросил он со смешком, повторяя знаменитую фразу, которую настолько затащили в кино и на телевидении, что она превратилась в штамп.

Блэйкмур сдавал позиции одну за другой.

— Мы произносим это заклинание, только когда берем кого-нибудь под арест, — коротко заметил он. — Тем не менее вы имеете полное право пригласить адвоката.

Гленн некоторое время обдумывал слова детектива и почувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Если он станет настаивать на присутствии адвоката, не бросит ли он тем самым на себя тень? Ведь он ни в чем не виноват. Он ничего не видел и не слышал и уж точно не сделал ничего дурного!

Да, но как быть с провалами в сознании?

Как объяснить свой вчерашний поступок, когда он очевиднейшим образом временно спятил и выкинул бритву на помойку, а вдобавок ничего не помнил об этом?

А если он оказался способен на такое, то...

Гленн отмахнулся от неприятной мысли, догадываясь, куда она может его завести.

Наконец он принял решение: он ничего дурного не совершил, поэтому адвокат ему не нужен.

— Я, признаться, всего-навсего размышлял о том, что могло заставить меня подумать в это утро именно о Джойсе. По-видимому, я и в самом деле что-то слышал прошлой ночью — просто не помню что. Должно быть, во сне я услышал какой-то звук, который отложился у меня в подсознании. Подсознание же помимо моей воли увязало этот звук с образом Джойс и с убийством. Вот почему она сразу же пришла мне на ум, когда нашли тело. Я хочу сказать, что если кто-то услышал подозрительный шум, находясь в

полусне... — и снова голос Гленна предательски задрожал, и он в очередной раз пожалел о том, что не в меру разболтался.

Детектив и Гленн посмотрели друг на друга в упор, и хотя никто из них не произнес ни слова, возник невысказанный вопрос, который провел между ними невидимую черту: а что, если во сне Гленн слышал не только шум? Что, если это был крик?

Что, если он, Гленн, был свидетелем убийства?

Когда Марк Блэйкмур спустя несколько минут выходил от Гленна, эти вопросы все еще оставались незаданными.

Но и Гленн, и Блэйкмур пытались найти на них ответы.

Глава 37

В ПАРКЕ ВОЛОНТЕРОВ НАЙДЕНО ТЕЛО

Последнее в новейшей серии убийств?

Обнаженное и изуродованное тело женщины было найдено в парке Волонтеров рано утром. Как сообщает полиция, жертву звали Джойс Коттрел. Она была зарезана в своем доме на Капитолийском холме между одиннадцатью часами вечера и четырьмя часами утра. Хотя полиция все отрицает, возможна связь между тем, что случилось вчера ночью, и убийством Шанель Дэвис...

— Боже мой, — простонала Вивиан Эндрюс и откинулась на спинку стула. Она на секунду оторвалась от экрана монитора, чтобы взглянуть на серенький невзрачный день, догоравший за окном. Затем она несколько раз сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Так ей рекомендовала поступать мама в случае непредвиденных стрессов. После этой процедуры Вивиан сняла телефонную трубку и набрала номер Энн Джейферс. Вивиан начала было нетерпеливо постукивать пальцами по столешнице, но Энн взяла трубку уже после второго гудка.

— Ко мне в офис, — бросила Вивиан. — Сию же минуту.

Швырнув трубку на рычаг, она снова сосредоточила внимание на злополучной статье, которую вывела на монитор из недр компьютера всего за минуту до того, как вызвала к себе Энн. Когда Энн появилась в кабинете редакторши, та успела прочитать статью целиком не менее трех раз. Кроме того, она еще трижды глубоко вдохнула, но это, вопреки уверениям матушки, не принесло ей желаемого успокоения.

— Это что еще за чертовщина? — строго вопросила Вивиан, когда Энн вошла и прикрыла за собой дверь.

Энн уже успела достаточно глубоко проникнуть в кабинет, поэтому ей удалось увидеть на экране компьютера заголовок.

— Это моя точка зрения на...

— Я отлично знаю, что это такое! — резко перебила ее Вивиан Эндрюс. — Я желаю знать, как ты оцениваешь эту «свою точку зрения»?

Энн почувствовала, что в ней тоже начинает закипать негодование, но решила тем не менее не торопиться с колкостями. В течение нескольких минут Вивиан явно была способна выслушивать только собственные саркастические замечания.

— Я собиралась написать небольшой репортаж по поводу тела, найденного мной сегодня утром, — начала Энн, но редакторша снова ее перебила. Правда, на сей раз Вивиан сопроводила слова жестом:

— Присаживайся, Энн.

Энн ничего не оставалось делать, кроме как присесть на краешек неудобного стула, который Вивиан держала у себя специально для посетителей. Кто-кто, а Энн отлично знала, что приглашение Вивиан «присесть» являлось предвестником бури, а хрупкая спинка стула предназначалась для того, чтобы хоть отчасти смягчить удар, подготавливаемый хозяйкой кабинета.

Сложив кончики пальцев вместе, что являлось безошибочным признаком начала разноса, Вивиан еще раз мельком взглянула на текст, мерцающий на экране компьютера. Неожиданно она вздохнула и уронила ладони на полированную столешницу. Энн, отлично знавшая язык жестов своей работодательницы, поняла, что взбучка будет носить более мягкий характер, чем планировалось ранее, и

несколько расслабилась, хотя и не подала вида. Впрочем, произнесенные в следующую минуту слова Вивиан заставили Энн пожалеть о том, что ее начальница не прибегла к первоначальному варианту.

— Ты отвратительно выглядишь, — сказала она. — Может, тебе отпуск взять?

— Не стану утверждать, что мне досталась приятная работенка, — ответила Энн. — Охотников наткнуться на труп мало, особенно когда ты натыкаешься на него во время утренней пробежки. А уж писать об этом репортажи и вовсе желающих не найдешь.

В этот момент Энн заметила, что Вивиан принялась снова сканировать глазами статью на мониторе, и решила не вступать с ней в открытую перебранку, если та не начнет первой, но немного яду все-таки подпустить.

— Судя по твоему телефонному разговору со мной, который, как всегда, являлся просто перлом красноречия, у тебя возникли какие-то проблемы?

Вивиан пожала плечами:

— Как сказать? Возможно, я передам это задание кому-нибудь другому...

Теперь уже настала очередь Энн перебивать собеседницу:

— На основании той простейшей истины, что худший из адвокатов — это адвокат, защищающий самого себя?

— Ты с этим не согласна? — вскинулась Вивиан.

— Не вижу, какое отношение данная максима имеет ко мне.

Вивиан нагнулась вперед, и ее пальцы снова сомкнулись самым зловещим образом.

— Тогда позволь мне тебя просветить, — начала она, особенно выделив слово «просветить», которое Вивиан прошипела почти по-змеиному. — В этой статье ты выступаешь скорее как интервьюируемый, нежели как интервьюер. Что касается статьи в целом, то она больше напоминает редакционную статью, чем обыкновенный сухой репортаж. Кроме того, твой опус переполнен всякого рода предположениями, а материалов, подтверждающих их, насколько я знаю, у тебя нет и в помине. Между прочим, Энн, ты всего лишь репортер. Когда мне понадобится твое мнение или — не дай Бог — твои догадки, я поставлю тебя в известность.

Энн почувствовала, как у нее на лбу запульсировала вена, и помолилась про себя, чтобы это было не слишком заметно.

— Скажи мне наконец определенно, в чем заключается проблема?

— Мне не нравится сам тон твоей статьи. Прежде всего, с чего это ты решила, что убийство этой женщины относится к разряду серийных? До тех пор, пока полиция не обнаружит явных параллелей между убийством Джойс Коттрел и...

— Эта самая Джойс Коттрел жила рядом со мной, в соседнем доме, — произнесла Энн высоким от волнения и гнева голосом.

Вивиан Эндрюс раскрыла рот от удивления.

— В соседнем доме, — словно эхо, произнесла она вслед за Энн. — Господи, Энни, что с тобой происходит? Сегодня утром ты обнаруживаешь труп своей соседки в парке Волонтеров и не только приходишь на работу как ни в чем не бывало, но еще и пишешь об этом статью!

— Писать статьи и репортажи такого рода — моя прямая обязанность, — ответила Энн. — Что же касается «явных параллелей» с убийством Шанель Дэвис, то их предостаточно. Для начала скажу, что ни у той, ни у другой в доме не были выломаны двери...

— Это абсолютно ничего не доказывает, — вставила Вивиан. — Ты отлично знаешь, что половина населения этого города прячет ключи рядом с входной дверью.

Энн кивнула, словно принимая критику к сведению.

— Да, многие горожане так поступают. Но дело не только в этом. Обе женщины были зарезаны одинаковым способом. И той, и другой распороли грудную клетку и вырвали сердце. Более того, они обе проживали на Капитолийском холме на расстоянии нескольких кварталов друг от друга.

— И одна из них была проституткой, а другая работала в системе общественного здравоохранения. Одной было около тридцати, а другой — за пятьдесят. Но ведь мы обе отлично знаем, что исполнители серийных убийств обычно избирают определенный тип...

— А вот Ричард Крейвен не избирал.

— Между прочим, в этом штате против него не нашлось никаких веских улик, — напомнила Вивиан.

— Нашлись против него улики в штате Вашингтон или нет — какая разница? Он был убийцей, и ты знаешь об этом не хуже меня, — парировала Энн. — И я совершенно уверена, что тип, убивший Шанель Дэвис, убил и Джойс Коттрел.

— Ты еще была уверена и в том, что смерть Шанель Дэвис каким-то образом связана с Ричардом Крэйвеном, — заметила Вивиан Эндрюс. — Я тебя не понимаю, Энн. Если убийства Дэвис и Коттрел связаны с теми убийствами, которые совершил Ричард Крэйвен, то как нам быть с Крэйвеном? Сначала ты утверждала, что виноват он, но теперь, судя по всему, полагаешь, что убийца — совсем другой человек.

— А если у него был сообщник?

— Если у него таковой и имелся, неужели он бы его не назвал? Можешь считать меня циничной, если хочешь, но я довольно долго живу на свете и знаю, что когда тебе предъявляют обвинение в убийстве, ты стараешься спихнуть вину именно на сообщника, — если таковой, разумеется, есть. Или — если это не срабатывает, — начинаешь обвинять жертву в том, что она тебя спровоцировала.

Энн откинулась на спинку стула и сникла. Казалось, из нее вышел весь запал.

— То-то и оно, — вздохнула она. — Вот от чего я ночей не сплю. Ведь на самом деле я не верю, что у Крэйвена был подручный. Но я продолжаю думать, что совпадения не случайны.

Она пристально взглянула на Вивиан.

— Вот ты, Вив, не видела трупы. Готова сознаться, что я тоже не видела тела Шанель Дэвис. Зато я видела фотографии. Так вот, не похоже это все на работу Крэйвена. Тот работал квалифицированно — словно хирург в анатомическом театре. В случае же с Дэвис и Коттрел раны нанесены неопытной рукой, хотя характер травм приблизительно совпадает. Все это выглядит так, будто убийца Шанель и Джойс решил продолжить дело Крэйвена.

Вивиан Эндрюс сурово поджала губы.

— Все это не имеет никакого отношения к работе репортера. Кое-что из твоих умствований могло бы, пожа-

луй, войти в редакционную статью, но я тебе такой возможности не предоставлю, — она пошарила рукой по поверхности стола, нашла какую-то бумажку и протянула ее Энн. — Я подчищу кое-что в твоем репортаже и напечатаю его, но на этом все. Наша газета освещает преимущественно факты и ни в коем случае не домыслы и всякого рода умствования. Так что пока не случится чего-то экстраординарного и позволяющего с уверенностью утверждать, что убийства Дэвис и Коттрел являются звеньями одной цепи, тебе придется заняться этим.

Энн развернула бумажку, которую ей дала Вивиан Эндриюс. Это было небольшое объявление о встрече лиц, заинтересованных в прокладке местной железной дороги, существовавшей связать Эверетт с Такомой. Этот проект уже в течение десяти лет отфтуболивали от одной правительенной инстанции к другой. Энн взглянула на Вивиан с оттенком недоверия.

— Ты что, предлагаешь мне писать об этом?

— Я тебе ничего не предлагаю, — спокойно сказала Вивиан. — Я тебе просто-напросто приказываю.

Глава 38

В доме было тихо.

Гленн заснул.

Экспериментатор бодрствовал.

На этот раз он обследовал дом не спеша. Накануне и в предшествующие дни ему приходилось торопиться, поскольку было необходимо сделать кое-какие приготовления. Но накануне большая часть необходимых ему вещей была приобретена, упакована и переправлена в дом, пока Гленн спал. Экспериментатор все сложил в подвале в ожидании нужного часа.

Однако час еще не пробил.

Он, Экспериментатор, потерял былую квалификацию. Пока он не восстановит ее, эксперименты проводиться не будут.

Надо же в конце концов выдерживать определенный уровень! Тот самый уровень, к которому и близко не подо-

шел мужчина, тащивший тело чрезвычайно непрофессионально забитой жертвы, словно темнота ночи могла служить ему достаточным укрытием от возможных последствий содеянного.

Темнота же — укрытие явно недостаточное. Скоро — возможно, очень скоро — Экспериментатор строго накажет жалкого имитатора, за которым он наблюдал прошлой ночью.

Сегодня, впрочем, Экспериментатора ожидали дела совсем иного рода. Сегодня, пока спит Гленн, он начнет восстанавливать свое былое мастерство, требовавшее чрезвычайно слаженной и точной работы рук и утраченное за те несколько лет, на которые ему пришлось — не по своей вине — прервать исследовательскую работу. Не в силах подавить трепет от охватившего его приятного возбуждения, Экспериментатор закончил осмотр дома и задержался лишь у гардероба Энн. Он открыл дверцу, выдвинул ящики и коснулся кончиками пальцев шелковистой ткани, из которой было изготовлено ее белье.

В своих мыслях он касался не белья, а ее кожи.

Из его груди с шумом вырвался мощный вздох, напоминавший шипение раскаленных углей, на которые вылили воду. На мгновение его пальцы скомкали шелк в бесформенную массу, но Экспериментатор быстро восстановил контроль над собой. Прикрыв дверцу шкафа, он вышел из комнаты и направился в подвал.

Покупки, сделанные им за день до этого, за исключением удилища, найденного Кевином, были спрятаны в потрепанный солдатский сундучок, который он обнаружил, сдвинув с места две запыленные коробки с книгами. Отодвинув коробки в сторону таким образом, чтобы не смахнуть с них пыль, Экспериментатор открыл сундучок и извлек оттуда несколько предметов: моток нейлоновой лески, катушку прочных шелковых ниток, несколько рыболовных крючков и книгу. Затем он перенес все это на длинную деревянную скамью, стоявшую у стены подвала, и дернул за шнурок выключателя. Вверху пару раз мигнуло, а потом подвал залило ярким светом флюоресцентной лампы, мгновенно разогнавшим сумрак.

Экспериментатор раскрыл книгу. Это было руководство по ужению рыбы на мууху. Рыбалка помогала ему

смягчить острое чувство неудовлетворенности, обрушившееся на него всякий раз, когда эксперимент не удавался. Он начал быстро перелистывать книгу, пока не добрался до главы, где описывалось, как правильно привязывать наживку. Здесь он рассматривал каждую цветную вкладку, иллюстрировавшую процесс. Хотя со стороны могло показаться, будто он просто-напросто любуется красивыми картинками от некого делать, истина заключалась в обратном: его глаза запоминали каждую мелочь, каждую деталь, запечатленную на двадцати с лишним цветных вкладках.

Мушка, которую он разыскивал, была изображена на двенадцатой таблице, на второй фотографии слева в третьем ряду. Рядом с таблицей была напечатана инструкция по изготовлению такого рода искусственных мушек. К примеру, образчик, привлекший внимание Экспериментатора, изготавливается из перьев длиннохвостого попугая с добавлением кошачьего меха и имел вид крупного насекомого, напоминавшего мохнатую гусеницу с крыльями.

Экспериментатор отлично знал, где раздобыть материалы, чтобы собственноручно смастерить полюбившуюся ему искусственную мушку.

Выбравшись из подвала, он двинулся наверх, на второй этаж. Бутс тихо заворчал, когда он прошел мимо него через кухню, и, секунду помедлив, двинулся следом. В комнате Кевина попугай пытался извлечь ядрышко из семечка подсолнуха. На маленьком столике Кевина сидела Кумкват, укрыв лапки пушистым хвостом, и внимательно следила за манипуляциями попугая.

Когда в комнату вошел Экспериментатор, птица перестала возиться с семечком и угрожающе щелкнула клювом, словно защищая свои припасы от нежданного визитера.

Глаза Экспериментатора задержались на кошке.

— Ну, как поживаешь? — спросил он. — Согласна ли ты пожертвовать частицей своего меха для изготовления отличной приманки?

Кошка навострила уши и повела туда-сюда розовым носиком.

— Давай подпишем договор — если птичка даст мне перышко, то ты сделаешь взнос в виде кусочка меха, договорились?

Подойдя поближе к клетке, Экспериментатор увидел на дне перо. Он открыл дверцу и сунул руку внутрь, но стоило ему схватить перышко, как Гектор сильным клювом вцепился в его большой палец. Вскрикнув от боли, Экспериментатор мгновенно убрал руку из клетки — как раз вовремя, чтобы избежать повторной атаки Гектора.

— Что-то я замешкался, — сделал вывод Экспериментатор, в то время как птица принялась приводить в порядок перья, одновременно поглядывая на него круглым глазом сквозь прутья своего домика.

— С другой стороны, ты ведь сам обронил перо, правда? — задумчиво произнес Экспериментатор и повернулся к кошке, помахав у нее перед носом ярко-зеленым пером. — Птичка сделала свой вклад, теперь твоя очередь.

Взяв Кумкват на руки, он пошел назад в подвал.

Бутс, извиваясь всем телом, последовал за ним.

В дальнем конце погреба, рядом с деревянной скамьей, находился небольшой верстак, на котором стояла незаконченная модель трехмачтовой шхуны. Картинка с изображением корабля все еще висела на стене над верстаком. Вокруг недоделанного, покрытого пылью корпуса модели располагались инструменты из набора судомоделиста, — впрочем, позабытые, как и сама модель. Собрав все эти инструменты, Экспериментатор разложил их на свободной поверхности верстака, чтобы как следует подготовиться к предстоящему делу. Затем он раскрыл книгу с интересовавшей его фотографией мушки на нужной странице и прислонил книгу к стене.

Закрепив крючок в нужном положении в крохотных тисочках, Экспериментатор приступил к работе, предварительно запасвшись kleem из модельного набора, чтобы прикрепить части перышка к меху и крючку.

Взяв острейший модельный нож, Экспериментатор занес его над широким зеленым пером. Интересно, сколько уже прошло времени с того последнего раза, когда он упражнялся, оттачивая свое умение? Впрочем, рука его по-прежнему оставалась твердой, и ладонь уверенно схватила нож. Пальцами левой руки Экспериментатор прижимал перо к доске стола, а правой рукой манипулировал ножом. Всего за несколько секунд ему удалось вырезать несколько

кусочков пера как раз той формы, которая ему требовалась. Все эти кусочки прекрасно укладывались по контуру в чертежик, приведенный в книге.

На секунду прервав работу, чтобы полюбоваться своим изделием, Экспериментатор продолжал колдовать над мушкой, приматывая шелковыми нитками кусочки пера к крючку, как того требовала инструкция.

Наконец когда все было завершено и шелковые нитки безупречно соединили кусочки перышка со сталью крючка, Экспериментатор позволил себе выбраться из-за верстака и любовно оглядеть почти готовую мушку. Хотя он и нанес капельку клея для более прочного соединения, клея совершенно не было видно, а концы ниток исчезали в безупречно запрятанных узелках. Подобно крыльям крохотной бабочки, кусочки яркого пера Гектора сверкали и переливались в ослепительном свете неоновой лампы. Экспериментатор уже представил себе мушку, скользящую во всем своем великолепии по гладкой водной поверхности, и крупных форелей, поднимающихся к ней из глубины.

Оставалось только прикрепить к крючку немного кошачьего меха, чтобы окончательно сформировать тело искусственного насекомого. Нагнувшись, Экспериментатор подобрал с пола кошку и прижал ее к своей груди таким образом, чтобы зверек мог видеть крохотный яркий предмет, зажатый в тисочках.

— Ну-ка посмотри, — нежно обратился он к кошке. — Красиво, правда? Ты же согласна одолжить мне немного меха, чтобы я смог закончить работу?

Кумкват, казалось, поняла: должно случиться нечто для нее неприятное. Она забеспокоилась и попыталась выскоцить из рук Экспериментатора, но тот лишь сильнее сжал ее в руках. Кошка почувствовала мертвую хватку его пальцев, и ее сердце быстро-быстро заколотилось.

Экспериментатор ощутил, как энергия страха проникает в него через кончики пальцев с силой электрических импульсов. Жизнь. У него под рукой работал самый настоящий генератор жизненной энергии, превращая ничтожное мяукающее создание — собрание простейших молекул, не более, — в источник животворящей субстанции. И снова у него в мозгу возник и выкристаллизовался вопрос: *как это происходит?*

Экспериментатор перевел взгляд на Кумкват, которая по-прежнему старалась вырваться из его рук. В глубине души он знал, что настала пора приступить к исследованием снова. Ему даже показалось, будто сама судьба подарила ему эту несчастную кошечку как своего рода знак к возобновлению научных изысканий.

Еще раз оглядев подвал, он обнаружил картонную коробку с неплохо сохранившейся крышкой. Уложив Кумкват в коробку, он двинулся в поход по погребу в поисках всего необходимого для эксперимента.

Немного тетрахлорида-углерода. Если намочить тряпочку в этой токсичной жидкости и положить в коробку, то ее испарения подействуют примерно так же, как эфир, который Экспериментатор иногда употреблял в прошлом.

А вот полиэтиленовая пленка, оставшаяся в доме со временем последнего ремонта. Если ее постелить на верстак, она не позволит крови испачкать пол.

Экспериментатор разделся, аккуратно сложил одежду и спрятал ее в сундучок.

Когда все приготовления были завершены и кошка, усыпанная тетрахлоридом углерода, уже лежала на поверхности верстака, Экспериментатор взялся за нож. Его душа пела от радости. Наконец-то он может приступить к своей работе после длительного перерыва.

Поначалу он работал медленно, дабы не допустить ошибки, но потом выяснилось, что мастерство хирурга по-прежнему оставалось при нем, словно с момента предыдущего эксперимента прошло лишь несколько дней, а не лет.

Весьма искусно он рассек кожу на груди у кошки, стараясь уменьшить кровотечение с помощью материалов, которые ему удалось найти в подвале. Он сделал два параллельных надреза и откинул прямоугольный лоскут кожи, обнажив тонкую пленку соединительной ткани, покрывавшей грудину и реберную клетку. Затем он нажал на рычажок миниатюрной электропилы, которую приобрел накануне. Жужжащий звук инструмента отзывался в его теле, словно любимая симфония в ушах меломана. Твердой рукой он направил режущую кромку электропилы вглубь, принимая с восторгом повышение тона в звучании

своего инструмента, когда его бешено вращающееся лезвие впилось в тонкие кошачьи кости. В течение нескольких секунд пила проникла сквозь реберную клетку животного, обеспечив Экспериментатору свободный доступ к тому самому органу, который вызывал его наибольший интерес в течение всех последних лет.

Отложив пилу в сторону, он извлек выпиленную часть грудной клетки и проник пальцами в промежуток между обнажившимися легкими, чтобы коснуться кошачьего сердца. Осторожно манипулируя рукой, он извлек трепещущий комочек мускулов из сердечной сумки. Теперь, когда сердце оказалось у него на ладони, он с восторгом следил за его ритмичными сокращениями, поглощая энергию, которая заструилась теплым потоком, проникая сквозь кожу в его организм.

Наконец-то он снова при деле.

Как приятно это сознавать.

Затем в его сознании возник женский образ. Образ Энн Джейферс.

Ее лицо оказалось прямо перед Экспериментатором. Вглядываясь в привидевшиеся ему глаза, он с силой сжал в кулаке еще трепетавшее сердце. Он продолжал его сжимать все сильнее и сильнее, как несколькими часами раньше сжимал шелковое белье Энн. И, подобно беллю Энн, он смял сердце Кумкват в бесформенную массу.

Бесформенную и безжизненную.

Глава 39

Находиться в центре внимания вовсе не так приятно, как кажется. Поначалу, когда Хэдер только приехала в школу, все шло великолепно. Все уже знали, что рано утром в парке нашли тело, но только Хэдер могла точно ответить на вопрос, кто именно его нашел, а также о чей именно труп споткнулась ее мать.

— На самом деле тело обнаружила вовсе не мама, — объясняла Хэдер уже в десятый раз возбужденным одноклассникам перед началом занятий. — Его нашла наша собака.

Хотя Хэдер не довелось лично побывать на месте происшествия, она сумела воссоздать в своем воображении весьма впечатляющую картину. Пересказывая историю в третий раз, она живописала ее с такими подробностями, словно именно ее, Хэдер, Бутс заставил изменить привычный маршрут и привел к изуродованному телу Джойс Коттрел.

— Он как бешеный тянул поводок и лаял, поэтому мама наконец сдалась и отправилась посмотреть, что же он там такое нашел, — пересказывая историю, которую ей поведал отец, вернувшись из парка, Хэдер чувствовала приятное покалывание во всем теле. — А потом, когда мама уви-дela, кто это, то чуть не лишилась сознания!

Хотя отец ничего подобного, признаться, не говорил, девочка полагала, что так оно и было, поскольку стоило ей представить, что это она, Хэдер, наткнулась на мертвое тело в парке, как у нее уже начинала кружиться голова. Конечно же, ее мама не падала в обморок, иначе она не смогла бы найти телефон, позвонить в полицию и охранять тело до тех пор, пока не прибыли представители власти.

— Но кто же это был? — обыкновенно спрашивали Хэдер, стоило той поведать, что ее мать сразу же опознала жертву.

— Наша соседка, которая жила в доме рядом, — привычно отвечала Хэдер, после чего принималась распространяться о кое-каких деталях из жизни Джойс Коттрел.

Во время первой перемены события развивались очень впечатляюще. Каждому хотелось с ней поболтать — даже известный задавака Джош Уитмен прислал ей записку с предложением вместе пообедать. Но после третьей перемены, когда Хэдер чуть ли не на пять минут опаздывала на урок, поскольку ей продолжали задавать вопросы уже после того, как прозвенел звонок, она стала ощущать некоторую усталость. К обеденному перерыву, когда ей стало совершенно очевидно, что Джош пригласил ее на обед с единственной целью узнать об убийстве из первых рук, она поняла: больше она не скажет о произошедшем ни слова.

Поэтому когда в четыре часа они с Рэттой Гувер вышли из школы, Хэдер порадовалась тому, что почти все уже

ушли. По крайней мере, ей не нужно было пересказывать свою версию случившегося с самого начала.

— Хочешь прогуляться до Бродвея и обратно? — спросила она Рэтту.

— Ладно, — согласилась та.

Пока они шли по Капитолийскому холму по направлению к Бродвею, Хэдер заподозрила, что Рэтта изо всех сил старается не говорить об убийстве, и подумала, что ее подруга вряд ли выйдет победительницей из этой самоубийственной внутренней борьбы. Хэдер даже загадала про себя, что Рэтта вряд ли продержится дольше следующего квартала. Так оно и случилось, но Хэдер следовало отдать подруге должное: та постаралась избежать вопроса в лоб.

— Ну и как это бывает, когда обедаешь с Джошем Уитменом?

— Он пригласил меня на бал однокурсников, — ответила Хэдер, изобразив голосом искусственное возбуждение так удачно, что Рэтта купилась на это — по крайней мере, на долю секунды. Затем Рэтта неожиданно улыбнулась, приоткрыв в улыбке металлические скобки, стягивавшие ее зубы, — эти скобки она обыкновенно старалась не демонстрировать.

— Да брось ты, подруга! — хохотнула она. — Этот жеребец, помешанный на футболе, просто-напросто хотел выведать у тебя то самое, о чем мы сегодня целый день трепались. Лучше ты *мне* расскажи все о женщине, которую убили. Как-никак меня зовут Рэтта. Я твоя подруга, милашка, ты не забыла?

— Да нечего особенно рассказывать-то, — вздохнула Хэдер. — Я хочу сказать, что миссис Коттрел никто по-настоящему не знал. Она всем казалась загадочной. Друзей у нее не было, да и из дома она почти не выходила — только на работу, а с работы сразу домой. Некоторые люди видели, *как* она обедает. Представляешь, сидит одна в огромной столовой и ест!

Рэтта почувствовала легкий озноб. Она-то всегда считала, что в большом доме, стоявшем рядом с домом Джейферсов, водилась нечистая сила. С тех пор как в шестом классе они сблизились с Хэдер, Рэтту не оставляла мысль, что женщина, проживавшая за стенами большого дома, окутана флером таинственности. И вот теперь ее убили...

— Как ты думаешь, что же приключилось с ней на самом деле? — спросила Рэтта. — Только честно.

Хэдер пожала плечами.

— Ну откуда мне знать? Я и не общалась с ней никогда.

— Я тебя не спрашиваю, знаешь ли ты, что произошло. Мне интересно, что ты думаешь по этому поводу. Может, у нее был кто-то..

Хэдер снова беспомощно пожала плечами.

— Да никого у нее не было.

Теперь они уже шли по Бродвею, но стоило им выйти к Проспект-стрит, как Рэтта остановилась.

— Давай-ка поднимемся к месту, где все это случилось, и посмотрим сами, — предложила она.

У Хэдер расширились глаза.

— Нас не пропустят. Все это место оцеплено.

— Ерунда, — небрежно бросила Рэтта. — В прошлом году мой дядя пристрелил какого-то парня, но полицейские находились на месте происшествия не более двух часов. Так что пошли.

Свернув на Проспект-стрит, Рэтта целеустремленно зашагала вверх по направлению к парку. Секундой позже за ней последовала Хэдер.

— Ну, где это случилось? — спросила Рэтта, когда они подошли к лужайке, тянувшейся широким языком от Проспект-стрит к проезжей дороге. Дорога огибала холм, скрывавший за собой озеро.

— Мне кажется, мы вряд ли увидим это место отсюда, — сказала Хэдер, которой отчего-то расхотелось отправляться на поиски. — Отец говорил, что мама находилась на возвышенности, за которой открывается озеро.

— Тогда пойдем, — сказала Рэтта, смело двинувшись прямо по траве к той точке пространства, где дорога ближе всего подходила к водоему. Потом она пересекла дорогу и стала карабкаться вверх по утоптанной тропинке, которая вела в обход холма.

— Неужели мы не могли пройти через территорию музея? — жалобно спросила Хэдер. — Уж больно здесь круто.

— Какого черта? — возразила Рэтта. — Зачем нам давать круг, когда мы и так уже почти пришли?

Остановившись на склоне и дожидалась, пока ее догонит Хэдер, Рэтта не теряла времени даром. Она обозревала ок-

рестности, и не зря. Она сразу же заметила группку любопытных, которые со всем тщанием рассматривали заросли. Теперь, когда цель путешествия была почти достигнута, Рэтта неожиданно пошла на попятный.

— А вдруг там земля залита кровью? — спросила она.

Хэдер ухватилась за руку Рэтты. Одна только мысль о том, что она может наткнуться на лужу крови Джойс Коттрел, сводила ее с ума.

— Может, нам просто пойти ко мне домой? Конечно, если тебе вдруг расхотелось смотреть...

Однако не успела она закончить, как услышала голос брата, настоятельно взывавший к ней.

— Эй, Хэдер! — кричал Кевин, размахивая руками. — Ты только посмотри! Вот где мама ее нашла!

Хэдер совершенно не хотелось на все это смотреть, но она решила, что ей следует увести Кевина домой, пока родители не узнали, чем он занимается в свободное время. Поэтому она присоединилась к Рэтте и двинулась навстречу Кевину, пополнив тем самым группу зевак, которые с напряженным вниманием слушали рассказ Кевина об утреннем происшествии.

Кевин тем временем разошелся вовсю.

— Здесь все было залито кровью, а ее просто разорвали на части, — с воодушевлением повествовал он. — Бутс уже начал слизывать кровь с ее руки, когда...

— Кевин! — завизжала Хэдер, схватив брата за плечи и пытаясь заткнуть ему рот. — Сейчас же прекрати! Мы идем домой!

Кевин сделал попытку освободиться, и когда ему удалось оттолкнуть ладонь сестры, мешавшую ему говорить, закричал как резаный:

— Помогите! Она хочет меня похитить!

Кучка любопытных, благоговейно внимавших словам Кевина всего минуту назад, разразилась смехом, глядя на его неуклюжие попытки освободиться от объятий сестры.

— А твоя мать и в самом деле нашла труп? — обратился с вопросом к Хэдер какой-то человек.

— Боже мой, — застонала та в ответ, — зачем вообще моя мать здесь оказалась?

Тем не менее, хотя Хэдер и выразила во всеуслышание свое негодование, ее взгляд, словно железо к магниту,

притянуло к тому месту, где была найдена Джойс Коттрел. Рэтта Гувер, стоявшая рядом со своей лучшей подругой, завороженно смотрела туда же, хотя вся ее бравада уже испарилась. И той, и другой необходимо было видеть.

На самом же деле смотреть особенно было не на что. На место находки трупа десять часов назад указывала только желтая лента, которой сотрудники правоохранительных органов обнесли небольшой участок земли среди кустов. Огороженный участок также тщательно очистили от упавших листьев и мусора, в изобилии декорировавших не тронутую полицией территорию.

Уже само по себе отсутствие видимых деталей преступления порождало чувство одиночества и опустошенности. Содрогнувшись, Хэдер поняла, что все ее воображение оказалось бессильно. Она была не в состоянии хотя бы отчасти представить себе то, что наяву увидела ее мать. Хотя почти все следы гибели Джойс Коттрел убрали, Хэдер почувствовала сильнейший озноб, пробравший ее до костей.

— Пойдем, — наконец сказала она, неосознанным движением ухватив Рэтту Гувер за руку. — Давайте все пойдем домой.

Через секунду за ними последовал и Кевин.

Всю дорогу до поворота на Шестнадцатую восточную улицу дети молчали, а когда они повернули и прошли квартал по направлению к дому Джефферсов, то обнаружили, что смотрят не на дом Хэдер и Кевина, а на тот, который стоял сразу за ним.

Они постепенно замедляли шаги и наконец остановились прямо перед домом убитой, зловещей глыбой нависшим над домом Джефферсов. Первой сумела заговорить Рэтта Гувер:

— Кажется... он выглядит сейчас совсем по-другому, правда?

Они довольно долго разглядывали роковое строение. До сегодняшнего дня это был самый обычновенный дом, в котором проживала эксцентричная соседка. Ее боялись маленькие дети и потихоньку высмеивали взрослые. Теперь же парадный подъезд закрывала полоска желтой ленты, и уже одного этого было достаточно, чтобы люди держались подальше от выморочного жилища. Тем не менее

Хэдер, Кевин и Рэтта подошли поближе, чтобы прочитать слова, написанные на ярком пластике: «Запретная зона. Проход запрещен».

— Господи, — тяжело вздохнула Рэтта. — Должно быть, ее убили прямо в доме.

Расширившимися от ужаса глазами она посмотрела на Хэдер.

— Ты не знаешь, кричала она или нет?

Хэдер отрицательно покачала головой, не в силах оторвать взгляд от зловещего строения. Она знала, что на втором этаже дома располагалась спальня миссис Коттрел. Когда Джойс находилась на работе, по периметру дома попеременно вспыхивали огоньки. Все знали, что освещение регулировалось таймером. Стоило хозяйке вернуться, как огоньки гасли и освещалась одна только спальня — то самое окно, которое было видно из комнаты Хэдер. Неожиданно Хэдер решила: чрезвычайно важно вспомнить все, что имеет отношение к событиям прошедшей ночи, и постаралась восстановить картину вчерашнего вечера. Сначала ее родители поругались. Вернее, не совсем поругались, просто немного повздорили, но и этого оказалось достаточно, чтобы в доме установилась гнетущая тишина. Домочадцы не сидели вместе в гостиной перед телевизором, как обычно бывало. Вместо этого они разбрелись по своим комнатам. Хэдер, к примеру, оставалась у себя даже после того, как сделала уроки. Кевин тоже сидел у себя, а мама отправилась спать раньше обычного, так что в гостиной оставался только отец, решивший немного почтить перед сном. Но отец сидел в гостиной недолго: он поступил в комнату к Хэдер и пожелал ей спокойной ночи, когда еще не было и десяти. Через какое-то время она и сама отправилась спать, легла в постель, немного почтала — и заснула.

Когда она ложилась, миссис Коттрел все еще не было дома. Хэдер сидела за столом у окна почти целый час, пытаясь выучить теорему по геометрии. Огоньки, опоясывавшие дом соседки, попеременно вспыхивали и гасли. Это было лучшим свидетельством того, что хозяйка отсутствует.

Хэдер почувствовала, что ее вновь начинает пробирать дрожь. Вчера она не обратила на это внимания, но теперь...

Кто-то стоял на тротуаре.

Не прямо перед домом, нет, — человек стоял через дорогу от дома. Это был мужчина в темном пальто. Она не слишком хорошо рассмотрела этого человека. Казалось, он просто прогуливался, но потом неожиданно остановился, и в течение одной долгой секунды Хэдер казалось, будто он смотрит прямо на нее. Затем он снова двинулся вверх по улице. Она пару раз выглядела из окна, но неизвестный уже скрылся.

Так, по крайней мере, ей показалось.

А если она видела человека, который убил миссис Коттрел? Видела и ничего не предприняла?

— Боже мой! — едва не застонала она. — Вдруг я смогла бы ее спасти?

— Что? — громко спросила Рэтта. — Ты о чем это там бубнишь себе под нос?

Проглотив комок, вставший в горле, Хэдер рассказала Рэтте и Кевину о том, что видела.

— Вдруг это и в самом деле был убийца? — она окинула вопрошающим взглядом притихшую аудиторию. — Что, если он потом вернется?

— А что, если он увидел и запомнил тебя? — спросила Рэтта и оглянулась. Можно было подумать, что человек в темном пальто стоит где-нибудь поблизости и смотрит на них. — Давайте-ка лучше пойдем, ладно?

В последний раз окинув взглядом дом, который с каждой минутой казался ей все более зловещим, Рэтта возблагодарила Бога, что живет аж за шесть кварталов отсюда, и направилась к входной двери Джейферсов. Оказавшись рядом с ящиком с землей, куда по весне высаживали цветы, она сунула в него руку, чтобы достать ключ, поскольку знала, что Джейферсы хранят его именно там. Совершив сие деяние, она вдруг поняла, что натворила, и замерла, оглядывая улицу. К ее большому облегчению, оказалось, что за ней никто не наблюдает, но стоило ей снова повернуться к двери, как она встретилась с озабоченным взглядом Кевина.

— Чисто сработано, Рэтта-ума-нету, — сообщил он ей. — Ты бы еще всему городу рассказала, где мы храним ключи.

Хэдер тут же пришла на помощь подруге.

— Вполне вероятно, что все в городе и так об этом знают. Впрочем, начиная с сегодняшнего дня мы уже не будем оставлять ключ в клумбе. Вспомни, что случилось с миссис Коттрел.

Кевин выпучил глаза.

— Если этот парень тебя и в самом деле видел, он тебя и так достанет, — заявил он, ухватившись за возможность еще немного попугать сестру. — Могу поспорить, что он следил за тобой весь день.

— Заткнись, Кевин, — попросила Хэдер, взяв ключ у Рэтты и вставляя его в замок. — Заткнись — и все.

— Что значит «заткнись»? Ты мне больше таких слов не говори, — взъелся на сестру Кевин, когда они вошли в прихожую. Хэдер закрыла за ними дверь и задвинула ее на засов. — Кошка-трусишка, кис-кис-кис, — пропел Кевин, нагнувшись, чтобы почесать живот Бутсу, который бросился к хозяину в тот момент, когда дверь стала открываться, и теперь лежал на спине, тихонько поскрипывая от радости и удовольствия. — Хэдер — настоящая пугливая киска!

— Почему бы тебе не захлопнуть пасть? — обратилась Хэдер к брату, затем повернулась к Рэтте. — Заходи. Можешь открыть пару банок кока-колы, пока я положу в миску Кумкват еды.

Кевин посмотрел на сестру.

— Вот я сейчас пойду и скажу папе, что предложила мне «захлопнуть пасть», — произнес он с угрозой. — Папа! — заорал он, задрав голову. — Ты где?

Отец отозвался из закутка, находившегося рядом с гостиной:

— Здесь я!

В то время как девочки пошли на кухню через столовую, Кевин выбрал другой путь. Царапая пол когтями, Бутс устремился за ним.

— И что же мы будем делать? — осведомилась Рэтта, открывая дверцу холодильника и извлекая с нижней полки две жестянки с кока-колой.

— Ты это о чем? — спросила Хэдер, вынимая консервную банку с кошачьей едой из буфета, стоявшего рядом с холодильником.

— Я о том самом мужчине в темном костюме, — Рэтта открыла жестянки с кокой и вылила их содержимое в два больших стакана, после чего плюхнулась на стул, стоявший в углу кухни рядом с большим столом.

— Что, если Кевин прав?

Хэдер положила несколько кусочков консервированной кошачьей пищи в мисочку Кумкват.

— Да не видел он меня, — сказала Хэдер, придавая своему голосу уверенность, которой в глубине души вовсе не чувствовала.

— А если все-таки видел? — продолжала гнуть свою линию Рэтта.

— Не хочу больше об этом говорить! — Хэдер поставила мисочку на пол и вдруг нахмурилась. Кошки, которая обычно в этот момент терлась о ее ноги и мурлыкала, нигде не было видно.

— Брось, девушка, — запротестовала Рэтта. — Он тебя видел — и в этом все дело.

Хэдер, однако, сосредоточила свое внимание на другом.

— Кумкват! — позвала она кошку. — Иди сюда, кис-кис-кис!

Поскольку кошка так и не появилась, Хэдер снова вернулась в прихожую.

— Пап, ты не знаешь, Кумкват вернулась?

— С утра ее не видел, — отозвался отец, который все еще оставался в кладовой рядом с гостиной.

Сдвинув брови, Хэдер поднялась к себе в спальню и тщательно ее обыскала. Выяснив, что кошки нет и там, она принялась методично осматривать комнату за комнатой, а затем, разочарованная, снова вернулась на кухню.

— Она сбежала, — сообщила Хэдер подруге.

— Может, она увидела большого красивого кота и бросилась за ним, чтобы урвать кусочек кошачьего счастья? — ухмыльнулась Рэтта, потягивая кока-колу.

— Ей удалили яичники, — кратко информировала подругу Хэдер.

— Мой тетушке их тоже удалили, но это вовсе не означает, что тетушке не нравится это самое, — парировала Рэтта.

— Рэтта! — простонала в ответ Хэдер, пытаясь одернуть подругу, и открыла черный ход, чтобы еще раз попытаться

вызвать кошку из небытия. — Кумкват! Иди сюда, моя маленькая. Ужин готов!

На кухню ввалились Кевин с Бутсом. Пес, завидев открытую дверь, сделал попытку выскочить на просторы двора, и Хэдер захлопнула дверную сворку прямо у него перед носом.

— Открой, — сказал Кевин. — Папа попросил меня вывести его на прогулку.

— Поищи там Кумкват, ладно? — попросила девушка.

— Это твоя кошка, ты ее и ищи, — запротестовал было Кевин, но заметив слезы, стоявшие в глазах сестры, мгновенно сменил гнев на милость и согласился. — Ладно уж, поищу.

— Может быть, нам всем придется отправиться на ее поиски, — сообщила Хэдер.

— Давай-ка сначала допьем кока-колу, и если кошка к тому времени не объявится, тогда пойдем ее искать, — внесла рациональное предложение Рэтта.

Хэдер решила, что проще согласиться с Рэттой, нежели с ней спорить, и тоже уселась за стол. Нет, интересно все-таки, куда могла запропаститься Кумкват? Хэдер и в самом деле выпускала кошечку погулять дважды в день, но та никогда не оставалась на улице слишком долго. Большую часть дня Кумкват проводила на кровати Хэдер, где спала, уютно укрывшись хвостиком. Неожиданно Хэдер заметила, что дверь, которая вела в подвал, не заперта. Позабыв о кока-коле, девушка метнулась к двери, распахнула ее и посмотрела вниз.

Вместо привычного темного провала Хэдер увидела ослепительный свет неоновой лампы, заливавший погреб. Должно быть, отец спускался туда и, уходя, забыл погасить свет. Кумкват же, привлеченная светом, проникла через щель незапертой двери в подвал и теперь там хозяйничает.

— Кумкват! — позвала Хэдер и начала спускаться по лестнице. Оказавшись в подвале, она тщательно осмотрела все вокруг, но ничего не заметила. Тогда она решила выключить освещение и направилась к верстаку, над которым висел шнур выключателя. Неожиданно ее внимание привлекло яркое пятнышко на поверхности стола.

Большой волосатый жук с ярко-зелеными крыльышками.

Поначалу Хэдер испугалась невесть откуда взявшегося насекомого и даже отпрыгнула в сторону, но потом поняла, что это всего-навсего имитация. Но откуда она взялась? Протянув руку, Хэдер храбро взяла яркую поделку и перевернула ее. Там, где у жука должно было находиться брюшко, блеснула сталь острого жала рыболовного крючка, торчавшего из крохотного кусочка меха. Хэдер мысленно окрестила себя идиоткой — так испугаться какой-то мушки для рыбной ловли! С другой стороны, если она испугалась искусственного жука, что будет с Рэттой, которая до смерти боялась всех насекомых? Лелея в груди коварные замыслы, Хэдер прихватила мушку с собой, выключила свет и поднялась по лестнице. Тщательно закрыв за собой дверь, она на цыпочках приблизилась к ничего не подозревавшей Рэтте.

— Хочешь посмотреть, что я нашла? — спросила Хэдер, улыбаясь самой невинной улыбкой. Не дожидаясь ответа, она бросила мушку на стол и была вполне вознаграждена за идею тем диким воплем, который издала ее подруга. Рэтта уже собиралась высказать все, что она думала о Хэдер, когда приступ ее уже готового разразиться гнева был прерван голосом Кевина, доносившимся из-за гаража.

— Хэдер! Эй, Хэдер! Скорей сюда! — кричал Кевин.

Почувствовав в его голосе неподдельную тревогу, девочки кинулись во двор. Забежав за гараж, они остановились как вкопанные. Кевин распластавшись на земле, прижимая к себе обеими руками рычавшего Бутса.

— Ее нашел Бутс, — тяжело дыша, сообщил Кевин, борясь с подступающими слезами. — Он нашел ее, как сегодня утром нашел миссис Коттрел.

С бешено заколотившимся сердцем Хэдер приблизилась к брату, моля Бога о том, чтобы не случилось самого страшного, хотя она уже догадывалась, что ей предстоит увидеть.

Под деревянным щитом, который служил опорой для мусорных баков, лежало наполовину скрытое досками тельце Кумкват.

Ее шкурка была залита кровью, а в грудке зияла глубокая дыра.

Хэдер инстинктивно потянулась к своей любимице, но Рэтта остановила ее.

— Не надо, Хэдер, — прошептала девочка. — Здесь ничего нельзя трогать. Давай оставим все как есть и вызовем полицию.

Рыдая, не в силах вымолвить ни слова, Хэдер позволила Рэтте увести себя в дом. Они вошли через черный ход в тот самый момент, когда Энн входила в дом через парадную дверь. Девочки все еще пытались сквозь слезы рассказать Энн об ужасной находке, но та уже звонила в полицию.

Глава 40

Марк Блэйкмур решал важный для себя вопрос — отправляться ему домой в пять часов, как это делают все приличные люди, или еще немного поработать. Его стол чуть ли не до потолка был завален папками с делами, и папки все еще продолжали прибывать. Взглянув мельком на часы, которые украшали стену крохотного кабинета, где они работали вдвоем с Лоис Эккерли, Марк выяснил, что до момента принятия решения остается десять минут. Затем он снова погрузился в документы, лежавшие перед ним. Они представляли собой всего-навсего отчет о трудовой деятельности Джойс Коттрел в Департаменте общественного здравоохранения. Из этого отчета Марк тщетно пытался извлечь любую информацию, которая могла бы навести его на след врага вышеупомянутой особы. Проблема заключалась в том, что миссис Коттрел, судя по всему, не имела не только врагов, но и друзей. За те двадцать лет, что она трудилась на ниве здравоохранения, она не получила ни единого замечания, но и единого поощрения, ни единой благодарности. Было совершенно очевидно, что ее квалификация вполне соответствовала занимаемой ею должности, но было очевидно также и то, что она не проявляла ни малейшей инициативы, чтобы хоть как-то проявиться на служебном поприще.

Отбросив бесполезное досье в сторону, Марк сосредоточил внимание на Лоис Эккерли, которая приводила свой служебный стол в порядок, явно собираясь покинуть учреждение вовремя. Марк почувствовал прилив раздражения, хотя и не совсем понимал, что его вызвало: то ли

намерение его напарницы уйти с работы в соответствии с трудовым законодательством, то ли сам факт, что ей было к кому идти после работы.

Рефлекторным жестом он коснулся того места на своем рабочем столе, где когда-то стояла фотография теперь уже бывшей жены: Однако вместо того, чтобы вызвать образ Пэтси Блэйкмур, его сознание услужливо предложило ему портрет Энн Джейферс. Пора с этим кончать, решил он про себя. Большой частью для того, чтобы избавиться от назойливого образа Энн Джейферс, он обратился к Лоис Эккерли и спросил, что новенького ей удалось нарыть по делу Джойс Коттрел.

Та покачала головой и со смешанным чувством, в котором были и жалость к пострадавшей, и любопытство к загадочной личности убитой, сказала:

— Существование этой женщины придает новый смысл избитой фразе о том, что наша жизнь — штука таинственная. Я не только не нашла никого, кто мог бы назвать бы себя ее другом, но даже людей, которые могли бы сказать о ней что-либо определенное. Утром она шла на работу, с работы возвращалась домой. На работе она держала себя замкнуто и ни с кем не общалась. Даже обедать ходила в одиночку. Короче, не человек, а одна сплошная загадка.

— В ее личном деле тоже ничего интересного нет, — согласился Блэйкмур. — Видела когда-нибудь досье, где ни благодарностей, ни выговоров? — он переправил папку с личным делом на стол Лоис, которая открыла ее и начала перелистывать.

— Ни друзей, ни врагов, — подытожила Лоис и вернула папку на стол Блэйкмура. — Черт, даже сплетен никаких. Такое ощущение, будто она жила в вакууме.

— Тогда кто же ее убил? — вопросил Блэйкмур. Стоило ему задать этот вопрос, как перед его глазами возникло лицо Гленна Джейферса. Весь день он возвращался мыслями к нему. Хотя Блэйкмур и был уверен, что Гленн не все договаривает до конца, однако в схему преступления Гленн все-таки не вписывался. Марк очень старался быть объективным, размышляя о Гленне, и принял во внимание даже то, что он, Марк, может подсознательно хотеть устранить Гленна из жизни Энн. Но нет, Гленн не вписывался, и все тут. Тот, кто убил Джойс Коттрел, наверняка с ног до

головы был залит кровью. Кроме того, если бы жертва хоть раз крикнула, ее крик неминуемо услышали бы соседи и проснулись. А кто эти соседи? Семейство Джейферсов — вот кто. Если ваша семья спит за стеной соседнего дома, вряд ли вы отважитесь на убийство соседки. Марк Блэйкмур, к примеру, не отважился бы. В сущности, Блэйкмур был уверен в невиновности Гленна. Тем не менее Гленна следовало пригласить в участок и снять его отпечатки пальцев, чтобы окончательно отнести все подозрения. Убийца оставил свои отпечатки в ванной, где, судя по всему, пытался отмыть руки от крови. Отпечатки, правда, оказались несколько смазанными, но при желании разобраться было можно.

— Так кто же ее убил? — повторил Марк и вздохнул, ощущая острое чувство недовольства собой.

— Может быть, тот, кто прикончил Шанель Дэвис? — предположила Лоис Экерли. — Ты ведь знаешь, Энн Джейферс считает, что это звеня одной цепочки, и нам необходимо иметь в виду ее точку зрения.

Блэйкмур откинулся на спинку стула, утвердил ноги на поверхности стола и закинул руки за голову.

— И что же тылагаешь? — спросил он. По его позе Лоис сразу поняла, что детектив Блэйкмур настроился на долгий обстоятельный разговор. — Думаешь, Энн права? Неужели ты тоже купилась на ее сумасшедшую гипотезу, будто Ричард Крэйвен вовсе не совершал всех тех преступлений, которые ему приписывают? А если это всего-навсего его последователь — имитатор, так сказать? Хотя если это имитатор, то почему он оставил тампон в теле Коттрел, а в теле Дэвис — нет?

Прежде чем Лоис успела ответить, зазвонил телефон, находившийся на столе ее партнера. Ухватившись за возможность избежать ответа, Лоис подняла трубку раньше, чем Марк успел опустить ноги на пол. Заметив, как изменилось выражение лица Лоис, Марк уже было подумал, что обнаружили еще один труп, но его напарница неожиданно заулыбалась и детектив успокоился.

— Кошка? — вопрошала тем временем его коллега. — Брось, Фил, неужели ты из-за кошки звонишь? Мы, знаешь ли, не занимаемся котами. Мы — отдел по расследованию убийств, забыл? Но только убийств людей, а не кошек...

Прикрыв трубку ладонью, она зашептала, обращаясь к Блэйкмуру:

— Представляешь, они звонят нам, чтобы сообщить о смерти какой-то кошки...

Однако прежде чем она успела закончить фразу, улыбка исчезла с ее губ, и Блэйкмур услышал, как его напарница негромко выругалась.

— Черт, — сказала, — мы берем дело под свой контроль. Да-да, уже выезжаем, уже в пути.

Марк в недоумении смотрел на Лоис. Когда она наконец повесила трубку, он сразу же завопил:

— Кошка? Какого черта? Неужели ты хочешь сказать, что нам придется куда-то ехать из-за какой-то кошки?

Лоис Эккерли печально кивнула:

— Это не просто мертвая кошка. Это кошка Энн Джейферс.

— Кошка Энн Джейферс? — словно эхо, повторил за ней Блэйкмур. — И что же Энн? Просила нас приехать?

Лоис снова кивнула:

— Из слов Фила можно сделать вывод, что животное убили точно таким же способом, как Коттрел и Дэвис.

Марк Блэйкмур выругался про себя. Если это и в самом деле правда — а он очень надеялся, что это не так, — тогда дело ясное: у них на руках не просто дело очередного маньяка, но маньяка с фантазией, маньяка с патологической склонностью к мерзким играм.

Да, но с кем этот человек собирается играть?

С полицией или с очередной жертвой?

Разумеется, имелась еще одна возможность: кто-то мог просто гнусно пошутить. В конце концов имя Энн звучало по радио в течение целого дня, да и все любители посудачить только и говорили что о женщине-репортере, обнаружившей в парке изуродованное тело. Если, к примеру, существовал человек, недолюбливавший Энн по той или иной причине, лучшей возможности напугать эту женщину ему было бы отыскать. А теперь стоило представить себя на месте Энн. Как ей прикажете трактовать подобный акт жестокости? Исключительно как предупреждение о том, что следующей жертвой станет она. Господи, как она, должно быть, переживает! Волна ярости по отношению к неизвестному, совершившему такую мерзость,

нахлынула на Марка, и в его мозгу промелькнула мысль: не отказаться ли ему от этого дела вообще? Впрочем, в глубине души он знал, что не откажется. Более того, он станет куда усерднее работать, будет носом землю рыть, но найдет этого анонимного подонка.

Когда они уже сидели в машине и ехали по направлению к Капитолийскому холму, Лоис посмотрела на Марка и ухмыльнулась.

— По крайней мере, тебе не надо идти домой.

Блэйкмур почувствовал, что краснеет.

— Я вовсе не против того, чтобы провести вечерок дома, — пробурчал он себе под нос.

— И поэтому ты заводишь деловой разговор всякий раз, когда до конца рабочего дня остается минута или две, верно? — уколола его Лоис, но тут же об этом пожалела. — Ладно, не сердись. Одиночество — пренеприятнейшая штука. Если бы у меня не было Джейка...

— Послушай, может, поговорим о чем-нибудь другом? — перебил ее Блэйкмур. Оставшуюся часть пути они сохраняли абсолютное молчание. Лоис заговорила только тогда, когда их машина остановилась у дома Джейфферсов.

— Если хочешь, я одна займусь этим делом.

«Вот дьявольщина! — подумал Блэйкмур. — Неужели у меня на лице все написано?»

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — громко объявил он, выбрался из машины и хлопнул дверью куда громче, чем требовалось. Перепрыгивая через две ступеньки, он мгновенно добрался до входной двери и уже собрался было позвонить, когда дверные створки распахнулись словно сами собой. Перед ним возникла Энн и сразу же впустила его в дом. Ее лицо было бледно, и он сразу понял, до какой степени она напугана.

— Я полагаю, вы окончательно пришли к выводу, что я свихнулась, — сказала она, сделав не очень удачную попытку изобразить бесшабашность.

— Лично я даже не знаю, что на самом деле произошло, — ответил Марк, усилием воли подавляя в себе неудержимое желание обнять эту женщину. — Так что же все-таки случилось? — спросил он, когда в прихожую вошла Лоис Эккерли. В гостиной он увидел девушку-подростка,

лежавшую на софе и безутешно рыдавшую. Марк решил, что это и есть дочь Энн Джейферс. Другая девушка — примерно такого же возраста, только темнокожая, — изо всех сил пыталась ее утешить.

— Пойдемте во двор, — тихо сказала Энн и провела детективов через столовую и кухню на задний дворик. Марк невольно поймал себя на том, что смотрит на окна убитой Джойс Коттрел, задаваясь вопросом — в самом деле есть нечто общее между убийством, случившимся в том доме, и смертью домашней любимицы Джейферсов, крохотный трупик которой лежал теперь во дворе Энн.

Гленн и Кевин сидели на дощатом настиле, служившем своеобразным фундаментом для мусорных баков. Как только во дворике появились детективы с Энн во главе, мальчик вскочил на ноги.

— Она там, — восхликал Кевин, указывая на тельце кошки, видневшееся из-под досок настила. — Ее нашел Бутс — точно так же, как он нашел тело миссис Коттрел в парке...

— Довольно, — сказала Энн и привлекла мальчика к себе.

— Кто-нибудь ее трогал? — спросил Марк, присаживаясь на корточки, чтобы как следует рассмотреть кошачий трупик.

Кевин энергично замотал головой.

— Я не трогал, — отрапортовал он. — Кроме того, я не позволил ее трогать ни Хэдер, ни Рэтте. Я сказал им...

— Может быть, тебе лучше вернуться домой, мой милый? — высказалась свое пожелание Энн.

— Ах, мама! — чуть не застонал Кевин. — Перестань. Ведь это я нашел ее.

— Иди, иди, — с нажимом произнесла Энн. — Если у детектива Блэйкмура возникнут вопросы, мы вернемся и разыщем тебя. И будь добр, относись к сестре поласковее, — прокричала она сыну вдогонку, когда тот чрезвычайно неохотно двинулся к дому.

Достав кошачье тельце из-под настила, Блэйкмур внимательно осмотрел зияющее отверстие на груди. Грудная клетка была рассечена, сердце и легкие вырваны — точно так же, как у покойных Шанель Дэвис и Джойс Коттрел. Но, как показалось Блэйкмуру, ранения, нанесенные кош-

ке, чем-то отличались от травм, причиненных женщинам. Если это так, то чем же?

Вырез в грудной клетке кошки был сделан несравненно аккуратнее.

Это слово пришло ему на ум неожиданно, но затем Блэйкмур понял, что оно точнее всего характеризовало рану, зиявшую в кошачьей грудке. Вспоминая травмы Дэвис и Коттрел, Блэйкмур мог сказать, что грудина у обеих женщин была скорее разорвана в припадке ярости, нежели рассечена, в то время как над кошкой — и это было видно невооруженным глазом — потрудилась рука настоящего хирурга, вооруженного соответствующим инструментом.

— Вы можете хоть как-то объяснить произшедшее? — обратился Марк к Гленну Джейферсу, который уже поднялся на ноги и теперь стоял, словно завороженный, рассматривая трупик любимицы своей дочери. Блэйкмур внимательно взгляделся в его лицо, но не обнаружил ничего, кроме выражения обычного шока, который вызывается зрелищем обезображенной плоти.

Гленн отрицательно помотал головой.

— Я даже не обратил внимания на ее исчезновение, — произнес он ничего не выражавшим голосом, продолжая созерцать кошачий трупик. — Господи, мне кажется, что в этой смерти есть доля и моей вины.

— Вашей вины? — с удивлением переспросила Лоис Эккерли.

Некоторое время Гленн молчал, оставив вопрос детектива без ответа. С того самого момента, когда раздался крик Кевина и все кинулись во двор, он не переставал спрашивать себя, давно ли он в последний раз видел кошку? Когда он вернулся из парка, она все еще была дома. Даже когда дети ушли в школу, она оставалась при нем. Но что случилось потом?

Вот на этот вопрос он ответить не мог. С другой стороны, он так часто приходил и уходил из дома в то утро, что Кумкват вполне могла ускользнуть. Он не подумал о кошке, даже когда улегся спать, не подумал и после пробуждения, когда выяснилось, что он проспал значительно дольше, чем рассчитывал.

Стоило ему припомнить, с какой заботой относилась к Кумкват дочь, ежедневно перед школой выпускавшая ко-

шечку на прогулку, как чувство вины, обосновавшееся у него в душе, резко усилилось. А ведь ему нужно было уделять несчастному животному только капельку внимания — глядишь, все и обошлось бы. Вместо этого он проспал чуть ли не полдня.

— Скорее всего она выбралась из дома утром, — наконец сказал он и перевел взгляд на Блэйкмура. — Может быть, в тот самый момент, когда вы уходили.

— Ты хочешь сказать, что совсем про нее забыл? — спросила Энн. — Господи, Гленн! Ты ведь знаешь, как Хэдер тряслась над своей любимицей! Неужели тебе не могло прийти в голову...

— Послушай, — возразил Гленн, неожиданно рассвирепев. — Я всего лишь признал, что в ее гибели есть часть моей вины, но это вовсе не значит, что ее убил я!

— Ну конечно же, ее убил не ты, — вздохнула Энн. — Разве тебя кто-нибудь обвиняет? Извини, просто меня слишком расстроило все это. Кроме того... — она не закончила фразу и повернулась к Блэйкмуру. — Разумеется, мне не следовало вас беспокоить, но когда дети сообщили мне о случившемся, то я решила, что вряд ли это простое совпадение.

— Все нормально, — буркнул Блэйкмур и вопросительно посмотрел на свою напарницу. — Что будем делать с этим? Заберем с собой? — он мотнул головой в сторону кошачьего трупика. — Кстати, будем фотографировать или нет?

Лоис Эккерли пожала плечами. Она не больше Марка знала, как поступать в подобных случаях. Зато она знала наверняка одно — если кому-нибудь покажется необходимым провести медицинскую экспертизу кошачьего трупа, то она, Лоис, ни за что не станет беспокоить начальство такого рода просьбой.

— Не думаю, что есть необходимость в фотографировании, — заявила она. — Мы ведь оба знаем, где находилась кошка, верно? — Затем она повернулась к Энн. — У вас найдется пластиковый пакет для мусора?

У Энн перехватило горло, и она не смогла ответить. Тогда настала очередь ее мужа.

— Я сейчас принесу.

Когда Гленн направился к дому, Энн подняла глаза и заметила настороженное выражение во взгляде Марка

Блэйкмура. Несомненно, детектив исподтишка наблюдал за ее мужем.

— Прекрати, Марк. Неужели ты действительно подозреваешь Гленна?

— Трудно сказать, — небрежно ответил тот, стараясь говорить легко и непринужденно. — Как-никак он последний, кто видел жертву до того, как наступила смерть.

— Это вовсе не смешно, Марк, — сухо сказала Энн.

Ее замечание болезненно задело Марка, и он обругал себя за неудачную попытку пошутить.

— Послушай, к чему так волноваться? Мы заберем кошку с собой и отдадим в надежные руки, чтобы разузнать, как это было сделано. Пока что рано говорить о какой-либо связи между...

— Неужели? — перебила его Энн. Попытка детектива отмахнуться от сути случившегося заставила ее на время забыть о мертвой и изуродованной любимице. — Мне не пришлось увидеть тело Шанель Дэвис, зато я отлично рассмотрела труп Джойс Коттрел. Это я ее нашла, припомните? А вы теперь пытаетесь сделать вид, будто не понимаете, что бедняжка Кумкват изуродована в точно такой же манере, что и Джойс. Итак, первой была Шанель Дэвис, о которой я, признаться, раньше и знать не знала. Зато второй оказалась моя ближайшая соседка по дому. И вот теперь это случилось с кошечкой моей дочери, то есть буквально у меня во дворе. Извините, Марк, но мне необходимы разъяснения.

Энн повернулась к Лоис.

— Я знаю, что вы думаете обо мне и о моей писанине... — начала было она, но Эккерли жестом попросила ее на секунду замолчать.

— То, о чем мы думали вчера, сегодня уже не столь актуально, — произнесла Лоис. — Теперь все выглядит куда серьезнее. Имеет ли этот маньяк что-либо общее с Ричардом Крэйвеном или нет, ясно одно — неизвестный пытается копировать его манеру. Если бы это случилось в другой части города, мы просто прислали бы патрульную машину, чтобы полицейский составил акт о факте жестокого обращения с животным, но после того, что произошло вчера ночью, мы желаем выяснить все обстоятельства дела ничуть не меньше, чем вы.

Энн повернулась к Блэйкмуру, так и не поверив до конца в искренность Эккерли, которая, видимо, просто-напросто хотела ее успокоить.

— Мы вам обязательно позвоним, — поспешил заверить ее Марк. — Никто не собирается выбрасывать вашу кошку в пруд. Ею займется тот же самый специалист, который исследовал трупы Дэвис и Коттрел...

— Дэвис и Коттрел? — переспросила Энн. Ее инстинкт репортера неожиданно снова заявил о себе. — Так вы хотите сказать, что рассматриваете эти два дела как части одного целого?

Марк Блэйкмур и Лоис Эккерли обменялись взглядаами, потом Марк вздохнул:

— Если вы не станете ссыльаться на нас, то я отвечу: вне всякого сомнения. Результаты патологоанатомического исследования не совсем, правда, совпадают для обоих слушаев, но они тем не менее достаточно близки, чтобы можно было поставить вопрос о расследовании серии убийств. И еще — но это уже только между нами, — тут он выразительно посмотрел на тельце несчастной Кумкват, — еще я собираюсь сделать все, чтобы добраться до сути происшедшего с вашей кошкой. Но стоит вам хоть словом обмолвиться о том, что офицер полиции занимается расследованием смерти животного в связи с убийствами Дэвис и Коттрел, и ни один полицейский никогда больше не подаст вам руки. Уж это я могу вам обещать наверное. Запомните — не писать ни единого слова. Ясно?

Энн заколебалась, но потом подтвердила свое согласие кивком:

— Ясно.

Она оглянулась и сразу успокоилась, увидев, что во дворе никого нет, кроме нее и детективов.

— Тогда как быть мне? — спросила она, невольно скользнув взглядом по распростертой на земле Кумкват. — Это что? Предупреждение? Должно ли это означать, что своей следующей жертвой убийца может избрать меня или кого-нибудь из моих детей? — в глазах Энн явственно читалась тревога, отражавшая чувства, бушевавшие в ее душе. Она снова обратилась к Марку Блэйкмуру:

— Честно говоря, я напугана. Очень напугана.

И снова детективу Блэйкмуру пришлось бороться с искушением: ему захотелось привлечь Энн к себе и укрыть от

всех опасностей в своих объятиях. И снова вместо этого ему пришлось выдерживать официальный тон, который используют полицейские в беседах с испуганными обывателями.

— Давайте не будем волноваться заранее. Скоро некоторые вещи более или менее прояснятся. В конце концов это может оказаться чьей-нибудь злой шуткой. Или просто кто-то захотел вас напугать и решил, что, убив вашу кошку, он исполнит свое намерение наилучшим образом. Теперь что касается вашей жизни с настоящего момента. Неподалеку от вашего дома днем и ночью будут разъезжать полицейские машины, и если вас хоть что-нибудь насторожит — любая мелочь, — смело звоните по телефону «911». Я лично могу гарантировать, что в течение минуты к вам придут на помощь.

— Но мои дети, — жалобно сказала Энн — кураж репортера уступил место заботам матери. — Что я скажу им?

— Если бы я оказалась в вашем положении, — предложила Лоис, — то я бы им просто-напросто соврала. Сказала бы, к примеру, что это работа барсука.

Энн собиралась запротестовать, но Эккерли продолжала гнуть свою линию:

— Послушайте, какой смысл пугать детей? Они и так уже получили по первое число. Да и у вас и без этого забот хватит. Завтра мы сможем сообщить вам много нового.

Прежде чем Энн успела задать очередной вопрос, двери черного хода отворились и появился Гленн с белым пластиковым пакетом в руках.

Хотя Энн казалось, что она в какой-то степени предает своего мужа, но с момента его появления во дворике она не могла вымолвить ни слова. Неожиданно для всех во дворике установилось гнетущее молчание. Наконец Энн встряхнулась, оторвала взгляд от останков Кумкват и, повернувшись на каблуках, безмолвно вернулась в дом.

Гленн передал Марку Блэйкмуру пакет для мусора, который он с трудом отыскал на кухне, и почувствовал на себе сверлящий взгляд детектива. Хотя никто не произнес ни слова, все было ясно и так. Гленн отчаянно пытался решить про себя, что же на самом деле произошло. Неужели он и впрямь убил и изуродовал кошку своей дочери?

Но ничего подобного его память не зафиксировала.

Впрочем, нет — в его сознании запечателось одно странное видение. Сон, не более того.

Он находился в абсолютной темноте. Потом в середине пространства появилось яркое световое пятно. В самом центре светового круга происходило нечто непонятное.

Он попытался приблизиться к источнику света, чтобы выяснить, что все-таки происходит, но ему мешало некое препятствие — что-то вроде сгустка мрака, — заслонявшее от него объект наблюдения. Потом он вспомнил, как пытался во сне куда-то продвинуться. Чего ради? Чтобы убежать? Или наоборот, чтобы лучше видеть происходящее?

Он так и не смог вспомнить.

Потом в его памяти всплыл еще один фрагмент сновидения. Красный цвет. Кроваво-красный. Как только в сознании у Гленна появилось воспоминание о цвете, у него зачесались кончики пальцев. Осязание тоже имеет свою память. И вместе с этой памятью в кончиках пальцев возникло ощущение тепла. Даже, пожалуй, жара. По рукам разлился жар и одновременно появилось чувство, будто пальцы окунули в липкую влажную субстанцию.

Гленн содрогнулся — его напугали собственные бессвязные воспоминания, равно как и странное ощущение в кончиках пальцев. Он даже сунул руки в карманы в неосознанной попытке укрыть их от чужих взглядов, но через секунду снова извлек их на свет. В чем все-таки дело? Ведь ему нечего скрывать — он даже и сон не помнил толком.

А ведь весь этот вихрь чувств возник в нем только потому, что Марк Блэйкмур как-то по-особенному на него посмотрел. Посмотрел и пробудил в нем смутное чувство вины.

Гленн почувствовал озноб — и вовсе не потому, что подул холодный ветер.

Кем был тот незнакомый человек во сне?

Может быть, кто-то проник в дом, когда он спал? Он вспомнил предыдущий день и необъяснимое появление электробритвы и удилища. Судя по всему, он их купил, но где и при каких обстоятельствах — оставалось для него загадкой.

Так мог ли он убить Кумкват, а потом благополучно об этом забыть? Невозможно! Он не мог проделать подобное

с Кумкват. Не мог ни при каких обстоятельствах! Это все-го-навсего сон.

А вдруг он просто сходит с ума?

Энн обнаружила Хэдер и Рэтту в гостиной. Ничего не изменилось. Дочь горько плакала, а ее подруга изо всех сил старалась ее утешить.

Кевина нигде не было видно, но Энн отлично знала, что мальчик сидит у себя в комнате у окна и пристально следит за действиями Марка Блэйкмура и Лоис Эккерли, которые уже завершили предварительное расследование и собирались уезжать.

Прекрасно сознавая, что в данную минуту она ничем не в состоянии помочь дочери, Энн отправилась в комнатку, находившуюся рядом с гостиной. Там она без сил рухнула на стул, стоявший перед компьютером, и некоторое время бесцельно обозревала окружающие ее предметы, перебирая в памяти события минувшего дня в тщетной попытке обнаружить рациональное зерно среди обрушившегося на нее потока самых невероятных фактов.

Мысли в ее голове неслись беспорядочным хороводом, зацепиться было не за что. И тогда она решила все записать, чтобы хоть как-то привести в порядок свои взбудораженные чувства и мысли.

Она включила компьютер и стала ждать, когда автономная система самостоятельно проделает все необходимые операции и вызовет из электронного небытия программу «Ворд». Вспыхнул монитор, выяснив привычные параметры программы, но, к большому удивлению Энн, система продолжала функционировать без малейшего вмешательства с ее стороны и спроектировала на монитор очень знакомую рамку, заключавшую в себе, однако, несколько совершенно незнакомых фраз, напечатанных в столбик:

В случае с кошкой потерпел неудачу.

Далеко не все эксперименты заканчиваются удачно,

И тогда гибнут великие открытия.

Постараюсь, чтобы в случае с вами неудача не повторилась.

Как только Энн прочла слова в рамке и осознала их, странное объявление непостижимым образом исчезло. Некоторое время Энн размышляла, действительно она прочла это текст или он ей только привиделся.

Но когда у нее внутри все сжалось от ужаса, она поняла: нет, не привиделось. Все произошло наяву.

Глава 41

Перед номером семь-одиннадцать на Бродвее в ящике лежала целая кипа свежих номеров утреннего выпуска «Геральд». Он порадовался: по крайней мере, ему не придется тащиться к магазину «Центр качественных продуктов», или ЦКП, чтобы раздобыть себе экземпляр. Стоило ему представить огромные буквы заголовка на первой странице, как его тут же начинала бить мелкая дрожь. Нет, неправильно он себя ведет. Слишком возбужден. А вдруг за ним кто-нибудь наблюдает?

Он оглянулся и сразу же обругал себя за это: даже самое элементарное движение могло выдать его нервозность в том случае, если за ним следят.

А всю прошедшую ночь за ним следили, это точно. Сколько раз он поднимался с постели, чтобы посмотреть на улицу в щелочку между шторами. И что он видел? Ничего, если не считать патрульной полицейской машины, разъезжавшей по маршруту.

Что, спрашивается, требовалось этим полицейским? Обычная предосторожность после двух убийств на Капитолийском холме? Или это целенаправленный поиск?

Тогда, может быть, ищут *его*?

Ищут человека по прозвищу «Мясник».

Прозвище он придумал ночью, когда раздумывал над тем, какую статью напишет в его честь Энн Джейферс. Он уже совершил два убийства и, хочешь не хочешь, людям придется наградить его прозвищем. Ведь существовали же на свете и «Сын Сэма», и «Бостонский душитель», и «Убийца с Зеленою речки». У Ричарда Крэйвена, правда, прозвища не было, но оно и к лучшему.

Обрести прозвище — значит сделаться еще более знаменитым, чем Ричард Крейвен.

Итак, его прозвище — «Мясник».

В этом слове чувствовалась скрытая сила, а силу он уважал. Может быть, стоило послать утром записочку Энн и подписаться таким вот образом? Тогда — дня через два-три — в Сиэтле его стали бы называть именно так — Мясником.

Он думал об этом всю ночь, произносил это слово на все лады, перекатывал его во рту, словно камешек. Лежал без сна, свыкался со своим новым именем и ждал наступления утра.

Утром должен был выйти свежий выпуск «Геральд». Он, разумеется, отправился бы за ним с первыми лучами солнца, но с усилением активности полиции это становилось слишком рискованным предприятием. Ему пришлось ждать — ждать того момента, когда в госпитале началась пересменка. Только в этом случае его одинокая фигура не привлекла бы к себе внимания. Вот когда нужно было идти к номеру семь-одиннадцать.

А теперь он опоздал. Теперь покупать там газету слишком поздно и опасно, особенно после того, как он поскользнулся и тем продемонстрировал свою нервозность людям, которые, возможно, следили за каждым его шагом. Теперь ему придется подниматься по Пятнадцатой улице целых три квартала, чтобы выйти к ЦКП.

«Центр качественных продуктов» — вот что это такое. Или «Центр королевских продуктов» — так называли эти магазины на Бродвее. Потому-то он туда и не ходил. ЦКП на Пятнадцатой — совсем другое дело. Там он бывал тысячу раз, поэтому если бы его спросили, отчего он не на работе, он бы ответил, что болен, о чем свидетельствовал его весьма потрепанный вид — бессонные ночи даром не проходят. Кстати, он только что позвонил на работу и предупредил, что заболел гриппом, поэтому в течение ближайших трех дней можно было ссылаться на грипп.

Ему нужно вести себя абсолютно нормально. Нормально и спокойно. Можно даже купить несколько журналов и супу. Он и в самом деле так бы поступил, если бы заболел по-настоящему.

Нужно вести себя по-умному. Он и в самом деле умен — что бы ни думала мать о его умственных способностях. Следует быть предельно осторожным и все тщательно продумывать. Тогда очень скоро он станет знаменитым.

Не менее знаменитым, чем Ричард Крэйвен, а то и более — скажем, как Тед Банди.

Если его, конечно, до этого не поймают.

Оттого-то нельзя просто так уйти от номера семь-одиннадцать. Надо сделать вид, что он пришел сюда за какой-нибудь малостью. С презрением отвернувшись от газетного киоска, он направился в секцию самообслуживания и сделал вид, будто рассматривает обложки журналов на одном из стендов. На самом деле он обследовал помещение магазина на предмет возможной слежки.

Однако, за исключением скучающего кассира, зал был пуст. Тем не менее за ним могли следить через окно с улицы. К примеру, из какой-нибудь машины.

Он отошел от стендса с журналами — лучше всего прикупить их в ЦКП вместе с газетой, — и направился к прилавку. Подхватил коробку мятных пастилок и расплатился за них. Когда он появился в дверях магазина, то сделал вид, что все его внимание сосредоточено на цилиндрической коробке пастилок — он ее распаковывал. На самом же деле он рассматривал автомобили, припаркованные поблизости.

Машины пустовали, кроме одного черного «кадиллака», который — он был уверен в этом — принадлежал мелкому наркоторговцу. По крайней мере, эта машина ему часто попадалась на глаза, а судя по людям, которые постоянно около нее толпились, к полиции она не имела никакого отношения. Забросив в рот мятную пастилку, он перешел на другую сторону улицы и двинулся по Пятнадцатой улице вверх, направляясь в ЦКП. У входа он разжился корзинкой и двинулся в зал в секцию консервированных супов, где прихватил три жестянки с куриным вермишелевым супом. Затем он направился к прилавку кассира. Как он и думал, рядом с кассой лежала пачка «Геральд». Когда он взял из пачки один номер, его руки тряслись — правда, не очень заметно. Он бросил газету на прилавок вместе с номерами «Энквайэрер», «Глоуб» и «Пост-интеллидженсер». Рядом он утвердил три жестянки с супом. Он уже полез было в карман за деньгами, когда кассир вдруг заговорил:

— Вы про убийство слышали?

Сердце забилось как бешеное, руки мгновенно похолодели, а ладони увлажнились.

— Убийство? — пролепетал он вслед за кассиром. Надо было сказать что-нибудь еще. Но что? Знает он, к примеру, об убийстве или еще нет? Ну конечно же, знает! Об этом вчера весь день говорили по радио, а вечером передавали по телевизору в новостях.

— Вы о трупе, который нашли в парке Волонтеров? — спросил он. Нормально получилось. И голос звучаллично, и интонация что надо. Интерес, несомненно, присутствовал, но в меру.

— Она была здесь перед тем, как ее убили, — тем временем сказал кассир.

Колени сразу же ослабли. Когда он начал вынимать бумажник, то не сумел удержать его в дрожащих пальцах и тот упал на пол.

— Черт, — простонал он и нагнулся, чтобы его поднять. Впрочем, это оказалось ему на руку, он получил несколько секунд, чтобы продумать ответ. Кроме того, он, что называется, въехал, и когда вылез из-под прилавка, то смотрел на кассира круглыми от удивления глазами.

— Здесь? — переспросил он. — Вы хотите сказать, что перед смертью она заходила сюда?

Кассир с готовностью закивал. Как только он заговорил снова, стало ясно, ему приходилось пересказывать эту историю как минимум раз десять.

— Она заходила сюда каждый вечер, чтобы выпить чашечку кофе перед тем, как идти домой.

— Вы хотите сказать, что знали убитую? — спросил Мясник, особенно налегая на слово «знали». Таким образом он хотел дать понять этому пустомеле, насколько он, Мясник, потрясен его осведомленностью.

— По правде сказать, я вовсе ее не знал, — быстро заявил кассир и оглянулся. Ему вдруг пришло на ум, что всякий, кто видел убитую за час или два до смерти, автоматически подпадает под подозрение. — То есть я ее видел, конечно, но не чаще, чем все те, кто здесь работает.

Заметив, как разыгрались нервы у кассира, Мясник сразу приободрился и уже совершенно спокойно протянул ему двадцатидолларовую купюру. Дождавшись сдачи, он взял пакет, куда кассир положил газеты и жестянки с супом, и

вышел на улицу. Едва сдерживая нетерпение, он двинулся домой, дав себе слово не прикасаться к «Геральд», пока не окажется дома. Но как он ни старался идти неторопливым шагом, искушение оказалось сильнее, и оставшуюся часть пути он проделал чуть ли не рысью, втайне надеясь, что его примут за человека, опаздывающего на деловую встречу. Через три минуты, которые показались ему вечностью, дверь квартиры наконец захлопнулась за ним, и он выхватил газеты из пластмассовой сумки, хотя при этом на пол выпалились жестянки с куриным супом. Не обратив на выпавшие жестянки ни малейшего внимания, он развернул «Геральд» и принялся тщательно изучать первую страницу.

Но как же так?! Сообщение об этом должны были поместить на первой странице!

Но на первой странице ничего не было. Ничего! Если не считать болтовни о парке, который городские власти собирались разбить в пригороде.

Кому, черт возьми, это интересно?

Он перешел за стол с регулируемым положением столячицы, служивший ему одновременно и рабочим местом, и обеденным столом. Там он принялся просматривать страницу за страницей, причем его негодование возрастало с каждой секундой. Снова ничего!

И только на третьей странице второй тетради газеты он обнаружил то, что искал. Тут уж он дал волю гневу.

Подумать только, куда его засунули!

Как ужасно, что о нем не упомянули ни на первой странице, ни даже на второй!

Он принялся читать заметку, и с каждым прочитанным словом его ненависть к газетчикам находила для себя новую пищу.

В ПАРКЕ ВОЛОНТЕРОВ ОБНАРУЖЕНО ТЕЛО УБИТОЙ ЖЕНЩИНЫ

Сегодня утром в парке Волонтеров был обнаружен обнаженный труп женщины. Жертва, в которой опознали миссис Джойс Коттрел, пятидесяти семи лет, работала сестрой в регистратуре отделения реанимации одного из учреждений общественного здравоохранения на Капитолийском холме.

По заявлению полицейских источников, жертва, которая проживала одна, была зарезана в собственном доме на Капитолийском холме между одиннадцатью часами вечера и четырьмя часами утра. Судя по всему, тело перенесли в парк Волонтеров ближе к утру, где оно и было обнаружено пробегавшей мимо Энн Джессифферс (репортером нашей газеты).

Расследование еще не закончено, но представители сил правопорядка подчеркивают тот факт, что нет никаких причин связывать это преступление со смертью Шанель Дэвис, чье тело было найдено на квартире, которую последняя снимала.

Мясник дочитал заметку до конца и смял газету в бесформенный комок.

У них, значит, «нет причин связывать»?

Как можно печатать такую чушь! Да они хоть одним глазком посмотрели на содеянное им?

Оба убийства похожи. Да что там похожи — они абсолютно идентичны по манере исполнения, если не считать того, что Джойс Коттрел он разделял еще лучше, чем Шанель Дэвис!

Что ж, в следующий раз все будет по-другому. В следующий раз они поймут, с кем имеют дело.

Продолжая исходить гневом, он швырнул скомканную газету на пол. Может быть, ему прямо сейчас выйти на улицу и показать им всем, чего он стоит?! А что? Найти кого-нибудь, пройти за ним до подъезда и...

Нет!

Так серьезные вещи не делаются! Надо вести себя разумно! Сохранять спокойствие и предельную осторожность.

Что бы ни случилось, нельзя давать волю гневу.

Он постарался успокоиться. Через пару минут он накнулся и поднял скомканную газету, расправил страницы и аккуратно вырвал кусочек с оскорбительной для него статьей. После этого он направился к гардеробу, который служил не только местом для хранения одежды, но и тумбой для телевизора. В верхнем ящике гардероба лежала папка, куда он складывал все заметки из газет и журналов,

посвященные Шанель Дэвис. Туда же он положил разгневавшую его заметку.

Завтра же или даже сегодня вечером он купит себе альбом и вклейт туда все статьи в хронологическом порядке.

И еще: в следующий раз он не станет убивать женщину, хотя процесс убийства Джойс Коттрел доставил ему такое удовольствие, которого он не испытывал никогда в жизни.

Он не может позволить себе ни единого проявления слабости.

Он убивает для того, чтобы угодить своей матери.

Убийство — вот что важно, а никак не удовольствие.

Поэтому не стоит вводить себя в искушение. В следующий раз он изберет себе другой объект. И уж никак не женщину.

Он найдет для себя иную жертву.

Начиная с сегодняшнего дня; он будет убивать всех без разбора.

Возможно, что позже, когда он отправится за альбомом, он не ограничится одним только походом в магазин.

Очень может быть, что одновременно он отправится на охоту.

Глава 42

Энн так до конца и не поняла, спала она предыдущую ночь или нет. Наверное, все-таки спала, поскольку утром у нее отсутствовала резь в глазах, являвшаяся верным признаком бессонной ночи. Зато она отлично запомнила, как лежала на кровати, широко раскрыв глаза, созерцала потолок и неустанно думала о странном тексте, появившемся на экране ее компьютера.

Сам по себе механизм этого явления нетрудно было вычислить — злоумышленник мог в ее отсутствие пробраться в дом и загрузить компьютер какой угодно дополнительной программой.

Если же в доме чужих все-таки не было, то такого рода объявление можно было передать через систему «Модем», к которой ее компьютер был подключен.

Вывод напрашивался сам собой — имела место психология атака, только объектом атаки являлся, конечно же, не компьютер, а она, Энн Джейферс, собственной персоной. Кому-то очень хотелось напугать ее до смерти, причем этот кто-то отлично сознавал, что она не станет рассказывать о происшедшем своим домочадцам, поскольку в противном случае ужас поразил бы все ее семейство.

Впрочем, хуже всего было другое: тот, кто убил кошку и ввел зловещий текст в компьютер, очень рассчитывал на панику и раскол в ее семействе. Трудно, знаете ли, выступать единым фронтом против невидимого врага, если существует вероятность того, что он уже проник в ваш дом и там хозяйничает.

Она обыскала свое жилище снизу доверху под тем предлогом, что ей якобы необходимо отыскать коробку, куда она складывала вырезки из газет, посвященные Ричарду Крэйвену. С особой тщательностью она осмотрела чердак и подвальное помещение, но никаких следов постороннего присутствия не обнаружила.

На кухонном столе она, правда, обнаружила искусственно муху для ловли форели. На мгновение ей показалось, будто зеленые крылышки мушки изготовлены из пера Гектора, а мохнатое брюшко — из меха Кумкват, но потом решила, что ей почудилось. В самом деле, кто в их семье был способен на тонкую ручную работу? Конечно же, не Гленн — у него всегда руки росли не совсем оттуда, откуда надо. Об этом свидетельствовала запыленная незаконченная модель парусника, стоявшая на верстаке в подвале. Кевин превосходил отца в этой области, но только самую малость. Он тоже оказался не в состоянии допеть недопетую песню Гленна, то есть доделать многострадальную модель. Тем не менее перед сном Энн обратилась к Гленну с вопросом насчет происхождения мушки. Гленн ответил, что купил ее вместе с удилищем, но что-то в его голосе заставило Энн насторожиться. Стоило ей начать допрос с пристрастием, как настроение Гленна мгновенно испортилось и они едва не поругались в очередной раз.

Он заснул, а она продолжала разглядывать потолок, вспоминая подозрительные взгляды, которые бросали в сторону ее мужа Марк Блэйкмур и Лоис Эккерли после

того, как трупик несчастной Кумкват был извлечен из-под досок настила.

Нет, Гленн не мог убить Кумкват. Не мог, и все!

Так она лежала и думала, снова и снова переживая события последнего дня, пытаясь осмыслить нагромождение бессмысленных ужасов.

Утром она поднялась утомленная, но полагая, что ей удалось-таки забыться сном на пару-тройку часов. Она не показала домашним своего страха, но тем не менее тщательно проинструктировала Хэдер, чтобы та не забыла проводить Кевина в школу, прежде чем бежать в свою собственную. Более того, Энн заручилась обещанием Кевина обязательно дождаться Хэдер после уроков. Тот заспорил, но Энн стояла на своем, словно скала.

Затем, прочитав весьма вольное изложение событий, произошедших с Джойс Коттрел, написанное Вивиан Эндрюс, она рассердилась на свою начальницу и отправилась в редакцию.

Стоило ей войти в помещение «Геральд», как она ощущала остroe чувство разочарования, в котором, правда, ей не слишком хотелось признаваться даже самой себе. Чего, собственно, она ожидала? Газета — это не дамский клуб, и люди здесь работали тертыe. Да к тому же у них просто не было времени, чтобы предаваться страхам, — убийства, и даже серийные, происходили систематически. Тем не менее Энн ждала, что хотя бы один человек из всех сотрудников подойдет к ней и спросит о ее самочувствии, о том, как поживает ее семья. Однако на нее просто не обратили внимания. Именно эта хорошо отработанная бессердечность, являвшаяся не только символом профессии, но еще и своеобразным знаком доблести репортера, не позволила Энн плюхнуться на свое привычное место и приняться муссировать свои переживания. Впрочем, у нее имелись и другие причины не начинать свой рабочий день как обычно.

Зловещие слова, появившиеся на мониторе ее компьютера, требовали немедленной реакции. Одно дело — промолчать дома, но совсем другое — не поставить в известность Вивиан Эндрюс. Собрав в кучу все свои бумаги и заметки, связанные с ускоренной перевозкой грузов, Энн двинулась в кабинет Вивиан Эндрюс, плечом распах-

нула дверь, вошла в кабинет и захлопнула дверь за собой, прежде чем владелица кабинета успела вымолвить хоть слово.

— Насколько я понимаю, ты пришла высказать свои претензии по поводу напечатанной мною заметки об убийстве? — спросила Вивиан с хорошо отрепетированным спокойствием. Она даже не отвела взгляд от монитора, на котором уже проступали очертания будущего номера.

— Дело не в заметке, Вив, — сообщила Энн. — Дело в убийствах. Я написала хорошую статью, честную статью, и собираюсь делать это и впредь, — она швырнула на стол Вивиан ненужные ей больше материалы о строительстве дороги, что заставило редакторшу позабыть на время о компьютере и остановить свой взор на журналистке.

— Правка не совсем корректных статей — одна из моих главных обязанностей, пока я занимаю эту должность, — сказала Вивиан, но когда она взглянула на Энн Джейферс повнимательнее, у нее пропала всякая охота читать нотации. — Энн, с тобой все в порядке? Похоже на то, что ты не спала всю ночь.

— Хотя я немного и вздремнула, но по большому счету ты права, — произнесла Энн и коротко рассказала ей обо всем.

— Убили твою кошку? — с изумлением спросила Вивиан, когда Энн сообщила ей, что приключилось с любимицей семьи. — Бог мой, но кому пришло такое в голову?

Энн скептически покачала головой.

— Ты что, забыла, в каком мире мы живем? Но больше всего меня удивляют люди, которые жалеют кошек больше, чем себе подобных.

Вивиан Эндрюс покраснела.

— Я вовсе не хотела сказать, что... — начала было она, но потом замолчала и откинулась на спинку стула. — Что ж, возможно, ты кое в чем права насчет меня. Но ответьте мне, что думает полиция?

Энн повторила ей почти все, что сказали Марк Блэйк-мур и Лоис Эккерли, но утаила то, что было высказано — и не высказано — о Гленне.

— И еще, — добавила Энн. — В отредактированной тобой статье утверждается, будто полиция никак не связыва-

ст убийства Дэвис и Коттрел, а это не соответствует истине. Они, между прочим, сообщили мне — но только не для печати, — что два этих убийства имеют между собой самую непосредственную связь, установленную экспертизой. Они также сообщили мне, что вскрытие трупа кошки будет делать тот же самый патологоанатом, который работал с трупами Дэвис и Коттрел.

Вивиан Эндрюс с некоторой брезгливостью взглянула на бумаги, которые швырнула на ее стол Энн.

— Судя по всему, ты решила отказаться выполнять мое задание.

— Мне кажется, что вокруг полно людей, которые могли бы взять эту миссию на себя без всякого ущерба для дела.

— Думаю, дело заключается не только в этом, — заметила с некоторой долей иронии Вивиан. — Я, к примеру, знаю с полдюжины репортеров, которые написали бы репортажи о новых убийствах в куда более объективной манере, чем ты.

— Очень может быть. Но есть и еще кое-что, о чем я тебе не говорила.

Стараясь не слишком выдавать голосом свой страх, Энн поведала Вивиан о странном объявлении в рамке, исчезнувшем с экрана монитора почти так же быстро и неожиданно, как оно и появилось.

— Послушай, — сказала Энн, — завершая свой рассказ, — если хочешь, привлеки другого репортера, но только не снимай с дела меня.

Заметив, что начальница заколебалась, Энн удвоила напор.

— Вивиан, уверяю тебя, заваривается весьма серьезная каша. Этот человек не просто копирует Крэйвена. Его усилия в значительной степени направлены против меня лично. Может быть, он просто хочет меня попугать. Но возможно и другое — он где-нибудь увидел мою фотографию и проникся ко мне чувствами, то есть я просто-напросто ему понравилась. Как ты не понимаешь, что мое личное участие в работе позволит нам продать больше экземпляров газеты, чем продают сейчас «Пост-интеллидженсер» и «Таймс» вместе взятые? Только представь себе заголовок, Вив: «Убийца преследует репортера “Геральд”»! Кстати, я

прямо сейчас могу написать кое-что чрезвычайно занимательное, даже не упоминая о выводах Блэйкмура и Эккерли. Пойми, я сейчас в самой гуще событий! Это я нашла Джойс Коттрел! Она была моей соседкой! Мою кошку зарезали с чудовищной жестокостью. И именно на моем компьютере появились зловещие слова, которые, несомненно, ввел туда убийца.

С минуту Энн помолчала, но потом заговорила снова — уже не стараясь изображать спокойствие, которого не чувствовала:

— Послушай, Вив, он же за мной наблюдает! Он сообщил мне об этом открытым текстом! — с каждым словом голос Энн набирал силу. — «Скоро увидимся» — вот что он мне фактически сказал. Очень может быть, что тело Джойс Коттрел он перетащил в парк Волонтеров, поскольку знал, что я там бегаю по утрам.

От неприятных воспоминаний Энн передернула плечами.

— Господи, я все время думаю — сколько это еще будет продолжаться, сколько времени этот человек будет разгуливать на свободе? — Энн снова замолчала под воздействием охвативших ее эмоций: она неожиданно вспомнила, что однажды у нее и в самом деле появилось ощущение, будто за ней следят. Но вот только где это было и при каких обстоятельствах?..

Вивиан ошибочно поняла молчание Энн как знак, что та ожидает от нее принятия решения. И Вивиан его приняла, хотя отлично знала, что поступает неправильно. Все ее инстинкты требовали от нее передать задание другому репортеру. Однако Вивиан также знала, что, раз поверив Энн Джефферс, ей придется идти до конца. В самом деле, когда журналисту представлялась возможность принять участие в расследовании дела, где одной из потенциальных жертв может оказаться он сам? Да, они смогут продать чертову уйму экземпляров — это точно.

— Хорошо, — сказала Вивиан. — Оставайся в деле. Но будь очень осторожна и помни, что каждое слово, которое выйдет из-под твоего пера, я буду проверять лично. Страйся сохранять объективный взгляд на вещи, тогда у тебя все получится. Ладно?

Энн выпрямилась.

— Договорились.

Она направилась к выходу из кабинета, уже составляя в голове список фамилий тех людей, которым следовало позвонить в первую очередь. Но у двери она помедлила и повернулась к Вивиан.

— Спасибо, — произнесла она совсем тихо.

Вивиан Эндрюс смотрела на нее не мигая.

— Энн, я надеюсь, ты достаточно умна, чтобы испытывать чувство страха от происходящего вокруг тебя.

— Так оно и есть, — ответила Энн. — Сейчас вот я напугана больше, чем когда-либо в жизни. Я ведь даже представления не имею, отчего этот человек так на меня взъелся. Какой, спрашивается, вред я могла ему причинить?

— А почему ты думаешь, что все дело в каком-то вреде? — спросила Вивиан. — Возможно, ты здесь ни при чем и все это не более чем цепочка совпадений. Но если это не совпадение, все равно перестань себя упрекать. Все дело в том человеке. Он помешался, и самым причудливым образом.

Энн вернулась к себе и просмотрела ряд сообщений, поступивших в течение последних часов и скопившихся на ее столе. Потом она проверила информацию, полученную с помощью телекса, — ей все казалось, что неизвестный должен каким-то образом передать копию своего послания, которое он передал вчера через компьютер. Она ничего не нашла и ощущала двойственное чувство не то разочарования, не то успокоения. Ни тебе записки, ни тебе ниточки, которая смогла бы навести на след убийцы Шанель Дэвис и Джойс Коттрел. Большинство бумаг относилось к другим текущим делам, и Энн быстро переадресовала их редактору, чтобы та нашла ей замену.

Она уже протянула было руку, чтобы поднять трубку и позвонить Марку Блэйкмуру, но передумала: ее богатый личный опыт свидетельствовал о том, что охотнее всего люди лгут по телефону. В личной беседе Энн могла положиться на свое знание человеческой природы и того особого языка, на котором изъясняется тело.

Находясь с человеком лицом к лицу, Энн умела выявить истину, в телефонном же разговоре подозреваемый во лжи получал возможность соскочить с крючка.

Забрав свое пальто с вешалки, на которую водружали верхнюю одежду владельцы по меньшей мере полудюжины других столов, она закинула на плечо ремешок сумки и, выйдя из здания издательства, направилась в город.

Спустя двадцать минут, не совсем законным образом припарковав свой автомобиль на стоянке — белая краска ограничительной полосы стерлась, но к ней все же могли придраться, — она вошла в подъезд Департамента общественной безопасности и быстро направилась в тесный кабинетик, который делили на двоих Марк Блэйкмур и Лоис Эккерли.

— А их нет, — сообщил проходивший по коридору детектив, когда она совсем уж было собралась постучать в закрытую дверь. Он улыбнулся ей, и глаза его зловеще сверкнули. — Хотите верьте, хотите нет, но они сейчас находятся в кабинете патологоанатома, где все вместе занимаются исследованием останков убитой кошки!

Даже не потрудившись ответить шутнику, Энн развернулась на каблуках и вышла из Отдела по расследованию убийств. Она, правда, мысленно дала себе слово все-таки узнать со временем имя этого детектива и постараться высмеять его в газете при первой возможности.

Добравшись наконец до офиса судмедэксперта, Энн выяснила, что присутствовать при вскрытии Кумкват ей не удастся.

— Но это же кошка! — запротестовала Энн. — Моя кошка! Неужели на это нельзя сделать скидку?

Молодой человек по имени Дэвид Смит, о чем свидетельствовала карточка, прикрепленная к карману его пиджака, отрицательно покачал головой.

— Только не здесь. Правила есть правила. На аутопсии может присутствовать только наш персонал или кто-нибудь, у кого есть разрешение.

— Да бросьте, — сказала Энн и улыбнулась, используя самую обворожительную улыбку из своего арсенала. — Уверена, что в данном случае вы сделаете исключение...

— Никаких исключений, — строго сказал Смит. Он просто сиял от самодовольства и осознания собственной

значимости, что характерно для любого начинающего бюрократа.

Энн ужасно огорчилась, но, понимая, что Дэвид Смит своего решения не изменит, уселась на жесткую скамью, решив просидеть хоть целое утро, если понадобится, но добиться своей цели. Ждать пришлось ровно сорок пять минут. После этого двойные двери, которые вели в лабораторию и куда Энн не допустили, распахнулись, и она увидела Марка Блэйкмура и Лоис Эккерли.

Возникла не слишком приятная заминка, когда детективы встретились нос к носу с журналисткой. С минуту все трое обозревали друг друга, не зная, в какой тональности вести беседу, поскольку их взаимоотношения несколько вышли за рамки официальных.

— Почему бы тебе не подождать меня на улице? — нарушил молчание Блэйкмур, обращаясь к своей партнерше. — Я тем временем выпью с Энн по чашечке кофе и введу ее в курс дела.

Лоис Эккерли окинула Марка пристальным взглядом, хотела было что-то сказать, но потом передумала.

— Тогда до встречи, — произнесла она, коротко кивнула Энн и исчезла за дверями.

Марк провел Энн в небольшую комнату, меблировку которой составляли два стола с регулируемыми крышками, с полдюжины стульев, а также стойка с довольно-таки грязной микроволновой печью и видавшей виды кофеваркой. Достав две кружки из покрытой пятнами раковины, детектив ополоснул их под струей воды, наполнил кофе и протянул одну кружку Энн.

— Кофе, конечно, не самый лучший, но нам никак не удается убедить Старбакса взять шефство над этим вертепчиком. Присядем?

Энн уселась на неуклюжий стул с виниловым покрытием, Блэйкмур оперся о стойку.

— Ну и как наши дела? — спросила Энн. — Что тебе удалось выяснить?

— Ничего определенного, — последовал ответ. — Никто не пожелал согласиться с тем, что кошку убил тот же самый человек, который зарезал Дэвис и Коттрел.

Стоило Энн понять, что ее гипотеза не подтвердилась в результате вскрытия, как она вопросительно подняла бро-

ви и приготовилась обрушить на детектива целый шквал вопросов. Тот, впрочем, жестом остановил ее и продолжил свое повествование.

— Теперь ситуация выглядит следующим образом: мы знаем, что обеих женщин прикончил один и тот же человек. Мы знаем, что Шанель Дэвис впустила его к себе по собственной воле. Вероятно, она сама его подцепила в расчете на заработок. Что касается Коттрел, то мы нашли ключ с отпечатком большого пальца, который принадлежит не хозяйке дома, а другому человеку. Значит, или Коттрел сама дала преступнику ключ, или он нашел его, что более вероятно, в одном из тех мест, куда горожане обычно прячут ключи — под дверным ковриком или в клумбе. Любой может найти ключ, оставленный рядом с домом, правда?

Не став дожидаться согласия Энн, Блэйкмур произнес:

— Как бы то ни было, рассматривать оба преступления как звенья одной цепи нам позволяет только характер нанесенных женщинам ранений. В том и другом случае они практически идентичны. Преступник пользовался ножами, которые он находил на кухнях своих жертв, поэтому разрезы слегка различаются. К такому выводу пришел Космо. Это наш судмедэксперт.

— А как же моя кошка? — спросила Энн, когда Блэйкмур закончил.

— Это совсем другая история, — Энн заметила, как напряглось при ее словах лицо детектива. — Имеется определенное сходство между ранениями, нанесенными обеим женщинам, и характером травм твоей кошки. Но разрезы на кошке... — тут Блэйкмур заколебался, но употребил то же самое слово, которое пришло ему в голову накануне, когда он в первый раз увидел кошачий трупик. — Эти разрезы выглядят куда более аккуратно. Космо говорит, что в данном случае злоумышленник пользовался чрезвычайно острым инструментом — возможно, бритвенным лезвием или скальпелем. Кроме того, он утверждает, что края раны значительно ровнее, нежели в предыдущих случаях.

Марк старательно избегал встречаться с Энн глазами, пока произносил свою речь.

— Космо говорит, что если кошку убил тот же самый человек, который убил женщин, то к тому времени он

научился пользоваться орудием убийства куда ловчее, чем прежде

— Понятно... — протянула Энн. Она была поражена.

— Но Космо также говорит, что кошку мог прикончить совсем другой человек, — закончил Блэйкмур. В его голосе послышались странные нотки, и Энн вопросительно подняла на него глаза.

— Мой муж, к примеру, — договорила за Марка Энн. Она никак не могла забыть молчание, которое установилось во дворе, когда там появился Гленн с пластиковым пакетом в руках. Поскольку Блэйкмур промолчал, Энн решила, что сейчас самое время рассказать детективу о загадочном тексте в ее компьютере.

— Тот, кто убил Кумкват, оставил свой след в моем компьютере, — закончила она свое повествование. — Но тот, кто это сделал, знал о компьютере и программировании значительно больше, чем Гленн. Он умеет работать с парочкой программ, но совершенно не умеет программировать. У нас дома электроника — моя забота.

— Но ведь ты подумала о нем? — наставительно сказал Блэйкмур.

Энн едва не пожалела о том, что рассказала детективу о странных словах, заключенных в рамку, неожиданно возникших на мониторе, но скрывать такую важную информацию она просто не имела права.

— А что мне оставалось делать? — спросила она. — Ведь Гленн находился в доме в течение всего дня, причем в одиночестве, — Энн рассмеялась при этих словах, но смех ее прозвучал несколько зловеще. — Я даже обыскала дом в надежде обнаружить следы пребывания другого человека.

— Но ничего не нашла, — подытожил Блэйкмур.

Энн кивнула.

— Что же дальше?

— Дальше? Обычная рутина, которая практикуется в такого рода случаях, — произнес детектив. Хотя Энн приходилось слышать подобные слова раньше — она, можно сказать, выучила их наизусть, — холодный озноб пронизал все ее тело. — Мы будем продолжать поиски, хотя, признаться, фактов у нас крайне мало.

Марк замолчал, и вместо него тираду завершила Энн:

— И будем ждать, когда он убьет еще кого-нибудь, в надежде, что на сей раз он совершил ошибку.

Блэйкмур утвердительно кивнул, но не добавил ни слова. Молчание затянулось, и Энн решила наконец его прервать.

— А если его следующей жертвой стану я? — спросила она поднимаясь. — Что, если он убьет меня или кого-нибудь из моей семьи?

Неожиданно для самого себя Марк Блэйкмур обнял Энн за плечи.

— Тебя не убьют, — сказал он. — Я этого не допущу.

Энн на секунду захотелось прижаться к могучей груди, но она пересилила себя и отпрянула. Потом она взяла свое пальто и большую кожаную сумку. Вдвоем в полном молчании они вышли из офиса судмедэксперта.

Ни мужчина, ни женщина не могли найти нужных слов, чтобы нарушить молчание.

Глава 43

Гленн Джефферс с самого момента пробуждения понял: с ним что-то не так. Его одолевало странное чувство, пронизавшее, казалось, не только его мозг, но и тело: хотя он отлично спал ночью, сознание не до конца повиновалось ему и он оставался как бы в полусне. Во всем теле Гленн чувствовал непонятное утомление, будто он не отдыхал вовсе. Откуда, спрашивается, такая утомляемость? Ведь он только и делал, что отдыхал с тех пор, как перебрался из госпиталя домой.

Причина, как он считал, заключалась в том, что ему все до чертиков надоело — он самым элементарным образом изнывал от скуки. Он ведь всегда вел активный образ жизни: рано вставал, отправлялся вместе с Энн бегать, а затем проводил целый день на работе, от которой отрывался только для того, чтобы в обеденный перерыв сыграть партию в рэкетбол с Аланом Клейном. После работы он шел домой, запирался в комнатке рядом с гостиной и до вечера чертил, согнувшись над чертежной доской. Если на

дворе стояло лето и темнело поздно, он отправлялся с Кевином в парк, чтобы поиграть с ним в мяч.

Таким образом, к безделью он приучен не был, и поэтому, проснувшись поутру и проводив Энн и детей, он вдруг ощутил, что на него в буквальном смысле слова давят потолок и стены. Гленн пошел на кухню, чтобы прибраться, и там за работой пришел к выводу, что это проявление клаустрофобии. Но, помимо клаустрофобии, он замечал в собственном состоянии и еще кое-что, чему не находилось рационального объяснения.

У него в голове все странным образом перемешалось, и время от времени из этой круговерти всплывали фрагменты странного сна, который приснился ему перед самым пробуждением. Это было одно из тех неприятных сновидений, когда человек осознает, что спит и видит сон, но не может ничего сделать, чтобы избавиться от навязчивых образов, завладевших его сознанием.

На этот раз в его сознании всплывали обрывки ранее пережитых событий. Он видел тело Джойс Коттрел, трупик Кумкват, потом возник образ Марка Блэйкмура, который осуждающе на него смотрел, словно подозревая в убийстве не только несчастной Кумкват, но и соседки. Когда же Гленн наконец сбросил с себя остатки сна, неприятное чувство не проходило. Вокруг него по-прежнему витали смерть и насилие, что живо напомнило ему атмосферу, стоявшую в доме в то время, когда Энн вплотную занималась Ричардом Крэйвеном.

Гленна пронзила еще одна мысль: казалось, после казни Крэйвена жизнь должна была вернуться в привычное русло, но случилось так, что это дело продолжало всплывать снова и снова. Энн, к примеру, никак не могла отделяться от мысли, что между делом Крэйвена и двумя новыми убийствами существует самая непосредственная связь. Поскольку Гленн хорошо знал характер своей жены, он понял, что она такую связь уже обнаружила, — неважно,убедительно выглядела ее версия или нет.

Завершив уборку кухни, Гленн направился в кабинетик: ему вдруг захотелось посидеть хотя бы несколько минут за чертежной доской. Конечно, серьезной работой он не собирался заниматься, а просто сделал бы парочку набросков и немножко подумал бы, глядишь, и подвернулась

бы свежая идея. Но не успел он подойти к чертежному столу, как его взгляд упал на толстенную папку, лежавшую на столе жены:

Это было дело Ричарда Крэйвена — то самое, которое Кевин по его просьбе приносил ему в госпиталь.

С чего это, спрашивается, ему пришла тогда в голову такая блажь? Он даже не мог вспомнить, пролистал он эту папку или нет. Гленн открыл папку и принялся просматривать материалы страница за страницей, но скоро понял, что статьи о Крэйвене ничуть его не интересуют, а к тому же он вовсе и не собирался посвящать их прочтению нынешнее утро.

Чувство невыносимой скуки и пустоты завладело им с самого начала дня и спустя некоторое время трансформировалось в угнетающую клаустрофобию — страх перед замкнутым пространством. Неожиданно он ощутил необуздную потребность выбраться наружу, подальше от давивших на него стен опустевшего дома. Но куда идти? На прогулку?

Не стоит об этом и думать. Несмотря на обещание, данное Горди Фарберу, Гленн терпеть не мог бесцельных прогулок. Ему требовалась цель, чтобы двинуться в путь.

В офис?

Тоже нельзя. Стоит ему там показаться, как Рита Альварес не только отошлет его домой, но еще и нажалуется Энн.

Но отчего, к примеру, не сходить к так называемому «Зданию Джейферса»? С тех пор как его свалила хвороба, он так и не смог ни разу побывать на стройплощадке. Он только посмотрит, как продвигается строительство, и это поможет ему избавиться от депрессии. К тому же если там не окажется Алана, то никто никогда не узнает, что он нарушил предписание Фарбера позабыть на время о работе. Итак, окончательно решив, куда направить свои стопы, Гленн натянул куртку, поскольку утро было пасмурным, и, закрыв дверь на замок, вышел на улицу.

Меньше чем через час он уже стоял на тротуаре через дорогу от того места, где высился остов «Здания Джейферса». Одного взгляда Гленну было достаточно, чтобы убедиться: работа движется в соответствии с графиком; несмотря на то, что его, Гленна, на стройке не было и он не

мог надзирать за строительством. На мгновение он испытал не слишком приятное чувство — казалось, в нем здесь не слишком нуждались. Впрочем, он утешил себя тем, что строительство продолжается, а раз так, то, стало быть, он, Гленн, и работавшие под его началом люди умудрились так хорошо организовать рабочий процесс, что Джиму Доуверу просто не было необходимости обращаться к нему за помощью.

Здание — его здание — тянуло Гленна к себе, словно магнит. Он перешел улицу и через калитку в заборе, огораживающем стройплощадку, проник на территорию стройки, после чего сразу же двинулся к офису, находившемуся в большом трейлере. Разумеется, офис переведут в здание, как только закончится отделка первого этажа и будут подключены электричество и отопление. Молодая женщина по имени Дженни Берки, сидевшая за конторкой, оторвала глаза от лежавшего перед ней бланка наряда и с удивлением посмотрела на вошедшего. Впрочем, через секунду удивление на лице женщины сменилось улыбкой.

— Мистер Джейферс!

— Вот снова решил, так сказать, посетить планету людей, — сказал Гленн. — Хочу посмотреть, как вы без меня справляетесь. Джим здесь?

— Мистер Доувер появится только после обеда, — ответила Дженнни. — Если вы хотите его подождать...

— В сущности, я просто собирался немного прогуляться по стройке, — Гленн со значением подмигнул Дженнни. — Как я смогу определить недостатки в его работе, если он показывает мне только то, что считает нужным?

Взгляд Дженнни потемнел от негодования.

— Мистеру Доуверу скрывать нечего, — заявила она таким строгим голосом, что Гленн тут же задал себе вопрос о степени близости между секретаршей и ее боссом. — Мистер Доувер — настоящий...

— Шутка! — перебил ее Гленн. — Я всего-навсего пошутил.

Некоторое время Дженнни внимательно на него смотрела, не зная, как реагировать на его слова, но потом на всякий случай изобразила на губах улыбку. Гленн воспользовался ее замешательством, надел строительную каску и

выскользнул из офиса, не дав Дженн возможности отрядить с ним сопровождающего.

Несколько минут он провел на первом этаже, а затем по временной лестнице поднялся на второй. Там он попытался оценить качество работ, но вдруг почувствовал, что его неудержимо тянет к лифту.

Интересно, что с ним произойдет, если он поднимется повыше?

Неужели акрофобия, боязнь высоты, которая навалилась на него в тот день, когда его свалил сердечный приступ, снова предъявит свои права на него? Или это просто неоправданные страхи психопата? Пока он стоял и размышлял, стоит ли ехать вверх, рядом с ним звякнула дверца останавливающегося лифта и один из рабочих вопросительно на него посмотрел.

— Рад, что вы вернулись, мистер Джейферс, — сказал он. — Хотите прокатиться на верхние этажи?

Гленн заколебался, но потом принял решение. Это как падение с лошади, подумал он. Если он прямо сейчас не заберется в кабинку лифта и не переборет свой страх перед высотой, то вполне вероятно, что ему уже никогда не удастся преодолеть акрофобию.

— Спасибо, — произнес он, обращаясь к рабочему, и вошел в клеть временного лифта. Рабочий захлопнул за ним дверь, и через секунду вся конструкция пришла в движение, увлекая клеть с Гленном Джейферсом вверх.

Почти сразу Гленн почувствовал сосущую пустоту в желудке, однако ничего не сказал, поскольку был полон решимости в этот день раз и навсегда избавиться от боязни высоты. По мере того, как лифт продвигался вверх, Гленн старался убедить себя, что его высотобоязнь носит надуманный характер, и упрямо смотрел вниз сквозь щели в полу клети на серо-стальную массу бетона, из которой вырастали металлические конструкции будущего здания.

С каждым следующим этажом расстояние между фундаментом и находящимся в лифте Гленном увеличивалось на двенадцать футов, и с каждым футом спазмы в желудке Гленна усиливались. Неожиданно лифт дернулся и остановился, и Гленн на мгновение испытал приступ ужаса. Они застряли! Их заклинило между этажами! Гленна охва-

тило отчаяние, в ушах зазвенело. Где-то в отдалении послышался голос рабочего.

— Подсобные помещения, — объявил работяга. — Здесь мне выходить.

Подсобные помещения! Всего лишь тринадцатый этаж! Гленн вспомнил, что по его указанию рабочие оставляли на этом этаже оборудование и инструменты, чтобы не возить их каждый день вверх-вниз. Итак, всего лишь тринадцатый этаж, а ведь секундой раньше Гленн готов был поклясться, что они вознеслись чуть ли не к облакам...

Чрезвычайно любопытно!

— Я поеду на самый верх, — заявил Гленн, стараясь, чтобы его голос звучал по возможности спокойно. Строитель заколебался. Гленн понял: тот пытается вспомнить, что же случилось с архитектором, когда тот последний раз посещал строительную площадку.

— Может, мне поехать с вами? — наконец спросил рабочий.

Гленн отрицательно помотал головой.

— Ничего со мной не случится.

Однако стоило рабочему удалиться, как Гленн начал подумывать, не свалил ли он дурака. Между тем лифт продолжал подниматься. Наконец он остановился на самом верху, и тут Гленн понял, что одному ему ехать не следовало.

Стараясь изо всех сил перебороть страх, который, казалось, затопил каждую клеточку его тела, Гленн отворил дверцу и выбрался наружу. С тех пор как его свалил сердечный приступ, платформа вокруг шахты лифта значительно увеличилась в размерах. Широкая полоса безопасности с ограждением окружала всю конструкцию по периметру. Надо только держаться подальше от края, и ему ничего не будет угрожать.

Сделав глубокий вдох, Гленн двинулся вперед. Когда до края площадки оставалось пять футов, он остановился. Желудок его сжался в болезненный комок, дышать стало труднее. Сердцебиение Гленна пугающе участилось, но боли в груди и левой руке, которая знаменовала собой начало приступа, он на этот раз не почувствовал.

Ему оставалось сделать всего несколько шагов.

Задержав взгляд на огромных стальных опорах, которым со временем предстояло поддерживать стены небоск

реба, и загадав про себя, что если он коснется их рукой, то приступ пройдет, Гленн сделал первый шаг.

Потом еще один, и еще...

Вытянув вперед руку, он коснулся пальцами холодной стали несущей конструкции, а затем ухватился за толстую стальную балку. Теперь он находился совсем близко от несущей балки.

И от края пропасти.

Его начала бить дрожь, но он старался сдержать ее, не поддаваясь панике, которая стала постепенно охватывать его вновь.

Теперь ему оставалось только посмотреть вниз. Если он посмотрит на бетонное основание здания, лежащее пятью-десятью этажами ниже, тогда все нормально. Это будет означать, что он преодолел страх.

Он подобрался к самому краю и глянул вниз.

В тот же миг все его тело сотряс спазм, лишая его равновесия и толкая в разверстую пропасть. Он почувствовал, как его грудь легла на холодные перила ограждения, и ощутил необоримое, сумасшедшее желание прыгнуть. Он даже на мгновение представил себе, как при этом у него в ушах засвистит ветер, представил ощущение невесомости, которое испытывает человек, находясь в состоянии свободного падения. Стоит ему только отпустить балку и накнуться пониже...

Его пальцы и в самом деле стали разжиматься, тело, сотрясаемое болезненной дрожью, все больше и больше перегибалось через ограждение...

«НЕТ!»

Эта команда, подобно молнии, пронизала его охваченный паникой мозг. Казалось, громовой голос, все еще звучавший в его ушах, раздался прямо с небес. Гленн инстинктивно отпрянул от ограждения и оглянулся, пытаясь обнаружить человека, который одним-единственным словом остановил страшный припадок акрофобии.

Но он никого не увидел.

Голос тем не менее продолжал звучать в его ушах, отдавая новую команду: «ВНИЗ. СИЮ МИНУТУ».

Подчиняясь команде, Гленн направился к шахте лифта. Возвращаясь к лифту, он уже не чувствовал страха.. Лихо-

радка прекратилась, а ноги уверенно ступали по бетону.
Даже пустота в желудке исчезла.

Равно как и осознание того, что с ним происходит.

Глава 44

В это утро Экспериментатор чувствовал себя отлично. В первый раз он ощущал в себе достаточно сил, чтобы раз и навсегда покончить с усыплениями.

Даже вчера, когда Гленн неожиданно начал просыпаться в то время, когда Экспериментатор трудился над кошкой, он, в сущности, даже не очень старался остановить работу Экспериментатора. Поначалу он только наблюдал, но Экспериментатор знал: в каком-то смысле Гленну даже нравилось то, что он видел. Экспериментатор ощущал все эмоции, исходившие от Гленна, когда они вместе, плечом к плечу, продолжали работать над кошкой.

Сначала он ощущал некоторое сопротивление, которое властно заявило о себе тошнотой, зародившейся в недрах желудка. Но Экспериментатор был уверен в том, что долго это не продлится. Вот если бы он трудился над собакой или птицей, тогда другое дело. Экспериментатор отлично понимал, что Гленн недолюбливал кошку. В сущности, он любил ее ничуть не больше, чем сам Экспериментатор, а это значительно упрощало дело, поскольку их совместная антипатия к животному настраивала их на общий лад и заставляла мышление и того, и другого работать чуть ли не в унисон.

От Экспериментатора требовалось лишь усилить, подчеркнуть выработанный совместными усилиями ритм и ту внутреннюю связь между собой и Гленном, которая появилась благодаря их общему неприятию кошки. Экспериментатор работал не торопясь, давая возможность Гленну наблюдать за своими движениями, привыкнуть к тому, что они со временем станут проделывать вместе.

— Все нормально, — шептал при этом Экспериментатор. — Мы не станем ее убивать. Мы только посмотрим, что обеспечивает ее жизненной энергией.

Он почувствовал, как Гленн начал расслабляться, как странное чувство вины, мешавшее стольким людям

осуществить задуманное, стало постепенно ослабевать в нем.

Экспериментатор думал об этом чувстве в ожидании того момента, когда кошка впадет в анабиоз. Понятие вины он воспринимал как абстракцию, а не как реальный побудительный мотив к какому-либо деянию. Для него чувство вины являлось препятствием, которое было необходимо преодолеть, отбросить в сторону, в крайнем случае — обойти.

Никакой вины на самом деле никогда не существовало.

Время от времени он задавал себе вопрос, не является ли абсолютное отсутствие чувства вины в человеке серьезным врожденным недостатком, и признавал — правда, лишь в теории — верность этой гипотезы, особенно в отношении людей, которые лишены такого могучего интеллекта, как у него. О нем нельзя было сказать ничего подобного. Наоборот, отсутствие этого надуманного чувства давало ему неограниченную свободу. Его работа — то есть его эксперименты — никогда не омрачалась так называемым голосом совести. Ничто не призывало его отказаться от дела, интересовавшего его более всего на свете.

В особенности же его занимала одна вещь — единственная, пожалуй, вещь, на изучение которой не жаль было потратить долгие годы, — и называлась она кратким словом «жизнь».

Нет, его не занимали поиски так называемого «смысла жизни» — к такого рода проблемам он потерял интерес еще в детстве, когда раз и навсегда пришел к выводу, что жизнь не имеет смысла.

Она просто есть — и все.

Следовательно, коль скоро отсутствует «для чего», то единственным важным становится «как».

Логически он уже давно себе доказал, что свобода от всяческих условностей и чувства вины позволяет ему, в отличие от других людей, изучать феномен жизни, используя методы, непозволительные для прочих исследователей.

Ничем не скованный, он продолжал свои изыскания.

Накануне он начал обучать Гленна Джейферса умению находить радость в процессе познания, что ему самому удавалось превосходно.

Когда кошка впала наконец в анабиоз, он объяснил Гленну, что смерть животного вовсе не является конечной целью их устремлений. Поэтому когда Экспериментатор начал своим схваченным ножом взрезать кошку от горла до хвоста, он уже знал, что Гленн увлекся происходящим ничуть не меньше какого-нибудь студента-медика, которому доверили лично проводить операцию.

В течение всего эксперимента Экспериментатор чувствовал, как неуклонно возрастает интерес Гленна к происходящему. Когда их взорам предстало открытое бьющееся сердце живого существа, он мог одновременно с Гленном ощутить радость вновь посвященного.

— Прикоснись к нему, — прошептал Экспериментатор.

Вместе они принялись дотрагиваться до пульсирующего кошачьего сердца. Тогда-то все существо Экспериментатора и пронзила острая радость, наполнившая его небывалым доселе возбуждением, поскольку на сей раз он испытал удовольствие не только от собственных ощущений, но получал его дополнительно, присваивая себе эмоции Гленна.

Он впитывал в себя жар самого бытия.

Энергия сжимавшейся и разжимавшейся мышцы заставила его дух воспарить.

Незабываемое ощущение в кончиках пальцев в момент прикосновения к святая святых самой жизни сводило его с ума.

Они продолжали эксперимент вместе до того момента, когда сильное сжатие вызвало остановку органа. Экспериментатор изготовил примитивный дефибриллятор, срезав изоляцию с кончика удлинителя, висевшего на вколоченном в стену гвоздике, но дефибриллятор не помог.

Опыт снова закончился неудачей, несмотря на все усилия Экспериментатора пробудить кошачье тельце к жизни. А уж он трудился не за страх, а за совесть, пытаясь с помощью собственного дыхания наполнить легкие кошки. Дважды сердце животного начинало было трепетать снова, но нерегулируемая энергия, исходившая из самодельного дефибриллятора, испортила все дело. Вместо того чтобы сообщить сердцу кошки нужный ритм, доморощенный инструмент довел животное до смертных конвульсий.

Стоило Экспериментатору начать сердиться, как он тут же почувствовал негативную реакцию Гленна. Когда под конец кошка все-таки умерла — она была слишком исхромсана, чтобы жить дальше, — Экспериментатор ощутил во всей полноте начинавшийся бунт.

Тогда Экспериментатор срочно усыпал Гленна и стер из его памяти почти все, чему тот стал свидетелем. Но гнев Экспериментатора от этого лишь усилился. Он погрузил руку глубоко в тело кошки и вырвал сердце и легкие животного из их окровавленного вместилища, чтобы все могли видеть лишь глубокую темную каверну на том месте, где они раньше находились.

Схватив скальпель, Экспериментатор принялся кромсать внутренности животного — при этом свет яркой лампы дневного света голубым пламенем отражался от полированного стального лезвия. Потом, закончив работу, Экспериментатор прибрал за собой и постарался избавиться от кошачьего трупика: отнес его во двор и положил под доски настила, на котором стояли мусорные ящики. Впрочем, тельце кошки можно было заметить без труда, поскольку он скрыл его под досками лишь наполовину. Затем он вернулся в подвал и окончательно навел там порядок, тщательно уничтожив следы происходившего там эксперимента. После этого он оставил послание для Энн, устроив так, чтобы оно появлялось на мониторе лишь на краткое время, позволявшее только его прочитать, а потом сразу же исчезало.

И лишь завершив все дела, Экспериментатор позволил себе отдохнуть, избрав для этого спокойный уголок в сознании Гленна. Он не беспокоил Гленна до того крайне неприятного момента, когда приступ акрофобии едва не лишил жизни их обоих.

Экспериментатор не имел намерения умирать.

Ни сейчас, ни потом.

Поэтому он вмешался, взял в свои руки бразды правления и оттащил Гленна от края бездны.

Он вошел в лифт, с минуту изучал кнопки на пульте, а затем нажал на одну из них, ту самую, которая обеспечила ему спуск. Механизмы заработали, и кабина заскользила вниз. Экспериментатор спокойно смотрел сквозь щели в полу на суетившихся внизу букашек-людей, недоумевая,

отчего высота пугает стольких представителей рода человеческого.

Для него лично она не значила ничего.

Вежливо кивая каждому, кто здоровался с ним, Экспериментатор покинул строительную площадку. Остановившись на углу, он обратил внимание на газетный киоск. Сунув руку в карман Гленна, он выловил несколько монеток и купил себе номер «Геральд», после чего огляделся в поисках какого-нибудь кафе. Углядев заведение Старбакса, он прошел еще сотню шагов и купил себе чашку отличного кофе, после чего принялся просматривать газету. На третьей странице второй тетради он обнаружил репортаж Энн.

Сразу же, впрочем, выяснилось, что материал подвергся строжайшей редактуре: в заметке не было ни слова о имитаторе, не говоря уж о нем самом. И никаких выводов.

Над материалом основательно потрудилась чужая рука.
Но отчего?

Чего они, собственно, боятся?

Неужели имитатора?

Но ведь этот имитатор — полнейшее ничтожество.

Экспериментатор швырнул газету в урну.

Полиция будет неделями высматривать человека, зарезавшего шлюху неподалеку от Бродвея и женщину, жившую рядом с домом Гленна.

Экспериментатор отлично знал, кто это сделал.

Он даже знал, что явилось мотивом убийств.

Это были самые настоящие убийства — бессмысленные и примитивные. Тому, кто совершил их, они не принесли новых знаний, не прояснили для него сущность вещей. Этот человек убивал ради самого убийства.

Хуже того, он убивал, чтобы привлечь к себе внимание.

Экспериментатор думал об этом с того самого момента, когда опознал злодея, тащившего тело зарезанной им Джойс Коттрел через задний двор по направлению к парку. Некоторое время Экспериментатор раздумывал, но потом понял, что надо делать.

До тех пор, пока это ничтожество будет продолжать свою грязную работу, люди будут умирать только для того, чтобы прославить этого кретина. Бессмысленная растрата человеческого материала.

Совершенно бессмысленная, как ни смотри.

Но была и еще одна причина, по которой Экспериментатор решил взвалить на себя заботы полиции, судов и плача. Эта причина имела непосредственное отношение к стилю, который практиковал Экспериментатор, к его чувству юмора, к той иронии, с которой он относился к миру. Справедливость восторжествует, и Энн — в самом конце — поймет, в какую фантастическую игру ее вовлекли.

Опустив монетку в прорезь автомата, находившегося на задворках кафе, Экспериментатор набрал номер по памяти. В трубке прозвучало три гудка, после чего откликнулся знакомый голос.

— Алло? — сказал голос, в котором явно ощущалась нервозность.

Экспериментатор промолчал.

— Алло? — повторил голос. На этот раз в нем слышался неприкрытый страх.

Экспериментатор отлично знал, почему так нервничал человек на другом конце провода.

На самом деле он знал много больше — знал, к примеру, где этот человек живет, знал, что он не вышел на работу.

Экспериментатор решил нанести ему визит.

Для этого, правда, необходимо было кое-чем запастись.

Экспериментатор вышел из кафе, взял такси и отправился на Бродвейский рынок.

Там он начал подбирать все необходимое.

Он купил ручку из тех, что продавались на каждом углу.

Бумагу для заметок, которую тоже можно было купить где угодно.

Перчатки — самые простые, вязанные из ниток. Такие может носить кто угодно.

Рулон прозрачной пластиковой пленки.

Заплатив за все наличными из бумажника Гленна, Экспериментатор покинул рынок и двинулся в южном направлении. Он шел не торопясь — не слишком быстро, но и не слишком медленно, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Анонимность, как он успел понять задолго до этого момента, является лучшей защитой.

Наконец он оказался на Джон-стрит, затем свернул налево и пошел по направлению к Пятнадцатой восточной.

Десять минут спустя он уже стоял напротив дома, где жил человек, которого он намеревался убить. Взглянув на окно на втором этаже, он увидел мужчину, смотревшего на улицу.

Мужчина явно нервничал.

Он смотрел прямо на него.

И, конечно же, его не узнал.

Экспериментатор улыбнулся, пересек улицу и вошел в дом.

Глава 45

Когда Мясник прочитал заметку в «Геральд», он сразу же начал строить планы, которые через некоторое время обрели вполне законченные очертания.

Следующей его жертвой станет мужчина — он окончательно решил остановиться на этом варианте. Кроме того, он знал, где можно найти подходящий материал: мужчины во множестве разгуливали по Бродвею, заходили за покупками в ЦКП или шлялись по Бродвейскому рынку. Многие сидели в маленьких кафе, разбросанных по обеим сторонам улиц, и распивали кофе, со значением поглядывая друг на друга. Мясник хорошо знал эти игры и даже их правила, поскольку, проходя мимо, он всякий раз наблюдал за действиями этих людей. Один — вроде бы случайно — шел по улице навстречу другому. Стоило им разминуться, как первый, пройдя несколько шагов, поворачивал голову и смотрел второму вслед. Если второй тоже оборачивался, то между ними начиналась оживленная беседа и через несколько минут они удалялись вместе. Иногда же один из них оглядывался и улыбался, но продолжал идти. Второй останавливался и пристально смотрел на уходившего. Если уходивший снова оглядывался или принимался рассматривать свое отражение в витрине, то второй быстрым шагом его догонял.

Дважды Мясник шел за такими мужчинами, чтобы узнатъ, как у них все сложится, и хорошо изучил их манеру ухаживания. При этом, разумеется, он старался оставаться незамеченным.

Пару раз увязывались и за ним, но он оба раза уходил от преследования, укрываясь за дверями магазинов или аптеки Бартелла. Там он с отсутствующим видом бродил среди полок, давая тем самым понять своему преследователю, что он — птица другого полета.

Итак, сегодня он должен вступить с этими парнями в игру.

Отправляясь в магазин за альбомом, он должен одновременно понаблюдать за прогуливающимися по тротуару мужчинами и выбрать подходящего, после чего необходимо двинуться за ним следом. Важно, чтобы будущая жертва не оказалась слишком велика ростом — парень среднего роста, примерно как у него, подойдет как нельзя лучше. Нельзя также выбирать слишком сильного. Впрочем, все эти условия совсем нетрудно соблюсти — мужчину подцепить куда легче, чем какую-нибудь Шанель Дэвис. А уж когда они придут на квартиру к парню и тот начнет свои ухаживания — тогда настанет время действовать.

Репутация Мясника взлетит на недосягаемую высоту.

Одна только мысль о предстоящем безмерно возбудила его. Повинуясь неожиданно нахлынувшему на него вдохновению, он решил проделать с будущей жертвой то же самое, что он проделал с Джойс Коттрел позапрошлой ночью. Это возбудило его еще больше. Он даже начал чувствовать нарастающее напряжение в паузе, когда зазвонил телефон. Этот резкий и совершенно неожиданный звук настолько поразил его, что он едва не выронил банку кока-колы, из которой отпивал по глотку.

— Это ты? — строго спросила мать, когда после третьего гудка он поднял трубку. Презрение, сквозившее в ее голосе, заставило его желудок болезненно сжаться. Неужели она узнала, что ему удалось совершить? Но каким образом? Мать заговорила снова, и его страхи несколько улеглись.

— Я звонила в агентство «Боинг», — сказала она. — Там мне сообщили, что ты опять не пришел. Ты здоров?

— У меня все отлично, ма, — ответил Мясник, но сразу же вспомнил, что сказался на работе больным. — То есть я самую малость приболел, но теперь мне значительно лучше.

— Я звонила тебе, но никто не подходил, — недовольным тоном сообщила мать. — Ты что, к врачу ходил, что ли?

— Нет, ма, — ответил он, вернувшись мыслями в детство, когда мать точно так же обвиняла его в симуляции и нежелании ходить в школу, хотя градусник, торчавший у него изо рта, показывал температуру 102 градуса по Фаренгейту. — Я ходил в ЦКП, ма, и купил себе супу. Куриного супу с вермишелью.

— Только не проси меня зайти и разогреть тебе суп, — заявила мать. — Разве ты не читал утренние газеты?

Его сердце забилось как сумасшедшее.

— И что там?

— Заметка про одну женщину. Про ту самую, которую ты на днях убил. Ты знал ее?

Грудь Мясника словно стянуло поперек металлической лентой.

— С какой это стати я должен ее знать? — спросил он прерывающимся голосом, хотя изо всех сил старался говорить спокойно.

— Она работала через дорогу от тебя, верно? И жила от тебя совсем недалеко.

У него застучало в висках.

— Я не знал ее, ма. И ничего ей не делал. Клянусь тебе, что я не причинил ей вреда! Очень прошу тебя, оставь меня в покое!

Едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, он повесил трубку. Бравада, распирившая его несколько минут назад, испарилась без остатка. Да, но как она узнала? Станет она звонить в полицию или нет?

Конечно же, станет. Ведь она его не любит. И никогда не любила. Она всегда любила только его брата!

Он стал ходить туда-сюда по комнате, пытаясь решить, что делать дальше. Когда телефон зазвонил снова, он замер на месте, где находился — в противоположном конце комнаты, наискосок от громко звонившего аппарата. Все его тело в одно мгновение покрылось ледяным потом — в какой-то момент ему даже показалось, будто на него вылили сжиженный газ. Ноги отказывались ему служить.

Отвечать на звонок или оставить все как есть — пусть себе звонит?

А если это снова его мать?

А если это полиция? Что, если мать уже позвонила им, а они теперь звонят ему? Нет, они звонить не станут, верно? Если он им понадобится, они просто придут и заберут его, ведь так?

Значит, если это не полиция, то это его мать — больше ему никто никогда не звонил!

На все еще подгибающихся от страха ногах он подобрался к телефону и поднял трубку.

— Алло?

Никто не ответил.

— Алло?

В трубке послышался щелчок. Это означало, что на другом конце провода повесили трубку.

Ужас снова охватил его. Его первым побуждением было броситься прочь из квартиры, потом залезть в машину и ехать куда глаза глядят. Главное — подальше от Капитолийского холма, полиции и собственной матери. Прочь из Сиэтла. Но если ехать, то куда? В сущности, бежать ему было некуда.

Кроме того, полиция уже, возможно, рядом и в данный момент окружает здание, дожидаясь лишь момента, когда он появится. Он подошел к окну и посмотрел на улицу. Сердце колотилось так, что его стук отзывался у него в ушах.

Улица выглядела вполне мирно.

Но этого, собственно, и следовало ожидать. Вряд ли полицейские станут разгуливать у него перед окнами. На-верняка они припарковали машины в переулке и сами прячутся где-нибудь поблизости.

Тяжело вздохнув, он отвернулся от окна. Он должен думать, как ему выбраться из этой передряги. Итак, о чем могла рассказать полицейским его мать?

Он начал снова прохаживаться по комнате. Теперь его жилье казалось ему более тесным, чем раньше. Стены в прямом смысле слова стали давить на него, а потолок завис, казалось, над самой макушкой. Он начал задыхаться и уселся в кресло — старое кресло модели «Лэз-бой», обитое потертым и запачканным велюром. Это кресло он приобрел в магазине подержанной мебели десять лет назад. Теперь, усевшись, он попытался расслабиться и успокоиться.

Мыслями он снова и снова возвращался к содеянному —
поначалу с Шанель Дэвис, а затем с Джойс Коттрел. Он
очень старался быть осторожным. Но вдруг он тем не ме-
нее оставил-таки отпечатки пальцев?

В доме Джойс Коттрел он старался ни до чего не дотра-
гиваться. Или все-таки дотронулся? Господи, как трудно
все держать в голове! Но вспомнить было просто необхо-
димо.

Его тело начало чесаться — теперь он уже не мог сидеть
неподвижно. Он снова вскочил и кинулся к окну. Отогнув
штору, он принялся обозревать улицу.

Через дорогу от его дома стоял человек! Он стоял и
смотрел прямо на него! Подумать только — прямо на него!
Неужели этот человек его знает?

Как только незнакомец начал переходить улицу, Мяс-
ник мгновенно отпрянул от окна в глубь комнаты.

Его грудь снова сильно сдавило — еще сильнее, чем при
разговоре с матерью. Холодный пот скапливался у него
под мышками и стекал по телу.

Снова подступила тошнота. Кроме того, он почувство-
вал сильнейший позыв к дефекации. У него явно начинал-
ся понос — с желудком и кишечником творилось что-то
невообразимое.

Согнувшись от боли в животе, он двинул было в ван-
ную комнату, как вдруг услышал стук в дверь и замер.

В его мозгу одна за другой стали прокручиваться сцены,
так хорошо знакомые ему по полицейским боевикам, ко-
торые крутили по телевизору.

Неужели они выбьют двери?

Или станут стрелять через дверные филенки?

Он издал сдавленный стон, когда представил себе, как
пуля сорок пятого калибра проходит сначала сквозь дере-
во, а затем входит в его плоть, разрывая внутренности.
Испугавшись этой чудовищной боли, он решил не риско-
вать и открыть дверь, не дожидаясь, когда ее станут ло-
мать.

Распахнув дверь, он обнаружил за ней того самого че-
ловека, который за несколько минут до этого в упор рас-
сматривал окна его квартиры. У мужчины было довольно
приятное лицо с правильными чертами.

Оно совершенно не походило на лицо полицейского.

Мясник пошевелил губами, пытаясь заговорить, но у него ничего не получилось.

Незнакомец смотрел на него, и его взгляд, казалось, проникал в самую его душу. Неожиданно Мясник осознал, что знает этого человека, что уже видел его где-то раньше...

Минуты проходили в молчании, а Мясник и незнакомец продолжали созерцать друг друга. Наконец Мясник узнал неожиданного посетителя. Это был муж Энн Джейферс! Он видел его позавчера, когда следил за домом Джойс Коттрел. Но Джейферс его не заметил — Мясник был абсолютно уверен в этом!

Потом в лице Джейферса произошли неуловимые изменения, и Мясник вздрогнул от ужаса — он узнал эти глаза, столь пристально его рассматривавшие.

Он узнал глаза своего брата!

Но было уже совершеннейшим сумасшествием так думать! Джейферс ничуть не походил на его брата!

Кроме того, его брат умер!

Гленн Джейферс заговорил, и ужас в душе Мясника достиг своего апогея.

— Привет, человечек, — произнес Гленн голосом его брата. Он назвал Мясника тем самым прозвищем, которое тот ненавидел всю свою жизнь. — Ты плохо вел себя, человечек, и вот я пришел, чтобы тебя наказать.

Мысли в голове у Мясника закрутились в бешеном хороводе. Ведь это невозможно! Этот человек никак не мог быть его братом — он выглядел моложе, имел совсем другую внешность, да и комплекцией отличался от брата.

Но тем не менее перед Мясником стоял его родной брат!

Голос, несомненно, принадлежал брату, да и глаза смотрели со знакомым холодным прищуром.

Даже слова, которые произносил лже-Джейферс, могли принадлежать только его брату.

Рори Крейвен, сотрясаемый приступами ужаса, невольно попятился перед новым воплощением своего старшего брата.

Ричард Крэйвен — он же Экспериментатор — сделал шаг вперед и проник в жалкую квартирку Рори, после чего тихо прикрыл за собой дверь.

Глава 46

Эдна Крэйвен услышала в трубке по меньшей мере двадцать гудков, прежде чем положила ее на рычаг. Когда Рори терзали депрессии, он иногда подолгу не отвечал на телефонные звонки — по крайней мере, до тех пор, пока окончательно не убеждался в том, что мать от него не отстанет. Но теперь она уже в пятый раз набирала номер сына, и все безрезультатно. Эдна, признаться, начала нервничать. В конце концов, сын дал ей понять, что неважно себя чувствует. Его голос вовсе не походил на голос больного, но как знать? Несмотря на то, что младшенький, в отличие от Ричарда, частенько симулировал, Эдна все же волновалась.

Итак, сын не поднимает трубку — или по причине болезни, или потому, что его просто нет дома. Если бы он оставался дома, ему пришлось бы отвечать не только на ее звонки, но и на звонки из офиса фирмы «Боинг», которая любезно предоставила Рори постоянную работу. Если Эдна все-таки решится проведать младшенького, тому было бы лучше сидеть дома, а не шляться по улицам, в противном случае Эдна могла заставить ему настоящий скандал. Эдна всегда считала себя хорошей матерью, что бы там ни говорили другие, и поэтому выбора у нее не оставалось. Рори ничего из себя не представлял, но он был теперь единственным ее достоянием.

Она вышла из дома в час, а в начале третьего вышла из автобуса у больницы, после чего прошла пешком примерно квартал до многоквартирного дома, где жил сын. С каждым шагом ее раздражение возрастало. Ну почему младший сын хотя бы отчасти не походит на Ричарда, который за всю свою жизнь не доставил ей ни одной неприятной минуты?

Мученик — вот кто такой ее Ричард. Самый настоящий христианский мученик!

Эдна молилась за Ричарда много раз, и всякий раз после молитвы ее посещала одна-единственная мысль: Ричард — невинный агнец, которого злые люди обрекли на смерть. Одна лишь мать беззаветно верила в своего первенца. Что ж, когда-нибудь правда выйдет на свет. В конце концов, разве после смерти Ричарда убийства прекратились? Всего неделю назад убили женщину в Бойлстоне. Нельзя сказать, чтобы Эдна слишком сожалела о несчастной жертве — ведь та, как ни крути, оказалась шлюхой. Но вот лишь пару дней назад зарезали женщину, которая жила на той же улице, что и Рори. Причем и ту, и другую убили одним и тем же способом, а ее Ричарда обвинили именно в такого рода убийствах. Вот если бы они не поторопились казнить Ричарда, то сейчас правда выплыла бы наружу и он вернулся бы домой к ней под крыльышко. Но теперь уже слишком поздно. Тяжело вздохнув от одолевавших ее печальных мыслей, Эдна отворила входную дверь дома, где жил ее младшенький, вошла в подъезд и по крутой лестнице поднялась на второй этаж.

Остановившись на лестничной площадке, чтобы перевести дыхание, она с отвращением окинула взглядом плохо освещенный коридор. Краска на стенах облупилась, жалкий истертый коврик, покрывавший пол коридора, разлохматился и загибался по углам. За какие грехи Господь послал ей сына, готового жить в таком месте? Раньше она уже говорила ему, что ей стыдно приходить в эту трущобу, но сегодня разговор придется возобновить. Если ее сын не сделает соответствующих выводов, то ноги ее больше в этом доме не будет!

Тяжело переваливаясь с ноги на ногу, она подошла к двери младшенького и подняла руку, чтобы постучать. Однако тут же выяснилось, что дверь не заперта. Насколько это в духе Рори — отправляться на прогулку, позабыв запереть за собой дверь. Приходи кто хочет и выноси себе вещи на здоровье! Широко распахнув дверь, Эдна вошла в квартиру.

— Рори?

Ответа не последовало, и Эдна растерялась. Она чувствовала, что в комнате кто-то есть. Выругавшись, она направилась в ванную, привлеченная ее полуоткрытыми

той дверью. Однако стоило ей приблизиться к дверному проему, как она остановилась, словно пораженная громом.

Грязно-бежевые стены ванной, которые Рори так и не удосужился покрасить, были сплошь покрыты ярко-красными пятнами.

Пожалуй, даже кроваво-красными.

— Рори? — снова позвала Эдна, но на этот раз ее голос звучал куда тише и в нем не было прежнего раздражения. Казалось, Эдна уже поняла, что произошло в квартире сына. — Рори? — повторила она. — Это мамочка. Она пришла, чтобы о тебе позаботиться.

Словно сомнамбула, Эдна перешагнула порог ванной комнаты, заранее ужасаясь тому, что ей предстояло увидеть, но не имея сил не войти. Когда она сумела наконец рассмотреть в деталях то, что находилось в ванной, ее внутренности словно сжало железной рукой. Она бросилась к рукомойнику, и ее тут же стошило в раковину. Только когда у нее в желудке ничего не осталось, она смогла перебраться из ванной в ту единственную в квартире комнату, где умер ее младший сын. Оттуда она позвонила в полицию.

Глава 47

— Бог мой, — только и сказал Марк Блэйкмур, когда увидел изуродованное тело Рори Крэйвена. — Похоже, весь мир сошел с ума.

Они вместе с Лоис Эккерли в очередной раз просматривали дела об убийствах Шанель Дэвис и Джойс Коттрел, пытаясь выяснить, что общего могло быть между этими столь разными женщинами. Общий знакомый? Или дальний родственник? Возможно, какое-нибудь случайное знакомство? Они обсуждали все это, когда поступил вызов.

И вот теперь перед ними в ванной дешевенькой квартиры лежало обнаженное тело Рори Крэйвена, младшего брата того самого человека, чьи преступления копировал неизвестный, убивший Дэвис и Коттрел.

Как и у обеих женщин, грудь Рори Крэйвена была взрезана, а сердце и легкие вырваны. Но, в отличие от предыдущих убийств, то, что проделали над телом Рори Крэйвена, отличалось почти хирургической точностью исполнения. Кроме того, Рори Крэйвену перерезали горло, чего также не наблюдалось в случаях с Шанель Дэвис и Джойс Коттрел. Кровь в квартире можно было увидеть везде. Она лужицами запеклась на ковре, темными пятнами застыла на полированной поверхности предметов обстановки, красными разводами засохла на стенах. Было совершенно ясно, что Рори Крэйвен умер далеко не сразу. Из того, что увидели полицейские, нетрудно было сделать вывод, что, даже получив ранение, он имел возможность передвигаться по квартире. Тем не менее следов, которые говорили бы о борьбе, не наблюдалось. Мебель оставалась на месте, не было видно осколков разбитой посуды. Исходя из расположения предметов и многочисленных кровавых следов, само собой напрашивалось заключение, что убийца Рори Крэйвена сначала перерезал ему горло, а потом стоял и наблюдал, как смертельно раненный человек метался по квартире, пока не истек кровью. Тем не менее, принимая во внимание ужасные раны, нанесенные жертве, и тот факт, что Рори не умер сразу, можно было надеяться, что отыщутся люди, которые видели или слышали хоть что-нибудь.

Как только группа судмедэкспертов приступила к работе, пытаясь отыскать улики, которые, возможно, убийца Рори оставил на месте преступления, Марк Блэйкмур начал утомительную проверку квартир, находившихся по соседству. Большинство обитателей дома во время убийства наверняка находилось на работе, но у Марка сложилось впечатление, что в дешевых многоквартирных домах всегда имелись жильцы, покидавшие свои жилища только для покупки продуктов. Лоис Эккерли сидела на краешке дивана, на котором, разметавшись, лежала Эдна Крэйвен, пытавшаяся прийти в себя после того, что ей пришлось увидеть.

— Может быть, вызвать врача? — спросила Лоис. Лицо Эдны поражало своей бледностью, но позже Лоис вспомнила: мать Ричарда Крэйвена, которую она допрашивала по меньшей мере четыре раза за последние не-

сколько лет, всегда отличалась удивительно бледной кожей.

— Чем врач может облегчить скорбь матери? — в свою очередь спросила Эдна, промокнув глаза скомканным носовым платком, отыскавшимся в недрах ее сумки.

— Тогда расскажите мне, что здесь произошло.

Эдна беспомощно пожала плечами.

— Сегодня утром он неважно себя чувствовал. Потом я снова позвонила ему, но он уже не брал трубку. Тогда я решила к нему заехать. Как-никак он мой сын, — добавила Эдна, словно оправдываясь в том, что приехала к Рори. — А что еще мне оставалось делать?

Лоис дважды просила Эдну повторить показания, но та твердила одно и то же вплоть до мелочей. Выяснилось, что Эдна не знала точно, когда села в автобус, и не помнила, какой именно номер довез ее до Пятнадцатой улицы. Впрочем, Лоис Эккерли уже давно для себя решила: люди, которые слишком хорошо помнят детали, большей частью оказываются лгунами. Лоис уже заканчивала беседу, когда Марк Блэйкмур поманил ее к себе. Оставив Эдну на диване, Эккерли вышла вслед за Марком в коридор.

— Никто ничего не слышал, — сообщил ей Марк. — Я обнаружил двух жильцов, которые не выходили из дома весь день. Судя по всему, они не страдают глухотой. Если Крейвен и в самом деле сопротивлялся, то почему никто не слышал шума? Поверь мне, дама из квартиры 2Б наверняка вызвала бы полицию, случись здесь какая-нибудь потасовка. Как-то это все не вяжется: если Крейвен не сопротивлялся, то почему вся квартира перепачкана кровью?

Лоис Эккерли задумалась над этим вопросом, но тут в коридоре появился один из экспертов.

— Хотя бы эту проблему вы разрешите без труда, — промолвил он и вручил Блэйкмуру прозрачный пакет, в котором находился листок желтой бумаги, при ближайшем рассмотрении оказавшийся бланком почтового уведомления. На бланке кто-то написал от руки несколько строк.

— Эта штука была приклеена к холодильнику, и мы поначалу приняли ее за список купленных товаров.

Блэйкмур прочел послание и без комментариев передал его Лоис.

*Ненавижу имитаторов. Особенно бездарных.
Убивать людей по причинам, по которым это
делал Рори, не просто аморально.*

*Это расплата — бессмысленная и ужасная.
Вот почему я решил положить конец
этой резне.*

*Сомневаюсь, что найдутся люди, которые
пожалеют о его кончине. В любом случае он ни-
когда не стал бы Мной, как бы ни старался.*

— Надеюсь, глаза меня не обманывают? — спросила Лоис Эккерли, дочитав послание. — Автор записки утверждает, будто Рори убил Дэвис и Коттрел. Но ему-то откуда это знать? Даже у нас нет абсолютной уверенности в том, что оба убийства совершил один человек. До сих пор мы рассматривали такой вариант как одну из гипотез...

— Теперь эту гипотезу будет не слишком трудно проверить, — закончил за нее Блэйкмур. — У нас имеются не-плохие отпечатки пальцев правой руки с рукоятки ножа в доме Коттрел и другие, правда, несколько смазанные, с кухни Дэвис. Если и те, и другие совпадут с отпечатками пальцев Рори, это будет означать, что мы попали в цель.

Блэйкмур с отвращением потряс головой:

— Нет, согласись — этот мир и в самом деле катится в пропасть. Один подонок считает, что другой подонок поступает дурно. В этой связи он приезжает к нему домой и преспокойно перерезает ему горло.

— Заметь, не только горло, — рассеянно заметила Лоис, продолжая пристально разглядывать послание. — Что-то за всем этим кроется, Марк. К примеру, как следует понимать заявление «Я ненавижу имитаторов»? Даже если Рори Крэйвен и в самом деле убил Дэвис и Коттрел, к чему прикажете отнести эту фразу? Я хочу сказать, что если этот парень сотворил с Рори то же самое, что Рори, по словам этого парня, сделал с Дэвис и Коттрел, то кто тогда, спрашивается, имитатор — Рори Крэйвен или этот неизвестный нам убийца?

Лоис двинулась было в квартиру, но звук шагов поднимающихся по лестнице людей заставил ее остановиться. Повернувшись, она увидела Энн Джейферс в паре с фотокорреспондентом, которые появились у начала лестнич-

ного марша, но мгновенно остановились, стоило им уз-
нать обоих детективов.

— А ведь я оказалась права, — сказала Энн, переводя дух. — Даже когда мне по сканеру передали сообщение, я все еще сомневалась.

Голос ее дрожал, и она попыталась скрыть страх под профессиональной маской репортера. Впрочем, у нее ничего не вышло.

— Еще один, да? — произнесла она еле слышным шепотом. — Как Шанель Дэвис и Джойс Коттрел?

Марк Блэйкмур и Лоис Эккерли переглянулись и без лишних слов решили, что в данном конкретном случае Энн Джефферс имеет право участвовать в деле не только на правах репортера.

— Это Рори Крэйвен, — сообщил ей Марк Блэйкмур. — Младший брат Ричарда.

«Рори Крэйвен? — подумала Энн. — Но это же чистой воды сумасшествие. Он был всего-навсего...» И тут Энн неожиданно озарило. Она вспомнила, что после того, как навестила в госпитале Гленна, она почувствовала, что за ней кто-то следит. Она посмотрела сквозь раскрытую дверь в глубину квартиры Рори Крэйвена. Сквозь окно его комнаты можно было видеть огромный силуэт госпиталя, находившегося как раз напротив дома, где жил Рори.

— Однажды ночью он за мной следил, — произнесла она таким тихим голосом, что детективы поначалу не поняли, к кому она обращается — к ним или к самой себе. — Я навещала в госпитале Гленна и уже шла домой. Тогда я почувствовала, что за мной кто-то наблюдает. По-видимому, это был он.

Энн на мгновение замолчала, а потом повернулась к детективам.

— Что же здесь произошло?

Не сказав ни слова, Блэйкмур протянул Энн послание неизвестного.

Энн внимательно прочитала записку и взглянула на Блэйкмура.

— Он умер? Я имею в виду — Рори Крэйвен мертв?

Детектив утвердительно кивнул.

— Он в ванной. Абсолютно голый — как Джойс Коттрел.

Энн почувствовала безмерное удивление. Неужели Рори Крэйвен убил ее соседку? Но ведь Рори был самым настоящим ничтожеством — он относился к той породе людей, которые используют все свои жизненные силы только для того, чтобы поддерживать собственное существование. Она отлично помнила, как брала у него интервью несколько лет назад, когда над его братом стали впервые сгущаться тучи. Рори, помнится, не хотел говорить о Ричарде. Он сказал только, что они с братом не слишком ладят, что между ними нет ничего общего, да и внешне не похожи.

Что являлось чистейшей правдой.

Если черты лица Ричарда были волевыми и даже привлекательными, то лицо Рори несло на себе отпечаток слабости и ограниченности. Насколько она помнила, у Рори имелась дрянная работенка в конторе «Боинга» и он относился к тому разряду людей, которые никогда не опаздывают на службу и все делают в срок, хотя и не отличаются особыми талантами. Скучный и не слишком умный Рори являлся тем не менее младшим братом Ричарда Крэйвена — того самого Ричарда, который был талантлив до гениальности и обладал всеми достоинствами, ни граном которых не обладал Рори.

Рори был братом того самого Ричарда, которого мать берегла, словно принца королевской крови.

Преклонение матери перед сыном не прекратилось даже после его смерти. Даже после суда, после того как было отклонено прошение о помиловании, даже после казни Эдна Крэйвен продолжала настаивать, что Ричард невиновен.

Невиновен и идеален во всем.

Ричард, должно быть, всю жизнь издевался над этим самым Рори, даже если и не демонстрировал этого в открытую. Ричард оставался знаменитостью даже после того, как его казнили. Она сама...

Неожиданно в сознании Энн возникло вполне логичное объяснение случившегося.

— Ему требовалось внимание, — прошептала она, хотя на самом деле ей казалось, что она говорит громко. — В течение долгих лет все внимание окружающих было сосредоточено исключительно на Ричарде. Даже когда

Ричард умер, преклонение перед его личностью осталось.

Она снова перевела взгляд на бумагу, которую все еще сжимала в руке.

«Ненавижу имитаторов... бездарных имитаторов... Сомневаюсь, что найдутся люди, которые пожалеют о его кончине... В любом случае он никогда не стал бы Мной...

Она читала эти слова снова и снова — пожалуй, она смогла бы воспроизвести содержание записки наизусть, даже если бы ее разбудили среди ночи... И тем не менее Энн продолжала всматриваться в послание неизвестного.

Оно было написано от руки.

Энн всматривалась в почерк, не желая признавать того, что почерк ей знаком. Для такого признания пока не имелось весомых причин.

Да и вряд ли она сможет разумно объяснить свои подозрения.

Она видела, как Ричард Крэйвен погиб на электрическом стуле. Она видела, как его тело затрепетало, а потом безжизненно застыло, как голова поникла на грудь, а глаза закатились.

Ричард Крэйвен никак не мог написать послание, которое она сжимала в руке.

Тем не менее факт оставался фактом.

Почерк принадлежал Ричарду Крэйвену.

Глава 48

Кровь.

Кровь была везде, но на сей раз это не была кровь кошки.

Это была человеческая кровь.

Гленн Джейферс знал, что это человеческая кровь, хотя не знал, откуда она взялась. Кровь покрывала его с головы до ног — она запеклась на руках, на лице, безобразными полосами застыла вдоль всего обнаженного тела.

Обнаженного?

С какой это стати он голый?

Оторвав взгляд от багровых пятен на руках и на теле, он принялся обозревать окружавшую его обстановку. Он находился в комнате, в которой ему раньше не приходилось бывать — надо сказать, довольно жалкой. Примерно в такой же он жил, когда учился на отделении архитектуры в университете, но даже та дешевенькая квартирка, располагавшаяся рядом с университетом, выглядела не в пример опрятнее, нежели эта. Стены в той квартире потрескались, а в одном месте, там, где дверца туалета беспощадно колотила по штукатурке, в стене образовалась дыра. Зато стены были при этом аккуратно выкрашены белой краской, отличной белой краской. Гленн покрасил их собственными руками.

Стены, которые окружали его сейчас, были бежевого цвета, вернее — грязно-бежевого. Такую краску обычно использовали при отделке самых дешевых квартир. У одной из стен стояла старая-престарая кровать с продавленным изголовьем. Ткань, которой был обит валик, пришла в такую ветхость, что теперь уже не представлялось возможным определить ее первоначальный цвет.

В центре комнаты располагались колченогий стол и пятачок металлических стульев, грубо раскрашенных под дерево.

И опять вокруг была кровь.

Она покрывала и стены, и мебель.

Кровь, всюду кровь.

Он собрался было выбежать из комнаты, но эти проклятые стены словно начали смыкаться над ним. Они окружали его, давили на него — Гленн никак не мог отыскать дверь.

Одни только стены были вокруг. Стены, покрытые уже начинающими подсыхать алыми разводами.

Теперь Гленн чувствовал кровь под своими голыми ступнями. Она была еще теплой и липкой. Гленн хотел выбежать из комнаты, однако ноги отказывались ему служить — казалось, их заковали в бетон.

Стены давили на него все сильнее, он даже вытянул руки, чтобы не дать им себя раздавить, но при этом коснулся их забрызганной кровью поверхности. Кровь испачкала кончики его пальцев, и он открыл рот, чтобы издать крик затравленного животного.

Но никакого крика не последовало.

Спазм перехватил его горло с такой силой, что и дышать-то стало невмоготу, не то что кричать.

Он беспомощно огляделся и наконец увидел дверь.

Она была открыта и вела в другую комнату.

Пытаясь побороть овладевший им страх, Гленн направился к двери, хотя каждый шаг давался ему с трудом. В другой комнате горел свет, и он заметил там сверкающую белой эмалью поверхность. За дверью определенно помещалась ванная.

Там должен быть душ.

По крайней мере, он сможет смыть с себя кровь — с тела, с лица, с волос. Гленн тихонько застонал, распахнув дверь ванной, но и этот жалкий стон замер у него на губах, когда он разглядел то, что находилось в ванне.

Там лежало тело мужчины — совершенно обнаженное, как и его собственное. Горло мужчины было перерезано, а грудная клетка рассечена и распахнута, словно дверца шкафа, открывая доступ к сердцу и легким.

Хотя Гленн был абсолютно уверен, что этот человек мертв, все же продолжал наблюдать за ним остановившиеся глазами. И вдруг, к своему ужасу, обнаружил, что сердце несчастного бьется, а легкие поднимаются и опадают в строгом соответствии с ритмом дыхания.

В горле у Гленна снова зародился крик, он отпрянул, поскользнулся и рухнул на лежащее в ванне тело. Инстинктивно он вытянул руки вперед, чтобы смягчить падение, и они погрузились прямо в разверстую грудь несчастного. Гленн едва не задохнулся, его желудок скжался, и он понял, что его сию минуту стошнит. Всей поверхностью тела Гленн теперь соприкасался с холодными и влажными кожными покровами незнакомца. Неожиданно труп начал оживать — он обнял Гленна и изо всех сил прижал его к своему развороченному телу.

Голова мертвеца стала медленно поворачиваться, а глаза открылись.

Потом задвигались губы, и Гленн почувствовал их холодное прикосновение в своей шее.

Затем его кожи коснулась гладкая поверхность зубов.

Ужас придал Гленну сил. Ему удалось извернуться и высвободиться из объятий мертвеца.

— Нет! — завопил он, неожиданно вновь обретя способность кричать. — Нет!

— Нет! — еще раз крикнул Гленн и сел. Стоило ему проснуться, как ночной кошмар сразу же улетучился, и тем не менее страшные воспоминания о трупе в ванной навечно отпечатались в его мозгу.

В течение нескольких секунд Гленн не мог определить, где он находится. Он сидел тихо, стараясь успокоиться и с трудом переводя дыхание. При этом его тело сотрясала дрожь: он вспоминал испачканные кровью стены и упорно ждал, когда страх ослабит свою хватку. Сердце Гленна снова заколотилось, и его опять охватил страх — неужели начинается сердечный приступ? Через несколько минут сердце стало успокаиваться, и Гленн окончательно пришел в себя.

Наконец ему представилась возможность осмотреться. Запятнанные кровью бежевые стены, превратившиеся для него в ловушку, теперь исчезли. Он находился на верхней открытой площадке «Здания Джейферса», неподалеку от лифта для строителей. Постепенно он начал вспоминать: он отправился посмотреть, как продвигается строительство, и поднялся на самый верх. Потом он заставил себя подойти к самому краю, заставил себя посмотреть вниз.

Он запаниковал, у него закружилась голова, и неведомая сила едва не перекинула его через край ограждения вниз. Он вспомнил, как он перегнулся через перила, уже готовый к полету в бездну, когда...

Что-то остановило его, вернее — кто-то.

А потом — конец, чернота.

Ничего, кроме назойливого кошмара.

Гленн посмотрел на часы. Они показывали почти четыре. Но ведь когда он добрался до места, было всего десять тридцать! Как, спрашивается, он ухитрился провести столько времени на верхотуре? Неужели его никто не заметил? Неужели тот самый строитель, с которым он поднимался наверх, не поинтересовался, отчего это архитектор так долго не спускается? Или девушка в офисе... Неужели она не задала себе вопрос, куда это пропал Гленн Джейферс, почему он не возвращается, чтобы отдать кас-

ку? Поднявшись на ноги, Гленн потянул на себя дверцу лифта, зашел в кабинку, после чего нажал на красную кнопку спуска.

По пути вниз он старался смотреть только на дверцу лифта, чтобы — не дай Бог! — не глянуть на щелястый пол кабинки. Он очень боялся нового приступа акрофобии, который едва не доконал его несколькими часами раньше. Наконец лифт остановился, и Гленн вздохнул с облегчением. Однако стоило ему оказаться в передвижном офисе строительной компании, как все его переживания снова на него нахлынули: Дженин Берки ослепительно ему улыбнулась и сказала:

— А вы быстро! Наверное, вы нашли свою ручку, как только выбрались из лифта!

Сумев только кивнуть в ответ, Гленн положил строительную каску на полку и торопливо покинул офис.

У него снова произошло выпадение памяти.

Он опять потерял несколько часов.

Где он находился все это время?

Что он при этом делал?

И снова в его памяти всплыли запятнанные кровью стены ужасной квартиры.

Глава 49

Репортаж должен был пойти на первой полосе. Энн, казалось бы, следовало этому радоваться, но ничего, кроме ужаса, она не испытывала. Было четыре тридцать, и она уже заканчивала описание гибели Рори Крэйвена, переговорив еще раз с Марком Блэйкмуром. Она по-прежнему надеялась, что произошла ошибка и отпечатки пальцев Рори не соответствуют тем, которые обнаружила полиция на рукоятке ножа, послужившего орудием убийства Джойс Коттрел.

Напрасно. Детектив подтвердил, что убийцей Коттрел являлся именно Рори Крэйвен. Более того, Блэйкмур сообщил ей, что отпечаток ладони правой руки Рори Крэйвена совпал со смазанным отпечатком ладони, обнаруженным на кухне Шанель Дэвис.

Под конец она бросила в корзинку так называемой «внутренней редакционной почты» записку, адресованную Вивиан Эндрюс. В записке Энн предлагала своей начальнице сохранить в передовице только основные факты произошедшей трагедии, а остальное оставить на потом, когда они смогут хотя бы отчасти развеять флер загадочности, по-прежнему окутывавший события, разыгравшиеся в неприятной квартирке на Шестнадцатой улице.

Итак, кто?

И зачем?

Ведь никому и в голову не могло прийти, что Шанель Дэвис и Джойс Коттрел пали от руки младшего брата Ричарда Крейвена, тем более что полиция до последнего времени отказывалась признать тот факт, что убийства женщин совершены одним и тем же лицом.

Этот вопрос не давал покоя Энн даже тогда, когда она покинула здание издательства «Геральд» и вышла в соренький тусклый день. Ее путь лежал к Капитолийскому холму, то есть домой. Худшей из всех проблем, сводившей ее с ума, являлось появление странных посланий. Энн набралась смелости и рассказала наконец Марку Блэйкмуру о послании, оставленном неизвестным в компьютере. Хотя Марк выслушал ее подробный рассказ очень внимательно, но потом задал ей ряд вопросов, отвечать на которые она была не готова. Прежде всего он спросил, отчего она не сообщила ему о послании раньше, когда он приезжал к ней для изучения обстоятельств убийства Кумкват.

В самом деле, отчего?

А ведь она еще не сообщила Блэйкмуру об искусственной мушке.

Так отчего?

Пальцы Энн сдавили руль автомобиля: да потому, что мушка не имела никакого отношения к записке на компьютере, и в этом все дело. Не имела она отношения и к смерти Кумкват, да и вообще к чему-либо существенному. Ведь Гленн объяснил ей, откуда взялась мушка, разве не так? Он ее купил! То, что материалы, которые пошли на изготовление мушки, походили на перо попугая и мех Кумкват — это не более чем совпадение. Господи, да о чём

она думает? Неужели кто-то — то есть, разумеется, незнакомец, притворяющийся Ричардом Крэйвеном, — проник в ее дом, изготовил мушку для ловли рыбы на спиннинг, затем убил ее кошку, оставил послание в компьютере и скрылся?

Энн решила, что все эти ее домыслы — чистейшее сумасшествие. Иногда ей начинало казаться, что в ее поведении стали проявляться черты самой настоящей паранойи. Через два квартала от дома она свернула на Шестнадцатую улицу и громко выругалась, заметив, что кто-то припарковал на месте ее обычной стоянки здоровен-ный передвижной трейлер-дом. Заодно фургон занял и соседнее место стоянки. Энн сумела припарковаться только в следующем квартале, так что домой ей пришлось возвращаться пешком. Прежде чем войти в дом, она еще раз смерила ненавидящим взглядом самоходную дачу.

— Привет! — крикнула она из прихожей. — Есть кто-нибудь?

— Есть я, — отозвался Гленн из кабинетика рядом с гостиной.

Энн швырнула кошелку под стол у лестницы и направилась к мужу. Гленн сидел за чертежной доской. Когда Энн вошла, он виновато на нее посмотрел.

— Я не работаю, — сразу же сказал он. — Просто сижу и маюсь.

Энн обошла вокруг стола и поцеловала Гленна.

— Вот, значит, чем ты занимался весь день! Маялся!

Она почувствовала, как напрягся ее муж при этих словах. Впрочем, затем он утвердительно кивнул.

— Большой частью, — признал он. — А что у тебя?

Усевшись за свой рабочий стол, Энн рассказала Гленну об убийстве Рори Крэйвена.

Гленн слушал жену, а сам вспоминал страшный сон.

Тот сон, который он видел днем.

Человек, которого он видел во сне, до мельчайших подробностей соответствовал описанию Рори Крэйвена — вернее, трупа Рори Крэйвена, найденного в ванной собственной квартиры покойного.

«Но ведь это мне просто-напросто привиделось, — решил Гленн. — Привиделось — и не более того».

МЛАДШИЙ БРАТ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ НАЙДЕН МЕРТВЫМ

*Рори Крэйвена подозревают
в совершении последней серии убийств
на Капитолийском холме*

Тело Рори Крэйвена, которому недавно исполнился 41 год, брата казненного серийного убийцы Ричарда Крэйвена, было найдено в его квартире на Капитолийском холме вчера днем. Жертва пока не установленного убийцы, упомянутый Рори Крэйвен получил многочисленные ранения, нанесенные холодным оружием. Его обнаруженнное тело, изуродованное в манере, свойственной преступлениям казненного Ричарда Крэйвена, обнаружила в ванной его квартиры его мать, Эдна Крэйвен, 66 лет.

Расследуя это очередное преступление на Капитолийском холме, полиция обнаружила улики, подтверждающие причастие Рори Крэйвена к убийствам Шанель Дэвис и Джойс Коттрел. Детектив Марк Блэйкмур подтвердил тот факт, что отпечатки пальцев Рори Крэйвена соответствуют найденным...

Эдна Крэйвен просматривала статью на первой странице утреннего выпуска «Геральд». Она бодрствовала всю ночь, потому что боялась идти спать. Она знала, что образ бедного Рори не даст ей забыться. Эдна была уверена в том, что воспоминание об изуродованном теле ее младшего сына останется с ней до самой смерти. Даже сейчас она не могла думать об изувеченном теле сына без содрогания — ее преследовали его остекленевшие глаза, вид перерезанного горла и страшных ран на груди. Ну зачем, спрашивается, она к нему потащилась? Зачем толкнула эту проклятую дверь? Она ведь догадалась, что случилось нечто страшное, как только поднялась по лестнице! Обо всем этом она рассказала Энн Джейферс.

И вот теперь выясняется, что эта женщина не включила в свой репортаж ни слова из того, что она, Эдна Крэйвен,

поведала ей, со злостью подумала мать убитого. Сплошное нагромождение лжи — как будто эта самая Джейферс мало понаписала всякой дряни о Ричарде! И вот теперь эта тварь принялась за ее младшенького, бедняжку Рори!

Как только ей в голову могла прийти такая чудовищная мысль, будто Рори причастен к убийству двух женщин?

Это просто смешно — Рори разговаривать с женщинами, и то боялся до смерти.

Эдна видела портреты этих женщин по телевизору. Так себе, дешевки — и та, и другая.

Одна из них была просто шлюхой, а другая — настоящий псих-одиночка. С какой это стати ее Рори стал бы интересоваться подобными женщинами?

Неужели не ясно, что тот, кто их зарезал, убил и самого Рори?

Некомпетентность — вот как это называется, сказала себе Эдна. Полиция не в состоянии найти истинного виновника и поэтому вешает всех собак на несчастного туповатого Рори. И еще эта женщина-репортер! Она несколько лет преследовала ее любимого сына Ричарда, а сейчас клевещет на покойного Рори! Эдна содрогнулась при мысли о соседях, которые прочтут все эти инсинуации, напечатанные на первой полосе.

Что ж, решила Эдна, против полиции она вряд ли в силах что-нибудь предпринять, но вправить мозги этой Энн Джейферс она сумеет, будьте покойны!

Хотя на часах еще не было семи, Эдна упорно перелистывала желтые страницы, пока не нашла телефонный номер редакции «Сиэтл Геральд». Она набрала найденный номер и потребовала к телефону Энн Джейферс. Секретарша сообщила ей, что миссис Джейферс еще не пришла, и Эдна злобно поджалла губы.

— Нет, я не хочу оставлять никаких записей, — сказала она в ответ на предложение секретарши записать ее сообщение на магнитофон. — Я желаю говорить с ней лично!

С нарастающим раздражением Эдна вновь взяла телефонный справочник и принялась перелистывать его в поисках буквы «Д».

...на рукоятке ножа, которым была убита Джойс Коттрел, в то время как часть отпе-

чатка ладони, найденного в квартире Шанель Дэвис, соответствует отпечатку аналогичной части ладони правой руки Рори Крэйвена.

В квартире также была найдена записка без подписи, но полиция пока отказывается обнародовать ее содержание. Представители правоохранительных органов утверждают, однако, что ни содержание записи, ни характер нанесенных жертве ран не свидетельствуют о самоубийстве. Одновременно источники из Департамента полиции подтверждают: пока круг подозреваемых в убийстве еще не определен.

Тем не менее существует версия, что убийца был знаком с Рори, поскольку на месте преступления не обнаружено следов драки или взлома. Троє соседей, чьи имена мы не указываем по их просьбе, утверждают, что ничего необычного утром не слышали. Департамент полиции просит всех, кто располагает какой-либо информацией по указанному делу, незамедлительно обратиться в Отдел по расследованию убийств по адресу...

Когда зазвонил телефон, Гленн оторвался от газеты, которая лежала на кухонном столике. Он подождал, не возьмут ли трубку Хэдер или Кевин в холле на втором этаже, и затем протянул руку к стене, где висел еще один аппарат.

— Слушаю.

— Я хочу поговорить с Энн Джейферс.

Голос, который звучал на другом конце провода — а это был голос женщины, — заставил зашевелиться волосы Гленна.

— Так она дома?

Гленн почувствовал, как его кожа покрывается мурашками.

— Я... Нет, ее нет, — сказал Гленн. — Она, знаете ли, вышла.

Гленн старался говорить короткими фразами. Он понятия не имел, кто звонит, но этот голос почему-то заставил его почувствовать... а что, собственно?

Испуг? Не совсем.

Нервное возбуждение? Ближе, но тоже не совсем точно.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Гленн решил, что пока не будет знать наверняка, кто звонит и что этой женщине нужно от Энн, он не скажет, особенно принимая во внимание недавние события, что его жена отправилась на пробежку в парк Волонтеров.

— Может быть, ей что-нибудь передать?

Некоторое время женщина на противоположном конце провода колебалась, но потом сказала:

— Это Эдна Крэйвен.

Гленн мгновенно покрылся холодным потом и ощутил сильное головокружение. Он ухватился за столешницу, чтобы сохранить равновесие, но стоило ему коснуться поверхности стола, как на него нахлынула новая волна дурноты. Он опять начал проваливаться во мрак и вскоре потерял сознание.

Голос, который слышала Эдна Крэйвен в телефонной трубке, вдруг заметно изменился.

— О, миссис Крэйвен, — ласково произнес голос. — Моя жена упоминала ваше имя всего несколько минут назад. Уверен, что она с удовольствием перекинется с вами словечком. Возможно, вы о чем-нибудь договоритесь.

Странный, периодически смолкающий звон... В ушах у Гленна звенело, а мысли путались. Затем в голове у него прояснилось и последние признаки обморочного состояния исчезли. Тогда он начал вспоминать. Он пил кофе и читал газету, когда зазвонил телефон. Он ответил на звонок, и кто-то — кажется, женщина — попросил Энн. Он нахмурился, стараясь припомнить, что произошло дальше. Ага, дальше у него началось головокружение, и вот теперь он не может вспомнить, представилась та женщина или нет.

— Алло? — сказал Гленн, прижав трубку к уху, но услышал только короткие гудки. Тот, кто говорил с ним раньше, трубку уже повесил. Гленн помрачнел и в свою очередь положил трубку.

Сегодня, решил Гленн, он обязательно позвонит Горди Фарберу и расскажет ему обо всем, что с ним произошло.

Он поведает ему о провалах памяти, о ночных кошмарах, которые с каждым разом становятся все более зловещими, о странных воспоминаниях — воспоминаниях о том, чего он не мог и не должен был видеть... Если Горди скажет, что ему следует вернуться в госпиталь, что ж, значит, он так и поступит. Слишком много всяких странностей с ним происходит в последнее время. Вчера, к примеру, когда у него началось помутнение сознания на вершине «Здания Джейферса», он едва не погиб.

Когда через несколько минут с утренней пробежки вернулась Энн, она застала Гленна в весьма подавленном настроении и заметила у него испарину на лбу. Она принялась задавать ему вопросы о его самочувствии, но он только пожимал плечами и утверждал, что у него все нормально. И хотя он видел в глазах жены неподдельное беспокойство, но в течение всего того времени, которое она провела дома, собирая детей в школу и собираясь сама, он продолжал отделяться неопределенными уверениями в том, что у него в целом все нормально. Энн с тяжелым сердцем ушла на работу, а Гленн опять остался в одиночестве, страдая из-за того, что так и не смог вернуть жене утраченное спокойствие.

Кроме того, Горди Фарберу он так и не позвонил.

Глава 51

Энн вглядывалась в монитор компьютера и тихонько торжествовала: очерк, над которым она сейчас работала, получался что надо. В этом очерке она, в частности, собиралась сопоставить такие противоположные натуры, как Рори и Ричарда Крэйвенов, а кроме того, намеревалась представить на рассмотрение читателей свою теорию о том, что братья при всем их несходстве могли нести в себе общий «ген убийства», который и превратил их в так называемых серийных убийц. Хотя работа спорилась, Энн становилось все труднее сосредоточиться на теме — не только потому, что она лишний раз изумилась удивительному перевоплощению Рори Крэйвена, но и потому, что ее собственная жизнь тоже самым удивительным образом переменилась.

Ее смущало поведение Гленна, рассказ Джойс Коттрел о том, что она видела его голым, ну и, конечно, странный случай с кошкой. Даже самые элементарные вещи вроде искусственной мушки несказанно ее беспокоили. Более того, тот Гленн Джейферс, в которого она когда-то влюбилась без памяти, не отпустил бы ее нынче утром из дома без поцелуя. В их отношениях образовалась трещина, и Энн чувствовала, что эта трещина с каждым днем становится все шире.

Позабыв на время про компьютер, Энн сняла трубку и набрала номер телефона Горди Фарбера. Она ухитрилась застать его перед самым началом рабочего дня и торопливо рассказала ему о своих страхах.

— Вы, помнится, предупреждали меня, что он изменится, но я никак не думала, что эти изменения будут носить столь радикальный характер, — сообщила она врачу. Потом немного помедлила и добавила: — Иногда мне кажется, что я живу с совершенно незнакомым мне человеком. И дело не только в том, что он стал хуже ко мне относиться, доктор Фарбер. Он иногда совершает чрезвычайно странные поступки...

— Я позвоню ему, — коротко ответил Гордон Фарбер. Он посмотрел на часы и понял, что уже опаздывает. Энн же между тем собиралась разговаривать еще как минимум полчаса. — Я позвоню ему в самое ближайшее время. Может быть, мы встретимся с ним уже сегодня.

Энн почувствовала, как охватившее ее беспокойство стало постепенно сходить на нет.

— Благодарю, доктор Фарбер. Я очень ценю ваше участие. И будьте так любезны перезвонить мне после того, как переговорите с Гленном, ладно?

Попрощавшись, Энн уже собралась было повесить трубку и снова взяться за работу, как вдруг зазвонил второй телефон у нее на столе. Энн ткнула пальцем в красную кнопку и сказала:

— Энн Джейферс слушает.

— Это Марк, — послышалось в трубке. После некоторого колебания детектив добавил: — Марк Блэйкмур.

Энн улыбнулась, почувствовав его заминку. Неужели он и в самом деле опасается, что она не узнает его голос? И это после стольких лет совместной работы над делом

Крэйвена? Однако стоило ей подумать о теплых чувствах, которые вызвал у нее звонок Блэйкмура, как она сразу же перестала улыбаться. Такого рода чувства ей уже доводилось испытывать — в прошлом, когда ей звонил Гленн. *В прошлом?* Господи, что же она такое думает! Разнервничавшись, она попыталась скрыть свое волнение за тоном истинно деловой женщины.

— Я узнала тебя, Марк. В чем дело?

— Ты можешь уделить мне часть утра?

Энн нахмурилась. Не в привычках детектива былоходить вокруг до около. Кроме того, в его голосе прозвучали странные нотки, каких ей не доводилось слышать ранее. Голос Марка звучал не просто неуверенно — в нем слышалась самая настоящая нервозность.

— Не могу сказать точно, — тщательно подбирав слова, начала она. — Дело в том, что у меня много...

— Отмени, — неожиданно резко бросил Марк, и Энн ощутила в его голосе невесть откуда взявшееся раздражение. Что это он о себе думает? Но Марк тем временем продолжал говорить, и возникшее в душе Энн чувство протеста вскоре исчезло. — Послушай, это не телефонный разговор. В сущности, мне вообще не следовало бы тебе об этом рассказывать. Однако я решил, что при сложившихся обстоятельствах ты имеешь право быть в курсе дела. Но то, что я скажу, — это не для записи. Повторяю — не для записи. Понятно?

Энн поняла. То, что он собирался ей сообщить, наверняка было связано с убийством Рори Крэйвена. Она также понимала, что дело не подлежит огласке. В таком случае зачем он вообще звонит? Ведь он должен знать, как она ненавидит все эти таинственные разговоры, о которых ни слова нельзя написать.

— Энн, это чрезвычайно важно, — сказал Блэйкмур, отлично понимавший, что означает молчание в трубке. — Поверь мне, если бы я не был уверен в том, что данная информация тебе просто необходима, я не стал бы тебя беспокоить.

— В таком случае где и когда? — спросила Энн, которая решила, что от встречи ей отказываться нельзя.

— В «Красном Робине» через полчаса.

— Отлично, там и увидимся.

Когда она через двадцать минут вошла в ресторан на Четвертой улице, Марк Блэйкмур уже ждал ее. Его лицо было бесстрастно, а в руке он сжимал большой конверт из плотной коричневой бумаги. Подхватив Энн под локоть, Марк повлек ее вслед за хозяйкой заведения, которая привела их в тихий закуток, отгороженный от зала столами.

— Благодарю вас, Мили, — сказал детектив. — Сегодня мне чертовски нужно немного посекретничать.

Хозяйка расцвела в улыбке.

— Все нормально, только помните, что мне не по карману оставлять эти два столика пустыми. Когда настанет время обеда, придется усадить за них клиентов.

— Я принял к сведению ваш намек, — кивнул Марк и заказал Энн и себе по чашке кофе. Затем он подождал, пока хозяйка удалится, и пристально взглянул на Энн. — У тебя крепкий желудок?

Энн автоматически перевела взгляд на толстый конверт, лежавший на столе. Она начала догадываться, какого рода материалы заключены под внешне респектабельной оболочкой загадочного конверта.

— Более или менее, — ответила Энн. — Но все зависит от характера предстоящего испытания.

Детектив не поддержал ее шутливого тона.

— Я хочу показать тебе кое-какие материалы, которых никто не видел за пределами Департамента полиции, — сказал он. — Собственно, это фотографии некоторых людей, чьи смерти приписывают Ричарду Крэйвену.

— Приписывают? — переспросила Энн. Ее любопытство с каждой минутой возрастало. — Скажи, Марк, к чему ты клонишь?

Детектив — весьма крупный мужчина — вперил в Энн строгий взгляд.

— Дай мне слово, что все, услышанное тобой за этим столом, останется между нами. В случае чего я тебе ничего не показывал, ты ничего не видела, ничего не слышала и ни о чем таком не подозревала.

— Тогда зачем ты вообще затеял этот разговор?

Даже несмотря на полумрак, царивший в ресторанном зале, Энн заметила, что детектив покраснел.

— Потому что я слишком за тебя беспокоюсь и считаю, что ты имеешь полное право знать то, что знаю я.

Энн почувствовала, как увлажнились ее глаза, и лишь усилием воли подавила в себе желание погладить детектива по руке.

— Хорошо, — согласилась она. — Давай разговаривать. Даю слово, что все, о чем я здесь услышу, останется при мне.

Детектив открыл конверт, выудил оттуда одну фотографию и щелчком переправил ее Энн — цветной снимок размером восемь на десять, отпечатанный на глянцевой бумаге. На фото было запечатлено место преступления — обнаженный труп мужчины, частично скрытый зарослями рододендронов. Человек лежал на спине, широко раскинув руки и подогнув одну ногу под другую.

Грудная клетка была рассечена, сердце и легкие вырваны.

— Юджин Макинтайр, — тихо произнесла Энн, ощущив желудочный спазм, которым ее естество протестовало против увиденного. — Жертва номер шесть, я не ошибаюсь?

Марк тяжело вздохнул.

— Все верно. А теперь взгляни на это, — произнес он. — Вот что обнаружил наш медэксперт, когда делал вскрытие.

Он снова перекинул Энн фотографию и при этом инстинктивно оглянулся, дабы убедиться, что за ними никто не следит.

Энн протянула руку и перевернула фотографию так, чтобы ей было удобно смотреть. Она увидела раскадровку из четырех кадров, запечатлевших рассеченную грудь Макинтайра, вернее, огромную, зиявшую пустотой каверну в его груди, — при разных степенях увеличения. Внимание Энн привлек четвертый кадр. Он демонстрировал в сильном увеличении всего несколько квадратных дюймов внутренней поверхности спинной части грудной клетки Макинтайра.

На тканях внутренней поверхности были тщательно вырезаны два аккуратных знака:

Черные молнии! Они выглядели как два аккуратных изображения черных молний.

Пока Энн молча разглядывала странные знаки, Марк протянул ей еще одну фотографию, потом еще и еще. Все они выглядели одинаково: четыре кадра, смонтированные на одном снимке, причем каждый последующий кадр являл собой увеличенный фрагмент предыдущего. Все они изображали одно и то же место человеческого тела — разверстую грудь убитого, а на последнем четвертом кадре неизменно красовались черные молнии — своего рода личный знак человека, явившегося виновником всех этих убийств. Своеобразная подпись убийцы, вырезанная на человеческой плоти.

— Это что, у всех? — печально спросила Энн. — Он что, отмечал подобным образом *каждую* жертву?

Детектив кивнул.

— Эта информация считалась секретом за семью печатями нашего особого подразделения. Это был наш единственный козырь, который мы приберегали напоследок.

Марк внимательно посмотрел в глаза Энн.

— Ответь мне, Энн, ты знала что-нибудь об этом? Может быть, до тебя дошли хотя бы слухи? Только честно.

Энн не пришлось долго раздумывать над ответом.

— Ничего, — еле слышно произнесла она.

— Тогда взгляни на это, — сказал Блэйкмур и передал Энн последнюю фотографию. — Эти четыре кадра были сделаны вчера вечером во время вскрытия тела Рори Крейвена

Энн, признаться, очень хотелось избежать финальной стадии демонстрации фотоматериалов, но она никак не могла найти для этого предлог. Пришлось рассматривать и последний снимок.

Раскадровка осталась прежней, но на этот раз на первом кадре можно было видеть тело Рори Крейвена, запечатленное целиком. Потом снова шли кадры с увеличением. На последнем кадре, как обычно, красовалась монограмма в виде молний.

Все это было бы хорошо, если бы не было невозможного.

— Но мы ведь видели, как он умер, — прошептала Энн. Говорить нормально она не могла, поскольку от волнения

у нее перехватило горло. — Боже мой, Марк, мы же там были! Мы наблюдали за тем, как он умирал!

— Мы наблюдали за тем, как умирал Ричард Крэйвен, — заметил Марк лишенным всяких эмоций голосом. — Но мы не видели, как умирал человек, совершивший все эти убийства.

Энн откинулась на спинку диванчика, пытаясь понять, на что намекает Блэйкмур.

Собственно, все было и так ясно: Энн оказалась неправа, как и все те, кто занимался этим делом.

— А как быть с посланиями? — спросила тем не менее Энн в отчаянной попытке ухватиться за последнюю соломинку. — Ведь наверняка это подделки. Если этот парень в состоянии подделать почерк Ричарда Крэйвена, то он в состоянии... — Энн замолчала, почувствовав ошибку в своем логическом построении.

— Единственный человек, который знает о монограмме, и является убийцей, — заявил Марк Блэйкмур, выскажав ту самую мысль, которую Энн так и не отважилась облечь в слова.

Мысли в голове Энн закружились в бешеном хороводе. Ведь должен же быть какой-нибудь ответ, он просто *обязан* быть!

— Сообщник! — выпалила она. — Если у Ричарда Крэйвена имелся сообщник...

— Не проходит, — перебил ее Марк. — Я уже подумал об этом. У серийных убийц сообщников не бывает. Это сродни мастурбации — вещь чрезвычайно интимная.

— А как же Бонни и Клайд?.. — начала было Энн. — Или семейство Мэнсонов?..

— Не совсем то. Бонни и Клайд грабили банки — это просто и прибыльно. Они, конечно, были насильниками, но все-таки оставались до конца жизни обычновенными грабителями. Что касается Мэнсонов, то у них в основе преступления лежал культ. А все культы, даже тайные, очень скоро становятся секретом полиции. Рано или поздно, но кто-нибудь обязательно проговорится. Что же касается данного дела, то здесь нет ни одной ниточки. Никто не сказал ни слова. Не было ни слухов, ни сплетен — одно только утверждение Ричарда Крэйвена, что он никогда в жизни не совершал преступлений.

У Энн округлились глаза.

— И теперь, стало быть, получается, будто он говорил правду? Но это невозможно! Ведь его осудили! Кстати, что говорят судейские?

— Я имел беседу с прокурором. Его сотрудники обнаружили аналогичные знаки на мертвых телах, которые были найдены на территории, находящейся под юрисдикцией прокурора. И что они сделали, как ты думаешь? Да то же, что и мы, то есть сохранили информацию в тайне, и по той же самой причине. Приходится оставлять про запас кое-какие улики, о которых не пронюхали всевозможные психи и шизики. Иначе можно просидеть весь день за столом, выслушивая всякого рода признания и самооговоры.

Энн чувствовала себя премерзко: казалось, ее ударили кулаком в солнечное сплетение. Что же она наделала?! Как она могла заблуждаться до такой степени? Она попыталась утешить себя: ведь заблуждалась не она одна — особое подразделение в полном составе было уверено, что убийцей является Ричард Крэйвен.

Но разве не она первая вцепилась в Ричарда Крэйвена, как только тот оказался в числе подозреваемых? Она, и никто другой, вынесла ему обвинительный приговор задолго до того, как Крэйвен предстал перед судом. Это она снова и снова настаивала на смертной казни, утверждая, что только смерть Ричарда Крэйвена оградит людей от новых убийств.

— И что же все это значит? — спросила она, но в тот самый миг, как эти слова слетели с ее губ, она уже знала ответ: карма, воздаяние свыше. С того самого дня, как казнили Ричарда Крэйвена, ее собственный мир стал разваливаться на части. Сначала у Гленна случился сердечный приступ, а потом начались печальные изменения в его личности, которые превратили ее мужа в незнакомца.

И вот теперь еще это.

А главное — некого винить, кроме себя самой. Это она уничтожила невинного человека, и настала пора платить по счетам.

— Стало быть, тот парень, из-за которого пострадал Ричард Крэйвен, по-прежнему находится на свободе, — ответил Блэйкмур. Он понял состояние Энн и, протянув руку, накрыл ладонью ее похолодевшие пальцы. — При-

нимая во внимание тот факт, что убийца, так сказать, «подписал» тело Рори, рискну предположить: он собирается возобновить свою карьеру после отпуска, который сам себе предоставил, дабы понаблюдать, как Ричард Крэйвен принимает за него смертную муку.

Энн воспринимала слова собеседника, знала, что в них скорее всего заключается истина, но так и не могла всем сердцем в них поверить. В концепции Марка существовал изъян, она это чувствовала. А может быть, она просто не в состоянии усвоить один-единственный факт, что она ошиблась? Неужели гордыня лишила ее способности понимать суть вещей?

Она услышала, как Марк Блэйкмур сказал:

— Послушай, давай-ка уйдем отсюда, ладно?

Энн молча позволила ему вывести себя из ресторана, а когда он обнял ее за плечи, как бы давая тем самым понять, что ей нечего бояться, *если он, Марк Блэйкмур, рядом*, она уже не пыталась его оттолкнуть, а наоборот, прильнула к нему, благодарная за любую поддержку, которую еще можно было отыскать в ее на удивление быстро рассыпавшемся мире.

Глава 52

Гленн поднял трубку телефона, установленного в холле на первом этаже, и сразу узнал голос Горди Фарбера.

— Как дела, Гленн? — бодро осведомился кардиолог, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал вполне буднично, хотя в душе врач испытывал некоторое волнение. Очевидно, страх, который он видел в глазах пациента, когда тот заглянул к нему двумя днями раньше, никуда не исчез, поскольку Гленну удалось заразить этим страхом жену. Впрочем, врач подозревал, что причиной страхов Энн являлись скорее события, произшедшие в доме по соседству, нежели положение в ее собственной семье. Тем не менее кардиолог в любом случае собирался проверить состояние здоровья Гленна, причем не откладывая дела в долгий ящик.

— Вас что-нибудь беспокоит? К примеру, эти пресловутые затмнения сознания?

Гленн неожиданно вспомнил о своем намерении позвонить утром Горди. Отчего, спрашивается, он не позвонил? Гленн посмотрел на часы. Уже почти час прошел с тех пор, как он закончил прибирать в кухне и...

И что дальше? А вот что было дальше, он вспомнить не мог. Еще один час выпал из его жизни! Вот дьявольщина!

— Я как раз собирался позвонить вам сегодня утром, Горди, — произнес Гленн. — У меня появилось такое ощущение, будто я скорее пациент Альцхаймера*, нежели ваш. Вчера...

Прежде чем он успел закончить фразу, в дверь позвонили.

— Подождите, Горди, ко мне кто-то пришел.

Положив трубку на стол, Гленн пересек холл и открыл дверь весьма габаритной женщине, одетой в мешковатое пальто. Женщина несколько неуверенно ему улыбалась. Ей было за шестьдесят, и на ее лице присутствовал явный избыток косметики. Свои выкрашенные в черный цвет волосы она собрала на макушке в неудачной попытке изобразить французский пучок. Хотя Гленн был уверен, что они раньше не встречались, внешность женщины показалась ему знакомой.

— Мистер Джейферс? — вопросила между тем посетительница. — Я Эдна Крэйвен.

Разглядывая посетительницу, Гленн почувствовал, как его снова стала окутывать привычная дурнота. Он отступил на шаг, пытаясь побороть мрак, уже заклубившийся в его сознании.

Он ничего не мог поделать с той силой, которая начинала расти в нем, захватывая один за другим участки его рассудка.

Одновременно в нем заклокотала ярость...

— Мама, не давай им, пожалуйста, этого делать! Ну я прошу тебя, мама!

— Ты у мамы самый храбрый на свете мальчик. Они все не хотят причинить тебе вред. Они просто хотят тебе помочь.

* Имеется в виду так называемая «болезнь Альцхаймера», поражающая мозг людей, как правило, в преклонном возрасте. В просторечии именуется старческим маразмом.

Но Ричард Крэйвен знал, что ни черта они ему не помогут. Они будут причинять ему боль, как делали это в прошлый раз — точно так же, как причинял ему боль его папочка. Они протянули руки, чтобы схватить его, и даже его собственная мать стала разгибать пальцы, которыми он в ужасе за нее цеплялся.

Один из одетых в белое мужчин нагнулся, чтобы схватить его, но Ричард увернулся, одновременно изо всех сил стараясь не расплакаться. Он слишком хорошо знал, что с ним произойдет, если он даст волю слезам. Этому его на-учил отец, и уже довольно давно.

Несмотря на все его попытки ускользнуть, высокий человек в белом халате схватил его, приподнял и прижал его руки к бокам.

— Страйся воспринимать это без страха, — говорила тем временем его мать. — Надеюсь, ты не хочешь, чтобы на тебя опять надели смирительную рубашку?

Ричард покачал головой, и его сердце наполнилось страхом. В прошлый раз мать привезла его сюда после того, как он попытался рассказать ей, что с ним вытворял отец. Мать не поверила, и Ричард впал в буйство, поэтому на него надели рубашку с длинными рукавами, которые завязывались за спиной так, что он не мог пошевелиться. Тогда он по-настоящему испугался, куда больше, чем раньше, даже когда отец спускался с ним в подвал. Но смирительная рубашка, увы, не являлась тяжелейшим из испытаний. Даже ледяные ванны, в которых его заставляли лежать часами, не были худшим из издевательств.

Худшим предстояло стать процедуре, ради которой его отдали в руки людям в белых халатах. Его мать рассказала ему о том, что его ожидает.

— Это для твоего же блага, — объяснила она. — И тебе совсем не будет больно.

Но она солгала. Ему было больно, причем так, как ни разу в жизни, даже когда его отец прикладывал к нему электроды.

Он еще раз с надеждой посмотрел на мать, но вместо того, чтобы ринуться ему на помощь, она просто стояла и глупо улыбалась, словно ничего особенного не происходило.

— Будь хорошим мальчиком, Ричард, таким, каким тебя всегда любила мамочка.

Мать повернулась и вышла из комнаты, оставив его с огромными дядьками в белых халатах. Она даже ни разу не оглянулась.

В тот день он не плакал. Он не плакал, когда они отвели его в комнату, где стояла жесткая кровать с толстыми лямками, которыми они привязали его к этому пыточному ложу.

Он не плакал, когда они подсоединили к его голове провода.

Он не заплакал даже тогда, когда почувствовал на своем теле электрические разряды и решил, что вот-вот умрет.

С тех самых пор он больше никогда не плакал.

С тех пор он делал все, чтобы ублажить свою мамочку и быть хорошим, послушным мальчиком.

Но ярость — холодная и всепоглощающая, которую он всегда старался скрывать, уже тогда стала расти и шириться в нем.

Она росла с каждым днем, с каждой неделей, с каждым месяцем.

С каждым годом ярость ширилась, достигая чудовищных размеров.

Но мать и не подозревала, что копится в душе ее сына. Она продолжала верить: ее Ричард — самый лучший мальчик на свете, который любит ее так же сильно, как она, по ее разумению, любила его.

Но ему было лучше знать. Что бы его мать ни говорила, он знал: она вовсе его не любит и не любила никогда. Если бы она испытывала к нему хоть какие-нибудь чувства, она защитила бы его от отца и от людей в белых халатах, управлявших чудовищной машиной, причинявшей ему боль куда большую, нежели отцовские электроды.

Нет, она его не любила. Она ненавидела его — точно так же, как он ненавидел ее.

— Заходите, пожалуйста!

Эти слова произнес Гленн Джейферс, но говорил за него Ричард Крейвен, который любезно придержал дверь, чтобы помочь своей матери войти в прихожую.

— Я болтал по телефону. Извините, через секунду я освобожусь.

Весьма обходительный господин, решила Эдна Крэйвен, кивком подтвердив, что принимает извинения хозяина. Такой же, как ее Ричард.

— Надеюсь, я вам не помешала?

Хозяин в протестующем жесте поднял руку:

— Разумеется, нет.

Подняв лежавшую на столе трубку, он коротко бросил:

— Горди? Боюсь, у меня срочное дело. Позвоню вам позже.

Не дождавшись ответа, он повесил трубку, потом галантно подхватил свою мать за локоток и провел ее в гостиную.

— Как мило с вашей стороны, что вы зашли, — сказал он.

Эдна нервно присела на краешек софы, с интересом разглядывая мебель в комнате. Некоторые из предметов обстановки были почти так же хороши, как вещи, которыми когда-то владел Ричард. Вероятно, все эти красивые столы и стулья выбирал сам мистер Джейферс. Вряд ли у той ужасной женщины, на которой он женат, хватило бы на это вкуса. Потом она перевела глаза на хозяина, и у нее учащенно забилось сердце. Хотя стоявший перед ней мужчина ничуть не походил на ее сына, многое в нем напомнило ей Ричарда. Прежде всего, конечно, голос. Мягкая, интеллигентная манера излагать свои мысли. Да, и глаза. Они не совпадали по цвету с глазами ее старшего сына, но в них таилась та же глубина, взгляд был таким же проникновенным, как и у Ричарда.

— Я только что подумала... — начала Эдна, перебирая большие пуговицы на своем платье. — Подумала, что если вы столь любезно говорили со мной по телефону, то, возможно, согласитесь и теперь побеседовать со мной вместо вашей супруги? Мне хочется, чтобы вы побольше узнали о моем Ричарде. Вы не имеете представления, какую боль я испытываю, когда читаю статьи вашей жены о моем сыне.

Мужчина улыбнулся.

— Но я вас отлично понимаю, — мягко сказал он. — Проверьте, я совершенно точно знаю, что именно вы чувствуете.

Эдна Крэйвен приободрилась.

— Значит, я в вас не ошиблась, мистер Джейферс. Я была просто уверена в вашем сочувствии. Да и вы сами,

признаться, напоминаете мне Ричарда. Я поняла это сразу, как только услышала по телефону ваш голос. Тогда я поняла, что мне просто необходимо познакомиться с вами.

— Взаимно, — по-прежнему мягко произнес ее собеседник.

Он пристально разглядывал свою мать. С тех пор, как он в последний раз видел ее, она постарела на четыре года, но почти не изменилась. Она была одета в дешевое платье из полиэстера, какие имела обыкновение носить и прежде, а ее прическа по-прежнему выглядела глуповато, хотя она и считала ее Бог знает каким совершенством. В сочетании с сильно накрашенным лицом все это делало ее похожей на одну из тех ушедших на покой проституток, которые коротали время в дешевых барах в пригородах Лас-Вегаса. Тщательно анализируя достоинства и недостатки этой особы, Ричард с присущей ему объективностью пытался понять, отчего его мамаша, удивительно скучная и не слишком умная женщина, вызывала такую сумасшедшую любовь и даже обожание у его младшего брата.

Возможно, потому, думал он, что и мать, и брат имели между собой много общего.

А может быть, дело в другом? Может быть, такого рода чувства свойственны лишь людям с низким коэффициентом умственного развития и никак не затрагивают людей с таким высоким уровнем интеллекта, как у него?

— Вы и представления не имеете, какое удовольствие вы доставили мне тем, что пришли, — громко сказал он, обращаясь к Эдне. — Та боль, которую вы в себе носите...

Эдна вытянула вперед пухлую дряблую руку и коснулась руки любезного хозяина.

— Да-да, именно боль, — сказала она на выдохе прерывающимся от волнения голосом. — Уж больно я скучаю по Ричарду. Мы с ним все делали вместе. Только я и он.

Эдна мельком глянула в окно гостиной.

— Это ваш фургон стоит у дома, правда? — скорбно спросила она. — У моего Ричарда тоже такой был. Иногда он вывозил меня в нем на прогулку в горы. И мы гуляли там вдвоем — только я и он.

Легкая усмешка тронула края губ хозяина дома.

— Неужели? — спросил он. — Что ж, отвечу вам: это и в самом деле мой фургон. Как раз перед вашим приходом я

думал о том, что было бы неплохо съездить в горы и немножко порыбачить. Может быть, вы согласитесь поехать со мной?

Эдна Крэйвен вспыхнула, словно маков цвет.

— Ну что вы... То есть я хочу сказать, что мне не следует надоедать вам...

— Ну конечно же, вы со мной поедете. И, пожалуйста, никаких отговорок, — он поднялся на ноги. — Мне нужно отнести в фургон некоторые вещи, и мы можем ехать. В конце концов, давайте устроим с вами пикник!

Пока Эдна Крэйвен нетерпеливо дожидалась в гостиной, хозяин дома, превратившийся на время в Ричарда Крэйвена, спустился в подвал. Там он взял последнюю требовавшуюся ему коробку, которую непременно следовало перенести в фургон, в тот самый трейлер-дом, который он арендовал накануне, используя водительские права Гленна Джейферса и его кредитную карту.

В коробке находилась канистра с бензином и коробок спичек, но теперь он добавил туда еще несколько предметов.

Электропилу. Электрический провод с оголенными концами, из которого он пытался изготовить дефибриллятор, чтобы стимулировать работу сердца кошки Хэдер Джейферс. Рулон пластиковой пленки, который он купил вчера перед тем, как нанести визит Рори.

Уложив в коробку все, что могло понадобиться во время поездки, хозяин дома двинулся из подвала вверх по лестнице. Сколько лет он мечтал о том, чтобы превратить мать в объект своих исследований! Но в прежние времена об этом, разумеется, не могло быть и речи.

В конце концов свои эксперименты ему пришлось ставить исключительно на незнакомых людях.

Теперь обстоятельства, так сказать, несколько переменились.

Теперь у него не было причин исключать мать из числа испытуемых.

— Вы готовы? — спросил он, останавливаясь в прихожей.

Эдна Крэйвен, загоревшаяся при мысли провести день с таким очаровательным мужчиной, так сильно напо-

минавшим ей старшего сына, буквально сорвалась с места.

— Мне в самое ближайшее время просто необходимо похудеть, — кокетливо призналась она, направляясь к входной двери.

— Ничего подобного, — сказал хозяин дома. — Мне кажется, вы сейчас — ни убавить, ни прибавить. Оставайтесь такой, какая вы есть.

Пока она сходила по ступенькам и шла по направлению к фургону, поджидавшему на улице, Ричард Крэйвен, отстав на полшага, уже думал о том, когда и как он сделает первый надрез.

Глава 53

В середине дня Энн вернулась к себе в офис. Она чувствовала себя бесконечно утомленной, будто не спала по меньшей мере неделю. Но она знала, что бессонница не имеет ни малейшего отношения к той тяжести, которую она ощущала во всем теле. Плюхнувшись в кресло, она с минуту сидела, уткнувшись лицом в ладони, а потом потянулась к клавиатуре компьютера. Энн хотела вызвать из его недр репортаж, над которым она столь удачно работала к моменту звонка Марка Блэйкмура, и стереть его начисто. Пустой экран — и тот, казалось, стал насмехаться над ней, когда с него исчезла последняя строчка.

Но пропал не один только репортаж, пропали годы работы. Да что там работы — жизни!

Энн продолжала с ожесточением нажимать на клавиши, пока на мониторе не появился полный список статей, когда-либо написанных ею о Ричарде Крэйвене.

Ричард Крэйвен был ныне мертв и лежал в земле.

Тот самый Ричард Крэйвен, которого общество, если верить Марку Блэйкмуру, затравило совершенно понапрасну.

Судили совсем не того человека, которого следовало судить.

Казнили тоже не того.

Энн стала вызывать на экран монитора один репортаж за другим, снова просматривая то, что она написала о Ри-

чардс Крэйвене, когда первый обезображеный труп был обнаружен в Сьюард-парке.

Следующее тело нашли у водопада Сноквалми месяцем позже, а через неделю еще одно — поблизости от озера Сямамиш. Даже тогда было ясно, что преступник не преследует какой-либо определенный «человеческий тип». Кроме того, жертвы не обладали какими-либо общими чертами, которые могли бы спровоцировать его на преступление.

Тропинка, которая вывела следствие на Ричарда Крэйвена, оказалась весьма извилистой. Следствию так и не удалось обнаружить ни единой прямой улики, которая помогла бы протянуть связующую нить от личности преступника хотя бы к одной из его жертв.

Никаких свидетелей.

Никаких кровавых пятен на одежде.

Отсутствие орудия преступления.

Тем не менее чрезвычайно расплывчатый образ преступника начал со временем обретать очертания.

Выяснилось, что это мужчина.

По мере того, как находили трупы все новых и новых жертв, стала проявляться и определенная схема: большинство жертв проводило значительную часть времени в районе университета. Некоторые там жили, некоторые — работали. Некоторые просто учились в университете.

Затем картина стала обретать фокус. В центре этой картины появился человек, который, по свидетельству очевидцев, беседовал с некоторыми из будущих жертв.

После того как были сопоставлены показания свидетелей, появилось описание внешности преступника, в значительной степени совпадающее с внешностью Ричарда Крэйвена.

Несколько человек упомянули о трейлере, который видели поблизости от места, где впоследствии были обнаружены трупы.

У Ричарда Крэйвена тоже имелся подобный фургон, которым он часто пользовался...

Энн почувствовала, как у нее засосало под ложечкой, когда она вспомнила, для каких целей Ричард Крэйвен использовал свой фургон.

Он ездил на нем на рыбалку.

Шейла Херрар упомянула об этом совсем недавно. В тот самый день, когда исчез ее сын, он поставил мать в известность, что отправляется на рыбалку. На рыбалку с Ричардом Крэйвеном.

Может быть, Энн разозлилась именно из-за того, что кто-то припарковал похожий фургон рядом с ее домом? Из-за того, что она мысленно связывала Ричарда Крэйвена и такие фургоны?

Вполне вероятно, что по этой же причине она столь резко отреагировала на заявление Гленна о том, что он собирается заняться рыбной ловлей.

Все-таки удивительные вещи происходят на свете! Тысячи людей, даже сотни тысяч увлекаются рыбалкой. В редакции «Таймс» тоже есть один парень — кажется, книгоиздатель? — который ни с того ни с сего увлекся рыбной ловлей на муху. Если этот парень может себе такое позволить, то почему не может Гленн?

Мысли Энн цеплялись одна за другую, и неожиданно она вспомнила тот день, когда Гленн, находясь в госпитале, вдруг попросил Кевина принести ему досье Энн на Ричарда Крэйвена.

С какой стати?

Гленн всегда считал чрезмерным ее интерес к серийному убийце. Тогда отчего, спрашивается, он сам проявил такой интерес к Крэйвену?

Неужели он настолько заинтересовался этим субъектом, что даже перенял некоторые его привычки?

Спокойно, сказала себе Энн. Именно так люди и сходят с ума. Неважно, что там думает Марк Блэйкмур. Гленн всего-навсего увлекся новым для него делом — кстати, по совету врача.

Но потом Энн в голову пришла столь пикантная мысль, что она даже позволила себе громко рассмеяться.

Интересно знать, какое из увлечений Ричарда Крэйвена выбрал для себя Гленн? Только ли рыбалку?

Или убийства тоже?

Нескончаемые разговоры, от которых здание редакции гудело, словно улей, на мгновение стихли. Энн оглянулась на своих коллег, заметила их внимательные взгляды, и смех сам собой замер у нее на устах. Она повернулась к

компьютеру и сделала вид, будто не покладая рук трудится над репортажем.

Привычное жужжание в помещении возобновилось, Энн же вернулась к своим размышлениям. Постепенно они начали обретать очертания, правда, размытые до чрезвычайности.

Какой-то важный момент она упустила, нечто такое, о чем она знала или слышала раньше.

Сплетню?

Или даже целую версию?

Эта информация должна была храниться в одном из ее компьютерных файлов или просто у нее в памяти.

Она знала только один способ найти упущенное: перелопатить все свои материалы о Ричарде Крейвене с самого начала. Это касалось не только опубликованных репортажей, но и всякого рода заметок и набросков, также сохранившихся в недрах компьютера. Сюда же относились и записанные с голоса интервью, и полный отчет о ходе судебного процесса и последовавших за ним апелляций. Если бы кому-нибудь пришло в голову перенести все эти материалы на бумагу, они заняли бы не менее тысячи страниц убористого текста.

Пытаясь хотя бы на время отогнать усталость, которая готовилась захлестнуть все ее чувства, Энн старательно обдумывала свою затею. Предстояло просмотреть все с самого начала, а на это могло уйти много дней и даже неделю. Но она была уверена — необходимая информация есть, просто ее нужно разыскать. Тогда она найдет ключ к убийству Рори Крейвена. Честно говоря, несмотря на слова Марка Блэйкмура и все те фотодокументы, которые он ей продемонстрировал, Энн Джейферс по-прежнему не сомневалась в одном: в своем мнении насчет Ричарда Крейвена.

Убийцей он все-таки был. Его судили за убийства и казнили за убийства.

Он умер, а Энн Джейферс не верила в привидения. Таким образом, оставалось сделать вывод, что кто-то затеял с обществом весьма своеобразную, но от этого не менее кошмарную игру.

Энн старалась мыслить спокойно и логично.

Сообщник.

Сообщник существовал, что бы там ни говорил Марк Блэйкмур о склонности серийных убийц к одиночеству. Ричард Крэйвен под систему не подпадал.

Место Ричарда Крэйвена занял другой. Этот другой жил и действовал. И этому пока неизвестному человеку Ричард Крэйвен открыл все свои тайны.

Этого другого Ричард Крэйвен научил подделывать свой почерк.

Насколько Энн знала, такое было вполне возможно.

Да, но кто мог затаиться и ждать, пока шел процесс над Крэйвеном, а после его казни выскочить, словно чертик из табакерки, вновь взяться за работу Крэйвена, и все для того, чтобы люди уверовали в невиновность Крэйвена?

Неужели есть на свете существо, столь безоговорочно преданное Ричарду Крэйвенну — этому чудовищу в человеческом обличье?

Энн, по крайней мере, не могла представить себе такого человека. Тем не менее он существовал — это был единственно возможный вариант. А раз такой человек существует, она его найдет.

Если, конечно, он ее не опередит.

Память услужливо процитировала ей последние слова Ричарда Крэйвена. «Вот о чем я жалею более всего, Энн: мне не придется наблюдать за вашей смертью — по крайней мере, в общепринятом смысле. А вы сможете увидеть, как я умираю!»

Неужели в его словах заключалось нечто большее, чем ей показалось поначалу? А вдруг он уже тогда сделал все необходимые приготовления для того, чтобы и ее настигла смерть?

Неожиданно ей пришло в голову, что убийца Рори Крэйвена мог догадаться о причастности Рори к убийству Джойс Коттрел одним только способом — находясь поблизости от дома Джойс в ту ночь. Но вовсе не потому, что он следил за ее домом.

Скорее всего он наблюдал за ней, Энн Джефферс.

Энн мгновенно похолодела от страха, стоило ей представить, как кто-то крадется в темноте поблизости от ее дома.

Неужели он ждал, когда появится она, чтобы ее убить? Ее или кого-нибудь из ее семейства?

Неужели он готовился ночью проникнуть к ней в дом,
когда она и все ее близкие будут спать?

И где он сейчас, в эту самую минуту?

Неужели он по-прежнему следит за ее домом?

И за ее детьми?

Она посмотрела на часы: подумать только, уже четверть четвертого! Если Хэдер все еще в школе, можно попросить ее отыскать Кевина и побывать с ним немного. Если дети будут держаться вместе, то это все-таки безопаснее. Но если Кевин будет предоставлен самому себе...

Энн охватила паника. Она тут же подняла трубку и набрала номер телефона школы, в которой училась Хэдер. Прошло долгих пять минут, показавшихся Энн вечностью, прежде чем на другом конце провода подняли трубку.

— Прошу меня извинить, миссис Джейферс, — сказала заместитель директора Шейла Джонс, используя те голосовые модуляции, которые применялись ею в разговорах с наиболее заботливыми родителями. — Прошу прощения, но я несколько раз пыталась связаться с вашей дочерью по пейджинговой связи, и все зря. Поэтому я думаю, что она уже ушла из школы. Чем лично я могу вам помочь, а если не я, то кто-нибудь из учителей?

Энн заколебалась. Следует ли ей сообщить миссис Джонс о том, что за ее детьми, возможно, кто-то следит? Ну а вдруг все это не более чем ее домыслы? Кто знает? Ведь на самом деле она ни в чем не уверена!

— Хм, знаете ли, — начала Энн, — мне показалось... Да нет. Все нормально. Думаю, что мне действительно показалось...

Энн закончила разговор с миссис Джонс и набрала свой домашний номер. Услышав автоответчик, она выругалась себе под нос и принялась ждать, когда отзовется кто-нибудь из домочадцев. Подождав с минуту, она решила проговорить сообщение.

— Гленн? Если ты рядом — возьми трубку. Это я. Забеспокоилась о детях. Если тебя нет и ты появишься позже, то будь любезен, возьми машину и съезди в школу за Кевином — разумеется, в том случае, если будет не слишком поздно. Выяснились новые обстоятельства, но у меня, черт возьми, нет времени обо всем рассказывать. Сделай это для меня, пожалуйста, ладно? Заранее благодарна. Целую.

Повесив трубку, она некоторое время сидела не шевелясь и ожидая, когда уляжется бушевавшая у нее в душе паника. Где, спрашивается, Гленн? Почему его нет дома? Может быть, с ним что-то случилось?

— Прекрати себя распалять, — сказала она вслух. — Держи себя в руках. Или ты начнешь делать что-то конструктивное, или просто развалишься на части. Пора на конец выбирать...

Ей просто необходимо вычислить убийцу Рори Крэйвена, решила она. Того неизвестного, который, возможно, в эту самую минуту следит за ней.

А ведь в недрах ее компьютера наверняка скрывается невостребованная информация об этом человеке. Так или иначе он непременно уже проявил себя, поскольку пользовался особым доверием Ричарда Крэйвена и был настолько близок к последнему, что научился не только подделывать его почерк, но и имитировать — вплоть до мелочей — даже его манеру совершения преступлений.

Возможно, она сама проинтервьюировала этого убийцу, когда раскапывала сведения о каждом, кто имел какое-либо отношение к особе Ричарда Крэйвена.

Да какое там «возможно»! Она *наверняка* беседовала с этим человеком, не имевшим пока ни лица, ни имени. Она просто *не могла* его пропустить!

Усталости как не бывало. Энн вызвала список всех интервью, проведенных ею за последние несколько лет, но после этого ее энтузиазм улетучился.

Справочная таблица, высвистившаяся на мониторе, напомнила ей, что такого рода информация распылена по 1326 файлам. Таким образом, для того, чтобы перечитать все интервью заново, ей понадобилось бы несколько дней.

Список, правда, можно было несколько сократить, поскольку не стоило просматривать снова интервью с друзьями и членами семей убитых.

Главное — это записи встреч с друзьями и знакомыми самого Ричарда Крэйвена. Пальцы Энн забегали по клавиатуре, составляя новый список. В результате из 1326 файлов осталось всего 127.

Вызвав к жизни первый файл, Энн приступила к работе.

Она найдет убийцу, рано или поздно это произойдет.
Но скольких людей настигнет смерть за время ее изысканий?

И что это будут за люди?

Глава 54

Слабый источник света, который забрезжил среди тьмы, окутавшей сознание Гленна, начал постепенно набирать силу и разгонять окружавший его мрак. Гленн сконцентрировал внимание на этом световом пятне в надежде на то, что свет окончательно переборет темноту.

Потом Гленн услышал звук — непрерывное монотонное жужжание на высокой ноте.

Чернильный туман в голове Гленна сменил свой цвет на серый — свет явно одерживал верх в борьбе с мраком.

Звук стал громче.

Что это? Бур дантиста?

Гленн попытался вспомнить, что с ним произошло. Он находился дома, сидел на кухне, почитывая газету. Потом — звонок! Точно — зазвонил телефон.

Горди Фарбер! Ему звонил Горди Фарбер, чтобы спрашива-
ться о его самочувствии. Они с минуту поговорили, а
затем что-то им помешало.

Звонок в дверь!

Кто-то позвонил в дверь, и он, Гленн, пошел открывать. Потом...

Потом вокруг него сомкнулась темнота.

Звук становился все громче, а источник света разгорался все ярче и ярче. С каждым мгновением становилось светлее.

— Ты проснулся.

Голос прозвучал негромко, хотя по мере того, как у Гленна прояснялось в голове, жужжащий звук становился все более интенсивным. Впрочем, Гленн отчетливо рас-
слышал эти два слова. Казалось, голос исходил из самых глубин его естества.

— Это я разбудил тебя, — продолжал между тем голос. — Но перед этим я тебя усыпал.

— *Зачем?* — сам собой возник в голове Гленна беззвучный вопрос. Однако прежде чем он сумел оформить его словесно, голос отзывался:

— Мне было нужно наше тело.

Наше тело. Эти слова окончательно высвободили сознание Гленна из рассеивавшегося уже тумана. *Наше тело.* Что с ним творится? Пока он пытался сформулировать вопрос, на него обрушился поток информации, расставившей по местам то, что доселе оставалось ему непонятным.

Он узнал, к примеру, что делал во время затемнений сознания.

Выяснил все о сломанной бритве, его домыслы на этот счет оказались отчасти верными.

Он узнал, откуда в его доме стали появляться вещи — те самые, которые, по его предположению, он купил, хотя и не помнил об этом: удочка, найденная Кевином, новая бритва, найденная им самим, искусственная мушка, изготовленная из пера Гектора и кусочка меха Кумкват.

Кумкват!

Гленн вспомнил свой сон. Но ведь это всего лишь сон! Сны далеки от реальности. Так, по крайней мере, должно быть.

И опять те слова, которые произнес голос, эхом отзывались в его голове: *наше тело*.

«Но почему *наше?* — в отчаянии думал Гленн. — Это *мое тело.* Откуда мог взяться другой его владелец? Да и не было никакого другого. Все происходит только в его сознании».

Вот оно — он все еще не до конца проснулся, и его сонный разум сыграл с ним дурную шутку. Но все больше странных воспоминаний тревожило его душу. В частности, Гленн вспомнил, что когда он занимался любовью с Энн после своего возвращения из госпиталя, его пронзило не-понятное чувство... Да, у него появилось ощущение, будто внутри поселился еще один человек.

А досье на Ричарда Крэйвена? Ведь как-то раз он нашел его на своей прикроватной тумбочке в госпитале.

Проклятые затмения...

Он вспомнил, как по телевизору показывали одну женщину, утверждавшую, будто у нее внутри живут семнад-

цать разных личностей. Синдром многоличностного разделения индивидуума. Та женщина испугалась, когда у нее начались затмения сознания, когда же ей потом стали рассказывать, что она творила во время этих затмений, она испугалась еще больше: ведь она ничего не помнила. Вряд ли она стала бы вытворять такое, будь у нее все нормально с психикой...

Однообразный жужжащий звук сделался громче. Гленн догадался, что это вовсе не бур дантиста.

Это была электрическая пила.

Ему наконец удалось разглядеть режущий диск, он находился прямо перед ним. Потом он увидел свою собственную руку, которая сжимала сине-зеленую пластмассовую рукоятку инструмента.

Чуточку ниже находился еще один предмет — верхняя часть женского торса. Торс принадлежал толстухе, тяжелые бесформенные груди которой обвисли по сторонам тела под собственной тяжестью.

Между грудями, начиная от пупка и к самому горлу, тянулся разрез.

Свежий чистый разрез, причем идеально прямой.

Грудь женщины распахнулась, словно незастегнутая блузка, стоило женщине набрать в легкие воздух.

Надсадный вой прекратился — пила выключилась.

Пораженный Гленн увидел, как его рука отложила в сторону пилу и взялась за нож с острым треугольным клинком. Примерно такой нож использовал Кевин, когда трудился над моделью парусника.

Точно такой же нож он, Гленн, использовал при изготовлении мушки. Руки Гленна двигались словно сами собой. Нож прочертит на теле женщины линию, которая пересеклась с уже сделанным ранее разрезом. По мере того, как нож продвигался по телу, с легкостью рассекая кожу, следом за ним тянулся тонкий алый след, который через мгновение стал утолщаться, а потом и вовсе потерял форму, поскольку из разреза заструилась кровь, мгновенно покрывшая все тело.

Насмерть перепуганный и словно завороженный Гленн беспомощно следил за делом своих рук. Вот они снова задвигались, и на теле появился третий разрез.

«Нет! — подумал Гленн. — Не может быть, чтобы это происходило на самом деле!»

Но в то самое время, когда его мозг пытался сформулировать эту мысль, неприятный зловещий смех эхом отозвался у него в голове. Теперь Гленн пытался отвлечься от дьявольского хохота, звучавшего у него в ушах, и одновременно усилием воли остановить неконтролируемые действия рук. И тут Гленн испытал еще одно новое ощущение — его охватило оцепенение, похожее на паралич. То был паралич воли, мгновенно лишивший Гленна власти над собственным телом. Ему оставалось лишь наблюдать, как его пальцы снова пришли в движение, заворачивая в стороны большие лоскуты кожи. Под кожей обнаружилась грудная клетка.

Еще до того, как пальцы Гленна потянулись к рукоятке, он уже понял назначение электропилы. Тем временем выключатель щелкнул, и его уши наполнились пронзительным жужжанием, которое создавалось работающим электромотором и бешено вращающимся режущим диском инструмента.

По мере того, как вращающийся диск, сверкавший, словно жидкое серебро, приближался к груди женщины, Гленн сделал еще одну попытку освободиться от неизвестной силы, сковавшей его тело, но у него ничего не вышло. Беспомощный, он наблюдал, как режущая кромка пилы коснулась плоти, а затем зубцы врезались в переплетение костей и хрящей, представляющее собой центральную часть грудины.

Гленну хотелось закричать, нет, скорее завыть в знак протеста, но голос подчинялся ему ничуть не больше, чем пальцы и руки. Он был не в силах остановить эту чудовищную хирургию и только молча стонал про себя: *«О Господи, нет! Господи, не дай этому произойти...»*

Пока Гленн взывал к Богу, сияющий диск все глубже проникал в тело женщины, а потом его же собственная рука ворвалась сквозь выпиленное отверстие внутрь грудины, проткнув плевральную мембрану.

Как только Гленн увидел обнаженные легкие женщины, темнота снова сомкнулась над ним.

На этот раз он воспринял наступление темноты как избавление.

— Мне очень жаль, мистер Джейферс, но у доктора Фарбера пациент.

Голос медсестры в трубке заставил Гленна предположить, что его пытаются наказать за дерзость, проявленную им по отношению к доктору. Нечего трубки бросать!

— Вы можете, по крайней мере, передать, *кто* с ним хочет говорить?

— Доктор не любит, когда ему мешают вести прием, — ответила сестра, явно давая Гленну понять, что она до крайности раздражена его звонком. — Кроме того, мистер Джейферс, кричать вовсе не требуется, я, знаете ли, исключительно глухая.

— Извините, — произнес Гленн. В очередной раз он попытался вспомнить, что произошло между ним и Горди Фарбером утром. Они вроде бы уже почти договорились о встрече, когда у него началось одно из его проклятых затмений сознания. На сей раз темнота нахлынула на него почти мгновенно, а когда он очнулся, то оказалось, что он лежит на софе в гостиной. Хотя он и не ощущал никаких недомоганий, но тем не менее отдохнувшим он себя тоже не чувствовал. Человек, который проспал на диване несколько часов, должен находиться в лучшем расположении духа. А ведь из его жизни опять пропали несколько часов!

Затем в его памяти, как обычно, снова всплыли сновидения, посетившие его во время сна, но на этот раз, в отличие от вчерашних, они выглядели как вполне законченные картины, а не как бессвязные фрагменты из фильма ужасов.

— У вас что-нибудь серьезное? — спросила тем временем сестра, сменив гнев на милость.

Гленн колебался. Он был напуган, причем куда сильнее, чем сам мог бы признать, но, конечно же, он не стал бы рассказывать о своих страхах сестре. Что же делать, если у него действительно серьезный случай? Так или иначе, он не знал, что ответить.

И снова ему вспомнился его сон. Позабытые на время картины настолько живо высветились у него в голове, что казалось, будто он проснулся всего несколько минут назад.

Там, во сне, он находился не у себя дома в гостиной и не где-нибудь поблизости. Он стоял совершенно обнаженный в быстрой холодной воде горного ручья и держал в руках удилище, приспособленное для ловли на муху. Вряд ли он смог бы сейчас вразумительно ответить на вопрос, как и почему он там оказался.

То, что привиделось Гленну, можно было назвать «сном во сне».

Но и во сне Гленн сохранил память о рассеченном женском торсе — если, разумеется, это являлось воспоминанием о реальном событии, а не очередным фантомом. Зато воспоминание о речке показалось Гленну чрезвычайно убедительным.

В своем сне Гленн намотал леску на катушку, выбрался из речки и поспешил к фургону, стоявшему точно посередине небольшой зеленой полянки, в паре сотен футов от горного потока.

Хотя Гленн не имел представления, откуда взялась на поляне эта громоздкая машина, фургон тем не менее показался ему знакомым. С сильно бьющимся сердцем он приблизился к автомобилю, но не обнаружил в нем ничего подозрительного. В салоне не оказалось ни малейшего следа недавнего кровопролития, о котором он с такой поразительной ясностью помнил. В одном из отделений багажника он обнаружил электрическую пилу, правда, с уже снятым режущим диском. В ящике встроенного шкафа он нашел также рукоятку модельного ножа, клинок которого отсутствовал. Никаких следов крови в машине ему обнаружить не удалось. Потом он оделся — в этой одежде он сейчас разговаривал по телефону с сестрой — и обыскал заросли, окружавшие веселенькую полянку.

Ему ничего не удалось найти.

Он уселся за руль фургона и поехал к дому, когда на него снова навалилось забвение.

— Мистер Джейферс? — спросила сестра. — Вы меня слышите?

— Да, — ответил Гленн. — Думаю, мое дело не терпит отлагательств. Мне просто необходимо побеседовать с Горди.

Сестра заколебалась. Казалось, она раздумывала, не врет ли ей Гленн, но затем рассудила, что ее начальник должен решать такого рода ребусы сам.

— Я пойду посмотрю, возможно, доктор вас примет.

Сестра Тинни Мьюзэк умолкла, а через минуту Гленн услышал в трубке голос Горди Фарбера.

— Гленн? Вы где? Что с вами происходит, черт возьми? С чего это вы стали швырять трубку?

— Мне можно прийти к вам в кабинет и поговорить? — спросил Гленн. — Я приеду точно к назначенному вами времени.

— Ладно, я назначу вам время, — проворчал Горди Фарбер, чувствуя неподдельный страх в голосе Гленна. — Вы сможете быть у меня через пятнадцать минут?

— Я буду, — ответил Гленн.

Прошло каких-нибудь десять минут, а Гленн уже входил в приемную. Возможно, он добрался бы и быстрее, но когда он вышел из дома и двинулся к госпиталю, то увидел фургон, ничуть не отличавшийся от того, который он видел во сне. Гленн даже заглянул в окна, и его сердце сильно забилось, когда он понял, что узнает интерьер. Он подергал двери, обнаружил, что они заперты, и только после этого направился к госпиталю.

Несмотря на протесты Гленна, Горди Фарбер настоял на тщательном осмотре. Когда осмотр наконец завершился и врач убедился, что второй приступ в обозримом будущем Гленну не грозит, он указал пациенту на стул, а сам уселся за массивный стол орехового дерева, скрестил на груди руки и пристально посмотрел на Гленна. По какой бы причине Гленн ни звонил, кардиологу было ясно, что опасность со стороны здоровья пациенту не грозит. Наоборот, все данные осмотра подтверждали, что выздоровление Гленна протекает весьма удовлетворительно.

— Итак? — спросил Фарбер. — Из-за чего весь этот шум, Гленн?

— Честно говоря, не знаю, — ответил тот.

Горди Фарбер выпучил от удивления глаза.

— То есть как это вы не знаете? — проревел он. — Что это за ответ — «не знаю»? Вы договорились со мной о встрече, потом у вас прозвонил входной звонок, вы пошли открывать, затем вернулись, не слишком цивилизованным

образом со мной рас прощались и швырнули трубку. А теперь вы говорите «не знаю». Выкладывайте все как было: кто там стоял у дверей вашего дома?

Гленн беспомощно покачал головой.

— Я же говорю вам — не знаю. Я помню, как мы разговаривали, помню, что в дверь позвонили. Но что происходило после этого — для меня совершеннейшая загадка. Я проснулся на диване у себя в гостиной двадцать минут назад. Боюсь, однако, что я не все прошедшее время находился дома. Вообще это какое-то сумасшествие. Я, к примеру, помню, что еще задолго до пробуждения пришел в себя, но находился я в этот момент не дома, а Бог знает где. Я стоял по пояс в горной речушке и ловил рыбу. — Тут Гленн покраснел и отвел глаза. — При этом, знаете ли, я был абсолютно голым.

Постепенно Гленн рассказал врачу все, что он помнил. Когда он наконец завершил свое повествование, то поднял глаза на врача и со страхом на него посмотрел.

— Самое мерзкое заключается в том, что я перестаю понимать, где явь, а где сон. Господи, Горди, скажите скорей, что со мной происходит? И прошу вас, не пытайтесь меня убедить, будто такое происходит с каждым, кто перенес сердечный приступ.

Кардиолог встал, обошел вокруг стола и снова уселся в кресло.

— Скажите, вы помните, как ехали в горы? Или как спускались вниз?

Гленн покачал головой.

— У меня нет фургона. Но самое смешное, что этот ридван, воспоминания о котором засели у меня в голове, преспокойно стоит себе в нескольких шагах от моего дома. Я отчетливо помню две вещи: первое — я потрошу женщину, второе — я пытаюсь найти ее тело в фургоне.

— Совершенно очевидно, что ни первого, ни второго вы не совершали, — объявил доктор Фарбер.

— А если совершил? — возразил Гленн.

Фарбер нахмурился и нажал кнопку интеркома.

— Принесите мне, пожалуйста, утренний номер «Геральд», — попросил он сестру. — Первую страницу.

Через минуту дверь открылась и появилась девушка с газетой в руках. Фарбер кивком указал на Гленна, и она передала газету ему.

— Это все? — спросила сестра.

— Да, спасибо, — ответил доктор Фарбер. Когда сестра закрыла за собой дверь, он повернулся к Гленну. — Взгляните-ка на первую страницу.

Гленн развернул газету и увидел в нижней части первой страницы очерк Энн, посвященный убийству Рори Крэйвена.

— Вы это читали сегодня утром? — спросил кардиолог.

Гленн кивнул.

— В таком случае мы сможем установить источник ваших кошмаров, — заметил Фарбер, и на его губах появилась хитрая ухмылка. — Обратите внимание, Гленн, в этой статье содержится не только информация о парне, которого нашли в доме через дорогу, но и о тех двух женщинах. О вашей жене можно без лести сказать одно: когда она бедрется что-нибудь описывать, это получается у нее чрезвычайно наглядно. Таким образом, если вы прочитали эту статью утром, а потом вам привиделось, будто днем вы потрошите грудную клетку женщины, не надо быть великим ученым, чтобы обнаружить связь между этими двумя событиями.

Гленн запротестовал:

— Но эта статья никак не объясняет провалы в сознании. И потом, с какой стати мне пришло в голову ловить рыбу в голом виде?

Горди Фарбер ухмыльнулся.

— Вы видели сон, Гленн. Всего-навсего сон. Вы об этом не забыли? Черт, если бы такие сны снились мне, я, возможно, тоже не устоял бы перед искушением.

Когда попытка врача развеселить Гленна вызвала у последнего лишь мрачный ответный взгляд, Фарбер тоже перестал улыбаться.

— Хорошо. Готов признать, что в ваших снах просматриваются симптомы незддоровья. Но незддоровье такого рода не по моей части. Вам нужен психиатр. Хотите, я позвоню кому-нибудь?

Гленн заколебался, но видение обнаженного женского торса и его самого, орудующего над человеческим телом

сначала модельным ножом, а потом электропилой было еще слишком свежо в памяти.

— У вас есть на примете кто-нибудь стоящий? — спросил он.

Когда кардиолог утвердительно кивнул, Гленн решился:

— Договоритесь с ним о консультации, ладно?

Джейк Джекобсон был на десять лет моложе Гленна, на пять дюймов ниже его ростом и весил как минимум на сорок фунтов больше. К тому времени, когда Гленн приехал в офис Джекобсона, тот уже успел получить историю его болезни через центральный компьютер и теперь критически разглядывал нового пациента, который шел к нему от дверей кабинета.

— Что ж, по крайней мере, выглядите вы не как сумасшедший, — начал он, пытаясь настроить Гленна на веселый лад.

— И от осознания этого, стало быть, я должен почувствовать себя лучше? — спросил Гленн.

— Ну, если вы не верите, что мое вмешательство поможет вам, тогда зачем вы вообще сюда пришли? — возразил психиатр.

В течение следующих тридцати минут Гленн рассказывал о состоянии своей психики с того самого дня, когда он перенес сердечный приступ. Особенное внимание Джейк уделял странным, чуть ли не сюрреалистическим видениям, посещавшим пациента в последнее время. Психиатр слушал и делал записи, но не перебивал Гленна, и тот получил возможность поведать о своих переживаниях с начала и до самого конца.

— Человеческая психика — чрезвычайно тонкая штука, — заметил Джекобсон, когда Гленн замолчал. — Мы, к примеру, знаем, что самое простое наблюдение может внедрить в наше сознание ложные воспоминания, которые, впрочем, ничуть не менее реальны, чем окружающий нас мир. Такого рода примеры встречаются сплошь и рядом в случаях так называемого «сексуального оскорбления детей». Я не стану спрашивать вас, верите ли вы в то, что ваши воспоминания о событиях сегодняшнего дня основа-

ны на реальности. Я лучше спрошу вас, какую ценность может иметь такая вера?

Он откинулся на спинку стула и сложил руки на своем весьма объемистом животе.

— Давайте ради спортивного интереса предположим, что события на реке имели под собой реальную основу. Что мы в таком случае имеем? А ничего. Вы сами, по вашим же словам, не смогли найти ни малейшего подтверждения тому, что вы, по вашему мнению, совершили. — Джейк улыбнулся. — И пила, и нож не имели режущих частей, правда?

— Я мог их выбросить, — упрямо произнес Гленн. — Ведь я их даже не искал.

— Зато вы искали тело и тоже не нашли. Равно как не обнаружили пятен крови, следов борьбы и тому подобного, что могло бы служить доказательством того, что вы и в самом деле кого-то убили. Все это был сон, Гленн. Насчет фургона: совершенно очевидно, что вы уже рассматривали его утром. И, вполне возможно, даже заглядывали в окна этого передвижного дома. Таким образом, у вас в голове имелась вполне реальная основа для сновидений.

Психиатр стал загибать пальцы один за другим.

— Вашу соседку по дому убили примерно таким же способом, который привиделся вам. Кроме того, имеется фургон, чрезвычайно похожий на тот, который вы себе нафантизировали, и стоит он чуть ли не напротив вашего дома. Далее, ваша жена в течение нескольких лет писала о Ричарде Крэйвене, а этот самый Ричард, насколько я помню, любил порыбачить и ездил на рыбалку именно в фургоне. Уверен, что данный факт так или иначе тоже отпечатался у вас в сознании. Единственное, что вам оставалось сделать, это объединить в ваших фантазиях все перечисленные мною факты, создать, так сказать, псевдовоспоминание о событии, свидетельств реальности которого вы, по вашему же утверждению, до сих пор не обнаружили.

— Да, но как быть с затмениями? С провалами в памяти? — продолжал настаивать Гленн.

Джекобсон развел руками.

— Я скажу вам то, что мне сразу же пришло на ум: очень может быть, что вы перенесли микроинсульт.

— Инсульт? — словно эхо повторил за ним Гленн. — Но если бы у меня был инсульт...

— Люди переносят инсульты каждый день, — перебил его психиатр. — Большой частью они проходят незамеченными. Инсульт ведь необязательно должен быть тяжелым. Даже самое ничтожное кровотечение в мозгу подпадает под эту категорию явлений. Так что вполне возможно, что инсульт у вас все-таки был.

Психиатр поднял трубку:

— Элли, будьте любезны подготовить все для снятия энцефалограммы. Мы появимся у вас через пару минут.

Повесив трубку, Джейк снова сосредоточил свое внимание на пациенте.

— Энцефалограмма даст нам возможность выяснить, насколько велик ущерб от инсульта и насколько большую угрозу вашему здоровью он представляет. Потом можно провести исследование мозга на томографе — просто для того, чтобы подтвердить полученный результат.

Психиатр защелкал клавишами компьютера, взглянул на расписание, появившееся на экране, и объявил:

— Понедельник. Вас устроит?

Гленн кивнул и почувствовал, как охвативший его ужас начал отступать. Он получил более или менее реалистическое объяснение случившегося с ним. Психиатр провел Гленна в кабинет, где была установлена аппаратура, и пока сестра мерила пациенту давление, врач принялся рассказывать Гленну о предстоящей процедуре.

— Все чрезвычайно просто, — сказал Джекобсон. — Я присоединю к вашей голове несколько электродов, и мы измерим электропотенциал вашего мозга.

Заметив, что на лице Гленна появилось выражение ужаса, он ободряюще ему улыбнулся:

— Поверьте, вы ничего не почувствуете.

Сестра сняла манжетку тонометра с руки Гленна и начала присоединять электроды к голове пациента. Гленн чувствовал холодное прикосновение контактов к коже.

— Готово? — спросил через минуту психиатр.

— Готово, — ответила сестра.

Доктор повернул выключатель на приборной доске, и Гленн ощутил мгновенный приступ панического страха, хотя боли он не чувствовал.

Неожиданно у него внутри родился крик, крик ужаса и боли. В этом вопле прозвучал концентрированный ужас, ужас такой удивительной силы, что на мгновение Гленн решил, что сходит с ума.

Да, но откуда взялся этот вопль? Глаза Гленна заметались: он то смотрел на врача, то переводил взгляд на сестру. Было ясно: они не слышали разрывавшего его мозг вопля, поэтому Гленн сделал вывод, что чудовищный звук доносится из глубин его сознания. Интенсивность этого звука менялась в соответствии с изменением частоты тока. Стоило Джекобсону выключить установку, как тут же прекратился и крик, не оставив в памяти Гленна ни малейшего следа.

— Вот и все, — сказал психиатр. — Ведь вы ничего-шеньки не почувствовали, правда?

Гленн кивнул и уставился на длинную бумажную ленту, выползвшую из чрева аппарата.

— Это что, она самая и есть?

— Да, она самая. Энцефалограмма, — кивнул психиатр, отрывая кусок ленты. — Давайте-ка на нее взглянем.

Некоторое время Джекобсон изучал бумажную ленту, а затем протянул ее Гленну. Тот увидел три линии, которые поднимались и опускались в трех различных ритмах.

— Ну, — задумчиво протянул Гленн, — и что это должно означать?

Джейк Джекобсон снова ободряюще улыбнулся:

— Это должно означать, что на данный момент ваш мозг функционирует вполне нормально. Никаких выраженных аномалий нет, поэтому пока мы не получили данные томографа, можно смело утверждать, что все ваши беды происходят от стрессов. Впрочем, стрессы вовсе не связаны с сердечным приступом, который вы недавно перенесли. Скорее всего они являются следствием тех изменений, которые произошли в вашем организме после приступа. Дело в том, что после этого события вся ваша жизнь изменилась. Таким образом, психическая травма все-таки имела место, но она отнюдь не фатальна.

Врач начал что-то писать в блокноте для рецептов, потом вырвал листок и протянул его Гленну.

— Можете приобрести этот препарат, когда пойдете домой. Это транквилизатор, который вы можете использовать, когда настанет нужда.

Затем врач отвел Гленна к себе в офис.

— Самое главное, смотрите на все это проще, — посоветовал психиатр. — Чувствуете потребность съездить на рыбалку — езжайте! А в понедельник мы взглянем на показания томографа и, надеюсь, получим ответы на все вопросы. Договорились?

Гленн испытал невообразимое облегчение.

— Здорово, — сказал он и даже изобразил некоторое подобие улыбки. — А я-то боялся, что вы снова засуннете меня в госпиталь.

— Это вряд ли, — ответил Джекобсон. — Что бы вы там себе ни думали, я, например, уверен, что вы не представляете опасности ни для себя лично, ни для других людей. Отправляйтесь домой, отдыхайте. Желаю вам хорошего уик-энда. До понедельника.

Гленн Джейферс вышел от психиатра с твердым желанием зайти в аптеку и приобрести рекомендованный ему препарат.

Вместо этого он сразу же двинулся домой, мгновенно позабыв о существовании рецепта.

Точно так же он забыл и о страшном вопле, раздавшемся в его мозгу, когда к его голове присоединили злополучные электроды.

Глава 56

Энн вернулась в пустой дом и некоторое время разыскивала записку Гленна, в которой он должен был сообщить ей, где находится. Она не нашла ничего — ни привычной записи на холодильнике, ни магнитофонной записи. Исходя из этого она пришла к выводу, что Гленн ушел ненадолго. Окончательно ее утвердил в этом мнении «сааб» Гленна, стоявший на своем парковочном месте у дома. Проклятый фургон куда-то делся и не мешал ни ей, ни Гленну ставить машины на привычном месте. Хлопнула входная дверь, и Кевин, пройдя через столовую, вошел на кухню. Он был один.

— Разве Хэдер не с тобой? — спросила Энн.

Кевин отрицательно мотнул головой.

— Она с Рэттой. Шляется по Бродвею.

Энн почувствовала укол страха — точно такой же, как тот, что заставил ее звонить дочери в школу. А ведь она просила Хэдер не оставлять Кевина в одиночестве. Может быть, Хэдер предположила, что новый семейный закон вступает в силу только с завтрашнего дня?

— Почему ты не пошел вместе с ней? — спросила Энн, стараясь, чтобы сын не понял по ее голосу, насколько она расстроена. Тем временем Кевин залез с головой в холдильник и на вопрос матери ответил небрежным пожатием плеч.

— Я пошел, только потом мне стало скучно и я захотел домой.

Затем с куда большим апломбом, чем Энн от него ожидала, Кевин сказал:

— Этот парень — ну, тот, что убил миссис Коттрел, — он умер, не правда ли? А раз так, то почему ты поднимашь шум, когда я хожу сам по себе?

С минуту Энн молчала, не зная, что сказать. Но потом она решила, что бунту Кевина удивляться не стоит. В конце концов ее дети в течение многих лет общались с ребятами, которые имели привычку приносить в школу ножи и пистолеты. Она знала лучше большинства родителей, какой опасности подвергаются ежедневно дети на улицах большого города.

— Я думаю, Кевин, — начала она, — нам следует серьезно поговорить.

Кевин глумливо закатил глаза к потолку, но тем не менее оставил свое намерение предаться радостям жизни и уселся на краешек одного из кухонных стульев.

— То, что убийца миссис Коттрел погиб, не означает, что ты можешь болтаться по улицам в одиночестве. Пусть хотя бы поймают человека, который убил его...

— Э, мама, прекрати... — простонал Кевин. — Ты что, собираешься посадить меня под замок? А как же случай с девчонкой, которую застрелил Гарфилд? Когда это случилось, ты не требовала от меня, чтобы я всюду ходил под ручку с Хэдер!

Энн содрогнулась, вспомнив о девочке, которую убили на тротуаре напротив особняка Гарфилда. Она участвовала в расследовании этого дела. В основе тогдашнего конф-

ликта лежала глупая выходка подростка, окончившаяся, увы, трагически. Несколько лет назад подобное происшествие завершилось бы скандалом, но теперь...

Теперь детей стали убивать.

Теперь нельзя было гарантировать безопасность ее сыну, даже если он находился в школе. Почему же она решила, что прогулки с Хэдер смогут уберечь сына от зла на улицах? Весь ужас заключался в том, что если кто-то и в самом деле решится совершить убийство — неважно кого: совершенно незнакомого ей человека, одного из ее детей или даже ее самой, — она ровным счетом ничего не сможет поделать, чтобы остановить его. В одном Кевин прав: она, конечно же, не имеет права держать его под замком в ожидании поимки убийцы Рори Крэйвена. Если выяснится, что этот человек, кто бы он ни был, и в самом деле совершил преступления, приписываемые Ричарду Крэйвену, то, следовательно, убийца прекрасно знает, как уходить от преследования и когда и где нанести очередной удар. Какие, спрашивается, имеются гарантии, что этот кто-то остановился на убийстве Рори? Энн подумала о тех пяти интервью, которые она успела прочитать до конца рабочего дня. Всего лишь пять из ста двадцати семи! А ведь она даже не знает, что, собственно, ищет!

Ее мысли прервал звук открывшейся и потом снова закрывшейся входной двери. Через секунду в проеме кухонной двери появился Гленн. Стоило Энн его увидеть, как она почувствовала, что в ней начинает закипать гнев. Гнев и негодование. Ведь он знал, в каком страхе она жила в последнее время, как была напугана смертью Кумкват... Знал, но не позабылся оставить клочок бумаги с некоторыми словами: где он, Гленн, находится и когда вернется. Неожиданно для себя Энн взглянула на мужа совсем другими глазами — теперь она искала в его лице ответ на вопрос: что с ним произошло и что заставило его так сильно измениться?

И еще ей хотелось выяснить, не он ли все-таки убил Кумкват?

Это желание с некоторых пор не давало ей покоя, хотя она всячески запрещала себе такого рода крамольные мысли. Более того, она сердилась и на Марка Блэймура за то, что последний позволил себе заронить в ее душе подозре-

ние. Что же касается Гленна, то сегодня он выглядел прекрасно. Он улыбался. На его губах снова появилась улыбка, которая так часто озаряла его лицо до приступа. Когда он наклонился к Энн, чтобы поцеловать ее в щеку, она почувствовала, что злость на мужа начинает проходить.

— Привет, парень, — обратился Гленн к Кевину и погладил его по голове. — Почему это у вас такие вытянутые лица? Вы поругались?

— Мама считает, что мне необходимо возвращаться из школы под конвоем Хэдер, — проворчал Кевин.

— Я не говорила этого, — начала было Энн, но потом поняла, что именно это она и сказала — или, во всяком случае, намеревалась сказать. — Ладно, может быть, я и брякнула что-нибудь в таком роде, но ты все равно должен обещать мне, что будешь осторожен, хорошо? Никогда не подходи к незнакомым людям, а если увидишь, что кто-то пристально на тебя смотрит, скорей уноси ноги. Обещаешь?

Кевин снова закатил глаза.

— Нет, скажи — обещаешь? — продолжала настаивать Энн.

— Делай, как говорит мать, и я возьму тебя на рыбалку в субботу.

— Правда? — лицо Кевина засветилось от радости.

— Правда. Я тебе обещаю, если ты тоже пообещаешь.

— Я обещаю, — радостно пропел Кевин. — Куда мы поедем? — требовательно спросил он. — Может быть, на всю ночь? А можно я возьму с собой Джастина?

— Нет, Джастин на этот раз не поедет, — рассмеялся Гленн. — Поедем только мы с тобой. Признаться, я не знаю, куда мы отправимся. Возможно, мы остановимся где-нибудь на ночь, а возможно, и нет. Все будет зависеть от того, что скажет твоя мать.

Кевин тут же рванулся из кухни, чтобы срочно позвонить Джастину Рейнольдсу и сообщить ему, как он собирается провести выходные. Тем временем Энн снова ощутила раздражение. Что происходит в этом доме? Когда это, спрашивается, Гленн надумал отправиться на рыбалку? И почему он ни слова не сказал ей о своей затее? Раньше, помнится, они всегда вместе принимали решения, касавшиеся детей. Еще до рождения Хэдер они договори-

лись: проблемы, связанные с детьми, решать только сообща.

— Мое мнение, стало быть, уже никого не интересует? — задиристо спросила Энн, оставив всякие попытки скрыть свои истинные чувства. — Коль скоро ты дома, объясни заодно, почему ты не оставил мне записку? И это после того, что случилось...

— Эй! — со смехом воскликнул Гленн и замахал руками, словно отбиваясь от пчелиного роя. — Мне искренне жаль, что я не поставил тебя в известность о том, где нахожусь. Просто я ходил к Горди Фарберу, и это отняло у меня несколько больше времени, чем я ожидал.

Раздражение Энн мгновенно обратилось в озабоченность.

— И какое заключение сделал Горди? — спросила она. Врач звонил по ее просьбе, но она надеялась, что он не сказал об этом Гленну.

— По его мнению, я иду на поправку, — ответил Гленн, поскольку не видел никаких причин волновать жену. Кроме того, и Фарбер, и Джекобсон в один голос требовали от него избегать всяких волнений.

— Если бы я вернулся домой пятью минутами раньше, ты бы даже не узнала, что я выходил, так?

Он подошел к Энн поближе и притянул ее к себе.

— Согласись, что я опоздал не больше чем на пять минут.

Гленн все сильнее прижимал жену к себе, и боевой настрой, который Энн всячески в себе укрепляла, дал слабину.

— Твое опоздание равнялось приблизительно десяти минутам, — сказала она, пытаясь сохранить контроль над ситуацией. — Кроме того, ты не ответил, почему ваша с Кевином поездка готовилась втайне от меня? Мы всегда обсуждали дела такого рода вместе, помнишь?

— Как я мог поделиться этим с тобой? — произнес Гленн. — У меня раньше и в мыслях не было ехать с Кевином на рыбалку.

Теперь его губы добрались до шеи Энн. Она испытывала сложные чувства: ей хотелось и оттолкнуть Гленна от себя, и покрепче к нему прижаться.

— Подожди, Гленн, — запротестовала она, но Гленн продолжал сжимать ее в объятиях. — Ох, Гленн, ну что

мне с тобой делать? — вздохнула Энн и окончательно сдалась на милость мужчины, которого любила и за которого когда-то вышла замуж.

Гленн по-прежнему обнимал ее, когда в комнату вбежал Бутс. Песик поначалу радостно кинулся к Гленну, но потом неожиданно остановился, и его передняя лапа зависла в воздухе. Шерсть на загривке у Бутса встала дыбом, из пасти вырвалось тихое рычание.

Не сводя глаз с Гленна, Бутс, пятясь, вышел из комнаты.

Глава 57

Ролф Густавсон и Ларс Гундерсон вместе удили рыбу вот уже более семидесяти лет. Они выросли вместе в Билларде, были ближайшими соседями и, едва научившись ходить, вместе забрасывали рыболовные снасти в судоходный канал, отделявший местность, где они проживали, от большей части Сиэтла, простиравшейся к югу от канала. В те далекие дни они вместе грезили о дальних странствиях и экзотических землях, которые они увидят, когда вырастут. Однако жизнь распорядилась иначе, и по прошествии семидесяти лет они по-прежнему обитали в Билларде. Теперь, правда, на расстоянии квартала друг от друга и неподалеку от места, где прошло их детство. Они оба овдовели и все еще вели нескончаемые разговоры о том, как хорошо было бы съездить в Норвегию, чтобы познакомиться с двойородными братьями и сестрами, которых никто из них и в глаза не видел. И еще они любили удить рыбу. Единственное, что изменилось в их привычках за последнее семидесятилетие, так это заповедные места ужения. Теперь они предпочитали забрасывать свои удочки в быстрые горные стремнины на востоке от города, а не просиживать задницы у канала, рассекавшего Сиэтл на две неравные части. В это утро они вышли еще до рассвета. Они выходили в одно и то же время каждое воскресенье с тех пор, как три года назад умерла жена Ларса. Удочки и прочее рыбакское снаряжение они положили на заднее сиденье старого «доджа» Ролфа, а кофе и бутерброды лежали на коленях Ларса. К

тому времени, когда старики переехали через мост И-90 и их машина начала подниматься вверх по направлению к Сноквалми-пас, между ними вспыхнула перебранка: они никак не могли договориться, в каком месте сделать остановку, чтобы испытать наконец рыбачью удачу.

Как это обыкновенно бывало в субботнее утро, когда за рулем сидел Ролф, «додж» свернул у развязки к Сноквалми-пас, Ларс же продолжал настаивать на том, чтобы ехать в глубь массива. Так или иначе, они выехали из города, миновали ТЭЦ, затем проехали водопады и двинулись по дороге, которая петляла вместе с рекой. В пути они вели нескончаемый спор о том, какой из омутов лучше. О некоторых из них они только слышали, но удить там рыбу им еще не доводилось. Перебранка все еще продолжалась, но Ролф уже поворачивал к кемпингу, которым они с Ларсом пользовались уже в течение многих лет. Там они припарковали машину, и Ролф принялся извлекать удочки и рыбакские принадлежности из груды всевозможных предметов, скопившихся на заднем сиденье. Жена Ролфа умерла всего за два месяца до того, как Грета, жена старины Ларса, тоже переселилась в лучший мир.

— Задала бы мне Хильда жару, если бы увидела весь этот бардак, — вздохнул Ролф, оглядывая невообразимое скопление всевозможного барабаха, громоздившегося на полу и на заднем сиденье автомобиля.

— Конечно, задала бы, — ответствовал Ларс, — но ведь это не значит, что ты не хотел бы заполучить ее обратно.

Согнувшись под тяжестью снаряжения, старики зашаркали подошвами по тропинке, которая вела в обход кемпинга к берегу быстрой горной речушки. В одном месте тропинка расширялась и превращалась в весьма просторную площадку, не затопливавшуюся даже во время половодья весной. В этом году снега в горах выпало немното, он уже успел растаять, и потому заветная площадка должна была предстать перед рыбаками во всей красе.

Они уже проделали половину пути вниз, когда Ларс внезапно остановился и уставился на какой-то предмет, наполовину скрытый ветвями густых кустов.

— Вот дьявольщина, — тихонько пробормотал он и присвистнул. — Нет, ты только посмотри на это! Боюсь, сегодня нам не удастся порыбачить.

Ларс заковылял вправо от тропинки. Следом за ним, отставая на шаг, семенил Ролф. В течение минуты они молча созерцали обнаженное тело, лежавшее под прикрытием кустарника, широко раскинув руки и уставив в небо черные провалы пустых глазниц.

Тело принадлежало женщине — это все еще можно было распознать, хотя оно уже некоторое время служило поставщиком провизии для многих представителей животного мира. На груди трупа красовалась огромная зияющая рана. Кроме того, над руками и ногами умершей изрядно потрудились грызуны. Насекомые в теле просто кишмя кишили. Даже в тот момент, когда рыбаки стояли и рассматривали труп, какие-то существа непрестанно сновали между кустами и телом. Как только Ларс сделал попытку подойти к трупу поближе, Ролф ухватил его за локоть и остановил.

— Думается мне, здесь ничего трогать нельзя. И подходить тоже, — сказал он. — Кажется, нам ничего не остается делать, кроме как вызвать полицию.

Ларс, который досыта насмотрелся на покойников во время второй мировой войны, кивнул в знак согласия. Старики торопливо засеменили назад, к кемпингу, нашли телефон и набрали номер «911». Затем они устроились в своем «дodge» на переднем сиденье и стали терпеливо дожидаться появления шерифа. Ларс откупорил термос и побратски разделил с приятелем остатки кофе.

Потягивая ароматный напиток, старики негромко обсуждали превратности человеческой жизни, а также сотни различных способов расставания с ней. Наконец Ролфу надоело шептаться, и он провозгласил:

— Когда настанет мой час, я бы, пожалуй, согласился умереть в реке с большущей рыбиной на крючке.

— Да уж, — согласился Ларс. — Чего лучше!

Когда минут через десять первая полицейская машина зарулила на территорию кемпинга, старики сидели молча. Никто из них так и не проронил больше ни слова. Все самое важное уже было произнесено.

В течение следующих нескольких часов машины продолжали прибывать одна за другой. Сначала появился местный шериф из Сноквалми, затем подкатил автомобиль Государственной инспекции и наконец прибыла машина

из Отдела по расследованию убийств Департамента полиции города Сиэтла. И Марк Блэйкмур, и Лоис Эккерли пребывали в дурном расположении духа. Блэйкмур, к примеру, почти не спал в эту ночь, впрочем, как и в предыдущую. Он тщательнейшим образом исследовал все записи, хранившиеся в полиции по делу Крэйвена, то есть занимался точно такой же работой, какой добровольно загрузила себя Энн Джейферс в редакции «Геральд». Что касается Лоис Эккерли, то она готовилась пойти на футбольный матч, в котором должен был участвовать ее сын, когда ей сообщили, что поблизости от кемпинга на берегу реки Сноквалми обнаружено мертвое тело.

— А ведь нам уже приходилось здесь бывать, — мрачно заметил Блэйкмур, когда они двинулись вниз по тропинке к тому месту, где Ларс Гундерсон и Ролф Густавсон едва не споткнулись о труп, освещенный первыми лучами восходящего солнца.

— Местная полиция сейчас занимается тем, что огораживает место преступления и, конечно же, затопчет все следы, как и тогда, — сказала Эккерли. — Надеюсь, хотя бы один из них догадался поискать отпечатки подошв? Или что-нибудь в этом роде?..

Когда детективы подошли поближе, они увидели, что вся прилегающая к месту преступления территория уже огорожена желтой пластиковой лентой. Один из офицеров, приехавший на машине Государственной инспекции, узнал их и кивнул в знак приветствия.

— Я, признаюсь, думал, что мы покончили с такого рода делами, — проговорил он, мотнув головой в сторону мертвого тела. Блэйкмур проследил за его взглядом и с облегчением заметил, что тело, судя по всему, еще никто не передвигал.

— Все мы так думали, — ответил Блэйкмур. Он подошел к трупу и присел на корточки, чтобы как следует его рассмотреть. — Может кто-нибудь мне сказать, как долго здесь пролежало тело? — спросил он, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Видимо, день или два. Возможно, оно появилось здесь вчера утром или днем раньше. Тело еще только начало разлагаться, хотя его уже успели обесть. Да и насекомых полно.

Марк Блэйкмур сосредоточил внимание на повреждениях грудной клетки. Он сразу же узнал знакомые разрезы, все они были сделаны чрезвычайно аккуратно скальпелем или еще каким-то чрезвычайно острым инструментом. Кости грудной клетки были перепилены пилой, грудная клетка раскрыта, словно шкафчик, доступ к сердцу и легким освобожден.

Как всегда, убийца вырвал сердце. На этот раз сердце не удалось обнаружить поблизости. Неужели убийца решил сохранить его в качестве сувенира? Или его просто-напросто сожрали животные? Последнее выглядело наиболее вероятным. Тот, кто следовал в своих преступлениях манере Крэйвена, не походил на любителя сувениров.

— Фотографы уже закончили? — спросил Блэйкмур.

— Они извели столько пленки, что можно было снять небольшой фильм, — ответил кто-то из присутствовавших.

Очень осторожно Блэйкмур приподнял легкое. Ему хотелось посмотреть на внутреннюю поверхность грудины.

Как только он заметил на внутренних тканях знакомую монограмму в виде молний, то сразу же поднял глаза, посмотрел на Лоис Эккерли и незаметно для других кивнул. Затем, придав легкому первоначальное положение, он заставил себя посмотреть на лицо жертвы.

Женщина; как минимум шестьдесят лет, возможно, и старше. После смерти ее кожа, и так весьма увядшая, стала еще более дряблой, а косметика, нанесенная толстым слоем на лицо перед смертью, теперь почти полностью исчезла, оставив только темные потеки туши под пустыми уже глазницами и немного румян на щеках.

Ее волосы — слишком черного, явно неестественного цвета — свидетельствовали о том, что покойная пыталась доказать: дата ее рождения, проставленная в паспорте, не более чем досадная ошибка. Теперь лишенные заколок и булавок волосы окружали лицо мертвой спутанными пряжами, испачканными в крови и грязи. Несмотря на разложение и разрушительную работу животных и насекомых, Марк узнал женщину почти сразу.

Поднявшись на ноги, он повернулся к Лоис Эккерли.

— Час от часу не легче. Сначала он убивает брата Ричарда Крэйвена, а вот теперь его мать. Что за чертовщина, в самом деле?

Лоис Эккерли окинула тело равнодушным взглядом.

— Не понимаю я этого. Сначала он подставляет Ричарда Крэйвена, ждет, когда его казнят, а потом начинает охоту за его братом и матерью. Какой смысл?

Губы Марка Блэйкмура изогнулись в мрачной ухмылке.

— Я тоже знаю не больше твоего. Но сейчас во всех его действиях просматривается хоть какая-то система, — сказал он. — А если у преступника есть система, то, разобравшись в ней, его можно изловить. Так что давай работать.

Блэйкмур принялся отдавать приказания — пора было начинать систематический осмотр окружающей местности. Он не сомневался в том, что убийца, как всегда, все за собой прибрал и не оставил ни малейшей зацепки, которая позволила бы на него выйти. Тем не менее осмотр так или иначе следовало провести. Рано или поздно даже убийцы такого класса совершают ошибку.

А когда он ее совершил, Марк Блэйкмур будет тут как тут.

Глава 58

— Пап, а пап, что-нибудь не так?

Слова Кевина достигали сознания Гленна Джейферса, но он воспринимал их с трудом. Сидя на месте пассажира в «саабе» Гленна, Кевин с волнением наблюдал за отцом. Однако стоило Кевину попытаться заговорить снова, как Гленн перевел взгляд на сына.

— Нет, все нормально. Мы уже почти приехали.

Голос Гленна звучал уверенно, но он в очередной раз задал себе вопрос, насколько его слова соответствуют действительности. По правде сказать, состояние, в котором он пребывал, вряд ли являлось нормальным. С самого утра с ним происходило что-то непонятное. Он даже стал подумывать о том, чтобы отложить поездку на следующий уик-энд, но, заметив горькое разочарование на лице сына, отбросил колебания. Кроме того, когда Энн задала ему вопрос в лоб о его самочувствии, он не смог сказать ей ничего определенного. Пожалуй, он и самому себе не смог бы ответить на этот вопрос. Весь вчерашний день он чувствовал

себя просто отлично. Не было никаких затмений в сознании наподобие тех, что он испытал в четверг. В конце концов он решил, что из-за какого-то неопределенного чувства не стоит лишать Кевина удовольствия. К тому времени, когда они с Кевином наконец забрались в машину и двинулись на восток через мост Эвергрин-пойнт, его самочувствие улучшилось. Однако когда они проехали на восток немного дальше и оставили за собой Редмонд, а потом направились в сторону водопадов, Гленна охватило странное чувство, именуемое в литературе «дежа вю» — чрезвычайно реальное ощущение того, что по этой дороге он уже проезжал раньше и все то, что совершалось с ним сейчас, уже когда-то происходило. Более того, ему стало казаться, будто он находится в преддверии некоего действия, которое он уже совершал прежде и которое ему просто необходимо снова осуществить.

Он вдруг вспомнил, что совершенное когда-то и забытое деяние принесло ему бездну удовольствия, и даже сейчас, не имея представления о том, в чем это деяние заключалось, он испытывал прилив сил и приятную дрожь возбуждения.

Он взглянул на Кевина, и в его мозгу на мгновение вспыхнул странный и почти неуловимый образ.

Тем не менее память цепко его держала.

Это было сердце.

Человеческое сердце, которое он, Гленн, держал в руках.

Как, почему в его сознании запечатлелась эта картина?

Затем к Гленну вернулась память о странном опыте, который ему довелось обрести два дня назад, когда ему привиделось, будто он стоит над обнаженным женским торсом. Тогда, в своем воображении, он безжалостно кромсал лежавшее перед ним тело, хотя ему вовсе не хотелось это делать. Тогда его руки действовали сами по себе, без малейшего участия его рассудка.

Так это было сердце той женщины? Неужели он вырвал у нее сердце? От таких воспоминаний у него засосало под ложечкой. Но затем совсем другое чувство, острое, словно удар тока, пронизало все его существо.

Однако ничего подобного не происходило на самом деле! Это был сон, мираж, если угодно — кошмар, игра

воображения... Разве психиатр не говорил ему, что все это ни в коем случае не реальность, а самый настоящий бред?

Он попытался защитить свое сознание от страшных картин, а когда почувствовал настоятельный позыв снова взглянуть на Кевина, то удержался и продолжал смотреть на дорогу прямо перед собой. К этому времени они уже порядочно углубились в горы. Справа от дороги с гор рвалась в свое скалистое русло река, до белизны вскипая на поворотах и преграждавших ей путь гранитных глыбах.

— Мы куда едем, пап? — осведомился Кевин, с любопытством разглядывая стремительный горный поток. А вдруг он поскользнется во время рыбалки и сорвется в воду? Что тогда, спрашивается, будет? Плавать-то он умел, но не слишком хорошо. — Мы ведь не будем спускаться вниз, правда?

— Через пару миль будет кемпинг, — сообщил Гленн. — Там мы и остановимся.

«Кемпинг? — тут же с недоумением подумал Гленн. — Какой кемпинг?» Никаких кемпингов он здесь не знал. Но несколькими минутами позже, когда он вырулил из-за поворота, то и в самом деле увидел дорожный знак с изображением палаток и стола для пикника. Под рисунком красовалась надпись: «1 миля». Гленн почувствовал, как уважнились его ладони, сжимавшие руль. Ну откуда он, спрашивается, узнал о кемпинге? Неужели по какой-то странной причуде судьбы его сны обратились в реальность? Нет, ничего подобного. Просто в его памяти всплыло старое воспоминание об одной из поездок с женой и детьми, вот в чем дело! Должно быть, кемпинг — точно такой же, как этот, — отпечатался тогда у него в мозгу. Гленн замедлил движение автомобиля и уже собрался было повернуть к кемпингу, как вдруг заметил полицейскую машину, блокировавшую въезд, и представителя Государственной инспекции, который жестом велел ему проезжать. За патрульным в некотором отдалении виднелось еще несколько полицейских машин, припаркованных поблизости от кемпинга в самом конце подъездной дороги.

— Что случилось, пап? — спросил Кевин, чуть ли не пояс высовываясь из окна. — Может, остановимся и выясним? Может, медведь кого-нибудь задрал?

— Останавливаться мы не будем, — сказал Гленн. — Ты хорошо пристегнулся? — спросил он сына, заметив, что тот беспокойно вертится на сиденье. Одновременно в его сознании сам собой возник вопрос.

«Ты помнишь кошку?»

Гленн замер. Его пальцы будто прикипели к рулю.

«Мы можем это проделать снова, — зазвучал у него в сознании голос. — Снова... И никто не узнает».

Неожиданно веки Гленна будто налились свинцом и дорога у него перед глазами начала расплыватьться. Его сознание стало окутываться туманом, он ощутил сильнейшую сонливость. Если бы он мог позволить себе закрыть глаза хоть на минуту...

Нет!

Он с усилием разомкнул слипавшиеся веки и выпрямился в водительском кресле. Никаких затмений сознания! Не сегодня! Не с Кевином, сидящим рядом! Он представил себе, как машину заносит и она беспомощно скользит юзом по дороге, а потом скатывается в заросли и несется к реке, бушующей сотней футов ниже. Одного этого видения было достаточно для того, чтобы его организм начал усиленно вырабатывать адреналин. Адреналин распространялся в крови, и сердце Гленна билось все сильнее и сильнее, а странная сонливость, охватившая его одновременно с зазвучавшими в сознании словами, начала отступать.

Потом он увидел следующий дорожный знак. Даже до того, как Гленн успел хорошенъко его рассмотреть, он уже знал, что знак указывает на ответвление от основной дороги, начинавшееся через четверть мили.

Там он должен свернуть.

Через несколько минут, когда он приблизился к узкой грунтовой дороге, уводившей вправо, его снова охватило навязчивое чувство «дежа вю» — уж очень сильно это место походило на то, которое он видел в своем сне про рыбалку.

Именно тогда, в этих своих грезах, он приобрел новый для себя опыт и ощущал, каково ловить рыбу в обнаженном виде. Или убить женщину, а потом вскрыть ей грудную клетку, чтобы...

Нет! Это всего-навсего сон, и доктор Джекобсон нашел для него вполне рациональное объяснение! Все это бред-

ни! Все! Нажав на тормоза сильнее, чем он поначалу намеревался, Гленн свернул на грунтовую дорогу — такую узкую, что кусты и деревья, росшие вдоль обочин, цеплялись ветками за корпус автомобиля.

— А если мы не сможем развернуться? Что тогда? — спросил Кевин, инстинктивно уворачиваясь от ветки, хлестнувшей по ветровому стеклу.

— Об этом не волнуйся, — услышал он ответ Гленна. — Мне приходилось здесь бывать. Много раз.

Что-то в голосе отца привлекло внимание мальчика. Кевин отвел взгляд от нависавших над дорогой зарослей.

На мгновение глаза мужчины и мальчика встретились. Ребенок сразу же отвел взгляд.

В глазах отца застыло странное выражение, которого сыну еще не приходилось видеть.

И которое напугало его до смерти.

Глава 59

Энн услышала, как сквозь щель во входной двери, предназначенную для корреспонденции, что-то упало на пол прихожей. Она воспользовалась этим как предлогом, чтобы хоть на время оторвать глаза от монитора, изменить напряженное положение головы и, поднявшись со стула, всем телом потянуться. Неужели прошло целых три часа с тех пор, как она уселась за компьютер, решив просмотреть ряд файлов, содержащих интересовавшие ее интервью? Теперь, когда ей представилась возможность чуточку расслабиться, она почувствовала, насколько ее утомила работа: ноги затекли, а правое плечо просто отваливалось от постоянных манипуляций с «мышью», которую она использовала в своих странствиях по целому морю файлов. С другой стороны, никакой компенсации за свои в самом прямом смысле болезненные усилия она не получила. Всё же вдоль и поперек изученные тексты, содержание которых она смогла бы повторить, даже если бы ее разбудили ночью.

Ричард Крейвен был весьма разносторонним человеком, не говоря уже о том, что являлся еще и серийным

убийцей. Во всяком случае, она, Энн Джейферс, его таковым выставила. Крейвен помимо всего прочего изучал биологию и электронику, а также занимался историей религий и философией. Он любил искусство, в особенности хореографию, и каждый год жертвовал минимум тысячу долларов на поддержание Национального балета.

Его знали десятки, нет, сотни людей.

И ни один из них не считал его своим другом.

Те люди, которых интервьюировала Энн, говорили о нем примерно одно и то же. Звучало множество комплиментов: очаровательный... остроумный... начитанный... гениальный...

Характеристики другого рода тоже поражали своим однобразием: холодный... отстраненный... высокомерный...

Несмотря на всю свою первоначальную уверенность, Энн, вздохнув, решила, что вряд ли найдет во всех этих досье какую-то полезную информацию, и, минуя гостиную, направилась в прихожую.

Она заметила его еще до того, как нагнулась, чтобы подобрать с пола письма. «Его» — то есть простой белый конверт из тех, что можно купить где угодно. Конверт был надписан тем же заостренным почерком, который она видела несколько дней назад, когда следом за полицией примчалась на место убийства Рори Крейвена. Оставив все прочие письма без внимания, Энн схватила белый конверт и сразу же его вскрыла. Она уже собиралась извлечь на свет находившийся в конверте лист белой бумаги, как вдруг замерла.

Отпечатки пальцев! Есть шанс — всего лишь небольшой шанс, — что тот, кто отправил это послание, неожиданно проявил беспечность. Энн отнесла письмо на кухню, нашла пинцет и с его помощью вытащила из конверта аккуратно сложенный листок. Затем она дрожащими пальцами расправила бумагу и с сильно бьющимся сердцем приступила к чтению.

Дражайшая Энн!

Сразу же хочу объясниться: уверен, вы понимаете, что во время заключения у меня не было ни малейшей возможности поддерживать на должном уровне свое мастерство хирурга. Этим и объясняется инцидент с кошкой вашей дочери: мне

просто требовался хоть какой-нибудь материал, дабы по-практиковаться. Возможно, мне следовало оставить на трупе свою монограмму, но ведь это была всего лишь кошка и к тому же не самый лучший образчик моих хирургических достижений. Кстати, кошку никто никуда не выпускал. Я вошел и взял ее — точно так же, как я вошел в кабинет и оставил послание в вашем компьютере. Я, знаете ли, могу входить в ваш дом в любое удобное для меня время. Заметьте — в любое.

На Энн повеяло холодом. Она прочитала послание во второй раз, затем в третий и почувствовала, как ее захлестывает паника. Ей захотелось пробежать по всему дому, тщательно запереть окна и двери, задернуть шторы. Но ведь на дворе ясный погожий день — всего лишь одиннадцать часов субботнего утра. Что, спрашивается, может с ней случиться днем? К тому же если Ричард Крэйвен...

Нет! Ричарда Крэйвена нет в живых! Он умер!

Энн перевела дух. Если человек, который написал это письмо, и в самом деле собирается ворваться в ее дом, то тогда какого черта он посыает об этом уведомление?

Нет! Он просто пытается ее напугать.

Теперь паника, овладевшая Энн всего минуту назад, трансформировалась в гнев. Энн небрежно засунула послание в конверт, затем подняла трубку и набрала номер, который Марк Блэйкмур дал ей во время их последней встречи. «Позвоните мне в любое время, — сказал он ей тогда на прощание. — Если что-нибудь случится, если вы что-нибудь найдете или даже надумаете что-нибудь, обязательно мне позвоните».

Трубку долго никто не брал. Неужели у них нет даже автоответчика? — возмутилась про себя Энн. И вообще, что представляет из себя этот полицейский? Энн в сердцах швырнула трубку на рычаг и снова набрала номер — на сей раз это был номер офиса Марка, который она знала наизусть. В трубке пискнуло четыре раза, а потом послышался голос:

— Отдел по раскрытию убийств. Маккарти.

Джек Маккарти? Интересно знать, что делает начальник Отдела в офисе в одиннадцать утра в субботу?

— Я разыскиваю Марка Блэйкмура, — сказала Энн. — Это Энн Джейферс.

Поскольку ответа не последовало, она добавила:

— Это важно. Я звоню по поводу убийств, совершенных Ричардом Крэйвеном.

Она заколебалась, но решила продолжать игру:

— Появились новые обстоятельства.

— Что же такого успел вам наговорить Марк об этих убийствах? — с подозрением в голосе спросил Маккарти.

— Ничего особенного, — торопливо ответила Энн, вовремя вспомнив просьбу Марка не болтать лишнего. — Но зато у меня есть что ему рассказать. Он дал мне номер своего домашнего телефона, но его, судя по всему, дома нет.

— Да уж, сейчас ему лучше находиться совсем в другом месте, — проворчал Маккарти. — К примеру, в Сноквалми. И исполнять там свой долг.

— В Сноквалми? — словно эхо, повторила за ним Энн, почувствовав, как ужасная догадка овладевает всем ее существом. — Что же там происходит?

В трубке снова воцарилось молчание, а потом Маккарти заговорил, используя тот официальный тон, который он специально зарезервировал для представителей прессы:

— Вы — репортер, миссис Джейферс. Почему бы вам не поехать туда и не разузнать все на месте?

Трубка замолчала.

— Я именно так и поступлю, Джек, — громко сказала Энн. — Именно так.

Оставив записку для Хэдер — хотя последняя предупредила, что будет не раньше восьми, — Энн выключила компьютер, заперла дом и направилась к машине. Однако, сделав несколько шагов, она на мгновение замерла, вспомнив текст записи, которая теперь хранилась в ее сумке.

«Я, знаете ли, могу входить в ваш дом в любое удобное для меня время. Заметьте — в любое».

Хотя Энн очень старалась овладеть собой и не хотела, чтобы тот, кто сочинил это послание, заметил ее страх, она тем не менее внимательно оглядела улицу, прежде чем подойти к автомобилю.

Если не считать нескольких детишек, игравших на тротуаре на расстоянии пары сотен футов от ее дома, улица была пуста.

И если не считать дома на колесах.

Его массивные очертания виднелись в самом конце квартала. Мрачного вида фургон вызвал у Энн невольный озноб.

Кто его владелец? Откуда он, черт побери, взялся?

И почему он стоит здесь?

А вдруг кто-нибудь сидит в нем даже сейчас? Сидит и наблюдает за ней? Вместо того чтобы идти прямо к машине, припаркованной у дома, Энн не поленилась спуститься вниз по улице к зловещему передвижному дому. Сначала она обошла вокруг фургона, а затем приблизилась и заглянула в окно.

Никого.

Так-то оно так, но интересно, когда им в последний раз пользовались?

Энн вспомнила Ричарда Крэйвена и его страсть к подобным фургонам, поэтому она сунула руку в сумку и извлекла записную книжку и ручку. Записав номер, она некоторое время раздумывала, стоит ли ей снова вернуться в дом и заняться розысками владельца.

Позже. Она займется этим позже. У нее будет для этого предостаточно времени. А теперь ей надо срочно выяснить, что побудило Марка Блэйкмура отправиться на реку Сноквалми. Она скользнула за руль своего «вольво» и вставила ключ зажигания в замок. Честно говоря, ответ на этот вопрос она уже знала. Только одна причина могла заставить Марка отправиться в субботу утром в такую даль.

Труп.

Видимо, обнаружено еще одно мертвое тело.

Глава 60

В том месте, где река делала поворот, она оказалась на удивление мелкой. Глубокие места начинались только на противоположной стороне, там, где сила потока успела за века существования реки углубить гранитное русло. Спиннинг с наживленной на крючок искусственной мухой пршелся Гленну по руке, и он — точно так же, как во сне, — вполне уверенно с ним обращался. Сделав первый бросок,

он закинул муху чуть ли не на середину реки, затем немногоФ подтянул ее к себе, потом опять отпустил леску и наконец утвердил муху на поверхности воды, постепенно наматывая леску на катушку.

— Bay, — с замирающим от восторга сердцем произнес Кевин. — Как только у тебя получается?

— Все очень просто, — объяснил Гленн, поражаясь собственной сноровке. — Все дело в правильной работе кисти.

Положив свою удочку на каменистый берег, он подошел к Кевину и встал у него за спиной, взял ладони мальчика в свои, чтобы помочь ему управиться со снастью. Одновременно у него внутри стала совершаться некая странная работа. Снова неведомо откуда возникший голос начал нашептывать: «*Ведь ты чувствуешь это, не так ли, Гленн? Чувствуешь, как в нем пульсирует жизнь. И ведь тебе тоже хочется знать, откуда берется эта пульсация, правда?*» Гленн мгновенно убрал руки и отшатнулся от сына. Казалось, он наткнулся на раскаленный утюг. Сын поднял глаза и с любопытством взглянул на отца.

— Что с тобой, па? Ты как-то смешно выглядишь.

— Со мной — ничего, — ответил Гленн, но даже ему самому его собственный голос показался странным. А расположившийся внутри него чужак продолжал нашептывать: «*Мы можем это осуществить. Прямо сейчас. Это эксперимент. Всего-навсего. Мы не станем делать ему больно. С ним будет все нормально — вот увидишь*». И снова в голове Гленна заклубился туман, а в душе поселился страх — тот самый страх, который он недавно испытал, когда на него во время поездки навалился необоримый сон. А что, интересно, будет, если у него не хватит сил противиться очредному приступу? Если темнота снова затопит его — прямо сейчас?

— Вот ч-ч-что я тебе с-скажу, — заикаясь, произнес Гленн, пытаясь перебороть горловой спазм, возникший у него одновременно с начинающимся затмением сознания. — Почему бы тебе не спуститься вниз по течению? Я же пойду вверх. Тогда есть гарантия, что счасти у нас не перепутаются. О'кей?

Кевин, краем глаза внимательно следивший за отцом, торопливо кивнул, смотал леску и двинул вниз, пере-

прыгивая с камня на камень. Пару раз он оборачивался, но отец отрешенно шагал вверх по течению и, хотя Кевин громко его позвал, даже не оглянулся. Кевин почувствовал страх. А что, если отец заболел? Вдруг у него опять начинается сердечный приступ? Что тогда ему, Кевину, делать?

— Отец! — снова позвал Кевин, но тот опять сделал вид, будто не слышит. Кевин заколебался. Может быть, ему лучше пойти вслед за отцом на тот случай, если что-нибудь случится? Или же поступить так, как сказал отец?

Потом Кевину вспомнился странный взгляд, которым недавно смерил его отец и который вызвал у него испуг.

Мальчик принял решение. В течение некоторого времени он будет слоняться внизу. Возможно, ему удастся поймать лягушку или даже черепаху. По неизвестной ему самому причине он решил некоторое время держаться от стца подальше.

Потому что сейчас его отец выглядел совсем не как отец.

Он выглядел как чужой человек.

Человек, который очень не нравился Кевину.

По мере того как Гленн продвигался параллельно реке вверх по течению, странное чувство «дежа вю», овладевшее им по дороге, снова вернулось к нему. Хотя он сознавал, что никогда раньше не бывал в этих местах — разве только в сновидениях, которые уже сами по себе служили доказательством того, что он здесь не бывал, — окружающее по-прежнему казалось на удивление знакомым. Река здесь поворачивала дважды, и между двумя ее поворотами лежал небольшой прямой отрезок протяженностью примерно в четверть мили, где русло становилось мельче, зато привольно расширялось. Прибрежная полоска грунта в этом месте была уже, а противоположный берег поднимался крутым каменистым откосом. Десятью футами выше уреза воды на откосе образовалась терраса, на которой возвышался пирамидальный холм из осыпавшихся камней. Это нагромождение камней также показалось знакомым Гленну, хотя он был абсолютно уверен, что никогда не видел его раньше даже во сне.

Когда он стал обдумывать очередную причуду своей памяти, то понял, что воспоминание о каменистой куче

куда старше всех его снов — оно пришло к нему из прошлого.

Гленн попытался припомнить, не приезжал ли он сюда раньше, — возможно, много лет назад — но так ничего и не вспомнил. Он, разумеется, много раз бывал у водопада — того, что находился несколькими милями вверх по реке, рядом с электростанцией. Как-то раз они с Энн даже спускались по крутой тропинке, которая вела от водопада вниз к берегу. Пару раз они заезжали в поселок рядом с водопадом, но здесь, в этом месте, они никогда не останавливались — Гленн был уверен в этом.

Утвердившись на берегу, он забросил искусственную муху — ту самую, которая напоминала сочетание кусочков пера Гектора и шерсти Кумкват. Почти сразу последовала поклевка. Форель так стремительно выскочила из воды и схватила муху, что Гленн едва не пропустил этот молниеносный бросок. Катушка с леской сразу же пришла в движение. Гленн, не зная толком, как действовать дальше, наблюдал за мельканием катушки. Затем у него в голове раздался голос:

«Крути назад!»

Гленн механически дернул за рукоятку. Та сразу же щелкнула, встала в паз и принялась убирать в себя излишек лески. Тут же началось торможение и удилище прогнулось. Затем зазвенел крошечный звонок, натяжение ослабло и леска принялась разматываться в обратную сторону. Голос, звучавший в голове Гленна, продолжал руководить его действиями. В соответствии с его указаниями Гленн принялся играть с рыбой.

Игра эта продолжалась минут пятнадцать. К тому времени, когда Гленн подтянул к себе рыбу на расстояние, достаточно близкое для того, чтобы поддеть ее сачком и положить в полотняный мешок, висевший у него на груди, выяснилось, что он стоит посередине мелкого в этом месте русла реки. Всего в нескольких ярдах от него оказалось нагромождение камней, замеченное им с противоположного берега. Сосредоточив внимание на этой каменной пирамиде, созданной неизвестными ему силами, он перешел через реку, поднялся по узкой отлогой полоске пляжа к откосу и стал карабкаться по откосу вверх к этой пирамиде.

Обычное нагромождение камней.

Но Гленн вдруг понял, что это нагромождение занимает его больше, чем вся окружающая природа.

Один за другим он начал разбрасывать в стороны камни и куски скальной породы.

Когда он убрал несколько камней, которые образовывали что-то вроде фундамента, половина кучи осыпалась и булыжники заскользили в воду, задевая ноги Гленна.

Необычный предмет привлек его внимание. Гленн наклонился и поднял старый перочинный нож. Рукоятка ножа была изготовлена из потемневшего от времени серебра, украшенного бирюзой. Лезвие покрылось ржавчиной, однако не настолько, чтобы его нельзя было открыть. Режущая кромка, хорошо сохранившаяся внутри рукоятки, оставалась острой, как бритва. Гленн некоторое время разглядывал лезвие, затем закрыл нож и опустил его в карман.

Нагнувшись, он снова стал разгребать обломки камней. И снова кое-что увидел.

Кость.

Длинную кость, очень напоминавшую кость оленя.

Однако стоило Гленну повнимательнее посмотреть на кость, как он понял, что это была человечья кость.

Гленн отшвырнул еще несколько камней и снова увидел кости.

Что же делать? Звать полицию?

Да, но как он объяснит свою находку? Ведь он не просто споткнулся о камни. Для того чтобы найти кости, ему пришлось пересечь реку, вскарабкаться на берег и разобрать завал камень за камнем.

Гленн продолжал стоять, не зная, что делать дальше. С противоположной стороны реки он услышал голос Кевина, который его звал:

— Пап! Эй, пап!

Мальчик стоял на берегу, но, судя по всему, намеревался пересечь стремнину.

— Не смей! — крикнул Гленн. — Стой где стоишь!

Кевин между тем продолжал заходить в воду, погружаясь в реку все глубже и глубже.

— Что там? Что ты там нашел? — взывал сын.

Даже Гленну на середине русла вода доходила до пояса. Кевин же там погрузился бы по горло.

— Не смей заходить дальше! — завопил Гленн. — Здесь ничего нет! Просто груда камней, и все!

Взглянув на скелет, который он обнаружил под камнями, он не стал колебаться: подбрав несколько булыжников, он забросал кости так, что их вновь не стало видно.

— Стой где стоишь! — еще раз приказал он Кевину. — Я возвращаюсь.

Гленн торопливо спустился с откоса и вошел в воду. Оказавшись на противоположной стороне, где его поджидал Кевин, Гленн приоткрыл мешок и показал сыну добычу.

— Ну, что скажешь? — спросил он сына. — Давай-ка съедим ее на обед...

Кевин с жалостью посмотрел на рыбу.

— А может, лучше пообедаем гамбургерами?

Гленн машинально посмотрел на полуосыпавшуюся груду камней на том берегу реки. Ему вдруг захотелось оказаться подальше от всей этой экзотики. Подальше от мест, где окрестности рассказывали ему о событиях, о которых он и знать не хотел.

— А это неплохая идея, — произнес он. — Поехали.

Когда они вдвоем с сыном направились к машине, в голове у Гленна стал снова сгущаться туман. В ушах у него опять зазвучал голос: «*Это всего лишь эксперимент. Всего-навсего. Стоит только воспользоваться ножом...*»

Глава 61

— Может, мы зря все это затеяли? — пробормотала Энн, взглянув с некоторой долей презрительности на тарелку с недоеденной пищей на столе. За оконным стеклом открывался вид на водопад Сноквалми, но даже великолепное зрелище радужного водяного каскада не улучшило ее настроения.

— Есть-то все равно надо, — сказал Марк Блэйкмур. — Знаю, что ты в печали, и утешать тебя не собираюсь. Но есть необходимо, поэтому мы с равным успехом могли бы побеседовать и за ленчом.

Вняв его словам, Эни послушно двинулась вслед за ним к водопаду, послушно сделала заказ, но ничего не съела.

Окончательно отказавшись от мысли перекусить, она отодвинула от себя тарелку.

— Эдна Крэйвен, — вздохнула она, вспомнив полноватую даму с волосами, сиявшими, словно хорошо начищенные туфли, и облаченную в платье, которое было ей явно не впору. Заодно она припомнила враждебность Эдны, с которой та всякий раз отвергала предложение поговорить о старшем сыне и обсудить причины его превращения в серийного убийцу. До самого конца Эдна верила в невиновность Ричарда Крэйвена — точно так же, как она ничуть не сомневалась во второсортности своего младшенького.

Даже сейчас, сидя в Сэлиш-лодж за обеденным столом с Марком Блэйкмуром, Энн вспоминала, с каким негодованием Эдна отвергла самую мысль о том, что Рори убил Шанель Дэвис и Джойс Коттрел.

«Вот ерунда-то! Рори и говорить с женщинами толком не умел, а уж их убивать... Вот Ричард — совсем другое дело. Он, что называется, знал, как ухаживать за дамами. Разумеется, ни одна из них так и не смогла заменить ему мать. Но Рори? Нет, это просто смешно. Хотя я его мать, но в этом деле даже я могу быть объективной. Рори, признаешься, был полным ничтожеством. Стоило одной из этих женщин хотя бы повысить на него голос, так он убежал бы от нее сломя голову!»

Конечно, Эдна много чего наговорила, но Энн все остальное отмела — она и так уже устала от умствований этой женщины и от ее рассказов о том, как она, Эдна, воспринимает реальность. Зато Энн убедилась в одном: большинство проблем, с которыми столкнулись в жизни сыновья Эдны, восходили к их отношениям с матерью. Имей Энн возможность вести расследование самостоятельно с самого начала, сыновья Эдны, безусловно, заглавили бы список подозреваемых. Да, но теперь оба сына Эдны мертвы...

— Господи, — выдохнула Энн, пораженная внезапно пришедшей мыслью. — Послушай, Марк, а если она знала? То есть знала, кто убил Рори?

— Что ж, очень может быть, что перед смертью она и в самом деле узнала об этом, — заметил детектив.

Энн строго на него посмотрела.

— Мне не нравятся твои шутки.

— Чего уж тут. Юмор полицейского, — ответил Блэйкмур. — Такого рода юмор принимаешь вместе с работой как данность.

Он тоже отодвинул от себя тарелку с недоеденной пищей. В течение последнего часа Марк анализировал чувства, овладевшие им при прочтении послания, полученного Энн сегодня утром. Ему следовало бы рассматривать это письмо с холодным вниманием детектива, съевшего собачку на подобных штучках за годы работы в Отделе по расследованию убийств. Для него, детектива Блэйкмура, письмо должно было стать не более чем очередным свидетельством, уликой, недостающим элементом мозаики. Вместо этого оно вызвало у него вспышку неподдельной ярости. Ему хотелось схватить за шиворот подонка, сочинившего эту мерзость, прислонить его к стене и бить, бить, бить...

«Не бывает этой самой объективности, вот что», — думал устало Марк, чересчур долго изучая записку и пытаясь одновременно побороть приступ ярости. Эта двойственность не давала ему покоя все утро, и вот теперь он был взъяреннее куда больше, чем следовало волноваться профессиональному на его месте. Тем не менее когда он заговорил снова, профессиональные нотки по-прежнему звучали в его голосе.

— Послушай, Энн, у тебя есть место, куда ты могла бы удалиться вместе с детьми, пока не кончится весь этот ужас?

Энн отвела глаза, сделав вид, будто ее привлекли красоты за окном. Она, признаться, уже сама подумывала об этом. Более того, она почти уже решила переговорить с Гленном и обсудить с ним вариант временного переезда. С другой стороны, Марк Блэйкмур ни словом не обмолвился о Гленне, и она догадывалась почему. Решив расставить все точки над i, она впилась глазами в детектива.

— Значит, дети и я, — повторила она, намеренно стараясь говорить лишенным всяких эмоций голосом. — А как быть с Гленном?

Теперь настала очередь Марка смотреть в окно на красоты природы. Однако он быстро справился с собой.

— Да, как быть с Гленном?

— Мне кажется, я первой тебя спросила, — отрезала Энн. — Я не забыла о твоих намеках на то, что кошку убил он. Может быть, ты считаешь, что Рори Крэйвена тоже он убил? И Эдну?

«По крайней мере, он еще умеет краснеть», — подумала Энн, заметив, как на щеках Марка появился яркий румянец.

— То, что я думаю — мое дело, — ответил Марк. — Но я никак не могу вычеркнуть его из круга подозреваемых в деле с кошкой. Ты слишком опытный репортер, Энн, чтобы не понимать этого. И если ты не станешь кривить душой, то согласишься, что я прав.

Энн тоже покраснела, и Марк едва не принял извиняться за свою резкость. Но сложность заключалась в том, что он, Марк, должен был говорить ей одну только правду, независимо от того, понравится ли ей эта правда.

— Что же касается прочих дел, то могу тебе сказать: я не верю в его виновность. И никогда не утверждал, будто он виноват.

Он заметил, что после его слов Энн несколько успокоилась, и почувствовал искушение удалиться, оставив женщину наедине с ее мыслями. Увы, профессиональный долг не позволил ему так поступить.

— С другой стороны, ни у меня, ни у вас нет доказательств, что эти убийства совершил не он. Не все, а, скажем, хотя бы одно из них.

Взгляд Энн потемнел, она сердито вздернула подбородок вверх, однако Блэйкмур упрямо гнул свою линию.

— Давай представим себе, что он не является твоим мужем, хорошо? Это всего лишь предположение — ничего больше. Итак, перед нами человек, сама личность которого странным образом изменилась за последние несколько недель.

Тут Блэйкмур поднял руку, пресекая возможные возражения.

— Только не спорь — ты же сама мне об этом говорила. Кроме того, ты также сообщила мне, что когда он лежал в госпитале, Кевин принес ему досье по делу Ричарда Крэйвена. А если уж перейти к области фантазий и всевозможных домыслов, то отчего не предположить, что когда он оставался дома, между ним и Коттрел произошло... Ну, ты

понимаешь? И не смотри на меня волком — такого рода вещи случаются каждый день... Итак, возможно, у них с Коттрел начался романчик; возможно, он вовсе не спал в ту ночь, когда эту женщину зарезали. Возможно, он даже подумывал как раз в ту ночь к ней заглянуть — так сказать, на огонек.

— Боже, как все это мерзко, — сказала Энн, чувствуя, как ее захлестывает волна гнева.

— А как же, — с готовностью согласился Марк. Он знал, что ему давно следовало бы замолчать, но остановиться уже не мог. — Убийство вообще мерзкая штука, но убийства случаются постоянно, и мы оба об этом знаем. Так вот, предположим — повторяю, лишь предположим, — что он обдумывал, как ему попасть к своей лапушке. Очень может быть, что он даже успел выйти во двор через черный ход. И вот представь себе, что в этот момент неожиданно открывается задняя дверь дома Коттрел и появляется Рори Крейвен, который тащит ее тело. Что, спрашивается, делать Гленну дальше? Звать полицию? Да, но тогда ему пришлось бы объяснять, зачем он сам шныряет вокруг дома соседки поздно ночью. Поэтому он просто решил подождать и выяснить, что будет дальше. Он наверняка узнал малыша Рори — его фотография должна храниться в вашем архиве. И вот в голове у Гленна созрел план. Он решил сам убить Рори. Ведь он уже убил кошку, так какая разница?

— И Эдну тоже? — ледяным тоном спросила Энн. — Как ты собираешься *ее* втиснуть в свой сценарий, детектив? — Энн постаралась как следует пропитать ядом последнее слово.

— А если предположить, что она входила в квартиру Рори как раз в тот момент, когда Гленн выходил? — спросил Марк, сделав вид, будто не заметил намеренного выпада Энн в свой адрес. Ему не нравился затянутый им же самим разговор, не нравился в такой же степени, в какой он не нравился Энн. Однако закончить его было просто необходимо, несмотря на всякие там «нравится-не нравится».

— Так вот, если она его все-таки видела? Конечно, она не знала, кто стоит перед ней, зато ее имя и фото фигурировали в вашем досье, правда? Таким образом, он понял,

что она пришла навестить Рори и при этом увидела его. Рано или поздно она бы его разоблачила.

— Стало быть, он *зарезал* и ее — так, кажется, ты изволил выразиться? — спросила Энн прерывающимся от злости голосом. — И заодно подделал почерк Ричарда Крэйвена?

— Но ведь он архитектор, если я не ошибаюсь? — сказал Блэйкмур, не замечая того, что оказался в положении обороняющегося. — А это значит, что он отлично рисует, не правда ли?

Энн смотрела на детектива во все глаза, отказываясь верить собственным ушам. Не сошел ли он с ума? Одно то, что он увязывает гибель кошки с именем ее мужа, уже само по себе достаточно плохо, но теперь он пытается вообще все дело повесить на Гленна — точно так же, как она сама все прошлые убийства увязывала с именем Ричарда Крэйвена! Но тут есть одно «но» — Ричард Крэйвен, в отличие от Гленна, был виновен! Предположение, которое высказал Марк Блэйкмур, было не просто смехотворным и неприемлемым — от него за целую милю разило самой махровой безответственностью! Отодвинув стул, Энн встала.

— По-моему, все это зашло слишком далеко, — холодно сказала она. — Не знаю, как тебе могла прийти в голову такая дичь, но прошу тебя, оставь это. И если ты повторишь кому-нибудь — неважно кому, — то, что сказал сейчас мне, я буду разговаривать с Джеком Маккарти.

— Энн, послушай... — начал было Марк, тоже вставая и протягивая к Энн руку. Однако он опоздал — она уже отвернулась от него и торопливо пошла к выходу.

— Вот дьявольщина, — пробормотал Марк, выложил на стол несколько банкнот, чтобы расплатиться за обед, и поспешил вслед за Энн.

Он добрался до автостоянки как раз в тот момент, когда «вольво» Энн вырулил со стоянки на дорогу, которая вела к скоростному шоссе.

Глава 62

К тому времени, как Энн вернулась домой, ее гнев стал проходить, но не потому, что она изменила свое мнение о фантастической теории Марка Блэйкмура. Она просто ус-

тала злиться. Она столь же утомилась морально, как и физически, и чувствовала себя опустошенной. Выворачивая с Хайленда на Шестнадцатую улицу, она не предполагала застать «сааб» Гленна на привычном месте парковки — ведь Гленн предупредил, что вернется только вечером или даже на следующее утро. Поставив машину на свободное место, самым удивительным образом оказавшееся прямо у дверей ее дома, она торопливо поднялась по ступенькам и вошла в прихожую.

— Гленн? Кевин? Где вы?

— В подвале, — отозвался Гленн. Поскольку он находился внизу, его голос прозвучал едва слышно.

Спустившись минутой позже вниз по лестнице, Энн застала мужа у верстака. Он стоял спиной к ней и что-то мастерил. Яркий свет неоновой лампы безжалостно высвечивал окружающие предметы.

— Почему ты так рано вернулся? — спросила Энн, подойдя к Гленну поближе. Тот не ответил, зато Энн смогла увидеть, чем занимается муж: в правой руке он держал острый как бритва нож для приготовления филе. Тонкий острый клинок сверкал в ослепительном свете лампы. На деревянной поверхности верстака распласталась тушка крупной форели, которую Гленн придерживал левой рукой. Энн видела, как он воткнул острие ножа в спину рыбины рядом с головой и рассек ее вдоль спинного хребта. Тело форели развалилось на две половины, так что стали видны кости и внутренности. Затем Гленн начал срезать мясо с костей, орудуя ножом с такой быстрой, что Энн стала опасаться, как бы он не порезался. Уже выпотрощенную тушку Гленн отложил в сторону, потом несколькими ловкими движениями срезал с нее кожу, подцепил шкурку кончиком ножа и бросил ее в помойное ведро. Только закончив работу, он повернулся к жене.

— Ты где это выучился так разделывать рыбу? — спросила Энн.

Гленн пожал плечами.

— А я и не учился. Выяснилось, что это очень легко. Хочешь попробовать?

Он предложил ножик Энн, но та отказалась.

— А где Кев?

— Пощел к Джастину Рейнольдсу. Кстати, где ты была сама? Насколько я помню, ты собиралась провести весь день за компьютером.

— Произошло еще одно убийство, — сказала Энн. — На этот раз убили Эдну Крэйвен — мать Ричарда и Рори. Ее нашли неподалеку от кемпинга, расположенного рядом со Сноквалми.

На долю секунды в глазах Гленна появилось странное выражение, которое, впрочем, почти сразу же исчезло, и Энн не могла сказать наверняка, видела ли она что-то на самом деле или ей это просто показалось. Но что же все-таки промелькнуло в глазах Гленна? Страх? Гнев?

Нет, все произошло слишком быстро, и ничего определенного сказать было нельзя.

— Вот, значит, что случилось, — задумчиво произнес Гленн. — Мы проезжали мимо этого кемпинга и видели, как вокруг шныряли полицейские, — он ухмыльнулся. — Разумеется, Кевину очень хотелось, чтобы мы остановились и все разузнали.

— Слава Богу, что вы не остановились, — воскликнула Энн и невольно содрогнулась. — Все это ужасно.

Она некоторое время колебалась, не зная, говорить ли мужу о письме, которое она получила утром. Впрочем, стоило ей подумать об этом, как она сразу вспомнила слова Марка Блэйкмура о том, что письмо, возможно, написал Гленн. Если бы она начала рассказывать, ей пришлось бы под конец поведать мужу и о сумасшедшей теории детектива, а это, естественно, вызвало бы у Гленна приступ ярости. Однако бурные эмоции в настоящее время были Гленну противопоказаны. Уж если рассказывать, то вечером, когда она окончательно успокоится. А еще лучше ночью, когда они с Гленном отправятся спать.

— Ну и как прошла рыбалка? — спросила Энн, решив сменить тему. — Ты до сих пор не сказал мне, почему вы вернулись так рано.

Гленн с минуту помолчал и скинул жену ничего не выражающим взглядом. Затем, однако, его взгляд снова прояснился, и снова это произошло очень быстро. Энн не знала, действительно ли она заметила нечто странное в глазах мужа.

— С рыбалкой все нормально, — наконец сказал Гленн, помолчал, словно обдумывая сказанное, и как бы в ответ своим мыслям кивнул. — Да, все было о'кей. Но, кажется, моя затея пришла не слишком по душе Кевину. В следующий раз я, пожалуй, поеду один.

Через несколько минут Энн решила подняться на второй этаж. Гленн все-таки чего-то недоговаривал. Что-то все-таки случилось, и случившееся, видимо, имело непосредственное отношение к Кевину. Однако по известной только ему одному причине муж не хотел об этом говорить.

Энн зашла в их с Гленном комнату и увидела на полу груду смятой одежды.

Одежда была мокрая.

Подняв ее с пола, Энн снова направилась на первый этаж, чтобы положить вещи в стиральную машину. Спускаясь по лестнице, она механически ощупывала все карманы и в правом кармане рубашки цвета хаки обнаружила некий предмет.

Это был нож.

Складной нож с серебряной рукояткой, украшенной орнаментом и бирюзой.

Тупая часть складного лезвия была покрыта ржавчиной и выглядела так, словно нож пролежал под открытым небом много месяцев, если не лет.

Итак, нож с серебряной рукояткой, украшенной бирюзой.

Наконец она вспомнила.

У Дэнни Херрара был нож вроде этого. Его мать утверждала, что такой нож он всегда носил с собой. Она заявила об этом на следствии, давая показания по поводу пропажи ее сына. Сказала она о ноже и Энни.

Вот незадача! Ведь этот нож ни в коем случае не мог быть тем самым. Или мог?

— Гленн! — позвала Энн, спустившись в подвал, где стояла стиральная машина. Гленн как раз занимался уборкой своего рабочего места. Он прекратил работу и вопросительно посмотрел на жену.

— Откуда у тебя эта штука?

Гленн посмотрел на нож, и в очередной раз в глазах его что-то промелькнуло. Тем не менее он лишь пожал плечами.

— Я нашел его у реки, — сообщил он. — Хотел отдать Кевину, но забыл.

Гленн вернулся к прерванному занятию, очищая верстак от ошметков рыбы, которую только что разделявал. Энн снова тщательно осмотрела нож.

Вместо того, чтобы отдать его Гленну, она сунула его себе в карман.

Энн провела за компьютером два часа, хотя когда она вернулась из подвала, ей хотелось одного — найти детальное описание ножа, который, по словам Шейлы Херрар, принадлежал ее пропавшему сыну. Когда сверка подтвердила ее опасения, она сразу же решила бежать на Пайонир-сквер, чтобы найти Шейлу Херрар, но воспоминание о странных взглядах Гленна остановило ее. Она никак не могла забыть мимолетное выражение, замеченное ею в глазах Глена. Что промелькнуло в его взгляде? Страх? Недоумение?..

Ясно было одно — что-то и в самом деле случилось, когда Гленн и Кевин ловили рыбу. И случившееся заставило Гленна раньше времени вернуться. А может быть, его заставил вернуться домой Кевин?

Неужели что-то напугало Кевина до такой степени, что он потребовал от отца вернуться домой раньше времени?

И опять на Энн посыпались вопросы. Неприятные, немыслимые, но тем не менее требовавшие ответа. Вопросы, исходившие из немыслимой теории Марка Блэйкмура, которую он развернул перед Энн за ленчем. Энн старалась отвлечься от этих вопросов, но они копились, мешали ей сосредоточиться и не давали заняться назревшими делами — в частности, сбегать к матери Дэнни Херрара. Если между Кевином и Гленном в самом деле что-то произошло, Энн хотела быть дома и самолично все выяснить. Поэтому она заставила себя сосредоточить внимание на экране компьютера, на котором одно за другим шли интервью, записанные ею несколькими годами раньше.

Темы повторялись — биология, электроника и метафизика.

Чем дольше она читала досье, тем больше склонялась к одному-единственному выводу: Ричард Кройвен интерес-

совался сутью явления жизни. Но коли так, то отчего он убивал?

И когда она уже совсем отчаялась найти разгадку, перед ней на экране предстало интервью с бывшей соседкой Крэйвенов. Эту женщину звали Мейбл Свинни.

Э.Д.: Что вы можете сказать о Ричарде Крэйвене? О том времени, когда он учился в школе? Может быть, ваши воспоминания помогут нам взглянуть на него по-новому.

М.С.: Я, признаться, не люблю плохо говорить о людях. К тому же Эдна Крэйвен и я в течение долгого времени были подругами. Зато я помню, что отношение Ричарда к жизни всегда вызывало у меня своего рода ужас. Этот парень уж слишком интересовался, как функционирует все живое. Он никогда не мог наслаждаться жизнью как таковой. Ему постоянно хотелось разъять жизнь на составные части.

Э.Д.: А разве он не пытался собрать из этих частей что-нибудь стоящее?

М.С.: То-то и оно, что пытался. И в сборке, и в разборке он был одинаково хорош. За исключением, конечно, тех случаев... (Пауза.) Скажите, что можно собрать из животных, которых ученые режут в своих лабораториях?

Э.Д.: Вы имеете в виду вивисекцию?

М.С.: Именно. Боюсь, что в этом смысле ему не удалось никого собрать из разрозненных деталей. (Смеется.) Хотя, на мой взгляд, он старался. Ох как старался!

Энн снова и снова рассматривала на экране эту запись. Что, если Мейбл Свинни задолго до нее, да и всех прочих, догадалась, что Ричард Крэйвен пытался собрать воедино разъятых перед этим его же собственными руками несчастных животных? Интересно, знай Мейбл Свинни о его попытках, что-нибудь изменилось бы?

Возможно, да. А может быть, и нет.

Все это чрезвычайно мило. А что, если Ричард Крэйвен с самого начала пытался добиться именно этого соединения? В голове Энн невольно стала оформляться такая версия. Она выглядела настолько ужасно, что Энн тут же отказалась бы от нее, если бы не... А что, собственно, ей мешало?

— Мам?

Энн чуть не подпрыгнула, услышав голос сына, который стоял в дверях, отделявших кабинетик от гостиной.

— Это ты, Кев? Ты меня напугал!

— Чем это ты занимаешься? — спросил мальчик, подойдя поближе.

Энн убрала текст с монитора несколькими нажатиями на «мышь».

— Да ничем особенным, — сказала она. Потом, стараясь, чтобы ее голос не вызвал у сына беспокойства, она спросила: — Как прошла рыбалка? Ты хорошо провел время?

Лицо Кевина, до этого доверчивое и открытое, вдруг напряглось.

— Надеюсь, что хорошо, — сказал он.

— Надеешься? Что это, собственно, значит?

Кевин оглянулся, услышав вопрос матери. Энн поняла: его беспокоит, как бы не появился отец. Значит, она была права — между сыном и отцом в самом деле *что-то произошло*.

— Знаешь, — сказала она, — у меня есть одно дело на Пайонир-сквер. Если хочешь, поедем со мной, а по дороге расскажешь, как прошла рыбалка.

Выражение лица Кевина мгновенно изменилось.

— Может, заодно заедем в магазин, где продают воздушных змеев?

— Очень может быть, — сказала Энн. — Давай одевайся, а я скажу тем временем папе, что мы уезжаем.

Небо постепенно заволокло тучами, холодок стал пробираться под одежду.

— Мам, когда мы поедем домой? — спросил Кевин, прижимая к груди пакет с драгоценным змеем. Одновременно он пытался высвободиться из объятий матери.

— Скоро, еще минутка — и все, — пообещала Энн. Надо сказать, что она обещала это уже в третий раз, и, судя по всему, теперь Кевин ей не поверил. Да и с какой стати? Они медленно ехали на машине по улице, причем Энн ежеминутно останавливалась, чтобы спросить прохожих, не знают ли они, где можно найти Шейлу Херрар. Она,

правда, остановилась разок и у игрушечного магазина, но это не особенно ей помогло. Кевин поначалу весьма заинтересовался магазином, но потом переключился на мать и не давал ей покоя, желая знать, когда они доставят новейшее приобретение домой.

Что касается рыбалки, то ей и здесь удалось выяснить немного. Кевин только сказал, что «папа вел себя смешно» — и ничего больше. Она пыталась формулировать вопросы по-разному, но ничего, кроме «я не знаю», ей добиться не удалось.

— Он на меня как-то смешно смотрел, вот. А потом сказал, чтобы я шел вниз по течению и ловил рыбу сам.

— Сам? — повторила вслед за сыном Энн. — Он что, отпустил тебя рыбачить одного?

Кевин с готовностью кивнул.

— А потом он переправился через реку и стал лазить среди камней. Я просил его, чтобы он тоже разрешил мне полазить, но он не разрешил. А потом мы поехали домой.

Немного, конечно. Но и этой информации было достаточно, чтобы Энн снова начала волноваться.

Ударил гром, в небе сверкнул зигзаг молнии. Пошел дождь, и Энн решила отказаться от поисков. В конце концов завтра утром она может выехать пораньше и застать Шейлу Херрар дома. Она уже было потащила Кевина за собой к стоянке, где находился ее автомобиль, когда ее глазам предстала знакомая фигура. Дама, похожая на Шейлу Херрар, поднялась со скамейки и нетвердой походкой двинулась к Гранд-централ. Энн, ухватив Кевина за руку, поспешила вслед за знакомой фигурой.

— Миссис Херрар! — крикнула она. — Шейла!

Женщина остановилась, а потом повернулась к Энн. В первый момент Энн решила, что ошиблась, но женщина скривила губы в подобие улыбки и направилась к ним.

Через секунду Энн поняла, что Шейла выпила. И весьма основательно.

— А я вас знаю, — сообщила Шейла, подойдя поближе к Кевину и Энн. Она тщательно выговаривала слова и смотрела на Энн покрасневшими глазами. — Вы пришли, чтобы со мной поболтать, так, что ли? Тогда купите мне бутылочку вина.

— Может быть, мне купить вам чашечку кофе, Шейла? — воспротивилась Энн. — И булочку с циннамоном?

Некоторое время Шейла решала, принять ей предложение Энн или нет. Потом она пожала плечами.

— Ладно. В любом случае мне не следует пить. Дэнни этого не одобрил бы.

Глаза женщины несколько прояснились.

— Вы пришли, чтобы поговорить со мной о Дэнни? — спросила она.

— Я... Почему бы нам для начала не выпить кофе? — предложила Энн. Ухватив Шейлу под локоть, она повела ее в кафе на Гранд-централ. Там она нашла свободный столик и предложила Шейле присесть. Энн не обращала внимания на удивленные взгляды, которые бросали посетители на их маленькую компанию.

— Подождите меня здесь, — обратилась она к Шейле и Кевину. — Я пойду принесу кофе и булочки.

Десятью минутами позже Шейла уже съела половину булочки и выпила почти весь кофе. Судя по всему, сдобное тесто, из которого была испечена булочка, впитало в себя часть алкоголя, плескавшегося в желудке Шейлы, и она заметно протрезвела. Тогда Энн и предъявила ей нож, найденный Гленном. Она вынула его из кармана и положила на стол.

— Узнаете эту вещь, Шейла?

Шейла с минуту молча рассматривала ножик, украшенный бирюзой, затем протянула руку и взяла его дрожащими пальцами. Она вертела его так и сяк, рассматривая со всех сторон.

— Это нож Дэнни, — наконец выдохнула она. — Точно, его.

Потом Шейла вскинула глаза на Энн.

— Где? Где вы его раздобыли?

— Вы уверены, что эта вещь принадлежала вашему сыну? — спросила Энн, пропустив мимо ушей вопрос Шейлы.

Шейла утвердительно кивнула, а затем сделала попытку раскрыть нож.

— Это его нож, точно, — продолжала настаивать она. — Сейчас я вам докажу...

Дрожащие руки женщины не удержали нож, и он упал на пол. Кевин мгновенно вскочил со стула, поднял нож и открыл его.

— Вот, — сказала Шейла, ткнув пальцем в лезвие. — Тут его инициалы, видите?

Энн нагнулась вперед, во все глаза рассматривая лезвие. Сначала она ничего не могла разобрать, но потом и в самом деле увидела на поверхности металла две полустертыe буквы: Д. Х.

— Ну что я говорила! — воскликнула Шейла. — Это его нож!

Теперь она снова смотрела на Энн, но на этот раз ее взгляд умолял, а не требовал.

— Пожалуйста, скажите, где вы его нашли? Где?

— Это не я, — сказала Энн. — Его нашел мой муж. Он поехал на рыбалку на Сноквалми и нашел его там в какой-то куче камней — так, по крайней мере, утверждает Кевин. Гленн разобрал кучу камней на берегу реки. Честно говоря, я не могу сказать точно где, — заметила она после минутного размышления.

Тогда заговорил Кевин.

— Я могу сказать, — заявил он. — Я совершенно точно знаю, где это было.

Глава 63

В первые за почти два десятилетия верстак в подвале был до блеска вычищен. Когда Гленн и Энн купили дом, верстак и полки над ним, вмонтированные в стену, уже являлись частью интерьера подвального помещения. Предыдущий владелец, который переехал в дом для престарелых, не тронул ни единой вещи, поэтому с воцарением Энн и Гленна в подвале все осталось как было. Даже когда новые владельцы стали проводить полную перепланировку и перестройку дома, подвала это не коснулось. Время от времени там находили кое-какие полезные инструменты и использовали их, иногда проводили поверхностную уборку. Однако в подвале по-прежнему царил беспорядок.

До сегодняшнего дня, когда Гленн, закончив мытье верстака, на котором он недавно потрошил форель, сам не зная

почему не остановился на этом, а продолжал работать, мето-дично перебирая коробки, пакеты и пакетики с находивши-мися в них самыми разнообразными винтиками, винтами, гайками, шайбами, гвоздями, смесителями для ванн и про-чими, так сказать, скобяными изделиями. Прежде всего он сделал наклейки на каждый пакет и коробку, а потом рас-сортировал их содержимое по функциям и размерам.

Когда Гленн окончил работу, порядок, воцарившийся на верстаке и полках, поражал своей завершенностью, ко-торая была сродни искусству. Убравшись на полках и на верстаке, Гленн начал подметать пол, выметая из подвала весь накопившийся мусор. Затем он прошелся повсюду пылесосом, так что не оставил пыли ни малейшего шанса на существование. Покончив с пылью, Гленн принялся раскладывать по порядку инструменты, которые обычно валялись где попало. В результате подвал преобразился — теперь это было идеально чистое и аккуратное помещение, где в свете ярких флюоресцентных ламп все блестело и сверкало и все вещи лежали на своих местах.

«Не подвал, а лаборатория», — думал Гленн, созерцая дело рук своих. Он давно уже не испытывал подобного удовольствия от простой незатейливой работы. Затем он подошел к лестнице и стал подниматься наверх. Как раз в этот момент его поразил приступ головной боли.

Боль пронзила его мозг. Приступ был настолько силь-ным, что Гленн оперся о стену, а затем, сам не зная как, оказался на коленях. Одновременно с болью в его голове вспыхнул удивительно яркий свет, мгновенно его осле-пивший.

Инсульт! У него начинается инсульт! Неожиданно ему на ум пришли последние слова Франклина Рузельта: «У меня ужасно болит затылок». Почти сразу вслед за этим президент впал в беспамятство и умер.

И вот теперь то же самое происходило с ним. Казалось, он проваливается в нечто темное и бесконечное, в черную бездонную пропасть.

Гленн попытался было закричать, но из его горла не вырвалось ни единого звука. Лишь где-то на самой грани-ице его сознания в его голове возник смех.

Неприятный презрительный смех.
Смех маньяка.

По мере того, как Гленн проваливался в окружающую его темноту, смех становился все громче, и наконец он его узнал.

Это был тот самый голос, который и раньше звучал у него в голове и который всегда подбивал его на дурное.

Тот самый голос, который не далее как сегодня утром настоятельно требовал, чтобы Гленн взрезал Кевину грудь и взял его сердце в руку.

Нет!

Он не поддался на уговоры этого голоса и никогда не поддастся! Гленн попытался было бороться с подступившей к нему темнотой, постепенно затягивавшей его в черный омут. Затем он услышал еще кое-что: чрезвычайно низкого тона рокот, постепенно набиравший силу и заглушавший глумливый смех. Он сконцентрировался на этом рокочущем звуке и заметил, что чернота в глазах стала рассеиваться. Постепенно она окончательно растаяла, и почти одновременно с ней пропала и боль.

Не просто уменьшилась, а исчезла, словно ее и не было.

Гленн чувствовал такое утомление, будто он по меньшей мере пробежал марафонскую дистанцию. Ноги его подгибались, но по мере того, как он медленно пытался вновь занять вертикальное положение, ухватившись одной рукой за перила лестницы, а другой упираясь в стену, силы стали постепенно к нему возвращаться. В конце концов он даже ухитрился подняться наверх и оказался на кухне. Там он сразу же увидел потоки дождевой воды, струящейся по оконному стеклу. Потом ослепительно полыхнула молния.

И снова боль, словно копье, пронзила мозг Гленна, и снова он был повержен на колени се ослепляющей вспышкой. Когда освещение на кухне потускнело, потому что молния, полыхнув, пропала, Гленн не заметил разницы, потому что внутренняя темнота снова затопила его. Удар грома, прогремевший над домом с силой, заставившей стекла жалобно зазвенеть, швырнул Гленна на пол, и он распластался там, содрогаясь от рыданий. И вновь в глубинах его существа возник зловещий, дьявольский хохот.

А потом в обступившей Гленна темноте появилось лицо Зла, чьи черты были искажены такой бешеною ненавистью ко всему человеческому, что Гленн попытался от него отпрянуть. Боль тем временем росла и ширилась в его голо-

ве, и Гленн, полностью закутанный в черный кокон темноты, уже больше не пытался с ней бороться, а только жаждал ускользнуть от этой обрушившейся на него пытки.

Дух Гленна Джейферса все больше слабел, и тем большую силу набирал дух Ричарда Крэйвена, который, казалось, получал подпитку от бушевавшей за пределами дома бури, пронизанной разрядами природной электрической дуги. Дух Крэйвена выживал Гленна из его собственного тела; дух Крэйвена больше не желал делить это тело ни с кем. Теперь, набравшись сил от непрестанно полыхающих молний, Ричард Крэйвен упорно загонял сущность Гленна Джейферса в темноту.

Скоро в теле Гленна Джейферса не останется и следа этого самого Гленна.

Ричарду Крэйвену больше не придется дожидаться, когда Гленн Джейферс заснет. Крэйвену не придется ждать очередного приступа ярости. Такие приступы возбуждали в нем лишь брат и мать, и лишь эта ярость давала ему силу хотя бы на короткое время перебороть Гленна.

Сейчас Ричард Крэйвен получит окончательную свободу и возможность поступать так, как ему нравится.

Поднявшись с пола и наслаждаясь ощущением свободы, Ричард Крэйвен отправился в неспешную прогулку по дому.

Он зашел в кабинетик и подошел к компьютеру. Используя «мышь» и ловко манипулируя ею, он покопался в файлах, чтобы выяснить, какое направление приняли поиски Энн.

Он понял, что Энн без труда сможет выяснить, кому принадлежал складной нож.

Интересно, поняла ли она, насколько близко подошла к истине Мейбл Свинни, отпуская одну из своих шуточек?

Вероятно, поняла: в отличие от Мейбл, Энн была умна. Да, но куда она отправилась?

Возможно, к Марку Блэйкмуру. Если она и не беседует с ним в данную минуту, то очень скоро эта беседа состоится.

Но никто из них даже не подозревает, в чем заключается истина, и когда он в конце концов избавится от этого

тела — точно так же, как избавился от своего собственного, — тогда его репутация будет восстановлена.

За все его деяния расплатится Гленн Джейферс.

Потому что Гленн Джейферс, как решил про себя Ричард Крейвен, будет пойман на месте преступления. Единственным изменением, которое Крейвен позволил себе внести в уже тщательно обдуманную схему, явилась смена объекта последнего эксперимента.

Сначала он приберегал для этой цели Энн, но теперь пришел к другому решению.

Чрезвычайно элегантному решению, надо сказать.

Такого рода решение достойно лишь человека с его интеллектом.

Энн останется в живых.

В последний момент — прежде чем он покинет это тело, чтобы найти себе новое, — он получит возможность как следует рассмотреть выражение лица Энн, когда та увидит своего собственного мужа, держащего на ладони сердце их дочери.

До конца своих дней Энн придется носить с собой это воспоминание.

Репутация Ричарда Крейвена будет полностью восстановлена.

И вся жизнь Энн Джейферс покатится под гору.

Справедливость восторжествует!

Усевшись за рабочий стол Энн, Ричард Крейвен принялся сочинять последнее послание. На этот раз он не сделает ни малейшей попытки скрыть личность пишущего — отпечатки пальцев Гленна Джейферса будут на бумаге везде.

Оставив послание на таком месте, где Энн без труда должна была его найти, он вышел из дома — требовалось кое-что подготовить к последнему эксперименту.

Этот эксперимент он проведет на Хэдер Джейферс.

Глава 64

Эпицентр бури стал перемещаться на восток, и грязновато-серый дождливый вечер уступил место влажным отблескам ночной тьмы. Мокрые тротуары ярко сверкали

в свете фонарей. Когда Энн свернула влево от Хайленда на Шестнадцатую улицу, она нажала на тормоза с большим усилием, чем требовалось, и почувствовала, как заднюю часть машины занесло вправо. Только после того, как Энн оправилась от волнения, вызванного заносом, она заметила пустое место на правой стороне своей улицы, которое двумя часами раньше, когда они с Кевином отъехали от дома, занимал громоздкий фургон. «Что ж, — сказала она себе, — по крайней мере, не придется шлепать под дождем два квартала». Закрыв машину, она двинулась вслед за Кевином по дорожке к дому, потом поднялась по ступенькам крыльца и оказалась у дверей в ту самую минуту, когда Кевин уже отпирал замок.

— Гленн! — позвала она. — Хэдер! Есть здесь кто-нибудь?..

Призывы замерли на ее губах, стоило ей ощутить мертвую тишину, стоявшую в доме. Ту самую тишину, которой ей пришлось хлебнуть вволю, когда Гленн лежал в госпитале.

Но сегодня что-то изменилось. Когда ей раньше приходилось оставаться дома одной, комнаты тем не менее были наполнены разного рода вибрациями, исходившими от ее домочадцев, — эти вибрации ощущались даже тогда, когда члены ее семейства покидали свое жилище. Но сегодня вечером дружественная энергетика исчезла. Дом напоминал мертвое существо. Таким он был в тот день, когда Джейферсы в него въехали.

Пытаясь поскорее отделаться от этого неприятного чувства, усиливавшегося с каждой минутой, Энн торопливо прошла через столовую на кухню. На дверце холодильника не было никакой записи. Зеленый глазок магнитофона, указывавший на наличие надиктованного послания, тоже не горел. Зато дверь в подвал была открыта настежь. Не успев до конца осознать, почему она воспринимает открытую дверь в подвал как зловещее предзнаменование, Энн подошла к двери и посмотрела вниз. Яркий свет флюоресцентной лампы отражался от чистейшей поверхности верстака. Нахмутившись, Энн стала спускаться по ступенькам, сосредоточив внимание исключительно на верстаке. Только оказавшись внизу, она заметила и другие изменения, которые произошли в ее отсутствие.

Тщательно разложенные по пакетам хозяйствственные мелочи.

На диво вычищенный пылесосом пол.

Вот уже почти двадцать лет ни она, ни Гленн не обращали внимания на беспорядок, вечно царивший в подвале, не говоря уже о том, чтобы попытаться его устраниć.

Теперь же подвал выглядел чуть ли не стерильно чистым и напоминал операционную.

Отвернувшись от верстака, Энн вернулась наверх, еще раз осмотрела дверцу холодильника, ища записочку от Гленна, после чего отправилась в кабинетик в надежде, что Гленн прилепил послание для нее прямо на монитор компьютера. Там она нашла совсем не то, что искала. Вместо записи Гленна она обнаружила конверт, на котором красовалось ее имя.

Конверт был надписан знакомыми уже заостренными буквами.

Энн попятилась от конверта, словно от изготовленвшейся к броску гремучей змеи, и схватилась за телефонную трубку. Тыкая пальцем в клавиши с нужными цифрами, она старалась не думать, что скрывается под оболочкой конверта. Однако во сто крат больше самого письма ее напугал факт его появления на ее рабочем столе.

— Ты можешь приехать ко мне? Прямо сейчас? — спросила Энн, как только на противоположном конце провода подняли трубку. — Случилось нечто экстраординарное...

— Буду через пять минут, — ответил Марк Блэйкмур. — Это достаточно быстро? Ты что, хочешь, чтобы я набрал за тебя номер «911»?

Энн в немом ужасе еще раз осмотрела конверт.

— Нет, — произнесла она свистящим шепотом. — Ничего страшного. Я... Мы сами справимся.

Она положила трубку и только потом вспомнила про Кевина. Мальчик стоял в дверях кабинета, смотрел на мать и, судя по морщинке, которая пересекала его лоб, был чрезвычайно взолнован.

— Что-нибудь случилось, мама? — спросил он тоненьким голоском, и Энн поняла, насколько мал и беззащитен ее десятилетний сын. Подойдя к ней поближе, Кевин обнял ее, а она, продолжая созерцать конверт на столе, протянула руку и прижалась сына к себе.

Когда по прошествии пяти минут зазвенел дверной звонок, Энн уже находилась в гостиной и расположилась на софе, по-прежнему прижимая сына к себе. Когда звонок затренькал во второй раз, она мягко высвободилась из объятий Кевина, но прежде чем успела дойти до входа, ее опередил Кевин, который, прошмыгнув под ее рукой, побежал и распахнул дверь.

Подняв глаза, он лукаво взглянул Марку Блэйкмуру в лицо.

— А я вас знаю, — заявил он. — Вы приезжали к нам, когда я нашел во дворе Кумкват.

— У тебя отличная память, — ответил ему Блэйкмур. Он опустился на корточки и, свою очередь, внимательно посмотрел на Кевина. — А теперь, поскольку я полицейский, я вынужден задать тебе один вопрос. Как тебе удалось узнать, что в дверь звоню именно я?

На лице Кевина появилось озадаченное выражение.

— Ч-что вы хотите сказать? — заикаясь, пробормотал он.

— Я хочу сказать, что не дело открывать дверь по первому звонку. Сначала надо выяснить, кто стоит за дверью. Так откуда ты знал, что это я? Или тебе сказала мама?

Кевин неуверенно взглянул на мать, а Марк Блэйкмур тем временем осмотрел окна с задернутыми шторами, которые выходили на передний двор.

— А может быть, ты посмотрел в щелку? Я бы поступил именно так.

— Я посмотрел, — заявил Кевин, мгновенно ухватившись за возможность сохранить лицо, которую ему представил Марк.

— И правильно сделал, — промолвил Марк и, поднявшись во весь рост, взъерошил мальчику волосы. — Всегда лучше знать, кто стоит на пороге, прежде чем распахивать двери, верно?

Наконец детектив переключил свое внимание на мать.

— Итак, что случилось? — спросил он. — Когда ты мне звонила, твой голос звучал весьма...

Обратив внимание на то, с каким интересом Кевин вслушивается в каждое его слово, Марк придержал язык.

— Весьма необычно, — закончил он и с радостью заметил, что Энн оценила его маневр и нежелание говорить об

охватившем ее ужасе в присутствии сына. Судя по всему, Энн была готова ему простить ту странную теорию, которую он высказал ей за обедом. Поняв это, Марк превозмог состояние депрессии, навалившейся на него, когда он увидел автомобиль Энн, торопливо выруливавший со стоянки с Сэлиш-лодж.

— Много чего случилось, — сказала между тем Энн. Она повела детектива через гостиную в кабинетик и по дороге успела ему коротко сообщить о ноже, который нашел Гленн, и о том, что Шейла Херрар опознала нож своего сына.

— Когда мы с Кевином вернулись домой, фургон исчез, а на своем рабочем столе я обнаружила это, — Энн кивком указала на конверт, который Марк Блэйкмур уже взял в руки, осторожно ухватив за уголок.

— Ты еще не читала письмо? — спросил детектив, стараясь не выдать голосом обуревавшие его эмоции. Когда Энн отрицательно покачала головой, Блэйкмур отвернул незаклеенный лепесток конверта и осторожно вытряхнул один-единственный листок бумаги на поверхность стола. Про себя Марк отметил, что на такой же точно бумаге было написано послание, которое сунули Энн в дверную щель, предназначавшуюся для писем и телеграмм.

— Есть чистый полиэтиленовый пакет? — спросил он. — Или что-нибудь в этом роде?

— Сейчас принесу, — мгновенно отозвался Кевин. Как только он выскочил из комнаты, Энн решила воспользоваться его отсутствием и быстро рассказать Марку о самом главном.

— Вокруг творится самое настоящее сумасшествие, — заявила она детективу неожиданно задрожавшим голосом. — Подвал вычищен так, что скорее напоминает лабораторию, а Кевин и Гленн сегодня в горах играли в какую-то смешную игру.

— В какую же? — спросил Марк.

Энн пожала плечами.

— Кевин все время твердит, что Гленн смотрел на него чрезвычайно странно и тем весьма его нервировал. Потом Гленн отоспал Кевина рыбачить вниз по течению в полном одиночестве. Но Кевин говорит, что отлично помнит, где они рыбачили. Он также запомнил место, где Гленн

нашел нож. А когда я вернулась домой после обеда... — Энн замолчала, поскольку в этот момент в комнату вошел Кевин с целой стопкой пакетов в руках.

Мальчик с любопытством наблюдал за тем, как Марк Блэйкмур осторожно расправил письмо и, прежде чем прочитать, положил его в один из пакетов. Затем, прочитав письмо, он протянул его Энн. Взяв упакованный в пластик листок дрожащей рукой, она попыталась сосредоточиться на смысле написанного:

Дразжайшая Энн!

Вы уже готовы принять истину? (Только часть ее скрывается в компьютере, Энн. Остальное хранится в вашей голове.) На самом деле вы знали правду с того момента, как меня выпустили из госпиталя. Вы помните тот день, Энн? Тогда вы почувствовали возбуждение, которого никогда не знали раньше, верно? Все дело в электричестве, Энн. Подобное электричество наполняло театр, когда Нижинский совершил свой прыжок.

Это единственная печаль всей моей жизни, знаете ли. Я никогда не сидел в зале, когда танцевал Нижинский. Но я, по крайней мере, знаю, что он не сходил с ума.

В любом случае мне было хорошо с вами. Но сейчас настало время для последнего танца. И я уже выбрал для себя партнера.

Энн прочитала послание, потом перечитала, изо всех сил пытаясь вникнуть в смысл слов, начертанных на бумаге.

Нижинский? Что общего может иметь танцор, скончавшийся около пятидесяти лет назад, со всем этим ужасом?

— Ты имеешь хотя бы малейшее представление о том, куда мог направиться Гленн? — донесся до Энн голос Марка Блэйкмура. Голос звучал мягко, даже нежно. Сумев наконец отвести взгляд от письма и посмотреть на детектива, Энн не обнаружила в его глазах ни малейшего следа того торжества, которое обыкновенно сопутствует чувству удовлетворенного самолюбия. В его глазах она видела одно лишь сочувствие.

— Нет, — выдохнула она. — Его машина стоит перед домом, так что... — слова замерли у нее на губах. Она хоте-

ла было сказать, что Гленн отправился на прогулку, но на улице лило как из ведра. Даже если он вышел из дома до того, как начался дождь, то теперь ему было самое время вернуться.

Неожиданно она вспомнила фразу из злополучной записки:

«...настало время для последнего танца. И я уже выбрал для себя партнера».

Потом ей вспомнилась строчка из предыдущего послания:

«Я, знаете ли, могу входить в ваш дом в любое удобное для меня время. Заметьте — в любое».

Перед ее мысленным взором одна за другой замелькали картины: подвал, убранный на диво впервые за двадцать лет; громоздкий фургон, самым загадочным образом появившийся на улице и остававшийся там до последнего времени на расстоянии каких-нибудь двух кварталов от дома...

Тот самый фургон, который сейчас отсутствовал!

Наконец-то разрозненные элементы шарады стали занимать еще пустовавшие клеточки. Тот, кто написал эти послания, постоянно находился поблизости и наблюдал за *ней*!

— Я знаю, где он сидел, — прошептала Энн, отвернувшись от окна. Краска сбежала с ее щек. — Послушай, Марк! Он в течение многих дней следил за нами. Там, на улице стоял фургон...

Она рассказала Блэйкмуру, насколько была раздражена, когда фургон появился рядом с ее домом. Достав кожаное портмоне, Энн стала рыться в его содержимом в поисках записной книжки.

Нащупав наконец книжку, Энн извлекла ее на свет, раскрыла на странице, где она записала номер фургона, и протянула ее Марку.

— Он был здесь, Марк! — вскричала она. — Господи, он был здесь и увез с собой Гленна!

Энн снова схватилась за письмо, упакованное в полиэтилен.

— Я знаю, Марк, мои слова звучат смешно, и знаю, что ты по поводу всего этого думаешь, но хочу тебя уверить —

не Гленн это писал, а какой-то другой человек. И вот теперь он схватил Гленна!

Марк Блэйкмур, признаться, не слишком внимательно слушал ее излияния. Он давал указания по рации установить, кому мог принадлежать фургон, номер которого Энн переписала себе в книжку. Пока он говорил, Энн в очередной раз перечитала письмо, и постепенно ее усталый и запутавшийся в загадках и разгадках мозг заработал снова.

Было яснее ясного, что записку писал не Гленн. Одноединственное слово не давало ей покоя — оно, словно в насмешку, всякий раз задерживало на себе внимание Энн, когда она перечитывала послание. Наконец она направилась к компьютеру и, включив режим поиска, напечатала заветное слово: **НИЖИНСКИЙ**.

Потом она нажала на операционную клавишу и подождала. Через несколько секунд на мониторе появился список файлов с кратким изложением содержавшихся в них интервью, которые она собирала в течение многих лет и в которых речь шла об одном-единственном человеке.

О Ричарде Крэйвене.

Она еще пару раз щелкнула клавишами, и секундой позже на экране появился текст, где слово «Нижинский» было выделено.

Она пробежала глазами это интервью, потом следующее, и по мере того, как она читала, ее заинтересованность и пробудившийся ужас в равной степени возрастили.

Правда о Ричарде Крэйвене стала вырисовываться.

Вот в чем заключалась истина, на которую он намекал с самого начала, разбрасывая недостающие элементы головоломки то здесь, то там. Эти элементы были столь незначительны, столь ничтожны, а намеки туманны, что ей вряд ли удалось бы раньше составить из них цельную картину.

Танец.

Метафизика.

Электричество.

Жизнь, смерть, сумасшествие.

И Нижинский.

Ричард Крэйвен самолично поведал ей все о Вацлаве Нижинском. И эта информация заключалась в одном из самых первых интервью с ним.

Э.Д.: Но почему балет, мистер Крэйвен?

Р.К.: Мой интерес к балету не имеет ничего общего с интересом к танцу как таковому, миссис Джейферс. В данном случае меня привлекают танцоры.

Э.Д.: Танцоры?

Р.К.: Знаете ли вы, что делает из человека настоящего танцора? Стремление к совершенству. К совершенству в физическом отношении, к совершенству в сфере мышления. Вот что самое интересное! Постоянное стремление к совершенству.

Э.Д.: Но неужели вы верите, что человек в состоянии достичь совершенства?

Р.К.: Такой человек был. Вацлав Нижинский. Вам знакомо это имя?

Э.Д.: Насколько я знаю, он сошел с ума и умер.

Р.К.: Да, так считается, но я вовсе в этом не уверен. Это был человек, который умел прыгать выше всех танцоров — и прежних, и нынешних. Но он не просто прыгал, миссис Джейферс. В самой высокой точке своего прыжка он как бы зависал над сценой.

Э.Д.: Боюсь, что я не совсем вас понимаю.

Р.К.: Ну, так было принято говорить — «зависал». Что касается самого Нижинского, то он, по его же собственным словам, просто-напросто подвешивал себя над сценой. Он говорил, что научился отделяться от собственного тела, и когда он выступал, то летел одновременно над сценой и над собственной плотью, манипулируя ею, словно марионеткой на веревочках.

Э.Д.: И вы верите в то, что подобное возможно?

Р.К.: Не просто возможно, миссис Джейферс. Я уверен, что он делал именно так. Видите ли, он перестал танцевать, потому что испугался — испугался того, что в один прекрасный день не сможет вернуться в собственное тело и останется вне его. В самом конце своей карьеры он, возвращаясь в свое тело, всякий раз находил там незнакомую духовную сущность. Он боялся, что незнакомый дух станет сильнее его и тогда он, Нижинский, окажется не в состоянии вновь обрести свое тело. Вот почему он перестал танцевать, вот почему его провозгласили шизофреником. Но что, если он не был шизофреником, миссис Джейферс? Что, если у него не было и намека на шизофирию? Что тогда?

На этом интервью заканчивалось. Энн тогда еще сделала для себя пометку — узнать все, что возможно, о Вацлаве Нижинском. Впрочем, в те дни это казалось ей не слишком значительным и она сосредоточила все свое внимание на других, более важных вещах, вернее, на том, что она тогда считала более важным.

Теперь же она поняла, что ничего важнее этой информации нет. Особенno в том случае, если Нижинский, а значит, и Ричард Крэйвен оказались правы.

Она снова перевела взгляд на письмо, вернее, на последнюю строку в нем:

«...я уже выбрал для себя партнера».

Если Крэйвен прав, то он выбрал вовсе не Гленна, ни в коем случае не Гленна, потому что Гленном он уже завладел.

Тогда кого?

Кого мог выбрать убийца? Страшная мысль пронзила все ее существо, и она схватилась за телефон, чтобы позвонить Рэтте Гувер. В трубке четыре раза пискнуло, а потом к телефону подошла Рэтта собственной персоной. Энн прерывающимся голосом попросила к телефону дочь. Когда секундой позже она положила трубку, ее лицо было пепельно-серым, а руки тряслись. Но прежде чем она успела произнести хоть словечко, ее опередил Марк Блэйкмур, который к тому времени завершил свои переговоры и сунул рацию в карман пиджака.

— Этот фургон взят в аренду, Энн, — тихо произнес он. — И взял его в аренду Гленн. Всего несколько дней назад.

Энн молча кивнула.

— Но это не Гленн, — сказала она прерывающимся от рыданий голосом. — Это ОН, Марк, точно ОН. И ОН взял с собой Хэдер! Господи, он взял с собой Хэдер. Он собирается ее убить.

Глава 65

Хэдер Джейферс краем глаза взглянула на отца, хотя изо всех сил делала вид, что смотрит сквозь оконное стекло на разыгравшуюся на улице бурю. Когда отец перехва-

тил ее у Рэтты, она удивилась: обычно если она или Кевин решали куда-то пойти, то они или шли пешком, или ехали на автобусе, или отправлялись с друзьями на автомобиле. Она еще больше удивилась, когда увидела, на чем приехал отец.

— Кто это купил? Ты или мама? — спросила она, разглядывая огромное транспортное средство.

— Я взял его напрокат, — ответил ей отец. — Твоя мама пока об этом не знает.

Когда отец сообщил ей, что они должны встретиться с матерью и братом в таиландском ресторанчике на Мерсер-айленд, она не стала задавать лишних вопросов.

— Ну, что ты думаешь об этом моторизованном чудище? — спросил отец с улыбкой.

Девочка обследовала дом на колесах, а затем вернулась на место для пассажиров.

— И как только ты с ним управляешься? — спросила она. — Уж больно он велик.

Отец взглянул на нее, и его взгляд показался ей забавным — такого выражения в его глазах она раньше не видела.

— Я умею делать много такого, о чем ты даже не подозреваешь, — сказал он, и его голос тоже показался ей странным. Она испытала весьма сложное чувство — не испуг, скорее волнение. Хэдер спросила отца, здоров ли он. Он ответил, что здоров, но таким сюсюкающим голоском, каким раньше не позволял ей обращаться даже к Кевину. Она отвернулась от него и снова уставилась в окно, сохраняя молчание до тех пор, пока они не приблизились к перекрестку Мерсер-айленд и магистрального шоссе.

— Ты же хотел остановиться на Мерсер-айленд, — напомнила Хэдер, поскольку отец, по-видимому, не замечал, что они были уже совсем близко от нужного места.

Он ничего не сказал в ответ, равно как и не остановился. Вместо этого он продолжал мчаться по шоссе. Через минуту они проехали Мерсер-айленд и направились дальше через мост.

— Отец, ты в порядке? — требовательно спросила Хэдер, когда они миновали мост. — Как раз здесь ты бы мог сделать разворот.

— А почему тебе пришло в голову, что я собираюсь разворачиваться? — ответил ее отец. При этом он даже не посмотрел на дочь, и Хэдер неожиданно поняла, что этот человек за рулем вовсе не походит на ее отца. На его лице застыло странное отрешенное выражение, словно у сумасшедшего. Когда же отец перевел глаза на Хэдер, та почувствовала, что по ее коже побежали мурашки.

— Отец, скажи, пожалуйста, что с тобой происходит? — снова спросила она. — Почему мы не остановились на Мерсер-айленд?

— Потому что мы едем совсем в другое место, — последовал ответ:

— Но ты сказал...

— Неважно, что я сказал. Мы не едем на Мерсер-айленд.

— Тогда куда же мы едем? — спросила Хэдер.

— В другое место. Туда, где мы сможем побывать вдвоем.

Именно последние слова отца — «туда, где мы сможем побывать вдвоем» — превратили недоумение Хэдер в самый настоящий страх.

Побыть вдвоем.

Но почему? Впрочем, ответ на этот вопрос был уже готов. С самых юных лет ее постоянно предупреждали — никогда не ездить с незнакомыми людьми, которые предложат ей куда-нибудь прокатиться, чтобы «побыть вдвоем».

Да, но ведь это ее отец!

Тогда она вспомнила Джолин Риксман, которая до недавнего времени училась в ее классе. В прошлом году Джолин попыталась покончить жизнь самоубийством. Выяснилось, что ее отец начал затачивать ее с собой в кровать, когда девочке было только четыре года. Отец угрожал убить ее, если она расскажет хоть кому-нибудь, что они вместе проделывали.

Но отец Хэдер был совсем другим человеком — он-то никогда не глядел на нее как-нибудь по-особенному, не говоря уже о том, чтобы проделывать с ней те вещи, о которых предупреждали ее подружки, досыта наслушавшиеся рассказов про Джолин.

Теперь, однако, на ум Хэдер пришли слова матери, разговаривавшей с ней после того, как отец вернулся из гос-

питала. По словам матери, Хэдер предстояло привыкнуть с мыслью о том, что отец уже никогда не будет прежним, что он едва не умер и что должно пройти очень много времени, прежде чем он окончательно поправится. Но ведь не мог же отец измениться до такой степени, верно?

Когда они проехали через Иссаквах, а потом начали подъем в направлении Сноквалми-пас, девочка снова взглянула на отца. В этот момент небо прочертил зигзаг молнии, и на мгновение внутренность машины осветилась, словно днем. Белесый свет придал лицу Гленна Джейферса пепельный оттенок, а когда он повернулся, чтобы взглянуть на дочь, его глаза полыхнули с такой неожиданной силой, что ее тело охватила дрожь.

— Ты чувствуешь его? — воскликнул он. — Ты чувствуешь электричество?

Хэдер отрешенно покачала головой.

— Еще почувствуешь, — сказал он. — А когда это случится...

Удар грома, который потряс фургон до основания, заглушил окончание фразы.

— П-пап, — дрожащим голосом произнесла Хэдер, когда раскаты грома стихли. — Пап, что ты собираешься со мной делать?

Человек, который уже совсем перестал походить на ее отца, повернулся и оглядел ее снова.

И ничего не сказал.

Он только улыбался.

И от его улыбки Хэдер охватил смертельный ужас.

Глава 66

Энн и Марк вместе с Кевином сидели в автомобиле Марка. Этот неприметный «форд» можно было быстро сделать приметным, установив на крыше магнитную мигалку. Энн подумала, что без плана действовать глупо. Куда ехать, где разыскивать проклятый фургон?

— Готов поспорить, что он направился в горы, — сказал Марк. Он отдал в микрофон радио несколько отрывистых

команд, которые, на вкус Энн, звучали не слишком интеллигентно, однако они должны были заставить все подвижные полицейские силы графства землю рыть носом в поисках моторизованного страшилища. Принимая во внимание погоду, Марк знал, что шансов найти фургон практически нет.

— А теперь прошу тебя, расскажи мне, что, по твоему мнению, происходит, — попросил Марк Энн, пытаясь отвлечь ее внимание от поисков, с самого начала не суливших удачи.

Присутствие Кевина на заднем сиденье сковывало Энн, поэтому вместо того, чтобы изложить детективу свой взгляд на последние события, она просто дала ему адрес Алана Клайна. Партнер Гленна согласился приютить Кевина на вечер, а если понадобится, то и оставить на ночь. Как только Энн вместе с Кевином вошла в дом Клейнов, хозяева по ее глазам сразу определили, что дело у нее серьезное, а объяснять его суть времени нет. Только когда Энн осталась в машине вдвоем с Марком, она наконец смогла предложить вниманию детектива свою версию событий, которую, впрочем, отказалась развивать, не переговорив предварительно по телефону с Горди Фарбером. Тот вызвал на экран компьютера историю болезни Гленна и не только подтвердил подозрения Энн, но и рассказал ей о затмениях сознания, посещавших Гленна, о его странных снах, которые, по мнению Энн, вовсе не являлись снами. Скорее это были мимолетные картины того, что претворяла в жизнь другая духовная сущность, поселившаяся в теле Гленна.

— В фургоне сейчас не Гленн, — сказала Энн Марку Блэйкмуру. — Это Ричард Крэйвен.

— Ричард Крэйвен мертв, — жестко сказал Марк, всматриваясь в дорогу. Кевин рассказал, куда они с Гленном ездили рыбачить и как туда добрались, поэтому Марк мог предсказать поступки Гленна. Когда фургон найдется, он обязательно окажется поблизости от того места, куда Гленн возил Эдну Крэйвен несколько дней назад и где он был с Кевином сегодня утром.

— Да, его тело умерло, — согласилась Энн и пересказала Марку историю Вацлава Нижинского, которую ей поведал сам Ричард Крэйвен несколько лет назад.

— Ну и что из того, что Нижинский не псих — в чем я, впрочем, до конца не уверен, — что, собственно, из этого следует? Я не вижу тут прямой связи с нашим делом. Гленн, кажется, не занимался экспериментами с переселением душ? — спросил Марк.

— Гленн был мертв в течение двух минут, — заявила Энн столь же безапелляционно, как Марк двумя минутами раньше заявил о гибели Крэйвена. — В то утро, когда у него случился сердечный приступ, он впал в состояние клинической смерти по дороге в госпиталь. Врачи были вынуждены остановиться, чтобы команда в полном составе имела возможность с ним работать. Все это, кстати, зафиксировано в архивах, Марк.. Они применяли массаж сердца, сильные стимуляторы и дефибриллятор. И все это произошло около девяти часов утра по тихоокеанскому времени.

Марк перевел взгляд на Энн. По тихоокеанскому времени? О чём это она говорит? Но прежде чем он успел сформулировать свой вопрос, как ответ сам пришел к нему на ум. Девять часов по тихоокеанскому времени соответствовали полудню по времени восточному.

Именно в это время Ричард Крэйвен был казнен.

Блэйкмур вспомнил слова Энн, которые та произнесла всего минуту назад, цитируя Ричарда Крэйвена: «*Видите ли, Нижинский перестал танцевать, потому что испугался. Испугался того, что настанет время, когда незнакомый дух станет сильнее его, и тогда он, Нижинский, окажется не в состоянии вновь обрести свое тело*». Марк повторил эти слова про себя, обдумал их, но так и не пришел к приемлемому для себя выводу.

— Послушай, Энн, но во всем этом нет никакого смысла, — начал он, но в его голосе не чувствовалось былой уверенности.

— Неужели? А что ты думаешь по поводу всех этих историй, которые приходилось слышать большинству людей? Я имею в виду тех несчастных, которые пережили клиническую смерть и получили своеобразный опыт жизни после смерти? Все эти истории практически не отличаются друг от друга, Марк. Духовая сущность покидает тело, а потом над ним парит. Они видят, что происходит, и

слышат, что говорят другие люди. Некоторые из этих сущностей даже получают своего рода возможность выбора — возвращаться назад в свое тело или нет...

Энн замолчала, но Марк уже понял, к чему она клонит.

— И если Ричард Крэйвен умер в тот самый момент, — попытался он продолжить мысль Энн, — и чрезвычайно хотел вернуться...

— Он меня ненавидел, — выкрикнула Энн. — Я видела это по его глазам, я слышала это в его голосе.

Она поведала Марку о тех крошечных кусочках информации, которые ей удалось добыть из разрозненных интервью и затем сопоставить.

— Он отличался от всех серийных убийц, — заявила Энн. — Он убивал людей не просто из любви к убийству, Марк. Он пытался выяснить, как оживить их после того, как они уже умерли.

— Но это не имеет отношения к Рори и Эдне, — возразил Марк.

— Он решил наказать Рори. И еще, я полагаю, он давно копил в душе ненависть к матери. Кроме того, с некоторых пор его мотивы изменились. С экспериментами он закончил. Ему было необходимо поквитаться со мной.

Энн смотрела из окна машины на окружающую местность, охваченную неожиданно налетевшим сильным ветром. Они ехали по маршруту, описанному Кевином.

— О Господи, — вздохнула Энн, — ну почему его никак не поймают?

— Его поймают, — ответил детектив. — Или его поймаем мы. Так или иначе, но мы вернем Хэдер.

Впрочем, Блэйкмур не очень-то верил в то, что говорил. И уж совсем не верил он в ту странную теорию, которую только что изложила ему Энн.

По крайней мере, ему казалось, что он в нее не верит.

Глава 67

Небесные хляби разверзлись. Дождевая вода потоками хлестала по крыше и окнам фургона, почти непроницаемой завесой растекаясь по оконным стеклам. Хэдер могла

видеть только расплывавшиеся огни фар встречных автомобилей, но и они с течением времени возникали все реже и реже. Казалось, штормовой ветер и дождь смели с автострады все машины, за исключением их фургона, и чем больше они удалялись от дома, тем сильнее страх овладевал Хэдер.

— Давай остановимся, — попросила она. — Пожалуйста!

Ричард Крэйвен на мгновение оторвал глаза от дороги, чтобы взглянуть на Хэдер. Ее лицо трудно было рассмотреть, но ехавший им навстречу грузовик ослепил их фарами и на долю секунду осветил ее черты. Этого было достаточно: Крэйвен заметил выражение ужаса на лице девочки. Хотя он тут же снова переключил внимание на дорогу, но страх, который он поселял в детской душе, льстил его самолюбию и вызывал немалое возбуждение.

Хэдер знала, что должно произойти нечто ужасное, знала, что ей грозит опасность. Но она еще не знала природы опасности, которая ждала ее впереди, и оттого ощущала неопределенность, возбуждающую в ней еще больший страх. Это доставляло еще большее удовлетворение Ричарду Крэйвенну. Он жалел только об одном — что с ними не было Энн Джефферс.

Если бы ему представилась возможность переговорить с Энн, рассказать ей, что он собирается сделать с ее дочерью, заставить ее страдать от одной только мысли о страданиях, ожидающих Хэдер...

Если бы ему представилась возможность взглянуть на лицо Энн в тот момент, когда он станет рассекать грудь Хэдер, чтобы обнажить сердце...

Как ему хотелось бы услышать болезненный вскрик Энн в тот момент, когда у него на ладони окажется сердце Хэдер! А потом слушать ее стенания и мольбы и одновременно сжимать в руке это еще бьющееся сердце.

Ах, как он жаждал видеть беспомощность и боль Энн в тот момент, когда он займется своей любимой работой. Точно так же она наслаждалась его болью, когда он, несчастный и загнанный, оказался в одиночной камере и сидел там в ожидании казни на электрическом стуле. Впрочем, в то время он, конечно же, старался не показывать ей своих

страданий. При встречах с ней он старательно прятал свой ужас от одиночного заключения и тем более ужас перед электрическим стулом. Но хотя ему и удавалось скрывать свои страхи, он знал: она чувствовала его испуг, купалась в нем.

Но сегодня ночью она будет наказана за все. И наказание это будет тянуться до самого последнего дня ее жизни.

В небе полыхнула молния, а вслед за ней ударила громовой раскат, от которого содрогнулся фургон. В ту же секунду Ричард Крэйвен испытал острое наслаждение от тихого вскрика, сорвавшегося с губ Хэдер Джейферс.

— Пожалуйста, — молила она, — давай остановимся! Нас же убьет молнией!

Впереди показался дорожный указатель, выхваченный из темноты зеленоватым светом фар. Хотя из-за сильного дождя было трудно прочесть начертанные на нем буквы, Ричард Крэйвен не раз видел этот указатель раньше. Приближался поворот к водопаду Сноквалми. Сняв ногу с педали акселератора, Ричард Крэйвен мягко нажал на тормоз, и машина замедлила движение.

Хэдер, которая сидела, вцепившись в подлокотники, попыталаась было прочесть указатель, когда они проезжали под ним, но вспышка молнии на мгновение ослепила ее.

Отец уже довольно долго не заговаривал с ней и даже перестал на нее смотреть, поэтому девочка спросила себя, не позабыл ли он о ней вовсе?

Так что же все-таки случилось с ее отцом?

Сегодня утром, собираясь с Кевином на рыбалку, отец выглядел прекрасно. Неужели человек может сойти с ума за каких-нибудь несколько часов? Хэдер подумала о Кевине. Где он? Интересно, отвез ли отец его домой, прежде чем приехал к Рэтте за Хэдер?

Она еще раз украдкой бросила взгляд на лицо отца, слегка подсвеченное лампочками приборной доски. Хотя черты этого лица по-прежнему напоминали отцовские, на них появилась неистребимая печать зла, и это зрелище заставило девочку похолодеть, а когда человек за рулем все-таки взглянул на нее через минуту, Хэдер решила, что он обдумывает, как ему поступить с ней.

Когда громоздкая машина свернула со скоростного шоссе, Хэдер вытянула шею, стараясь разглядеть хотя бы малейшие приметы местности и определить по ним, где находится автомобиль. Если они подъедут к какому-нибудь поселку или даже бензозаправочной станции, она сможет неожиданно открыть дверь и выпрыгнуть даже из движущегося автомобиля.

— Пристегни ремень безопасности, Хэдер. И положи руки на подлокотники.

Отец заговорил с ней ледяным тоном, каким никогда не разговаривал раньше, и это мгновенно заставило ее подчиниться.

Фургон продолжал медленно ехать дальше, а человек за рулем — человек, внешне напоминавший отца Хэдер, но уже не являвшийся им, — обратился к девочке снова.

— Даже и не пытайся выбраться из машины. Я намного сильнее тебя, и если ты рванешься к двери, я сумею тебя остановить. И тогда я заставлю тебя пожалеть о том, что ты нарушила мой приказ.

Сердце Хэдер учащенно забилось. О чем это он говорит? Что он собирается с ней сделать? Когда фургон повернул налево, Хэдер наконец-то узнала местность — теперь они продвигались по главной улице деревушки Сноквалми. Хэдер с надеждой выглядывала из окна, пытаясь увидеть хотя бы одного человека, который мог бы ей помочь. Но улицы поселка были пусты, не было видно даже автомобилей — разбушевавшаяся природа разогнала всех жителей по домам.

Стон — стон не страха, а смертельной тоски сорвался с губ Хэдер. Если в поселке им никто не встретится, то когда они проедут мимо и огни поселка растают позади, у нее не останется ни малейшей надежды на помощь.

Когда они достигли границы поселка, человек за рулем заговорил:

— Ведь ты боишься меня, не так ли, Хэдер?

Хэдер была слишком напугана и утомлена, чтобы как следует обдумать сложившееся положение. Она просто молча кивнула в ответ.

— Ты, наверное, поняла, что я — не твой отец?

И опять Хэдер только кивнула.

— А ты знаешь, кто я такой?

На этот раз девочка отрицательно замотала головой, но потом, услышав в голосе водителя странные нотки, повернулась к нему и подняла глаза.

Он улыбался, но в его улыбке не было ни капли доброты.

Он всматривался в ее лицо. Его холодный взгляд проник ей прямо в душу.

— Меня зовут Ричард Крэйвен, — сказал он.

Хэдер почувствовала, как по всему ее телу стало разливаться оцепенение. Что это значит? Ведь Ричард Крэйвен давно мертв! Его казнили в тот самый день, когда ее отец перенес сердечный приступ! Но хотя умом она отказывалась понимать сказанное, в глубине ее души возникла и окрепла уверенность, что этот человек не лжет. Хотя его внешность, его плоть пытались уверить Хэдер, что перед ней ее отец, его глаза и голос утверждали обратное.

— Чего вы от меня хотите? — еле слышно спросила она.

На губах Ричарда Крэйвена заиграла холодная усмешка.

— Я хочу потрогать тебя, Хэдер, — сказал он. — Я хочу коснуться твоего сердца.

Глава 68

— Это сумасшествие, — сказала Энн Джейферс. Она не имела представления о том, где они находятся. За несколько миль пути они не встретили ни одного дорожного знака. Дорога, петлявшая вдоль реки, оставалась пустынной, а мир за пределами автомобиля Марка представлял собой сплошную черную толщу, поглощавшую даже свет мощных фар. Не утихавший ни на минуту ливень еще более ухудшал обзор, так что перед машиной можно было видеть лишь несколько ярдов дороги. По причине разгулявшейся бури Марку пришлось снизить скорость до минимума.

Энн же уверилась в том, что их поездка в горы — большая ошибка. В небе вспыхнул зигзаг молнии и раздался удар грома такой силы, что Энн подпрыгнула на сиденье.

— Пора поворачивать назад, Марк! Это кретинизм. Мы ведь даже не знаем, где находимся!

— Мы уже почти добрались до кемпинга, где сегодня утром была обнаружена Эдна Крэйвен, — ответил Марк. —

Кевин сказал, что место, где они с Гленном рыбачили, находится недалеко от кемпинга. Мы проверим, что там и как, а потом...

Полицейская рация в автомобиле неожиданно вернулась к жизни, и Марк схватился за микрофон.

— Говорите.

— Выяснилось, что на разыскиваемом фургоне имелся радиотелефон, и мы поэтому смогли проследить его путь, — произнес едва слышный голос, до последней степени искашенный помехами, причиной которых была буря.

Энн хотела что-то сказать, но Марк затряс головой и еще теснее приник к рации. Однако ничего, кроме треска помех, он не услышал.

— Повторите! — закричал Марк в микрофон. — У нас тут сплошные помехи!

Из какофонии шумов и треска до слуха Марка доносилось одно-единственное слово: Сноквалми.

Все остальное оказалось напрочь съедено треском статического электричества. Когда же начался следующий сеанс связи, то вообще ничего нельзя было разобрать.

— Неважно, — пробормотал Марк. — Они здесь. Вверх по реке.

Он на секунду перестал всматриваться в кусочек дороги перед собой, чтобы в двух словах обрисовать Энн происходящее.

— Радиотелефоны — все равно что радиомаяки: они постоянно находятся в контакте с центральной системой подключения. Конечно, нельзя точно установить, где находится абонент, но приблизительно определить его местоположение вполне в наших силах.

Потом, даже не подумав, стоит это делать или нет, Марк вытянул руку и нежно сжал ладонь Энн.

— Держись, мы найдем их. Обязательно найдем!

Автомобиль продолжал подниматься вверх по дороге, повторявший изгибы реки. Они подъехали к кемпингу, и Марк увидел, что лагерь обнесен желтой полицейской лентой, а железные ворота, ведущие к нему, заперты на замок. Тогда Марк, даже не подъезжая к воротам, продолжил подъем и через полторы мили, когда он стал уже сомневаться в правдивости указаний, данных Кевином, прямо перед его глазами из темноты возник дорожный знак,

сообщавший о приближении поворота. Через минуту Марк подъехал к ответвлению дороги, уходившему вправо, и затормозил. Грязная узкая дорога, уже порядочно размытая ливнем, выглядела абсолютно непроехажей для всех типов автомобилей, за исключением вездеходов с двумя ведущими мостами. Марк еще мог спуститься на своей машине к реке, но вот снова выехать на дорогу он уже не смог бы.

Да, но когда тропинка стала непроехажей? Что, если зловещий фургон уже находится внизу?

Марк сунул руку в бардачок, вынул пистолет и вылез из машины.

Энн, которая мгновенно разгадала его намерения, выбралась наружу через другую дверь.

— Возвращайся в машину! — воскликнул Марк, стараясь перекричать ветер, дувший с такой силой, что дождевые струи неслись почти параллельно земле.

— Если ты можешь спуститься вниз по тропинке, то смогу и я, — закричала Энн в ответ. — Ведь там моя дочь, ты забыл?

И прежде чем Марк успел запротестовать, она начала спускаться вниз по грязной тропинке, опираясь о стволы деревьев и хватаясь за ветки кустарников, когда ее ноги скользили по грязи.

Уже находясь на полпути к цели, она неожиданно подумала о том, что ни на секунду не усомнилась в собственной правоте. Вдруг она ошиблась — и с Хэдер сейчас находится ее Гленн, настоящий, любящий Гленн, а не просто его оболочка, заключающая чудовищного Ричарда Крейвена?

Но в этот момент ей вспомнилась монограмма, которую Ричард Крейвен имел обыкновение вырезать на окровавленной плоти своих жертв. Перед ее мысленным взором предстала Хэдер с распоротой грудью, с вырванным сердцем...

Нет!

Только не Хэдер! Этого просто не может быть! Она не позволит, чтобы весь этот ужас случился с ее дочерью!

Из горла Энн вырвался сдавленный вопль страха, ярости и боли. Она что было сил рванулась вперед, обмирая от

ужаса при мысли о том, что проклятый фургон, возможно, уже стоит в конце тропинки...

А Ричард Крэйвен уже приступил к своей работе.

Глава 69

— Тебе не будет больно, не бойся.

Хэдер изо всех сил старалась не смотреть на человека, который уже утратил даже приблизительное сходство с ее отцом.

Крэйвен съехал с дороги и укрыл машину на участке, где обычно устраивали пикники. Местечко было настолько уединенным, что машина почти не просматривалась с дороги, проходившей совсем близко. Впрочем, даже если бы фургон и увидели — что за беда? Вряд ли кто-нибудь приблизился бы к нему ночью в такую ужасную погоду. Люди паркуют такого рода передвижные дома где угодно, и никто не ходит смотреть, что там и как.

Крэйвен задернул шторы на окнах машины и включил генератор.

Хэдер не смела даже шевельнуться в своем кресле.

Большой частью потому, что Крэйвен за ней следил. Раньше в глазах отца она видела одну только любовь, но теперь эта любовь ушла. Теперь в глазах человека, смотревшего на нее, читалась только жестокость. Его мертвенный взгляд не выражал ничего человеческого. Именно этот взгляд, который Хэдер назвала про себя «взглядом смерти», заставил ее уверовать в то, что его обладатель не лжет и перед нею и в самом деле Ричард Крэйвен.

Хэдер знала, чем прославился Крэйвен и сколько трупов было найдено в том месте, куда он завез ее сегодня ночью. Она читала описания обнаруженных полицией трупов и знала, что у несчастных жертв убийца вспарывал грудь и вырывал сердце. Именно на это намекал Крэйвен, когда говорил о том, что хочет коснуться ее сердца. Когда эти слова дошли до сознания Хэдер, ужас полностью парализовал ее тело.

Бежать она не могла, она не могла даже заставить себя попытаться выскоить из фургона. Да и что толку? Он

схватит ее раньше, чем она доберется до двери. Ну а если ей и удастся вырваться из фургона, то что она станет делать в такую бурю? Куда пойдет?

Тем временем человек что-то доставал из встроенных шкафов фургона. Это оказалась пластиковая бутылка с какой-то жидкостью. Затем Крейвен извлек из ящика кусок чистой материи и принялся поливать ткань жидкостью из бутылки. Пронзительный запах жидкости мгновенно заполнил все закоулки огромного фургона.

Крейвен двинулся к Хэдер, держа в руке влажную материю. Он смотрел на девочку стеклянным остановившимся взглядом — таким взглядом гремучая змея смотрит на свою жертву перед броском. Его глаза гипнотизировали Хэдер, и когда он вытянул руку, чтобы прижать влажную ткань к ее носу и рту, у нее не хватило сил даже отвернуться.

Сделав глубокий вдох, Хэдер закрыла глаза и попросила Бога, чтобы Ричард Крейвен ей не соврал и чтобы ей не было больно, когда он проникнет в ее тело, чтобы коснуться сердца.

Коснуться ее сердца и убить ее.

Глава 70

Энн на чем свет стоит проклинала грязь и бурю, особенно когда споткнулась о камень, укрывшийся от ее взгляда в густой траве лужайки. Марк Блейкмур успел поймать ее за локоть и уберечь от падения. Сам он, не переставая, обшаривал окружающие кусты светом яркой галогеновой лампы. Несмотря на дождь, на лужайке можно было различить след от колес проехавшего недавно по траве тяжелого автомобиля.

— Вот место, о котором нам говорил Кевин! — прокричал Марк сквозь вой бушевавшего ветра.

— Но где они?! — тоже закричала Энн. — Ты говорил, что они должны быть здесь...

— Я сказал, что мы их найдем. Так оно и будет! — ответил Марк. Он подошел ближе к реке и осветил фонарем противоположный берег. Мгновение спустя он нашел то,

что искал: груду камней, в которой, по словам Кевина, копался его отец. Марк направился к реке, продолжая освещать фонарем каменную груду, и прежде чем он вошел в воду, Энн поняла, что он намеревается сделать.

— Ты что, с ума сошел?! — крикнула она. — Ты ии за что не переберешься на ту сторону! Ты утонешь!

Марк, однако, не обратил внимания на ее слова. Он входил в воду все глубже и глубже, замедляя шаги лишь в тех местах, где его ноги не чувствовали под собой надежной опоры. Энн осталась на берегу, содрогаясь от холода. Мокрая одежда прилипла к ее телу, зубы выбивали дробь. Тем не менее она напряженно следила за метавшимся на другом берегу светом фонаря. Через несколько минут, которые показались ей вечностью, Марк Блэйкмур вернулся.

— Пойдем, — сказал он глухим голосом. — Боюсь, что у нас совсем не осталось времени.

— Ты нашел его, правда? — спросила Энн, когда они снова двинулись по тропинке вверх. Они то шли, то карабкались, поддерживая друг друга и хватаясь за все, что подворачивалось под руку, лишь бы не скатиться вниз по скользкому желобу тропинки. — Ты нашел Дэнни Херрара?

Блэйкмур кивнул, поскольку не видел причин скрывать результаты поисков. А ведь он был уверен, что поиски ничего не дадут. Даже найденный Гленном ножик ничего не доказывал. Дэнни Херрар мог его просто потерять, когда поехал ловить рыбу. То, что обнаружил Марк среди груды камней, наконец заставило его признать: теория Энн, какой бы невероятной она ии казалась, по крайней мере, хоть как-то объясняла случившееся. Он, Марк, такого объяснения найти не мог. Но если с Хэдер и в самом деле находится Ричард Крейвен, то...

Даже ветерану Отдела по расследованию убийств не хотелось думать о том, что могло приключиться с девочкой.

Тяжело дыша после подъема, они наконец добрались до машины.

— Поведешь ты, — бросил Марк Энн и уселился на сиденье пассажира. — Я хочу сконцентрироваться на радио. Не могу поверить, что до сих пор в этом районе нет ии одного полицейского!

Пока Энн заводила мотор, выжимала сцепление и выруливалась на шоссе, Марк Блэйкмур непрестанно вызывал по радио диспетчера полиции. В небе снова полыхнула молния, разорвав на мгновение темноту ночи. Последовавший за ней раскат грома заглушил треск, который доносился из динамика.

Энн внимательно вглядывалась в дорогу. Дворники не справлялись с потоками воды, заливавшими ветровое стекло. Неожиданно Марк схватил Энн за руку.

— Останови машину!

Удивленная резкой командой, Энн перенесла ногу с педали акселератора на тормоз и с такой силой на него нажала, что колеса потеряли сцепление с асфальтом и машину занесло. Энн тут же убрала ногу с тормоза, колеса снова коснулись земли и автомобиль наконец остановился. Марк опустил боковое стекло и высунул голову наружу.

— Подай назад! — крикнул он, и его слова почти мгновенно унесло ветром.

С бешено бьющимся сердцем Энн осторожно двинула машину назад, вниз по склону. Неожиданно фары высветили небольшой дорожный указатель, на котором был изображен стол для пикника.

Неужели свершилось невозможное? Неужели Марк заметил фургон?

Прежде чем Энн успела его об этом спросить, он снова схватил радио и сделал новую отчаянную попытку выйти на связь сквозь треск и помехи, вызванные бурей.

Глава 71

Хэдер показалось, будто ее захлестнуло волной.

Она сдавала дышать, в голове был сплошной туман, но она что-то услышала.

Рокот... будто рядом прошел поезд.

Потом вспыхнул свет, послышался какой-то грохот. Туман понемногу начал рассеиваться.

Передвижной дом.

Она находилась в фургоне со своим отцом, — нет, не с отцом! — а за окном бушевала буря.

Испуг. Она была напугана до крайности. Так напугана, что даже не смогла пошевелиться, когда этот человек прижал ей к лицу кусок влажной ткани.

Единственное, что она смогла сделать — это глубоко вздохнуть, задержать дыхание, а затем обмякнуть в кресле, словно потеряв сознание. Но это, увы, не сработало. Человек продолжал прижимать ткань к ее лицу, и ей поневоле пришлось вдохнуть ядовитые испарения. Тогда она и в самом деле стала, что называется, «отлетать». Тем не менее ей хватило выдержки молчать, не оказывать сопротивления и вообще никак не обнаруживать того, что сознания она все-таки до конца не потеряла.

Туман в ее голове еще немного поредел, и она смогла приоткрыть глаза — совсем чуть-чуть.

Внутренность фургона изменилась. Большая часть предметов приобрела расплывчатые очертания. Казалось, все было покрыто толстой полупрозрачной пленкой.

Потом Хэдер заметила движение. Какого рода было это движение, она не поняла — тот, кто двигался, находился вне поля ее зрения. Она повела глазами и увидела занесенную над ее грудью руку.

В руке был нож.

Острый как бритва нож, который приближался к ее телу все ближе и ближе.

Она попыталась сосредоточить внимание на человеке, державшем этот нож, и увидела лицо. Лицо собственного отца!

Из ее горла вырвался крик:

— Нет, отец! О Господи, нет! Не надо!

Вопль ужаса, который издала Хэдер, ударили Крэйвена по барабанным перепонкам. Он замер, и его нож, которым он собирался сделать безупречный разрез, застыл на расстоянии дюйма от бледной кожи на груди девочки.

В сознании Крэйвена произошел сдвиг.

Стоило девочке закричать, как существо у него внутри — то самое, с которым он, казалось, покончил, — неожиданно пробудилось.

Гленн словно очнулся от глубокого сна. Сначала была чернота, а в следующее мгновение он ужс находился в полном сознании. Потом Хэдер закричала снова, и в сго

памяти мгновенно пробудились все виденные им во сне кошмары. Из разрозненных фрагментов сложилась цельная картина, наполненная страданиями, смертью и кровью.

Неожиданно Гленн увидел нож, зажатый в его собственной руке и направленный в обнаженную грудь его дочери. Хотя Гленн в ту же секунду ощущал неизбывимый страх за дочь, он одновременно почувствовал столь же неизбывимое искушение пустить нож в дело.

Рассечь кожу и плоть Хэдер.

Увидеть ее грудную клетку.

— Действуй! — завопил Ричард Крейвен, захвативший его сознание и тело. — Действуй, а то поздно будет!

По мере того, как Крейвен приходил в себя от шока, вызванного воплем девочки, силы зла снова стали сгущаться в душе Гленна. Собрав все оставшиеся силы, он на мгновение снова обрел контроль над своим телом и бросился в противоположный угол фургона.

— Беги! — закричал он что было сил. — Ради Бога, Хэдер, уноси от меня ноги!

Инстинктивно повинуясь приказанию отца, Хэдер сорвалась с места, как молния пронеслась по узкому проходу среди предметов обстановки фургона, на секунду замешкалась, дергая дверную ручку, и наконец, распахнув дверь, оказалась на свободе в темноте ночи. За ее спиной послышался крик ярости, а перед ней в темноте неожиданно вспыхнули фары, которые на секунду прикололи ее к пространству, как булавка энтомолога прикалывает насекомое к дощечке. Девочка почувствовала, что в ее душе нарастает паника, но в этот момент сквозь вой ветра и шум бури до нее донесся голос, взывавший к ней:

— Хэдер! Боже мой, Хэдер!

Зарыдав от счастья, девочка бросилась на звук голоса и секундой позже оказалась в объятиях матери.

Воя от ярости, Ричард Крейвен кинулся за убегающей девочкой, но у самой двери фургона остановился — его ослепил яркий свет направленных ему прямо в лицо фар.

Инстинктивно отвернув голову от яркого света, он попятился и скрылся в фургоне, но сразу же осознал, что совершил ошибку.

Фургон являлся самой настоящей ловушкой, поскольку из него не было другого выхода, за исключением двери, которую он только что захлопнул.

Снова кинувшись к двери, Крэйвен распахнул ее и выбежал в ночь, ускользнув от света фар и заодно от пули — грохот выстрела эхом отозвался в его ушах. Он услышал, как пуля глухо ударила в корпус фургона.

— Стоять! — раздался крик, но Крэйвен не обратил внимания на команду и побежал прочь от фургона в спасительную темноту.

Неожиданно его накрыл еще один сноп света. Он попытался от него ускользнуть, но свет словно прилип к нему, куда бы он ни сворачивал. Следуя инстинкту, Крэйвен рванулся вперед, убегая от света и понимая, что его кто-то преследует.

Он метнулся вправо, потом сразу же повернул и побежал в противоположном направлении. Это помогло — в течение секунды он находился вне светового пятна. Но теперь ему пришлось бежать вслепую, его глаза не успели привыкнуть к темноте, и вскоре он налетел на какое-то препятствие.

Он принял ощупывать возникшую перед ним преграду, и в тот момент, когда свет фонаря снова настиг его, он понял, на что наткнулся. Металлическая ограда! За неей лежала узкая скалистая кромка берега, круто обрывавшаяся в бурлившую внизу реку.

Если ему удастся перелезть через ограду и отгородиться ею от преследователей, то у него появится шанс спастись. Не обращая внимания на боль от вонзившихся в пальцы острых концов толстой проволоки, Ричард Крэйвен начал взбираться по металлической сетке.

Он был уже на самом верху и даже перекинул одну ногу на другую сторону ограды, когда Марк Блэйкмур догнал беглеца и высоко подпрыгнул, чтобы схватить его за другую ногу. Детектив ухватил Ричарда Крэйвена обеими руками за ступню и дернул. Крэйвен заорал от боли, поскольку колючая проволока, проходившая по верху огра-

ды, вонзилась ему в промежность. Он дернулся и вскинул руки к небу, чтобы сохранить равновесие. Неожиданно полыхнул еще один зигзаг молнии. Он вырвался из-за туч и устремился к земле.

Молния ударила прямо в Крэйвена, в его поднятые вверх руки, и пронзила его тело в своем стремлении к металлу.

Марк Блэйкмур изогнулся всем телом, когда его поразило небесным электричеством, но потом, когда молния через металлическую ограду ушла в землю, его руки разжались, он рухнул на землю и замер.

За молнией последовал удар грома, а когда он стих, посыпался еще один звук, который проник даже сквозь шум разгулявшейся стихии. Вой полицейских сирен нарастал, и вместе с ним на дороге замелькали чередующиеся сполохи красных и синих огней, с каждой секундой приближавшиеся к площадке для пикника. Одновременно дождь стал стихать и ветер замедлил свой бег.

Подкатили и остановились две полицейские машины, светив мигалками жуткую сцену у ограды. Потом захлопали двери и люди бросились к распростертому на земле телу. Энн неподвижно стояла рядом с Хэдер, прижимая девочку к себе.

Она не слышала обращенных к ней вопросов и смотрела прямо перед собой. Люди окружили неподвижное тело Марка Блэйкмура, но Энн этого тоже не замечала.

Она смотрела на верхнюю кромку ограды, где по-прежнему виднелся силуэт человека, который был ее мужем. Но вот его тело под воздействием собственной тяжести медленно перевалилось через ограду, рухнуло на противоположную сторону и исчезло за краем обрыва. Энн не услышала ни звука падения, ни всплеска воды.

Дождь наконец прекратился совсем, а вслед за ним стих и ветер. Настала полнейшая тишина. Продолжая прижимать к себе Хэдер, Энн медленно прошла мимо людей, со всех сторон окруживших лежавшего на земле Марка Блэйкмура. Она посмотрела на него сверху вниз, и поначалу ей показалось, будто он мертв. Однако у него затрепетали веки и он приоткрыл глаза.

Их взгляды встретились. Энн не отрываясь всматривалась в его лицо, и на какую-то долю секунды ей показа-

лось, что в его взгляде мелькнула хорошо знакомая ей искорка, так часто появлявшаяся в глазах Гленна до того рокового момента, когда с ним случился приступ. Потом искорка исчезла, но Энн продолжала смотреть в глаза человека, только что спасшего жизнь ее дочери.

— Он будет жить, — сказал кто-то из стоявших вокруг, когда Марк умудрился изобразить на губах подобие улыбки. Потом детектив снова закрыл глаза.

— Все кончилось, — прошептала Энн на ухо дочери. — Все кончилось, дорогая. У нас все хорошо. У всех нас все хорошо.

Литературно-художественное
издание

Джон Соул

Черная молния

Ответственный за выпуск *И. Филимонов*

Редактор *А. Добринин*

Технический редактор *Н. Романова*

Корректоры *Г. Крикунова, Л. Соколова*

Компьютерная верстка *Е. Горчаковой*

Телефоны отдела реализации:

(095) 285-93-92

(095) 979-91-45

(095) 451-98-76

Факс: (095) 979-91-35

ЛР № 064616 от 03.06.1996 г.

Подписано в печать 26.09.1997. Формат 84x108¹/32.

Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Тираж 20 000 экз. Изд. № 64

Заказ № 2755

Издательский Дом «Букмэн»
125015, Москва, Б. Новодмитровская, 14

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ГИПП «Вятка»
610044, г. Киров, ул. Московская, 122

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ **БУКИЭН**

Офис: 125015, г. Москва, ул. Б. Новодмитровская, 14

Тел./факс: (095) 285-93-92
Факс: (095) 979-91-35

Склад: ул. Дыбенко, 7

Тел.: (095) 451-98-76

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

г. Москва — ЗАО "Авангард"

ул. М. Ордынка, 5/6, стр. 2 - 3

Тел.: (095) 959-13-52

г. Москва — ООО "Грамота"

ул. М. Грузинская, 25/1

Тел.: (095) 285-76-40

г. Санкт-Петербург — АОЗТ "Лео"

ул. Гороховая, 50

Тел.: (812) 310-79-67

г. Санкт-Петербург — АОЗТ "Технолог-3"

пр-т Обуховской Обороны, 105

Тел.: (812) 567-45-49

г. Ростов-на-Дону — "Стель"

ул. Социалистическая, 207

Тел.: (8632) 65-76-59

г. Ростов-на-Дону — ТОО "Эмис"

пр-т Буденовский, 104

Тел.: (8632) 32-87-71

г. Балаково — ИЧП "Музा"

Саратовская обл., ул. Комсомольская, 36

Тел.: (84570) 4-13-24

г. Екатеринбург — ТОО "Люмна"

ул. Гагарина, 1

Тел.: (3432) 74-26-57

г. Новосибирск — ООО "Топ-книга"

пр. Университетский, 4

Тел.: (3832) 39-63-60

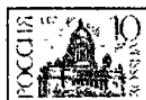
КНИГА – ПОЧТОЙ

Вы можете заказать любую книгу издательства.

Для этого заполните по образцу почтовую карточку и отправьте по адресу:

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда _____

г. Москва, а/я 43

Кому _____

**Российский читательский клуб –
"БУКМЭН"**

Индекс предприятия связи

и адрес отправителя

433510

Ульяновская обл.,

г. Димитровград,

ул. Королева, д. 8, кв. 55

Иванов Иван Петрович

=103050

Пишите индекс предприятия связи между напечатанного

Образец заполнения оборота почтовой карточки:

1. С. Зайцев "Варяжский круг" — 1 экз.
2. Н.Н. Толоконников "Колосок-2" — 3 экз.
3. "Все о постах" — 1 экз.
4. "Кулинарные секреты микроволновой печи" — 8 экз.
5. Уоррен Мерфи и Ричард Сэпир
Дестроер. "Божество смерти" — 2 экз.
6. "Экзаменационные билеты по химии" — 12 экз.
7. К. Воробьев "Похороны Расписного" — 4 экз.
8. А. Ушаков "Крестные братья" — 4 экз.

Издательство «Букмэн» выпустило в серии
«ЧЕРНАЯ МОЛНИЯ»

Кровь стынет в жилах, сердце выскакивает от ужаса из груди... Бессмысленная жестокость-маньяков, коварство извергов-ученых,

мистическое переселение душ, отвага и благородство героев, вступающих в схватку с силами тьмы и кошмара — все это читатель найдет в книгах этой серии.

Джон Соул
“Лунатики”

Тихий провинциальный городок Боррего на юге США неожиданно становится ареной действий безумца, обретшего ужающую власть над разумом людей и превратившего Боррего в настоящий город зомби.

Джон Соул
“Проклятие памяти”

Подросток из местечка Ла-Палома, когда-то приютившего гордых испанских переселенцев, становится орудием старинного неумирающего мщения.

Взгляд его мертв, душа его холодна, разумом его владеет одно желание — мстить!

Издательство «Букмэн» выпустило в серии —
«ДЕЛАЙТЕ ЭТО ПРАВИЛЬНО»

Свадьба

В этой книге в доступной форме рассказывается о православном обряде Венчания — таинстве Брака, о том, как следует готовиться к совершению этого таинства, как оно происходит, какие обряды в старину были связаны с Венчанием и свадьбой. Эта книга поможет вам сделать это событие одним из самых светлых праздников вашей жизни.

Все о постах

Соблюдение христианских постов не просто дань религиозности. Это замечательное средство исцеления многих недугов. А в сочетании с молитвой — шаг к правильной и счастливой жизни, к спасению души. Из этой книги вы узнаете о смысле и значении постов, их календарь до 2014 года, главные православные молитвы и множество рецептов постных блюд.

Профессии и здоровье

Вы считаете себя совершенно здоровым человеком. Но даже если вы ни на что не жалуетесь, ежедневно во время работы ваш организм подвергается вредным воздействиям. И если не обращать на это внимания, то возникает серьезная угроза развития профессиональных заболеваний. Книга поможет вам предотвратить болезнь, а если она уже началась, то вовремя распознать ее и излечить без лекарств — с помощью целебных трав, специальной гимнастики, массажа и диеты.

«ДЕЛАЙТЕ ЭТО ПРАВИЛЬНО»

Кулинарные секреты микроволновой печи

Вы стали обладателем новой микроволновой печи, которая откроет вам занимательный мир "микроволновой кулинарии". Эта поваренная книга написана специально для вас — она поможет вам изучить все достоинства вашего приобретения, познакомиться с прекрасными изысканными блюдами и намного облегчит и сократит процесс приготовления пищи. Кроме того, в последнем разделе книги вы сможете познакомиться с техникой и принципами пользования печью.

Домашняя выпечка

Эта книга поможет вам научиться готовить самые разнообразные, красивые, вкусные и достаточно дешевые кондитерские изделия. Благодаря "Домашней выпечке" вы убедитесь в том, что приготовление кремов, помадок, желе, выпекание торты, коврижек, кексов, пирожных и печенья совершенно несложно.

Детский народный лечебник (Книга I, Книга II)

Книга адресована родителям и всем, кто собирается ими стать. Она поможет выбрать пол будущего ребенка, определить его судьбу, а также дает советы женщине, как выносить крепкого и здорового малыша. Ну а если малыш уже родился, книга станет надежным помощником в его воспитании, профилактике и лечении различных заболеваний — с первых дней жизни ребенка и до юношеского возраста.

Издательство «Букмэн» выпустило в серии
«БЕСТSELLER
РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО РЫНКА»

Серия для тех,

кто прежде всего ценит в книге действие.

Невероятные приключения, погони, стычки преступных группировок, любовь, интриги спецслужб — все это переплетается в увлекательных сюжетах романов серии, главный герой которых — наш современник.

Александр Ольбик
“Тротиловый террор”

Торговля оружием — бизнес, не знающий пощады. Интересы нескольких государств и преступных кланов сталкиваются там, где объединяются деньги и власть. Московские коридоры власти и рижские армейские склады, тульское оружейное производство и война в Чечне — все сплелось в клубке заговоров и насилия. Лишь мужество патриотов и мастерство профессионалов может предотвратить кровавую развязку...

Александр Ольбик
“Промах киллера”

Профессиональный киллер, ранее элитный спецназовец, получает заказ на очередное убийство. Однако любовь преграждает путь смерти. Отвергнутый обществом, гонимый преступным миром, он вступает в отчаянную схватку за жизнь той женщины, которая должна была погибнуть от его руки. В книгу вошли также повесть “Однократка” и рассказ “Происшествие на загородном шоссе”.

«БЕСТSELLER РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО РЫНКА»

Андрей Воронин

“Наперегонки со смертью”

Главный герой романа Андрея Воронина “Наперегонки со смертью” — профессиональный военный, бывший десантник по прозвищу Банда. Оставшись без работы после увольнения из армии, он становится боевиком криминальных структур, но находит в себе

силы порвать с преступным миром. Однако этот разрыв не приносит ему покоя: он и его любимая женщина оказываются в эпицентре схватки различных спецслужб.

Андрей Воронин

“Наперегонки со смертью-2”

После освобождения из рук международных террористов своей невесты Банда выходит на след группировки, занимающейся похищением детей из родильных домов в крупных городах России и Украины. Он попадает в смертельно опасные

переделки, но с честью выходит из них. Отличительная черта стиля А.Воронина — динамичный сюжет, насыщенный действием, и непредсказуемый финал.

Андрей Воронин

“Наперегонки со смертью-3”

Друг капитана Бондаровича, журналист, подвергается преследованию со стороны криминальных структур, на след которых он вышел, готовя свои репортажи. После серии нападений на журналиста у него похищают дочь, и тогда он обращается к Банде. Тот, помогая товарищу, начинает собственное расследование. С каждым днем в этот круг вовлекаются все более высокопоставленные лица и борьба принимает невероятно острый характер.

Андрей Воронин

“Наперегонки со смертью-4”

Мошная криминальная структура выделяет крупную сумму денег на организацию террористических актов. Однако деньги таинственным образом исчезают. Их начинают искать не только бандиты — Александр Бондарович также получает задание найти деньги, чтобы исключить их использование в террористических целях. И хотя Банда и удается сорвать планы бандитов, однако развязка романа оказывается неожиданной даже для самого проницательного читателя.

Издательство «Букмэн» выпустило в серии
«БЕСТSELLER РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО РЫНКА»

Александр Горохов
“Раскрутка”
“Раскрутка-2”

Александр Горохов в своём новом романе рассказывает об опасных приключениях Сашки Лобанова, на долю которого выпадает любовь и предательство, погони и мафиозные разборки, трагедия личной жизни.

Захватывающий, напряженный криминальный сюжет изобилует неожиданными поворотами судеб героев романа.

Александр Ушаков
“Крестные братья”

Роман «Крестные братья» — первое крупное произведение Александра Ушакова. Написанный в увлекательной манере, он рассказывает о трагической судьбе двух братьев — бывшего журналиста Владимира Бестужева и вора в законе Анатолия Кесарева по прозвищу Бес.

Александр Ушаков
“Криминальный экспресс”

В романе Александра Ушакова следователи МУРа в сотрудничестве с зарубежными спецслужбами борются с кровавой «русской мафиеей», занимающейся контрабандой наркотиков по всему миру.

«БЕСТSELLER РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО РЫНКА»

Кирилл Воробьев “Пономарь” “Пономарь-2”

Экстрасенс Игорь Дарофеев по прозвищу Пономарь оказывается втянут в бескомпромиссную борьбу органов правопорядка с криминальными структурами. Прежде чем выйти победителем из схватки с силами зла, Пономарь проходит через страшные испытания. Во второй книге Игорь Дарофеев по воле случая вступает в смертельное противостояние со злым гением-парapsихологом, повинным в зверских массовых убийствах.

Кирилл Воробьев “Похороны Расписного”

Капитан госбезопасности Тихон Коростылев за безупречную службу... уволен. Он знакомится с сотрудником ФСБ и узнает об опаснейшем преступнике по прозвищу Расписной. Бандит возглавляет террористическую группу, которая готовит серию взрывов в московском метро. Тихон начинает охоту за Расписным...

Виктор Галданов “Возвращение Жигана”

Герой романа Жиган — Робин Гуд преступного мира. Судьба сталкивает его то с убийцами собственного брата, то с воротилами фармацевтического бизнеса. Опыт и хладнокровие помогают Жигану выйти победителем из опасных ситуаций, где переплетаются интересы преступных авторитетов, спецслужб и российских политиков.

Издательство «Букмэн» выпустило в серии
«БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»

Инна Кошелева
“Пламя судьбы”

Удивительная и трагическая история любви и жизни крепостной девушки, ставшей графиней, красавицы, великой актрисы П.И. Жемчуговой-Шереметевой не может оставить читателя равнодушным. Самые невероятные повороты судьбы, самые роковые проявления страсти, интриги, большой свет и патриархальная русская деревня — вот основная канва историко-любовного романа И. Кошелевой “Пламя судьбы”. Все исторические моменты абсолютно достоверны, но и художественные достоинства произведения совершенно очевидны. Великолепное владение стилем, свежий и сочный язык, тонкая лирика делают книгу настолько захватывающим чтением, что ее хочется перечитывать еще и еще раз.

Сергей Зайцев
“Варяжский круг”

Роман уводит читателя в глубокое средневековье — в XII век, в годы правления киевского князя Владимира Мономаха. Автор в увлекательной форме повествует о приключениях и испытаниях, выпавших на долю его юного героя, который, попав против собственной воли в ладью варяжских воинов-купцов, находит себе среди них друзей и совершает с ними далекое путешествие — из западной части Смоленской земли в столичный Киев, в половецкое Диное поле и в прекрасный Константинополь. “Из варяг в греки”. Это настоящая одиссея, полная опасностей, неожиданностей, потерь, баталий и подвигов, нежной любви с элементами мелодрамы. Это битвы с волками в ночной степи, это невольничьи цепи, это вымогатели на средневековых константинопольских рынках.

«БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»

Андрей Серба

“Веди, княже!”

Книга Андрея Сербы знакомит читателя со славными героическими, а зачастую загадочными страницами прошлого России. Известный писатель, работающий в историко-приключенческом жанре, дает оригинальную трактовку событий русской истории.

“Заговор против Ольги”

В книге собраны острожюгетные произведения Андрея Сербы, посвященные различным периодам русской истории. Для его повестей характерны стремительно развивающийся сюжет, острота интриги. Героические подвиги во имя Родины, коварство изменников, стойкость русского характера — все это, без сомнения, привлечет внимание читателя.

“Мертвые сраму не имут...”

Динамичные и живые приключенческие повести Андрея Сербы знакомят читателя с бурными событиями истории вечно воевавшей Руси. Воинственные князья, мудрые красавицы, интриги, динамичный сюжет — все это можно найти на страницах повестей, включенных в данный сборник.

Издательство «Букмэн» выпустило в серии
«ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ В ВУЗЫ»

**“100 сочинений
для школьников и абитуриентов”**
**“107 сочинений
для школьников и абитуриентов”**

В пособиях даны новые сочинения, рас-
считанные на учащихся 5—11-х классов,
выпускников школ, абитуриентов и учите-
лей русского языка и литературы.

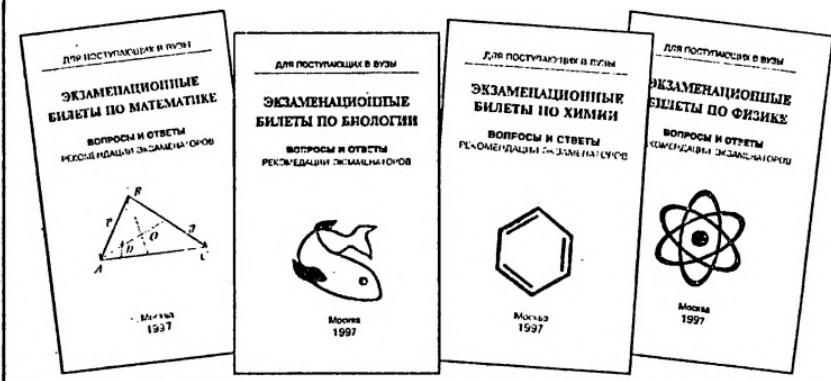
“Экзаменационные билеты по математике”

“Экзаменационные билеты по физике”

“Экзаменационные билеты по биологии”

“Экзаменационные билеты по химии”

Экзаменационные билеты, приведенные в этих изданиях, составле-
ны преподавателями, давно работающими в экзаменационных ко-
миссиях наиболее престижных московских вузов. Билеты приво-
дятся именно в том виде, в котором они предлагаются абитуриен-
там на экзаменах. По мнению составителей, как раз такие
формулировки ответов позволяют наиболее полно продемонстри-
ровать свои познания. Обращаем внимание читателя на то, что
знания, которым в школьной программе не уделяется достаточно
внимания, крайне необходимы современному абитуриенту. Толь-
ко в наших пособиях вы найдете требуемый материал.

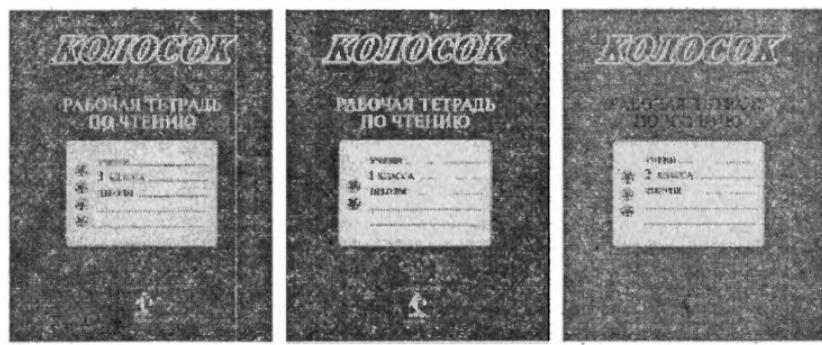
Издательство «Букмэн» выпустило серию
«КОЛОСОК»

Составитель Н.Н.Толоконников является автором множества учебных пособий для младших школьников, в том числе таких популярных, как "Азбучка для обучения чтению и письму", "Живой букварь", "Занимательные прописи", "Я сам читаю по слогам", "Книга загадок".

Книги серии предназна-
чены для внеклассного
чтения в начальной школе. Они позна-
комят учеников с основами мировой художественной литерату-
ры, привыают навыки систематического ежедневного чтения.

Рабочие тетради помогут маленьким читателям лучше усвоить и закрепить изучаемый материал, развить творческую фантазию.

Издательство «Букмэн» продолжает серию
«ДЕСТРОЕР»

Уоррен Мерфи и Ричард Сэпир

“Сатанинский взгляд”

Злой гений — феноменальный гипнотизер поставил планету на грань термоядерной катастрофы. Последняя надежда мира — Римо Уильямс и Чиун — Мастер Синанджу — не только бессильны совладать с монстром внушения, но и помимо собственной воли готовы сразиться друг с другом...
(Покет-бук)

“Божество смерти”

Древнее божество смерти, возродившись в современном мире, несет народам хаос, кровь и гибель. Спасти человечество от надвигающегося кошмара может только непобедимый дуэт — Римо Уильямс и Чиун, вступающие в решающую схватку с богом войны...
(Покет-бук)

“Узы крови”

Римо Уильямс и Чиун, призванные охранять мошенника, сталкиваются с наемным убийцей — единственным человеком на Земле, которого не в силах уничтожить Дестроер. Это... отец Римо Уильямса!
(Покет-бук)

«ДЕСТРОЕР»

Знаменитая серия бестселлеров

Уоррен Мерфи и Ричард Сэпир

“У последней черты”

Президент США предает Мастера Синанджу, и Чиун становится орудием российских политиков. Разумом Римо Уильямса овладевает зловещее божество, а руководитель сверхсекретной организации KIOPE кончает жизнь самоубийством.

(Покет-бук)

“Стальной кошмар”

Зловещий призрак прошлого, получеловек-полумашина, возрождает в Америке безумие нацистского психоза. Дестроер и Мастер Синанджу сталкиваются со сверхъестественной мощью титанового монстра, террором одурманенных им расистов и сексуальными чарами его соучастницы — современной “белокурой бестии”...

(Покет-бук)

“Дамоклов меч”

Страшная угроза нависла над миром. В руках одержимого манией убийства робота-androида оказалось смертоносное космическое оружие — «Дамоклов меч», несущий неотвратимую гибель человечеству.

Лишь Дестроер и Мастер Синанджу в силах остановить неуязвимое кибернетическое чудовище...

(Покет-бук)

Издательство «БУКМЭН» ВЫПУСТИЛО В СЕРИИ —
«СОВРЕМЕННЫЙ ЖЕНСКИЙ РОМАН»

Галина Шербакова
“Вам и не снилось...”

Роман Галины Шербаковой “Вам и не снилось...” в начале 80-х стал бестселлером. Снятый по нему фильм, написанная пьеса в течение нескольких лет не сходили с экранов и сцен всей страны. И вот —

“Вам и не снилось...”
Пятнадцать лет спустя”,
но... этот роман создан не Галиной, а Екатериной

Клим-Шербаковой. Дочь написала продолжение книги матери. Пожалуй, такого случая в нашей литературе еще не было.

Книга Марины Соловьевой — нашей современницы — о том, что всегда волновало и будет волновать нас; о любви, подчас восхитительно счастливой, а иногда несчастной; о судьбе, возносящей на вершины успеха и сложившейся неудачно, — то есть о ярком калейдоскопе нашей противоречивой жизни.

Галина Шербакова
“Женщины с игре без правил”

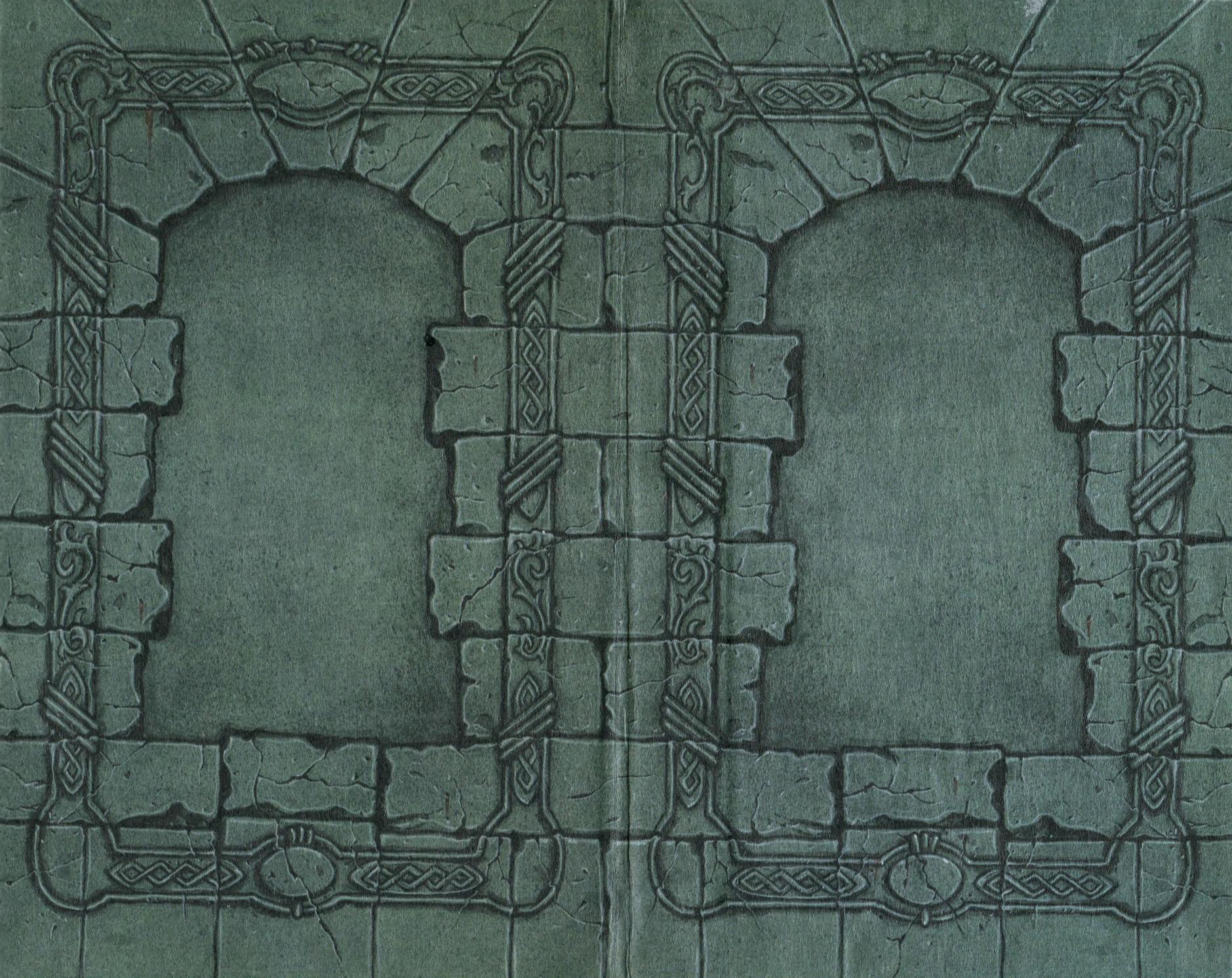
Галина Шербакова — известная писательница, автор прекрасных рассказов, повестей, романов и киносценариев — наша современница. И пишет она о том, что всегда волновало и будет волновать нас, — о любви. В книге представлены два новых романа Галины Шербаковой, которым, как и всем ее произведениям, присущи замечательные качества: образный живой язык, мягкий юмор и увлекательный сюжет.

Марина Соловьев
“Красивые женщины”

“Красивые женщины” — книга не о красавицах, а о красивых людях, которые живут сложно, но захватывающе интересно, и жизнь их порой бывает похожа на сказку.

Все произведения М.Соловьевой приковывают внимание читателя увлекательным, динамичным сюжетом и добрым юмором.

Черная
Молния

Черная
Молния

Джон Соул

Черная Молния

Кровь стынет в жилах, сердце
выскакивает от ужаса
из груди... Пять лет подряд
маньяк-убийца терроризирует
Сиэтл, методически уничтожая одну
жертву за другой. Наконец
убийцу отправляют
на электрический стул.
Но вскоре город вновь
потрясает бессмысленное жестокое
убийство...